

ДВАДЦАТЬ
ЛЕТ СПУСТЯ

ИГОЛЬНИК
ИГОЛЬНИК

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

ТОМ 2

ТКО «АСТ»

А
Л
Е
К
С
А
Н
Д
Р
О
В
И
Ч
И
Н
А

И (Фр)
Д 96

Составитель серии *Акиг Е. Р.*

Худ. оформление обложки
Огрызко Л., Гусева В.

Иллюстрации *Гальдяева В. Л.*

При художественном оформлении книги
были использованы материалы
из коллекции *Козлова В. Т.*

Книга издана ТКО «АСТ»
совместно с издательством «Детская литература»
и фирмой «Орион» ЛТД

**ЧАСТЬ
ВТОРАЯ**

Глава I

НИЩИЙ ИЗ ЦЕРКВИ СВ. ЕВСТАФИЯ

Д'Артаньян нарочно не отправился с Коменжем прямо в Палле-Рояль, чтобы дать ему время сообщить кардиналу о выдающихся услугах, которые он, д'Артаньян, вместе со своим другом, оказал в это утро партии королевы.

Поэтому оба они были великолепно приняты кардиналом, который наговорил им кучу любезностей и намекнул, между прочим, на то, что оба они находятся уже на полпути к тому, чего добиваются, то есть д'Артаньян — к чину капитана, а Портос — к титулу барона.

Д'Артаньян предпочел бы всему этому деньги, так как он знал, что Мазарини щедр на обещания, но туг на их исполнение, и потому считал, что посулами кардинала не прокормишься; однако, чтобы не разочаровать Портоса, он сделал вид, что очень доволен.

В то время как два друга были у кардинала, королева вызвала его к себе. Кардинал решил, что это отличный случай усилить рвение обоих своих защитников, доставив им возможность услышать изъявление благодарности от самой королевы. Он знаком предложил им последовать за собой. Д'Артаньян и Портос указали ему на свои запыленные и изодранные платья, но кардинал отрицательно покачал головой.

— Ваши платья, — сказал он, — стоят больше, чем платья большинства придворных, которых вы встретите у королевы, потому что это ваш боевой наряд.

Д'Артаньян и Портос повиновались.

В многочисленной толпе придворных, окружавших в этот день Анну Австрийскую, царило шумное оживление, ибо как-никак одержаны были две победы: одна над испанцами, другая над народом. Бруселя удался спокойно вывезти из Парижа, и в эту минуту он находился, вероятно, уже в Сен-Жерменской тюрьме, а Бланмениль, которого арестовали одновременно с Бруселем, но без всякого шума и хлопот, был заключен в Венсенский замок.

Коменж стоял перед королевой, расспрашивавшей его о подробностях экспедиции. Все присутствующие внимательно слушали, как вдруг отворилась дверь, и следом за кардиналом в залу вошли д'Артаньян и Портос.

— Ваше величество, — сказал Коменж, подбегая к д'Артаньяну, — вот кто может все рассказать вам лучше, чем я, так как это мой

спаситель. Если бы не он, я бы сейчас болтался в рыбацких сетях где-нибудь около Сен-Клу, так как меня хотели не более и не менее как бросить в реку. Рассказывайте, д'Артаньян, рассказывайте!

С тех пор как д'Артаньян стал лейтенантом мушкетеров, ему не менее сотни раз приходилось бывать в одной комнате с королевой, но ни разу еще она с ним не заговорила.

— Отчего же, сударь, оказав мне такую услугу, вы молчите? — сказала королева.

— Ваше величество, — отвечал д'Артаньян, — я могу сказать только, что моя жизнь принадлежит вам и что я буду истинно счастлив в тот день, когда отдам ее за вас.

— Я знаю это, сударь, знаю давно, — сказала Анна Австрийская. — Поэтому я рада, что могу публично выразить вам мое уважение и благодарность.

— Позвольте мне, ваше величество, — сказал д'Артаньян, — часть их уступить моему другу, как и я, — он сделал ударение на этих словах, — старому мушкетеру полка Тревиля; он совершил чудеса храбрости.

— Как зовут вашего друга? — спросила королева.

— Как мушкетер, — сказал д'Артаньян, — он носил имя Портоса (королева вздрогнула), а настоящее его имя — кавалер дю Валлон.

— Де Брасье де Пьерфон, — добавил Портос.

— Этих имен слишком много, чтобы я могла запомнить их все; я буду помнить только первое, — милостиво сказала королева.

Портос поклонился, а д'Артаньян отступил на два шага назад. В эту минуту доложили о прибытии коадьютора.

Раздались возгласы удивления. Хотя в это самое утро коадьютор произносил в соборе проповедь, ни для кого не было тайной, что он сильно склоняется на сторону фрондеров. Поэтому Мазарини, попросив парижского архиепископа, чтобы его племянник выступил с проповедью, очевидно, имел намерение сыграть с г-ном де Рецем шутку на итальянский манер, что всегда доставляло ему удовольствие.

Действительно, едва выйдя из собора, коадьютор узнал о случившемся. Он, правда, поддерживал сношения с главарями Фронды, но не настолько, чтобы ему нельзя было отступить в случае, если бы двор предложил ему то, чего он добивался и к чему его звание коадьютора было только переходной ступенью. Г-н де Рец хотел стать архиепископом вместо своего дяди и кардиналом, как Мазарини. От народной партии он вряд ли мог ожидать таких подлинно королевских милостей. Поэтому он отправился во дворец, чтобы поздравить королеву с победой при Лансе, решив действовать за или против двора, в зависимости от того, хорошо или плохо будут приняты его поздравления.

Итак, доложили о коадьюторе. Он вошел, и веселые придворные с жадным любопытством уставились на него, ожидая, что он скажет.

У коадьютора одного было не меньше ума, чем у всех собравшихся здесь с целью посмеяться над ним. Его речь была так искусно составлена, что, несмотря на все желание присутствующих подтрунить над ней, им решительно не к чему было придаться. Закончил он выражением готовности, по мере своих слабых сил, служить ее величеству.

Все время, пока коадьютор говорил, королева, казалось, с большим удовольствием слушала его приветствие, но когда оно закончилось выражением готовности служить ей, к чему вполне можно было придаться, Анна Австрийская обернулась, и шуточный взгляд, брошенный ею в сторону любимцев, явился для них знаком, что она выдает коадьютора им на посмеяние. Тотчас же посыпались придворные шутки. Ножан-Ботен, своего рода домашний шут, воскликнул, что королева очень счастлива найти в такую минуту помощь в религии.

Все расхохотались.

Граф де Вильруа сказал, что не понимает, чего еще можно опасаться, когда по одному знаку коадьютора на защиту двора против парламента и парижских горожан явится целая армия священников, церковных швейцаров и сторожей.

Маршал де Ла Мельере выразил сожаление, что в случае, если бы дошло до рукопашного боя, господина коадьютора нельзя было бы узнать по красной шляпе¹, как узнавали по белому перу на шляпе Генриха IV в битве при Иври.

Гонди с видом спокойным и строгим принял на себя всю бурю смеха, которую он мог сделать роковой для весельчаков. Затем королева спросила его, не имеет ли он еще что-нибудь прибавить к своей прекрасной речи.

— Да, ваше величество, — ответил коадьютор, — я хочу попросить вас хорошенько подумать, прежде чем развязывать гражданскую войну в королевстве.

Королева повернулась к нему спиной, и смех кругом возобновился.

Кoadьютор поклонился и вышел, бросив на кардинала, не сводившего с него глаз, один из тех взглядов, которые так хорошо понимают смертельные враги. Взгляд этот пронзил насквозь Мазарини; почувствовав, что это объявление войны, он схватил д'Артаньяна за руку и шепнул ему:

— В случае надобности вы, конечно, узнаете этого человека, который только что вышел, не правда ли?

— Да, монсеньер, — отвечал тот.

Затем в свою очередь д'Артаньян обернулся к Портосу.

— Черт возьми, — сказал он, — дело портится. Не люблю ссор между духовными лицами.

Гонди между тем шел по залам дворца, раздавая по пути благословения и чувствуя злую радость от того, что даже слуги его врагов преклоняют перед ним колени.

— О, — прошептал он, перешагнув порог дворца, — неблагодарный, вероломный и трусливый двор! Завтра ты у меня по-другому засмеешься.

Вернувшись домой, коадьютор узнал от слуг, что его ожидает какой-то молодой человек. Он спросил, как зовут этого человека, и вздрогнул от радости, услышав имя Лувьера.

---

¹ Намек на красную (кардинальскую) шляпу, которой домогался, но не имел коадьютор.

Поспешно пройдя к себе в кабинет, он действительно застал там сына Бруселя, который после схватки с гренадерами был весь в крови и до сих пор не мог прийти в себя от ярости. Единственная мера предосторожности, которую он принял, идя в архиепископский дом, заключалась в том, что он оставил свое ружье у одного из друзей.

Кoadьютор подошел к нему и протянул ему руку. Молодой человек взглянул на него так, словно хотел прочесть в его душе.

— Дорогой господин Лувьер,— сказал коадьютор,— поверьте, что я принимаю действительное участие в постигшей вас беде.

— Это правда? Вы говорите серьезно? — спросил Лувьер.

— От чистого сердца,— отвечал Гонди.

— В таком случае, монсеньер, пора перейти от слов к делу: монсеньер, если вы пожелаете, через три дня мой отец будет выпущен из тюрьмы, а через полгода вы будете кардиналом.

Кoadьютор вздрогнул.

— Будем говорить прямо,— продолжал Лувьер,— и откроем наши карты. Из одного лишь христианского милосердия не раздадут в течение полугода тридцать тысяч экю милостыни, как это сделали вы: это было бы уж чересчур бескорыстно. Вы честолюбивы, и это понятно: вы человек выдающийся и знаете себе цену. Что касается меня, то я ненавижу двор и в настоящую минуту желаю одного — отомстить. Поднимите духовенство и народ, которые в ваших руках, а я подниму парламент и буржуазию. С этими четырьмя стихиями мы в неделю овладеем Парижем, и тогда, поверьте мне, господин коадьютор, двор из страха сделает то, чего не хочет сделать теперь по доброй воле.

Кoadьютор в свою очередь зорко посмотрел на Лувьера.

— Но, господин Лувьер, ведь это значит, что вы просто-напросто предлагаете мне затеять гражданскую войну?

— Вы сами подготавливаете ее уже давно, монсеньер, и случай для вас только кстати.

— Хорошо,— сказал коадьютор,— но вы понимаете, что над этим еще надо хорошенько подумать?

— Сколько часов требуется вам для этого?

— Двенадцать часов, сударь. Это не слишком много.

— Сейчас полдень; в полночь я буду у вас.

— Если меня еще не будет дома, подождите.

— Отлично. До полуночи, монсеньер.

— До полуночи, дорогой господин Лувьер.

Оставшись один, Гонди вызвал к себе всех приходских священников, с которыми был знаком лично. Через два часа у него собралось тридцать священников из самых многолюдных, а следовательно, и самых беспокойных приходов Парижа. Гонди рассказал им о нанесенном ему в Пале-Рояле оскорблении и передал им все шутки, которые позволили себе Ботен, граф де Вильруа и маршал де Ла Мельере. Священники спросили его, что им надлежит делать.

— Это просто,— сказал коадьютор.— Вы как духовные отцы имеете влияние на ваших прихожан. Искорените в них этот несчастный предрассудок — страх и почтение к королевской власти; доказывайте вашей пастве, что королева — тиран, и повторяйте это

до тех пор, пока не убедите их, что все беды Франции происходят из-за Мазарини, ее соблазнителя и любовника. Принимайтесь за дело сегодня же, немедленно и через три дня сообщите мне результаты. Впрочем, если кто-нибудь из вас может дать мне хороший совет, то пусть останется, я с удовольствием послушаю.

Остались три священника: приходов Сен-Мерри, св. Сульпиция и св. Евстафия. Остальные удалились.

— Значит, вы думаете оказать мне более существенную помощь, чем ваши собратья? — спросил Гонди у оставшихся.

— Мы надеемся, — отвечали те.

— Хорошо, господин кюре Сен-Мерри, начинайте вы.

— Монсеньер, в моем квартале проживает один человек, который может быть вам весьма полезен.

— Кто такой?

— Торговец с улицы Менял, имеющий огромное влияние на мелких торговцев своего квартала.

— Как его зовут?

— Планше. Недель шесть тому назад он один устроил целый бунт, а затем исчез, так как его искали, чтобы повесить.

— И вы его отыщете?

— Надеюсь; я не думаю, чтобы его схватили. Я духовник его жены, и если она знает, где он, то и я узнаю.

— Хорошо, господин кюре, поищите этого человека и, если найдете, приведите ко мне.

— В котором часу, монсеньер?

— В шесть часов вам удобно?

— Мы будем у вас в шесть часов, монсеньер.

— Идите же, дорогой кюре, идите, и да поможет вам бог.

Кюре вышел.

— А вы что скажете? — обратился Гонди к кюре св. Сульпиция.

— Я, монсеньер, — отвечал тот, — знаю человека, который оказал большие услуги одному очень популярному вельможе; из него выйдет отличный предводитель бунтовщиков, и я могу его вам представить.

— Как зовут этого человека?

— Граф де Рошфор.

— Я тоже знаю его. К несчастью, его нет в Париже.

— Монсеньер, он живет в Париже, на улице Касет.

— С каких пор?

— Уже три дня.

— Почему он не явился ко мне?

— Ему сказали... простите, монсеньер...

— Заранее прощаю, говорите.

— Ему сказали, что вы собираетесь принять сторону двора.

Гонди закусил губу.

— Его обманули, — сказал он. — Приведите его ко мне в восемь часов, господин кюре, и да благословит вас бог, как и я вас благословляю.

Второй кюре вышел.

— Теперь ваша очередь,— сказал коадьютор, обращаясь к последнему оставшемуся.— Вы также можете мне предложить что-нибудь вроде того, что предложили только что вышедшие?

— Нечто лучшее, монсеньер.

— Ого! Не слишком ли вы много на себя берете? Один предложил мне купца, другой графа; уж не предложите ли вы мне принца?

— Я вам предложу нищего, монсеньер.

— А, понимаю,— произнес Гонди, подумав.— Вы правы, господин кюре; нищего, который поднял бы весь легион бедняков со всех перекрестков Парижа и заставил бы их кричать на всю Францию, что это Мазарини довел их до суммы.

— Именно такой человек у меня есть.

— Bravo. Кто же это такой?

— Простой нищий, как я уже вам сказал, монсеньер, который просит милостыню и подает святую воду на ступенях церкви святого Евстафия уже лет шесть.

— И вы говорите, что он пользуется большим влиянием среди своих собратьев?

— Известно ли монсеньеру, что нищие тоже имеют свою организацию, что это нечто вроде союза неимущих против имущих, союза, в который каждый вносит свою долю и который имеет своего главу?

— Да, я уже кое-что слышал об этом,— сказал коадьютор.

— Так вот, человек, которого я вам предлагаю,— главный старшина нищих.

— А что вы знаете о нем?

— Ничего, монсеньер; мне только кажется, что его терзают угрызения совести.

— Почему вы так думаете?

— Двадцать восьмого числа каждого месяца он просит меня отслужить мессу за упокой одной особы, умершей насильственной смертью. Я еще вчера служил такую обедню.

— Как его зовут?

— Майяр. Но я думаю, что это не настоящее его имя.

— Могли бы мы сейчас застать его на месте?

— Без сомнения.

— Так пойдемте посмотрим на вашего нищего, господин кюре; и если он таков, как вы говорите, то действительно именно вы нашли для нас настоящее сокровище.

Гонди переоделся в светское платье, надел широкополую мягкую шляпу с красным пером, опоясался шпагой, прицепил шпоры к сапогам, завернулся в широкий плащ и последовал за кюре.

Кoadьютор и его спутник прошли по улицам, ведущим из архиепископского дворца к церкви св. Евстафия, внимательно изучая настроение народа. Народ был явно возбужден, но, подобно рою взбудораженных пчел, не знал, что надо делать. Ясно было, что, если у него не окажется главарей, дело так и закончится одним лишь ропотом.

Когда они пришли на улицу Прувер, кюре указал рукой на церковную паперть.

— Вот, — сказал он, — этот человек; он на своем месте.

Гонди посмотрел в указанную сторону и увидел нищего, сидевшего на стуле; возле него стояло небольшое ведро, а в руках он держал кропило.

— Что, он по особому праву сидит здесь? — спросил Гонди.

— Нет, монсеньер, — отвечал кюре, — он купил у своего предшественника место подателя святой воды.

— Купил?

— Да, эти места продаются; он, кажется, заплатил за свое сто пистолей.

— Значит, этот плут богат?

— Некоторые из них, умирая, оставляют тысяч двадцать или тридцать ливров, иногда даже больше.

— Гм! — произнес со смехом Гонди. — А я и не знал, что, раздавая милостыню, так хорошо помещаю свои деньги.

Они подошли к паперти; когда кюре и коадьютор вступили на первую ступень церковной лестницы, нищий встал и протянул свое кропило.

Это был человек лет шестидесяти пяти — семидесяти, небольшого роста, довольно плотный, с седыми волосами и хищным выражением глаз. На лице его словно отражалась борьба противоположных начал: дурных устремлений, сдерживаемых усилием воли или же раскаянием.

Увидев сопровождавшего кюре шевалье, он слегка вздрогнул и посмотрел на него с удивлением.

Кюре и коадьютор прикоснулись к кропилу концами пальцев и перекрестились; коадьютор бросил серебряную монету в шляпу нищего, лежавшую на земле.

— Майяр, — сказал кюре, — мы пришли с этим господином, чтобы поговорить с вами.

— Со мной? — произнес нищий. — Слишком много чести для бедняка, подающего святую воду.

В голосе нищего слышалась ирония, которой он не мог скрыть и которая удивила коадьютора.

— Да, — продолжал кюре, видимо привыкший к такому тону, — да, нам хотелось узнать, что вы думаете о сегодняшних событиях и что вы слышали о них от входивших и выходивших из церкви. ²

Нищий покачал головой.

— События очень печальные, господин кюре, и, как всегда, они падут на голову бедного народа. Что же касается разговоров, то все выражают неудовольствие, все жалуются; но сказать «все» — значит в сущности сказать «никто».

— Объяснитесь, мой друг, — сказал Гонди.

— Я хочу сказать, что все эти жалобы, проклятия могут вызвать только бурю и молнии, но гром не грянет, пока не найдется предводитель, который бы направил его.

— Друг мой, — сказал Гонди, — вы мне кажетесь человеком очень сметливым; не возьметесь ли вы принять участие в маленькой гражданской войне, если она вдруг разразится, и не окажете ли вы помощь

такому предводителю, если он сыщется, вашей личной властью и влиянием, которые вы приобрели над своими товарищами?

— Да, сударь, но только с тем условием, что эта война будет одобрена церковью и, следовательно, приведет меня к цели, которой я добиваюсь, то есть к отпущению грехов.

— Эту войну церковь не только одобряет, но будет и руководить ею. Что же касается отпущения вам грехов, то у нас есть парижский архиепископ, имеющий большие полномочия от римской курии, есть даже коадьютор, наделенный правом давать полную индульгенцию; мы вас ему представим.

— Не забудьте, Майяр,— сказал кюре,— что это я рекомендовал вас господину, который очень могуществен и которому я в некотором роде за вас поручился.

— Я знаю, господин кюре,— отвечал нищий,— что вы всегда были добры ко мне; поэтому я приложу все старания, чтобы услужить вам.

— Вы думаете, что ваша власть над товарищами действительно так велика, как сказал мне господин кюре?

— Я думаю, что они питают ко мне известное уважение,— сказал нищий не без гордости,— и что они не только сделают все, что я им прикажу, но и последуют за мной всюду.

— И вы можете поручиться мне за пятьдесят человек, ничем не занятых, горячих и с такими мощными глотками, что, когда они начнут орать: «Долой Мазарини!», стены Пале-Рояля падут, как пали некогда стены Иерихона?¹

— Я думаю,— сказал нищий,— что мне можно поручить дело потруднее и посерьезнее этого.

— А,— произнес Гонди,— значит, вы беретесь устроить за одну ночь десяток баррикад?

— Я берусь устроить пятьдесят и защищать их, если нужно будет.

— Черт возьми! — воскликнул Гонди.— Вы говорите с уверенностью, которая меня радует, и так как господин кюре мне ручается за вас...

— Да, ручаюсь,— подтвердил кюре.

— В этом мешке пятьсот пистолей золотом; распорядитесь ими по своему усмотрению, а мне скажите, где вас можно встретить сегодня в десять часов вечера. Для этого надо выбрать какой-нибудь возвышенный пункт, чтобы сигнал, данный с него, увидели бы во всех кварталах Парижа.

— Хотите, я предупрежу vicария церкви святого Иакова? Он проведет вас в одну из комнат башни,— предложил кюре.

— Отлично,— сказал нищий.

— Итак,— произнес коадьютор,— сегодня в десять часов вечера, и, если я останусь вами доволен, вы получите второй мешок с пятьюстами пистолей.

---

¹ По библейской легенде, стены осаждавшегося евреями города Иерихона пали после того, как осаждавшие трижды обошли вокруг него, трубя в трубы и взывая к богу Ягве.

Глаза нищего засверкали от жадности, которую он постарался скрыть.

— Сегодня вечером, сударь,— отвечал он,— все будет готово.

Он отнес свой стул в церковь, поставил рядом с ним ведро, положил кропило, окропил себя святой водой из каменной чаши, словно не доверяя той, что была у него в ведре, и вышел из церкви.

Глава 2

БАШНЯ СВ. ИАКОВА

о шести часов коадьютор побывал везде, где ему надо было, и возвратился в архиепископский дворец.

Ровно в шесть ему доложили о кюре прихода Сен-Мерри.

— Просите,— сказал коадьютор.

Вошел кюре в сопровождении Планше.

— Монсеньер,— сказал кюре,— вот тот, о ком я имел честь говорить вам.

Планше поклонился с видом человека, привыкшего бывать в хороших домах.

— Вы хотите послужить делу народа? — спросил его Гонди.

— О, конечно,— отвечал Планше,— я фрондер в душе. Монсеньер не знает, что я уже приговорен к повешению.

— За что?

— Я отбил у слуг Мазарини одного знатного господина, которого они везли обратно в Бастилию, где он просидел уже пять лет.

— Как его зовут?

— Монсеньер хорошо знает его: это — граф де Рошфор.

— Ах, в самом деле,— сказал коадьютор,— я слышал об этой истории. Мне говорили, что вы взбунтовали целый квартал.

— Да, почти что так,— самодовольно произнес Планше.

— Ваше занятие?

— Кондитер с улицы Менял.

— Объясните мне, как, при таком мирном занятии, у вас возникли такие воинственные наклонности?

— А почему вы, монсеньер, будучи духовным лицом, принимаете меня со шпагой на бедре и шпорами на сапогах?

— Недурной ответ,— произнес Гонди со смехом.— Но, знаете ли, у меня, несмотря на мою ясу, всегда были воинственные наклонности.

— А я, монсеньер, прежде чем стать кондитером, прослужил три года сержантом в Пьемонтском полку, а прежде чем прослужить три года в Пьемонтском полку, был полтора года слугой у господина д'Артаньяна.

— У лейтенанта мушкетеров? — спросил Гонди.

— У него самого, монсеньер.

— Но, говорят, он ярый мазаринист?

— Гм,— промычал Планше.

— Что вы хотите сказать?

— Ничего, монсеньер. Господин д'Артаньян состоит на службе, и его дело защищать Мазарини, который ему платит, а наше дело, дело горожан, нападать на Мазарини, который нас грабит.

— Вы сметливый малый, мой друг. Могу ли я на вас рассчитывать?

— Кажется,— отвечал Планше,— господин кюре уже поручился вам за меня.

— Это верно, но я предпочитаю, чтобы вы сами подтвердили это.

— Вы можете рассчитывать на меня, монсеньер, если только речь идет о том, чтобы произвести смуту в городе.

— Именно о том. Сколько человек можете вы набрать за ночь?

— Двести мушкетов и пятьсот алебард.

— Если в каждом квартале найдется человек, который сделает то же самое, завтра у нас будет настоящее войско.

— Без сомнения.

— Согласны вы повиноваться графу де Рошфору?

— Я пойду за ним хоть в ад,— говорю без шуток, так как считаю его способным туда отправиться.

— Bravo!

— По какому признаку можно будет отличить друзей от врагов?

— Каждый фрондер прикрепит к шляпе соломенный жгут.

— Отлично. Приказывайте.

— Нужны вам деньги?

— Деньги никогда не мешают, монсеньер. Если их нет, то можно обойтись, а если они есть, то дело пойдет от этого быстрее и лучше.

Гонди подошел к сундуку и достал из него мешок.

— Вот пятьсот пистолей,— сказал он.— Если дело пойдет хорошо, завтра можете получить такую же сумму.

— Я дам вам, монсеньер, подробный отчет в расходах,— сказал Планше, взвесив мешок на руке.

— Хорошо. Поручаю вам кардинала.

— Будьте покойны, он в надежных руках.

Планше вышел. Кюре с минуту задержался.

— Вы довольны, монсеньер? — спросил он.

— Да, этот человек показался мне дельным малым.

— Он сделает больше, чем обещал.

— Тем лучше.

Кюре догнал Планше, который ждал его на лестнице. Через десять минут доложили о кюре св. Сульпиция.

Едва дверь открылась, как в кабинет Гонди вбежал граф де Рошфор.

— Вот и вы, дорогой граф! — воскликнул коадьютор, протягивая руку.

— Итак, вы решились наконец, монсеньер? — спросил Рошфор.

— Я решил давно,— отвечал Гонди.

— Хорошо. Не будем тратить слов. Вы сказали, и я вам верю. Итак, мы устроим Мазарини бал.

- Да... я надеюсь.
- А когда начнутся танцы?
- Приглашения разосланы на эту ночь,— сказал коадьютор,— но скрипки заиграют только завтра утром.
- Вы можете рассчитывать на меня и на пятьдесят солдат, которых мне обещал шевалье д'Юмьер на случай, если они понадобятся.
- Пятьдесят солдат?
- Да. Он набирает рекрутов и одолжил мне их; на тот случай, если по окончании праздника среди них окажется нехватка, я обязался поставить недостающее количество.
- Отлично, дорогой Рошфор; но это еще не все.
- Что же еще? — спросил Рошфор, улыбаясь.
- Куда вы дели герцога де Бофора?
- Он в Вандоме и ждет от меня письма, чтобы возвратиться в Париж.
- Напишите ему, что уже можно.
- Значит, вы уверены, что все пойдет хорошо?
- Да, но пусть он спешит, ибо как только парижане взбунтуются, у нас явятся, вместо одного, десять принцев, которые пожелают стать во главе движения. Если он опоздает, место может оказаться занятым.
- Могу я говорить от вашего имени?
- Да. Конечно.
- Могу я ему сказать, чтобы он на вас рассчитывал?
- Несомненно.
- И вы передадите ему полную власть?
- Да, в делах военных, что же касается политики...
- Все знают, что он в ней не силен.
- Пусть он предоставит мне самому добиваться кардинальской шляпы.
- Вам ее хочется иметь?
- Раз я уже вынужден носить шляпу, фасон которой мне не к лицу,— сказал Гонди,— то я желаю по крайней мере, чтобы она была красная.
- О вкусах и цветах не спорят,— произнес Рошфор со смехом.— Ручаюсь вам за его согласие.
- Вы напишите ему сегодня вечером?
- Да, но я лучше пошлю гонца.
- Через сколько дней он может явиться?
- Через пять.
- Пусть явится. Он найдет большие перемены.
- Желал бы я этого.
- Ручаюсь вам!
- Итак?
- Идите соберите ваших пятьдесят человек и будьте готовы.
- К чему?
- Ко всему.
- Какой у нас условный знак?
- Соломенный жгут на шляпе.
- Хорошо. До свиданья, монсеньер.
- До свиданья, дорогой граф.

— А, Мазарини, Мазарини,— повторял Рошфор, уводя с собой кюре, которому не удалось вставить в разговор ни одного слова,— ты увидишь теперь, так ли я стар, чтобы не годиться для дела!

Было половина десятого, и коадьютору требовалось не меньше получаса, чтобы дойти от архиепископского дома до башни св. Иакова.

Подходя к ней, коадьютор заметил в одном из самых верхних окон свет.

— Хорошо,— сказал он,— наш старшина нищих на своем месте.

Кoadьютор постучал в дверь. Ему отворил сам викарий; со свечой в руке он проводил его на верх башни. Здесь викарий указал ему на маленькую дверь, поставил свечу в угол и спустился вниз.

Хотя в двери торчал ключ, тем не менее Гонди постучал.

— Войдите,— послышался из-за двери голос нищего.

Гонди вошел. Податель святой воды из церкви св. Евстафия ожидал его, лежа на каком-то убогом одре.

При виде коадьютора он встал.

Пробило десять часов.

— Ну что,— спросил Гонди,— ты сдержал слово?

— Не совсем,— отвечал нищий.

— Как так?

— Вы просили у меня пятьдесят человек, не правда ли?

— Да, и что же?

— Я доставлю вам две тысячи.

— Ты не хвастаешь?

— Угодно вам доказательство?

— Да.

В комнате горели три свечи: одна на окне, выходящем на Старый город, другая на окне, обращенном к Пале-Роялю, а третья на окне, выходящем на улицу Сен-Дени.

Нищий молча погасил одну за другой три свечи.

Кoadьютор очутился во мраке, так как комната освещалась теперь только неверным светом луны, которая проглядывала сквозь густые темные облака, серебря их края.

— Что ты сделал? — спросил коадьютор.

— Я дал сигнал.

— Какой сигнал?

— Сигнал строить баррикады.

— Ага!

— Когда вы выйдете отсюда, вы увидите моих людей за работой. Смотрите только будьте осторожны, чтобы не сломать себе ногу, споткнувшись о протянутую через улицу цепь, или не провалиться в какую-нибудь яму.

— Хорошо. Вот тебе еще столько, сколько ты уже получил. Теперь помни, что ты предводитель, и не напейся.

— Уже двадцать лет я не пью ничего, кроме воды.

Нищий взял мешок с деньгами, и коадьютор услышал, как он тут же начал перебирать и пересыпать золотые монеты.

— А,— произнес Гонди,— ты, кажется, порядочный скряга и сребролюбец.

Нищий вздохнул и бросил мешок.

— Неужели,— воскликнул он,— я всегда останусь таким же, как был, и не избавлюсь от моей страсти? О, горе! О, суета!

— Ты все-таки возьмешь эти деньги?

— Да, но я клянусь употребить все, что останется, на добрые дела. Лицо его было бледно и искажено, словно он выдерживал какую-то внутреннюю борьбу.

— Станный человек,— прошептал Гонди.

Он взял шляпу и направился к выходу, как вдруг заметил, что нищий загородил ему дорогу.

Первой мыслью коадьютора было, что нищий что-то замыслил против него; но тот упал на колени и с мольбой протянул к нему руки.

— Монсеньер,— воскликнул нищий,— прежде чем уйти отсюда, дайте мне благословение, умоляю вас!

— Монсеньер? — повторил Гонди.— Мой друг, ты, кажется, принимаешь меня за кого-то другого.

— Нет, монсеньер, я принимаю вас за того, кто вы на деле, за господина коадьютора; я узнал вас с первого взгляда.

Гонди улыбнулся.

— Ты просишь у меня благословения? — сказал он.

— Да, я нуждаюсь в нем.

В тоне, которым нищий произнес эти слова, слышалась такая униженная мольба, такое глубокое раскаяние, что Гонди тотчас же протянул руку и дал просимое благословение со всею искренностью, на какую был способен.

— Теперь,— сказал он,— между нами установилась невидимая связь. Я благословил тебя, и ты стал для меня священным, как и я для тебя. Расскажи мне, не совершил ли ты какого-нибудь преступления против человеческих законов, от которых я мог бы тебя защитить?

Нищий покачал головой.

— Преступление, совершенное мною, монсеньер, не предусмотрено человеческими законами, и вы можете освободить меня от кары за него только частыми благословениями.

— Будь откровенен,— сказал коадьютор,— ведь ты не всегда занимался этим ремеслом?

— Нет, монсеньер, я занимаюсь им только шесть лет.

— А прежде где ты был?

— В Бастилии.

— А до Бастилии?

— Я скажу вам это тогда, монсеньер, когда вы будете исповедовать меня.

— Хорошо. В какой бы час дня или ночи ты ни позвал меня, помни, я всегда готов дать тебе отпущение.

— Благодарю вас, монсеньер,— глухо сказал нищий,— но я еще не готов к принятию его.

— Хорошо. Пусть так. Прощай же.

Кoadьютор взял свечу, спустился с лестницы и вышел в задумчивости.

ыло около одиннадцати часов вечера. Гонди не прошел и ста шагов по улицам Парижа, как заметил, что вокруг происходит что-то необычайное.

Казалось, весь город населен был фантастическими существами: какие-то молчаливые тени разбирали мостовую, другие подвозили и опрокидывали повозки, третьи рыли канавы, в которые могли провалиться целые отряды всадников. Все эти таинственные личности озабоченно и деловито сновали взад и вперед, подобно демонам, занятым какой-то неведомой работой. Это нищие из Двора Чудес, агенты подателя святой воды с паперти св. Евстафия, готовили на завтра баррикады.

Гонди не без страха смотрел на этих темных людей, этих ночных работников, и задавал себе вопрос: в состоянии ли он будет потом снова загнать их в трущобы, откуда сам их вызвал? Когда кто-нибудь из них приближался к нему, ему хотелось перекреститься.

Он дошел до улицы Сент-Оноре, потом свернул в железные ряды. Здесь было по-другому. Торговцы перебежали от одной лавки к другой. Двери и ставни, как будто запертые, на деле были только прикрыты и часто отворялись, чтобы впустить или выпустить какого-нибудь человека с таинственной ношей. Это торговцы, имевшие оружие, раздавали его безоружным.

Особенно обращал на себя внимание один человек, который переходил от двери к двери, сгибаясь под тяжестью целой груды шпaga, мушкетов и другого оружия, которое он раздавал на завтра. Фонарь осветил его, и коадьютор узнал Планше.

Затем коадьютор вышел по Монетной улице на набережную. Группы горожан в черных и серых плащах, — в зависимости от принадлежности к высшей или низшей буржуазии, — стояли неподвижно. Изредка кто-нибудь переходил от одной группы к другой. Все эти черные и серые плащи сзади приподнимались от скрытых под ними шпaga, а спереди от дул мушкетов и аркебуз.

Дойдя до Нового моста, коадьютор увидел, что мост охраняется караулом; здесь к нему подошел какой-то человек.

— Кто вы? — спросил этот человек. — Не похоже, чтобы вы были из наших.

— Это вам так кажется оттого, что вы не узнаете своих друзей, дорогой господин Лувьер, — отвечал коадьютор, приподымая шляпу.

Лувьер узнал его и поклонился.

Продолжая свой путь, коадьютор прошел до Нельской башни. Здесь он увидел целую вереницу людей, пробиравшихся вдоль стен. Можно было подумать, что это процессия призраков, так как все они были закутаны в белые плащи. Достигнув одного пункта, эти призраки один за другим внезапно исчезали, словно сквозь землю прова-

ливались. Притаившись в углу, Гонди видел, как исчезли таким способом все, кроме последнего.

Этот последний осмотрелся кругом, видимо с целью убедиться в том, что за ним и его товарищами никто не следит, и, несмотря на темноту, заметил Гонди. Он подошел и приставил пистолет ему к горлу.

— Ну, ну, господин де Рошфор! — смеясь, сказал коадьютор. — Не следует шутить с огнестрельным оружием.

Рошфор узнал голос.

— Ах, это вы, монсеньер? — воскликнул он.

— Да, собственной персоной. Но скажите, каких это людей отправили вы в преисподнюю?

— Это мои пятьдесят рекрутов от шевалье д'Юмьера, что должны были поступить в легкую кавалерию; вместо мундиров они получили белые плащи.

— Куда же вы пробираетесь?

— К одному моему другу, скульптору; мы спускаемся в люк, через который к нему доставляют мрамор.

— Очень хорошо, — сказал Гонди.

Они обменялись рукопожатиями, потом Рошфор тоже спустился в люк и плотно притворил его за собой.

Кoadьютор возвратился домой. Был второй час ночи. Он открыл окно и стал прислушиваться.

По всему городу слышался какой-то странный, непонятный шум; чувствовалось, что в темных улицах происходит что-то необычайное и жуткое. Изредка слышался словно рев приближающейся бури или мощного прибоя. Но все было смутно, неясно и не находило разумного объяснения: звуки эти походили на подземный гул, предшествующий землетрясению.

Приготовления к восстанию длились всю ночь. Проснувшись на другое утро, Париж вздрогнул: он не узнал самого себя. Он походил на осажденный город. На баррикадах виднелись вооруженные с головы до ног люди, грозно поглядывавшие во все стороны. Там и сям раздавалась команда; шныряли патрули; происходили аресты. Всех появлявшихся на улицах в шляпах с перьями и с вызолоченными шпагами тотчас останавливали и заставляли кричать: «Да здравствует Брусель! Долой Мазарини!», а тех, кто отказывался, подвергали издевательствам, оскорбляли, даже избивали. До убийств дело еще не доходило, но чувствовалось, что к этому уже вполне готовы.

Баррикады были построены вплоть до самого Пале-Рояля. На пространстве от улицы Добрых детей до Железного рынка, от улицы св. Фомы до Нового моста и от улицы Ришелье до заставы Сент-Оноре сошлось около десяти тысяч вооруженных людей; те из них, что находились поближе ко дворцу, уже задирали неподвижно стоявших вокруг Пале-Рояля гвардейских часовых. Решетки за часовыми были накрепко заперты, но эта предосторожность делала их положение довольно опасным. По всему городу ходили толпы человек по сто, по двести ободранных и изможденных нищих, которые носили

полотнища с надписью: «Глядите на народные страдания». Везде, где они появлялись, раздавались негодующие крики, нищих же было столько, что крики слышались отовсюду.

Велико было удивление Анны Австрийской и Мазарини, когда им доложили утром о том, что Старый город в лихорадочном волнении, несмотря на то, что вчера в нем царило полное спокойствие; ни она, ни он не хотели верить этому, заявляя, что поверят только собственным глазам и ушам. Перед ними распахнули окно: они увидели, услышали и убедились.

Мазарини пожал плечами и попытался изобразить на своем лице презрение ко всему этому простонародью, но заметно побледнел и в страхе побежал в свой кабинет, где поспешил запереть в шкапулки золото и драгоценности и надеть наиболее ценные перстни себе на пальцы. Что касается королевы, то, взбешенная и предоставленная самой себе, она позвала маршала де Ла Мельере и приказала ему, взяв столько солдат, сколько он найдет нужным, узнать, что значат эти «шутки».

Маршал был человек беспечный и бесстрашный; к тому же, как все военные, он питал презрение к народу. Он взял полтора человека и хотел пройти с ними через Луврский мост, но здесь его встретил Рошфор со своими пятьюдесятью новобранцами и с полуторатысячной толпой горожан. Пробриться не было никакой возможности.

Маршал даже и не пытался сделать это. Он направился вдоль набережной. Но у Нового моста он наткнулся на Лувьера с горожанами. На этот раз маршал решился атаковать, но был встречен мушкетными выстрелами, а из окон на него и его спутников сыпался град камней.

Он отступил, оставив на месте трех человек, и направился к рынку, но здесь его встретил Планше с алебардистами. Алебарды угрожающе топорщились. Он решил, что без труда пробьется сквозь эту толпу горожан в серых плащах, но серые плащи держались стойко, и маршал вынужден был отступить на улицу Сент-Оноре, оставив на поле сражения еще четырех солдат, уложенных без лишнего шума холодным оружием.

Не посчастливилось маршалу и на улице Сент-Оноре; здесь ему преградили путь баррикады нищего с паперти св. Евстафия; их обороняли не только вооруженные мужчины, но даже женщины и дети. Фрике с пистолетом и шпагой, полученными им от Лувьера, собрал целую шайку таких же, как он, шалопаев и учинял невообразимый шум и гам.

Маршалу этот пункт показался слабо защищенным, и он решил здесь пробиться. Он велел двадцати солдатам спешиться и разобрать баррикаду, а сам с оставшимися кавалеристами решил обеспечить им защиту. Двадцать солдат двинулись сокрушать препятствие, но едва они приблизились, как изо всех щелей между наваленными бревнами и опрокинутыми повозками поднялась жестокая стрельба, а через несколько мгновений, услышав пальбу, появились, с одной стороны — Планше с алебардистами, а с другой — Лувьер с горожанами...

Маршал де Ла Мельере попал между двух огней.

Он был храбр и решил умереть на месте. Началась схватка; раздался крики и стоны раненых. Солдаты, обладая опытом, стреляли более метко, но горожане, подавлявшие своей численностью, отвечали им ураганным огнем. Люди падали вокруг маршала, как в битвах при Рокруа или при Лериде. Его адъютанту Фонтрайлю перебили руку, а сам маршал едва усидел на лошади, которая бесилась от боли, получив пулю в шею. Наконец в тот момент, когда и самый храбрый начинает дрожать и на лбу у него проступает холодный пот, толпа вдруг с криком: «Да здравствует коадьютор!» расступилась, и появился Гонди. Он спокойно шел среди перестрелки, облаченный в рясу и плащ, раздавая благословения направо и налево с таким невозмутимым видом, словно выступал во главе церковной процессии.

Все опустились на колени.

Маршал, узнав его, поспешил к нему навстречу.

— Выведите меня отсюда, ради бога, — воскликнул он, — а то они разорвут в клочья и меня и моих людей.

Кругом стоял такой шум, что, казалось, и грома небесного не услышать, но Гонди поднял руку, и все тотчас же затихло.

— Дети мои, — сказал коадьютор, обращаясь к толпе, — вы ошиблись относительно намерений маршала де Ла Мельере. Он берется, возвратившись в Лувр, просить у королевы от вашего имени освобождения нашего Брюсселя. Не так ли, маршал? — добавил Гонди, обернувшись к маршалу.

— Черт возьми! — воскликнул тот. — Конечно, берусь. Я не думал отделаться так дешево.

— Он дает вам слово дворянина, — сказал Гонди.

Маршал поднял руку в знак обещания.

— Да здравствует коадьютор! — закричала толпа. Некоторые закричали даже: «Да здравствует маршал!», — но единодушнее всего звалось: «Долой Мазарини!»

Толпа расступилась и открыла проход в улицу Сент-Оноре. Баррикада разомкнулась, и маршал с остатками своего отряда отступил, предшествуемый Фрике и его товарищами, из которых одни подражали барабанному бою, а другие — звукам труб.

Шествие было почти триумфальное. Но как только отряд прошел, баррикада снова сомкнулась. Маршал с ума сходил от бессильной ярости.

Тем временем Мазарини, как мы уже сказали, сидел у себя в кабинете и приводил в порядок свои делишки. Он велел позвать д'Артаньяна, хотя мало надеялся, что тому удалось проникнуть во дворец, ибо он не был дежурным. Но через десять минут лейтенант мушкетеров появился на пороге кабинета в сопровождении неизменного Портоса.

— Входите, входите д'Артаньян! — воскликнул кардинал. — Очень рад вас видеть, так же как и вашего друга. Что происходит в этом проклятом Париже?

— Ничего хорошего, монсеньер, — отвечал д'Артаньян, качая головой. — Город охвачен восстанием. Когда мы с господином дю Вал-

лоном только что переходили через улицу Монторгейль, то, несмотря на мой мундир, а может быть именно из-за него, нас хотели заставить кричать: «Да здравствует Брусель!» и еще кое-что... Сказать ли вам, монсеньер?

— Говорите, говорите.

— «Долой Мазарини!» Представьте себе, какая дерзость! Мазарини улыбнулся, однако сильно побледнел.

— И вы закричали? — спросил он.

— О нет, — сказал д'Артаньян, — у меня совсем пропал голос, а у господина дю Валлона объявилась сильнейшая хрипота. Тогда, монсеньер...

— Что тогда? — спросил Мазарини.

— Взгляните только на мою шляпу и плащ.

Д'Артаньян указал на четыре дыры от пуль в плаще и две в шляпе. Что касается одежды Портоса, то у него весь бок был разорван ударом алебарды, а перо на шляпе было срезано пистолетной пулей.

— *Diavolo!* — воскликнул Мазарини, с наивным изумлением глядя на двух друзей. — Я бы закричал.

В эту минуту шум и гам слышались совсем близко.

Мазарини отер пот на лбу и посмотрел вокруг. Ему очень хотелось подойти к окну, но он не решался.

— Посмотрите, д'Артаньян, что там происходит, — попросил он.

Д'Артаньян беспечно подошел к окну и взглянул наружу.

— Ого! — произнес он. — Что это значит? Маршал де Ла Мельере возвращается без шляпы. У Фонтрайля рука на перевязи, несколько солдат ранено, лошади в крови. Однако... Что это делают караульные? Они прицеливаются и сейчас дадут залп!

— Им дан приказ стрелять в толпу, если она приблизится к Пале-Роялю.

— Если они выстрелят, все погибло! — воскликнул д'Артаньян.

— А решетки?

— Решетки! Они не продержатся и пяти минут. Их сорвут, изломают, исковеркают. Не стреляйте, черт возьми! — крикнул д'Артаньян, быстро распахивая окно.

Но было уже поздно: за шумом д'Артаньяна не услышали. Раздалось три-четыре мушкетных выстрела, и поднялась перестрелка. Слышно было, как пули щелкали о стены дворца. Одна просвистела мимо д'Артаньяна и разбила зеркало, у которого Портос в эту минуту любовался собой.

— О! О! — воскликнул кардинал. — Венецианское зеркало!

— Ах, монсеньер, — сказал на это д'Артаньян, спокойно закрывая окно, — не плачьте, пока еще не стоит, вот через час во всем дворце не останется, надо думать, ни одного зеркала, ни венецианского, ни парижского.

— Что же делать, как вы думаете?

— Да возвратить им Бруселя, раз они его требуют. На что он вам, в самом деле? Какой прок от парламентского советника?

— А вы как полагаете, господин дю Валлон? Что бы вы сделали?

— Я бы вернул Бруселя.

— Пойдемте, господа, я поговорю об этом с королевой.

В конце коридора он остановился.

— Я могу на вас рассчитывать, не правда ли, господа?

— Мы не меняем хозяев,— сказал д'Артаньян.— Мы у вас на службе: приказывайте, мы повинемся.

— Подождите меня здесь,— сказал Мазарини и, обойдя кругом, вошел в гостиную через другую дверь.

Глава 4

БУНТ ПЕРЕХОДИТ В ВОССТАНИЕ

Кабинет, куда вошли д'Артаньян и Портос, отделялся от гостиной королевы только портьерой, через которую можно было слышать то, что рядом говорилось, а щелка между двумя половинками портьеры, как ни была она узка, позволяла видеть все, что там происходило.

Королева стояла в гостиной, бледная от гнева; однако она так хорошо владела собой, что можно было подумать, будто она не испытывает никакого волнения. Позади нее стояли Коменж, Вилькье и Гито, а дальше — придворные, мужчины и дамы.

Королева слушала канцлера. Сегье, того самого, который двадцать лет тому назад столь жестоко ее преследовал. Он рассказывал, как его карету разбили и как он сам, спасаясь от преследователей, бросился в дом господина О., в который тотчас же ворвались бунтовщики и принялись там все громить и грабить. К счастью, ему удалось пробраться в маленькую каморку, дверь которой была скрыта под обоями, и какая-то старая женщина заперла его там вместе с его братом, епископом Мо. Опасность была велика, из каморки он слышал угрозы приближающихся бунтовщиков, и, думая, что пробил его последний час, он стал исповедоваться перед братом, готовясь к смерти, на случай, если их убежище откроют. Но, к счастью, этого не случилось: толпа, думая, что он выбежал через другую дверь на улицу, покинула дом, и ему удалось свободно выйти. Тогда он переоделся в платье маркиза О. и вышел из дома, перешагнув через трупы полицейского офицера и двух гвардейцев, защищавших входную дверь.

В середине рассказа вошел Мазарини и, неслышно подойдя к королеве, стал слушать вместе с другими.

— Ну,— сказала королева, когда канцлер кончил свой рассказ,— что вы думаете об этом?

— Я думаю, ваше величество, что дело очень серьезно.

— Какой вы мне дали бы совет?

— Я дал бы вам совет, ваше величество, только не осмеливаюсь.

— Осмелюсь,— возразила королева с горькой усмешкой.— Когда-то, при других обстоятельствах, вы были гораздо смелее.

Канцлер покраснел и пробормотал что-то.

— Оставим прошлое и вернемся к настоящему, — добавила королева. — Какой совет вы хотели мне дать?

— Мой совет, — отвечал канцлер нерешительно, — выпустить Брюсе-
селя.

Королева побледнела еще больше, и лицо ее искажилось.

— Выпустить Брюсе-селя? — воскликнула она. — Никогда!

В эту минуту в соседней зале раздались шаги, и на пороге гостиной, без доклада, появился маршал де Ла Мельере.

— А, маршал! — радостно воскликнула Анна Австрийская. — Надеюсь, вы образумили этот сброд?

— Ваше величество, — отвечал маршал, — я потерял троих людей у Нового моста, четверых у Рынка, шестерых на углу улицы Сухого дерева и двоих у дверей вашего дворца, итого пятнадцать. Кроме того, я привел с собой десять — двенадцать человек ранеными. Моя шляпа осталась бог весть где, сорванная пулей, по всей вероятности, я остался бы там же, где моя шляпа, если бы господин коадьютор не подоспел ко мне на выручку.

— Да, — промолвила королева, — я бы очень удивилась, если бы эта кривоногая такса не оказалась во всем этом замешана.

— Ваше величество, — возразил де Ла Мельере с улыбкой, — не говорите при мне о нем плохо; я слишком хорошо помню услугу, которую он мне оказал.

— Отлично, — сказала королева, — будьте ему благодарны сколько вам угодно, но меня это ни к чему не обязывает. Вы целы и невредимы, а это все, что мне надо; вы вернулись, и теперь вы тем более желанный гость.

— Это так, ваше величество, но я вернулся под тем условием, что передам вам требования народа.

— Требования! — сказала Анна Австрийская, нахмутив брови. — О господин маршал, вы, вероятно, находились в очень большой опасности, если взяли на себя такое странное поручение!

Эти слова были сказаны с иронией, которая не ускользнула от маршала.

— Простите, ваше величество, — отвечал он, — я не адвокат, а человек военный, и потому, быть может, выбираю не те выражения; я должен был сказать: «желание» народа, а не «требования». Что же касается замечания, которым вы удостоили меня, то, по-видимому, вы желали сказать, что я испугался?

Королева улыбнулась.

— Да, признаюсь, ваше величество, я боялся, и это случилось со мной лишь третий раз в жизни, а между тем я участвовал в двенадцати больших боях и не помню уж в скольких схватках и стычках. Да, я испытал страх, и мне не так страшно даже в присутствии вашего величества, невзирая на вашу грозную улыбку, как перед всеми этими чертями, которые проводили меня до самых дверей и которые бог весть откуда взялись.

— Bravo, — прошептал д'Артаньян на ухо Портосу, — хорошо сказано.

— Итак,— сказала королева, кусая губы, между тем как окружающие с удивлением переглядывались,— в чем же состоит желание моего народа?

— Чтобы ему возвратили Брюсея, ваше величество,— ответил маршал.

— Ни за что! — воскликнула королева.— Ни за что!

— Как угодно вашему величеству,— сказал маршал, кланяясь и делая шаг назад.

— Куда вы, маршал? — удивленно спросила королева.

— Я иду передать ваш ответ тем, кто его ждет, ваше величество.

— Останьтесь. Я не хочу, это будет иметь вид переговоров с бунтовщиками.

— Ваше величество, я дал слово,— возразил маршал.

— И это значит?..

— Что, если вы меня не арестуете, я должен буду вернуться к народу.

В глазах Анны Австрийской сверкнула молния.

— О, за этим дело не станет! — сказала она.— Мне случилось арестовывать особ и более высоких, чем вы. Гито!

При этих словах Мазарини поспешно подошел к королеве.

— Ваше величество,— сказал он,— если мне позволительно тоже дать вам совет...

— Отпустить Брюсея? Если так, вы можете оставить свой совет при себе.

— Нет,— отвечал Мазарини,— хотя этот совет, может быть, не хуже других.

— Что же вы посоветуете?

— Позвать коадьютора.

— Кoadьютора? — воскликнула королева.— Этого интригана и бунтовщика? Ведь он и устроил все это!

— Тем более, ваше величество. Если он устроил этот бунт, он же сумеет и усмирить его.

— Поглядите, ваше величество,— сказал Коменж, стоявший у окна.— Случай как раз благоприятствует вам. Сейчас коадьютор благословляет народ на площади Пале-Рояля.

Королева бросилась к окну.

— В самом деле,— сказала она.— Какой лицемер, посмотрите!

— Я вижу,— заметил Мазарини,— что все преклоняют пред ним колена, хотя он только коадьютор; а будь я на его месте, они разорвали бы меня в клочья, хоть я и кардинал. Итак, я настаиваю, государыня, на моем желании (Мазарини сделал ударение на этом слове), чтобы ваше величество приняла коадьютора.

— Почему бы и вам не сказать: на своем требовании? — сказала королева, понизив голос.

Мазарини только поклонился.

Королева с минуту размышляла. Затем подняла голову.

— Господин маршал,— сказала она,— приведите ко мне господина коадьютора.

— А что мне ответить народу? — спросил маршал.

— Пусть потерпят,— отвечала Анна Австрийская,— ведь терплю же я.

Тон гордой испанки был так повелителен, что маршал, не говоря ни слова, поклонился и вышел.

Д'Артаньян повернулся к Портосу.

— Ну, чем же все это кончится?

— Увидим,— невозмутимо ответил Портос.

Тем временем королева, подойдя к Коменжу, тихонько заговорила с ним.

Мазарини тревожно поглядывал в ту сторону, где находились д'Артаньян и Портос.

Остальные присутствующие шепотом разговаривали между собой.

Дверь снова отворилась, и появился маршал в сопровождении коадьютора.

— Ваше величество,— сказал маршал,— господин Гонди поспешил исполнить ваше приказание.

Королева сделала несколько шагов навстречу коадьютору и остановилась, холодная, строгая, презрительно оттопырив нижнюю губу.

Гонди почтительно склонился перед ней.

— Ну, сударь, что скажете вы об этом бунте? — спросила она наконец.

— Я скажу, что это уже не бунт, а восстание,— отвечал коадьютор.

— Это восстание только для тех, кто думает, что мой народ способен к восстанию! — воскликнула Анна Австрийская, не в силах более притворяться перед коадьютором, которого она, быть может не без причины, считала зачинщиком всего.— Восстанием зовут это те, кому восстание желательно и кто устроил волнение; но подождите, королевская власть положит этому конец.

— Ваше величество изволили меня призвать для того, чтобы сказать мне только это? — холодно спросил Гонди.

— Нет, мой милый коадьютор,— вмешался в разговор Мазарини,— вас пригласили для того, чтобы узнать ваше мнение относительно неприятных осложнений, с которыми мы сейчас столкнулись.

— Значит, ваше величество позвали меня, чтобы спросить моего совета? — произнес коадьютор, изображая удивление.

— Да,— сказала королева,— все так пожелали.

— Итак,— сказал он,— вашему величеству угодно...

— Чтобы вы сказали, что бы вы сделали на месте королевы,— поспешил досказать Мазарини.

Кoadьютор посмотрел на королеву. Та утвердительно кивнула головой.

— На месте ее величества,— спокойно произнес Гонди,— я, не колеблясь, возвратил бы им Брюсея.

— А если я не возвращу его,— воскликнула королева,— то что произойдет, как вы думаете?

— Я думаю, что завтра в Париже не останется камня на камне,— сказал маршал.

— Я спрашиваю не вас,— сухо и не оборачиваясь ответила королева,— я спрашиваю господина Гонди.

— Если ваше величество спрашивает меня,— сказал коадьютор с прежним спокойствием,— то я отвечаю, что вполне согласен с мнением маршала.

Краска залила лицо королевы; ее прекрасные голубые глаза, казалось, готовы были выскочить из орбит; ее алые губы, которые поэты того времени сравнивали с гранатом в цвету, побелели и задрожали от гнева. Она почти испугала даже самого Мазарини, которого беспокойная семейная жизнь приучила к таким домашним сценам.

— Возвратить Брюсея! — вскричала королева с гневной усмешкой. — Хороший совет, нечего сказать. Видно, что он идет от священника.

Гонди оставался невозмутим. Сегодня обиды, казалось, совсем не задевали его, как и вчера насмешки; но ненависть и жажда мщения скоплялись в глубине его души. Он бесстрастно посмотрел на королеву, которая взглядом приглашала Мазарини тоже сказать что-нибудь.

Но Мазарини обычно много думал и мало говорил.

— Что же,— сказал он наконец,— это хороший совет, вполне дружеский. Я бы тоже возвратил им этого милого Брюсея, живым или мертвым, и все было бы кончено.

— Если вы возвратите его мертвым, все будет кончено, это правда, но не так, как вы полагаете, монсеньер,— возразил Гонди.

— Разве я сказал: «живым или мертвым»? Это просто такое выражение. Вы знаете, я вообще плохо владею французским языком, на котором вы, господин коадьютор, так хорошо говорите и пишете.

— Вот так заседание государственного совета,— сказал д'Артаньян Портосу,— мы с Атосом и Арамисом в Ла-Рошели советовались совсем по-другому.

— В бастионе Сен-Жерве?

— И там, и в других местах.

Кoadьютор выслушал все эти речи и продолжал с прежним хладнокровием:

— Если ваше величество не одобряет моего совета,— сказал он,— то, очевидно, оттого, что вам известен лучший путь. Я слишком хорошо знаю мудрость вашего величества и ваших советников, чтобы предположить, что столица будет оставлена надолго в таком волнении, которое может повести за собой революцию.

— Итак, по вашему мнению,— возразила с усмешкой испанка, кусая губы от гнева,— вчерашнее возмущение, превратившееся сегодня в восстание, может завтра перейти в революцию?

— Да, ваше величество,— ответил серьезно Гонди.

— Послушать вас, сударь, так можно подумать, что народы утратили всякое почтение к законной власти.

— Этот год несчастлив для королей,— отвечал Гонди, качая головой.— Посмотрите, что делается в Англии.

— Да, но, к счастью, у нас во Франции нет Оливера Кромвеля,— возразила королева.

— Кто знает,— сказал Гонди,— такие люди подобны молнии: о них узнаешь, когда они поражают.

Все вздрогнули, и воцарилась тишина.

Королева прижимала обе руки к груди. Видно было, что она старается подавить сильное сердцебиение.

— Портос,— шепнул д'Артаньян,— посмотрите хорошенько на этого священника.

— Смотрю,— отвечал Портос,— что дальше?

— Вот настоящий человек!

Портос с удивлением взглянул на своего друга; очевидно, он не вполне понял, что тот хотел сказать.

— Итак,— безжалостно продолжал коадьютор,— ваше величество примет надлежащие меры. Но я предвижу, что они будут ужасны и лишь еще более раздражат мятежников.

— В таком случае, господин коадьютор, вы, который имеете власть над ними и считаетесь нашим другом,— иронически сказала королева,— успокойте их своими благословениями.

— Быть может, это будет уже слишком поздно,— возразил Гонди тем же ледяным тоном,— быть может, даже я потеряю всякое влияние на них, между тем как, возвратив Брюселя, ваше величество сразу пресечет мятеж и получит право жестоко карать всякую дальнейшую попытку к восстанию.

— А сейчас я не имею этого права? — воскликнула королева.

— Если имеете, воспользуйтесь им,— отвечал Гонди.

— Черт возьми,— шепнул д'Артаньян Портосу,— вот характер, который мне нравится; жаль, что он не министр и я служу не ему, а этому ничтожеству Мазарини. Каких бы славных дел мы с ним наделали!

— Да,— согласился Портос.

Королева между тем знаком предложила всем выйти, кроме Мазарини. Гонди поклонился и хотел выйти с остальными.

— Оставайтесь, сударь,— сказала королева.

«Дело идет на лад,— подумал Гонди,— она уступит».

— Она велит убить его,— шепнул д'Артаньян Портосу,— но во всяком случае не я исполню ее приказание; наоборот, клянусь богом, если кто покусится на его жизнь, я буду его защищать.

— Хорошо,— пробормотал Мазарини, садясь в кресло,— побеседуем.

Королева проводила глазами вышедших. Когда дверь за последним из них затворилась, она обернулась. Было видно, что она делает невероятные усилия, чтобы преодолеть свой гнев; она обмахивалась веером, подносила к носу коробочку с душистой смолой, ходила взад и вперед. Мазарини сидел в кресле и, казалось, глубоко задумался. Гонди, который начал тревожиться, пытливо осматривался, ощупывал кольчугу под своей рясой и время от времени пробовал под мантией, легко ли вынимается из ножен короткий испанский нож.

— Теперь,— сказала наконец королева, становясь перед коадьютором,— теперь, когда мы одни, повторите ваш совет, господин коадьютор.

— Вот он, ваше величество: сделать вид, что вы хорошо все обдумали, признать свою ошибку (не это ли признак сильной власти?), выпустить Бруселя из тюрьмы и вернуть его народу.

— О! — воскликнула Анна Австрийская. — Так унизиться? Королева я или нет? И этот сброд, который кричит там, не толпа ли моих подданных? Разве у меня нет друзей и верных слуг? Клянусь святой девой, как говорила королева Екатерина, — продолжила она, взвинчивая себя все больше и больше, — чем возратить им этого проклятого Бруселя, я лучше задушу его собственными руками.

С этими словами королева, сжав кулаки, бросилась к Гонди, которого в эту минуту она ненавидела, конечно, не менее, чем Бруселя.

Гонди остался недвижим. Ни один мускул на его лице не дрогнул; только его ледяной взгляд, как клинок, скрестился с яростным взглядом королевы.

— Этого человека можно было бы считать конченным, если бы при дворе нашелся новый Витри и в эту минуту вошел в комнату, — прошептал д'Артаньян. — Но прежде, чем он напал бы на этого славного прелата, я убил бы такого Витри. Господин кардинал был бы мне за это только бесконечно благодарен.

— Тише, — шепнул Портос, — слушайте.

— Ваше величество! — воскликнул кардинал, хватая Анну Австрийскую за руки и отводя ее назад. — Что вы делаете?

Затем прибавил по-испански:

— Анна, вы с ума сошли. Вы ссоритесь, как мешанка, вы, королева. Да разве вы не видите, что в лице этого священника перед вами стоит весь парижский народ, которому опасно наносить в такую минуту оскорбление? Ведь если он захочет, то через час вы лишитесь короны. Позже, при лучших обстоятельствах, вы будете тверды и непоколебимы, а теперь не время. Сейчас вы должны льстить и быть ласковой, иначе вы покажете себя самой обыкновенной женщиной.

При первых словах, произнесенных кардиналом по-испански, д'Артаньян схватил Портоса за руку и сильно сжал ее; потом, когда Мазарини умолк, тихо прибавил:

— Портос, никогда не говорите кардиналу, что я понимаю по-испански, иначе я пропал и вы тоже.

— Хорошо, — ответил Портос.

Этот суровый выговор, сделанный с тем красноречием, каким отличался Мазарини, когда говорил по-итальянски или по-испански (он совершенно терял его, когда говорил по-французски), кардинал произнес с таким непроницаемым лицом, что даже Гонди, каким он ни был искусным физиономистом, не заподозрил в нем ничего, кроме просьбы быть более сдержанной.

Королева сразу смягчилась; огонь погас в ее глазах, краска сбегала с лица, и губы перестали дышать гневом. Она села и, опустив руки, произнесла голосом, в котором слышались слезы:

— Простите меня, господин коадьютор, я так страдаю, что вспышка моя понятна. Как женщина, подверженная слабостям своего пола, я страшусь междоусобной войны; как королева, привыкшая к все-

общему повиновению, я теряю самообладание, едва только замечаю сопротивление моей воле.

— Ваше величество,— ответил Гонди с поклоном,— вы ошибаетесь, называя мой искренний совет сопротивлением. У вашего величества есть только почтительные и преданные вам подданные. Не против королевы настроен народ, он только просит вернуть Брюсея, вот и все, возвратите ему Брюсея, и он будет счастливо жить под защитой ваших законов,— прибавил коадьютор с улыбкой.

Мазарини, который при словах «не против королевы настроен народ» навострил слух, опасаясь, что Гонди заговорит на тему «Долой Мазарини», был очень благодарен коадьютору за его сдержанность и поспешил прибавить самым вкрадчивым тоном:

— Ваше величество, поверьте в этом господину коадьютору, который у нас один из самых искусных политиков; первая же вакантная кардинальская шляпа будет, конечно, предложена ему.

«Ага, видно, ты здорово нуждаешься во мне, хитрая лиса»,— подумал Гонди.

— Что же он пообещает нам,— сказал тихо д'Артаньян,— в тот день, когда его жизни будет угрожать опасность? Черт возьми! Если он так легко раздает кардинальские шляпы, то будем наготове, Портос, и завтра же потребуем себе по полку. Если гражданская война продлится еще год, я заказываю себе золоченую шпагу коннетабля¹.

— А я? — спросил Портос.

— Ты, ты потребуешь себе жезл маршала де Ла Мельере, который сейчас, кажется, не особенно в фаворе.

— Итак,— сказала королева,— вы серьезно опасаетесь народного восстания?

— Seriously, ваше величество,— отвечал Гонди, удивленный тем, что они все еще топчутся на одном месте.— Поток прорвал плотину, и я боюсь, как бы он не произвел великих разрушений.

— А я нахожу,— возразила королева,— что в таком случае надо создать новую плотину. Хорошо, я подумаю.

Гонди удивленно посмотрел на Мазарини, который подошел к королеве, чтобы поговорить с нею. В эту минуту на площади Палероя слышался шум.

Гонди улыбнулся. Взор королевы воспламенился. Мазарини сильно побледнел.

— Что еще там? — воскликнул он.

В эту минуту в залу вбежал Коменж.

— Простите, ваше величество,— произнес он,— но народ прижал караульных к ограде и сейчас ломает ворота. Что прикажете делать?

— Слышите, ваше величество? — сказал Гонди.

Рев волн, раскаты грома, извержение вулкана даже сравнить нельзя с разразившейся в этот момент бурей криков.

— Что я прикажу? — произнесла королева.

---

¹ Должность начальника всех вооруженных сил королевства в феодальной Франции.

— Да; время дорого.

— Сколько человек приблизительно у нас в Пале-Рояле?

— Шестьсот.

— Приставьте сто человек к королю, а остальными разгоните этот сброд.

— Ваше величество,— воскликнул Мазарини,— что вы делаете?

— Идите и исполняйте,— сказала королева.

Коменж, привыкший, как солдат, повиноваться без рассуждений, вышел.

В это мгновение послышался сильный треск; одни ворота начали подаваться.

— Ваше величество,— снова воскликнул Мазарини,— вы губите короля, себя и меня!

Услышав этот крик, вырвавшийся из трусливой души кардинала, Анна Австрийская тоже испугалась. Она вернула Коменжа.

— Слишком поздно,— сказал Мазарини, хватаясь за голову,— слишком поздно.

В это мгновение ворота уступили натиску толпы, и во дворе слышались радостные крики. Д'Артаньян схватился за шпагу и знаком велел Портосу сделать то же самое.

— Спасайте королеву!— воскликнул кардинал, бросаясь к коадьютору.

Гонди подошел к окну и открыл его. На дворе была уже громадная толпа народа с Лувьером во главе.

— Ни шагу дальше,— крикнул коадьютор,— королева подписывает приказ!

— Что вы говорите?— воскликнула королева.

— Правду,— произнес кардинал, подавая королеве перо и бумагу.— Так надо.

Затем прибавил тихо:

— Пишите, Анна, я вас прошу, я требую.

Королева упала в кресло и взяла перо...

Сдерживаемый Лувьером, народ не двигался с места, но продолжал гневно роптать.

Королева написала: «Начальнику Сен-Жерменской тюрьмы приказ выпустить на свободу советника Брюсея». Потом подписала.

Кoadьютор, следивший за каждым движением королевы, схватил бумагу и, потрясая ею в воздухе, подошел к окну.

— Вот приказ!— крикнул он.

Казалось, весь Париж испустил радостный крик. Затем слышались крики: «Да здравствует Брюсель! Да здравствует коадьютор!»

— Да здравствует королева!— крикнул Гонди.

Несколько голосов подхватили его возглас, но голоса эти были слабые и редкие.

Может быть, коадьютор нарочно крикнул это, чтобы показать Анне Австрийской всю ее слабость.

— Теперь, когда вы добились того, чего хотели,— сказала она,— вы можете идти, господин Гонди.

— Если я понадоблюсь вашему величеству, — произнес коадьютор с поклоном, — то знайте, я всегда к вашим услугам

Королева кивнула головой, и коадьютор вышел.

— Ах, проклятый священник! — воскликнула Анна Австрийская, протягивая руки к только что затворившейся двери. — Я отплачу тебе за сегодняшнее унижение!

Мазарини хотел подойти к ней.

— Оставьте меня! — воскликнула она. — Вы не мужчина.

С этими словами она вышла.

— Это вы не женщина, — пробормотал Мазарини.

Затем, после минутной задумчивости, он вспомнил, что д'Артаньян и Портос находятся в соседней комнате и, следовательно, все слышали. Мазарини нахмурил брови и подошел к портьеру. Но когда он ее поднял, то увидел, что в кабинете никого нет.

При последних словах королевы д'Артаньян схватил Портоса за руку и увлек его за собой в галерею.

Мазарини тоже прошел в галерею и увидел там двух друзей, которые спокойно прогуливались.

— Отчего вы вышли из кабинета, д'Артаньян? — спросил Мазарини.

— Оттого, что королева приказала всем удалиться, — отвечал д'Артаньян, — и я решил, что этот приказ относится к нам, как и к другим.

— Значит, вы здесь уже...

— Уже около четверти часа, — поспешно ответил д'Артаньян, делая знак Портосу не выдавать его.

Мазарини заметил этот взгляд и понял, что д'Артаньян все видел и слышал; но он был ему благодарен за ложь.

— Положительно, д'Артаньян, — сказал он, — вы тот человек, какого я ищу, и вы можете рассчитывать, равно как и ваш друг, на мою благодарность.

Затем, поклонившись обоим с самой приятной улыбкой, он вернулся спокойно к себе в кабинет, так как с появлением Гонди шум на дворе затих, словно по волшебству.

Глава 5

В НЕСЧАСТЬЕ ВСПОМИНАЕШЬ ДРУЗЕЙ

нна Австрийская в страшном гневе прошла в свою молельню.

— Как,— воскликнула она, ломая свои прекрасные руки,— народ смотрел, как Конде, первый принц крови, был арестован моею свекровью, Марией Медичи; он видел, как моя свекровь, бывшая регентша, была изгнана кардиналом; он видел, как герцог Вандомский, сын Генриха Четвертого, был заключен в крепость; он молчал, когда унижали, преследовали, заточали таких больших людей... А теперь из-за какого-то Брюселя... Боже, что происходит в королевстве?

Сама того не замечая, королева затронула жгучий вопрос. Народ действительно не сказал ни слова в защиту принцев и поднялся за Брюселя: это потому, что Брюсель был плебей, и, защищая его, народ инстинктивно чувствовал, что защищает себя.

Мазарини шагал между тем по кабинету, изредка поглядывая на разбитое вдребезги венецианское зеркало.

— Да,— говорил он,— я знаю, это печально, что пришлось так уступить. Но что же, мы еще отыграемся. Да и что такое Брюсель? Только имя, не больше.

Хоть Мазарини и был искусным политиком, в данном случае он все же ошибался. Брюсель был важной особой, а не пустым звуком.

В самом деле, когда Брюсель на следующее утро въехал в Париж в большой карете и рядом с ним сидел Лувьер, а на запятках стоял Фрике, то весь народ, еще не сложивший оружия, бросился к нему навстречу. Крики: «Да здравствует Брюсель!», «Да здравствует наш отец!» оглашали воздух. Мазарини слышал в этих криках свой смертный приговор. Шпионы кардинала и королевы приносили со всех сторон неприятные вести, которые кардинал выслушивал с большой тревогой, а королева со странным спокойствием. В уме королевы, казалось, зрело важное решение, что еще увеличивало беспокойство Мазарини. Он хорошо знал гордую монархиню и опасался роковых последствий решения, которое могла принять Анна Австрийская.

Кoadьютор пользовался теперь в парламенте большим влиянием, чем король, королева и кардинал вместе взятые. По его совету был издан парламентский эдикт, приглашавший народ сложить оружие и разобрать баррикады; он знал теперь, что достаточно одного часа, чтобы народ снова вооружился, и одной ночи, чтобы снова воздвиглись баррикады.

Планше вернулся в свою лавку, уже не боясь быть повешенным: победителей не судят, и он был убежден, что при первой попытке арестовать его народ за него вступится, как вступился за Брюселя.

Рошфор вернул своих новобранцев шевалье д'Юмьеру; правда, двух не хватало, но шевалье был в душе фрондер и не захотел ничего слушать о вознаграждении.

Нищий возвратился на паперть св. Евстафия; он опять подавал святую воду и просил милостыню. Никто не подозревал, что эти руки только что помогли вытащить краугольный камень из-под здания монархического строя.

Лувьер был горд и доволен. Он отомстил ненавистному Мазарини и немало содействовал освобождению своего отца из тюрьмы; его имя со страхом повторяли в Пале-Рояле, и он, смеясь, говорил отцу, снова водворившемуся в своей семье:

— Как вы думаете, отец, если бы я теперь попросил у королевы должность командира роты, исполнила бы она мою просьбу?

Д'Артаньян воспользовался наступившим затишьем, чтобы отослать в армию Рауля, которого с трудом удерживал дома во время волнения, так как он непременно хотел сражаться на той или на другой стороне. Сначала Рауль не соглашался, но когда д'Артаньян произнес имя графа де Ла Фер, Рауль, сделав визит герцогине де Шеврез, отправился обратно в армию.

Один Рошфор не был доволен исходом дела. Он письмом пригласил герцога де Бофора приехать, и тот мог теперь явиться, но — увы! — в Париже царило спокойствие.

Рошфор отправился к коадьютору, чтобы посоветоваться, не написать ли принцу, чтобы тот задержался. Немного подумав, Гонди ответил:

— Пусть себе принц едет.

— Значит, не все еще кончено? — спросил Рошфор.

— Мы только начинаем, дорогой граф.

— Почему вы так думаете?

— Потому что я знаю королеву; она не захочет признать себя побежденной.

— Значит, она что-то готовит?

— Надеюсь.

— Вы что-нибудь знаете?

— Я знаю, что она написала принцу Конде, прося его немедленно оставить армию и явиться в Париж.

— Ага! — произнес Рошфор. — Вы правы, пусть герцог де Бофор приезжает.

Вечером того дня, когда происходил этот разговор, распространился слух, что принц Конде прибыл.

В этом известии не было ничего необыкновенного, а между тем оно имело важные последствия. Произошло это вследствие болтливости герцогини де Лонгвиль, узнавшей, как передавали, кое-что от самого принца Конде, которого все обвиняли в более чем братской привязанности к своей сестре, герцогине.

Таким образом, раскрылось, что королева строит какие-то козни.

В самый вечер прибытия принца наиболее осведомленные граждане, эшеваны и старшины кварталов, уже ходили по своим знакомым, говоря всем:

— Почему бы нам не взять короля и не поместить его в городской ратуше? Напрасно мы предоставляем его воспитание нашим врагам, дающим ему дурные советы. Если бы он, например, воспитывался под

руководством господина коадьютора, то усвоил бы себе национальные принципы и любил бы народ.

Всю ночь в городе чувствовалось глухое оживление, а наутро снова появились серые и черные плащи, патрули из вооруженных торговцев и шайки нищих.

Королева провела ночь в беседе с глазу на глаз с принцем Конде; его ввели к ней в полночь в молельню, откуда он вышел только около пяти часов утра.

В пять часов королева прошла в кабинет кардинала: она еще не ложилась, а кардинал уже встал.

Он писал ответ Кромвелю, так как прошло уже шесть дней из десяти, назначенных им Мордаунту.

«Что же,— думал он,— я заставлю его немного подождать. Но ведь господин Кромвель лучше других знает, что такое революция, и извинит меня».

Итак, он с удовольствием перечитывал первый параграф своего ответа, когда послышался тихий стук в дверь, соединявшую его кабинет с апартаментами королевы. Через эту дверь Анна Австрийская могла во всякое время приходиться к нему. Кардинал встал и отпер дверь.

Королева была в домашнем платье, но она еще могла позволить себе быть небрежно одетой, ибо, подобно Диане де Пуатье¹ и Нинон де Ланкло², долго сохраняла красоту. В это же утро она была особенно хороша, и глаза ее сияли от радости.

— Что случилось, ваше величество,— спросил несколько обеспокоенный Мазарини,— у вас такой торжествующий и довольный вид?

— Да, Джулио,— ответила она,— я могу торжествовать, так как нашла средство раздавить эту гидру.

— Вы — великий политик, моя королева,— сказал Мазарини.— Какое же вы нашли средство?

Он спрятал свое письмо, сунув его под другие бумаги.

— Они хотят отобрать у меня короля, вы знаете это? — сказала королева.

— Увы, да. А меня повесить.

— Они не получают короля.

— Значит, и меня не повесят, *benone*³.

— Слушайте, я хочу уехать с вами и увезти с собой короля. Но я хочу, чтобы это событие, которое сразу изменит наше положение, произошло так, чтоб о нем знали только трое: вы, я и еще третье лицо.

— Кто же это третье лицо?

— Принц Конде.

— Значит, он приехал? Мне сказали правду!

— Да. Вчера вечером.

— И вы с ним уже виделись?

---

¹ Любовница короля Франциска I, знаменитая своей красотой и умом.

² Известная французская куртизанка (1609—1701) и хозяйка литературного салона.

³ Отлично (*итал.*).

- Мы только что расстались.
- Он принимает участие в этом деле?
- Он дал мне этот совет.
- А Париж?
- Принц принудит его к сдаче голодом.
- Ваш проект великолепен. Но я вижу одно препятствие.
- Какое?
- Невозможность осуществить его.
- Пустые слова. Нет ничего невозможного.
- Да, в мечтах.
- Нет, на деле. Есть у нас деньги?
- Да, немного,— сказал Мазарини, боясь, чтобы Анна Австрийская не заставила его раскошелиться.
- Есть у нас войско?
- Пять или шесть тысяч человек.
- Хватит у нас мужества?
- Безусловно.
- Значит, дело нетрудное. О, понимаете ли вы, Джулио? Париж, этот ненавистный Париж, проснувшись без короля и королевы, увидит, что его перехитрили, что ему грозит осада и голод, что у него нет другой защиты, кроме его вздорного парламента и тощего, кривоногого коадьютора!
- Прекрасно, прекрасно,— произнес Мазарини,— я понимаю, какое это произведет действие, но не вижу средств привести ваш план в исполнение.
- Я найду средство.
- Вы знаете, что это означает? Междоусобную войну, войну ожесточенную и беспощадную!
- Да, да, война,— сказала Анна Австрийская,— и я хочу обратить этот мятежный город в пепел; я залью пожар кровью; я хочу, чтобы ужасающий пример заставил вечно помнить и преступление, и постигшую его кару. О, как я ненавижу Париж!
- Успокойтесь, Анна, что за кровожадность! Будьте осторожны; времена Малатесты и Каструччо Кастракани¹ прошли. Вы добьетесь того, что вас обезглавят, прекрасная королева, а это будет жаль.
- Вы смеетесь?
- Ничуть не смеюсь. Война с целым народом опасна. Поглядите на своего брата Карла Первого; ему пришлось плохо, очень плохо.
- Да, но мы во Франции и я испанка.
- Тем хуже, рег Васчо², тем хуже; я предпочел бы, чтобы вы были французенкой, а я французом: тогда нас не так бы ненавидели.
- Во всяком случае, вы одобряете мой план?
- Да, если только его возможно осуществить.
- Конечно, возможно. Говорю вам: готовьтесь к отъезду!

---

¹ Каструччо Кастракани — один из деятелей борьбы между гвельфами и гибеллинами в средневековой Италии (конец XIII в.). Малатеста — итальянский кондотьер (наемный военачальник), затем властитель Римини (конец XV в.).

² Черт возьми (*итал.*).

— Ну, я-то всегда к нему готов, но только мне никак не удается уехать... и на этот раз я вряд ли уеду.

— А если я уеду, поедете вы со мной?

— Постараюсь.

— Вы меня убиваете своей трусостью, Джулио. Чего вы боитесь?

— Многого.

— Например?

Лицо Мазарини было все время насмешливым. Теперь оно омрачилось.

— Анна,— сказал он,— вы женщина и можете оскорблять мужчин, так как уверены в вашей безнаказанности. Вы обвиняете меня в трусости, но я не так труслив, как вы, ибо не хочу бежать. Против кого восстал народ? Против вас или против меня? Кого он хочет повесить? Вас или меня? А я не склоняюсь перед бурей, хоть вы и обвиняете меня в трусости. Я не сорвиголова, это не в моем вкусе, но я тверд. Берите пример с меня: меньше шума и больше дела. Вы громко кричите, значит, ничего не достигнете. Вы хотите бежать...

Мазарини пожал плечами, взял королеву под руку и подвел ее к окну.

— Смотрите,— сказал он.

— Что? — спросила королева, ослепленная своим упрямством.

— Ну, что же вы видите в это окно? Если глаза меня не обманывают, там горожане в панцирях и касках, с добрыми мушкетерами, как во времена Лиги; и они смотрят на это окно так внимательно, что увидят вас, если вы поднимете занавеску. Теперь посмотрите в другое окно. Что вы видите? Вооруженный алебардами народ, который караулит выходы. Все ворота, двери, даже отдушины погребов охраняются, и я скажу вам, как говорил мне Ла Раме о Бофоре: «Если вы не птица и не мышь, вы не выйдете отсюда».

— Но ведь Бофор бежал!

— Хотите и вы бежать таким же способом?

— Значит, я пленница?

— Конечно! — воскликнул Мазарини.— Я уже битый час вам это доказываю.

С этими словами кардинал преспокойно сел за стол и занялся письмом к Кромвелю.

Анна, трепеща от гнева и вся красная от негодования, вышла из кабинета, сильно хлопнув дверью. Мазарини даже не обернулся. Вернувшись к себе, королева бросилась в кресло и залилась слезами. Вдруг ее осенила мысль.

— Я спасена! — воскликнула она, вставая.— О да, я знаю человека, который сумеет увезти меня из Парижа; я слишком долго не вспоминала о нем. Да,— продолжала она задумчиво, но в каком-то радостном возбуждении,— как я неблагодарна! Я двадцать лет оставляла в забвении человека, которого давно должна была бы сделать маршалом Франции. Моя свекровь осыпала золотом, почестями и ласками Кончини, который погубил ее; король сделал Витри марша-

дом Франции за убийство; а я даже не вспоминала и оставила в бедности этого благородного д'Артаньяна, который меня спас.

Она подбежала к письменному столу и поспешно набросала несколько слов.

Глава 6

СВИДАНИЕ

Д'Артаньян спал эту ночь в комнате Портоса, как и все ночи с начала возмущения. Шпаги свои они держали у изголовья, а пистолеты клали на стол так, чтобы они были под рукой.

Под утро д'Артаньяну приснилось, что все небо покрылось желтым облаком, из которого полил золотой дождь, и что он подставил свою шляпу под кровельный желоб.

Портосу снилось, что дверца его кареты оказалась слишком мала, чтобы вместить его полный герб.

В семь часов их разбудил слуга без ливреи, принесший д'Артаньяну письмо.

— От кого? — спросил гасконец.

— От королевы, — отвечал слуга.

— Ого! — произнес Портос, приподымаясь на постели. — Ну, и что там?

Д'Артаньян попросил слугу пройти в соседнюю комнату, и как только дверь затворилась, вскочил с постели и поспешно прочел записку. Портос смотрел на него, выпучив глаза и не решаясь заговорить.

— Друг Портос, — сказал наконец д'Артаньян, протягивая ему письмо, — вот наконец твой баронский титул и мой капитанский патент. Читай и суди сам.

Портос протянул руку, взял письмо и прочел дрожащим голосом: «Королева желает переговорить с господином д'Артаньяном, которого просит последовать за подателем этого письма».

— Что же, — произнес Портос, — я не вижу тут ничего особенного.

— А я вижу, и очень много, — возразил д'Артаньян. — Если уж позвали меня, то, значит, дела плохи. Подумай, что должно было произойти, чтобы через двадцать лет королева вспомнила обо мне!

— Правда, — согласился Портос.

— Наточи свою шпагу, барон, заряди пистолеты и задай лошадям овса. Ручаюсь, что еще сегодня у нас будет дело; а главное — никому ни слова.

— Не готовят ли нам западню, чтобы избавиться от нас? — спросил Портос, уверенный, что его будущее величие уже теперь многим не дает покоя.

— Если это западня, — возразил д'Артаньян, — то я ее разгадаю, будь покоен. Если Мазарини итальянец, то я гасконец.

Д'Артаньян в один миг оделся. Портос, по-прежнему лежавший в постели, уже застегивал ему плащ, когда в дверь снова постучали. Вошел другой слуга.

— От его преосвященства кардинала Мазарини,— произнес он. Д'Артаньян посмотрел на Портоса.

— Дело осложняется,— сказал тот.— С чего же начинать?

— Не беда,— отвечал д'Артаньян, прочитав записку кардинала,— все устраивается отлично — его преосвященство назначает мне свидание через полчаса.

— А, тогда все в порядке.

— Друг мой,— сказал д'Артаньян, обращаясь к слуге,— передайте его преосвященству, что через полчаса я буду к его услугам. Слуга поклонился и вышел.

— Хорошо, что этот не видал того,— заметил д'Артаньян.

— Значит, ты думаешь, они прислали за тобой не по одному и тому же делу?

— Не думаю, а уверен в этом.

— Однако, д'Артаньян, торопись. Не забывай, что тебя ждет королева, а после королевы кардинал, а после кардинала я.

Д'Артаньян позвал слугу Анны Австрийской.

— Ну, вот и я, мой друг,— сказал он,— проводите меня.

Слуга провел его окольными улицами, и через несколько минут они вступили через маленькую калитку в дворцовый сад, а затем по потайной лестнице д'Артаньяна ввели в молельню королевы.

Лейтенант мушкетеров испытывал безотчетное волнение: в нем не было больше юношеской самоуверенности, и благодаря приобретенной им опытности он понимал всю важность совершающихся событий.

Через минуту легкий шум нарушил тишину молельни. Д'Артаньян вздрогнул, увидев, как чья-то рука приподымает портьеру. По форме, белизне и красоте он узнал эту руку, которую ему однажды, так давно, позволили поцеловать.

В молельню вошла королева.

— Это вы, господин д'Артаньян,— сказала она, устремив на офицера ласковый и в то же время грустный взгляд.— Это вы, и я вас узнаю. Взгляните и вы на меня, я королева. Узнаете вы меня?

— Нет, ваше величество,— ответил д'Артаньян.

— Разве вы забыли уже,— сказала Анна Австрийская тем чарующим тоном, какой она умела придать своему голосу, когда хотела этого,— как некогда одной королеве понадобился храбрый и преданный дворянин и как она нашла этого дворянина? Для этого дворянина, который, быть может, думает, что его забыли, она сохранила место в глубине своего сердца. Знаете вы это?

— Нет, ваше величество, я этого не знаю,— сказал мушкетер.

— Тем хуже, сударь,— произнесла Анна Австрийская,— тем хуже; я хочу сказать — для королевы, так как ей опять понадобилась такая же храбрость и преданность.

— Неужели,— возразил д'Артаньян,— королева, окруженная такими преданными слугами, такими мудрыми советниками, такими

ждающимися по заслугам и положению людьми, удостоила обратить свой взор на простого солдата?

Анна поняла скрытый упрек, который только смутил, но не рассердил ее. Самоотверженность и бескорыстие гасконского дворянина много раз заставляли ее чувствовать унижение; он превзошел ее благородством.

— Все, что вы говорите о людях, окружающих меня, может быть, и верно,— сказала она,— но я могу довериться только вам, господин д'Артаньян. Я знаю, что вы служите господину кардиналу, но послужите немного мне, и я позабочусь о вас. Скажите, не согласились ли бы вы сделать для меня то же, что сделал некогда для королевы дворянин, вам не известный?

— Я сделаю все, что прикажет ваше величество,— сказал д'Артаньян.

Королева на минуту задумалась; в ответе мушкетера ей послышалась излишняя осторожность.

— Вы, может быть, любите спокойствие? — спросила она.

— Я не знаю, что это такое: я никогда не отдыхал, ваше величество.

— Есть у вас друзья?

— У меня их было трое: двое покинули Париж, и я не знаю, где они находятся. Со мной остался только один, но этот человек, кажется, из тех, что знали дворянина, о котором ваше величество удостоили рассказать мне.

— Отлично! — сказала королева.— Вы вдвоем с вашим другом стоите целой армии.

— Что я должен сделать, ваше величество?

— Приходите еще раз, в пять часов, и я вас скажу; но не говорите ни единой душе о свидании, которое я вам назначила.

— Слушаюсь, ваше величество.

— Поклянитесь на распятии.

— Ваше величество, я никогда не нарушал своего слова. Что я сказал, то сказал.

Королева, не привыкшая к такому языку, необычному в устах ее придворных, вывела заключение, что д'Артаньян вложит все свое усердие в исполнение ее плана, и осталась этим очень довольна. На самом деле это была одна из хитростей гасконца, подчас желавшего скрыть за личиной солдатской резкости и прямоты свою проницательность.

— Ваше величество ничего мне больше сейчас не прикажет? — спросил он.

— Нет,— отвечала Анна Австрийская,— до пяти часов вы свободны и можете идти.

Д'Артаньян поклонился и вышел.

«Черт возьми,— подумал он,— я, кажется, и в самом деле им очень нужен».

Так как полчаса уже прошло, то он прошел по внутренней галерее и постучался к кардиналу.

Бернуин впустил его.

— Я к вашим услугам, монсеньер,— произнес д'Артаньян, входя в кабинет кардинала.

По своему обыкновению, он сразу осмотрелся кругом и заметил, что перед Мазарини лежит запечатанный конверт. Но конверт этот лежал верхней стороной вниз, так что нельзя было рассмотреть, кому он адресован.

— Вы от королевы? — спросил Мазарини, пытливо поглядывая на мушкетера.

— Я, монсеньер? Кто вам сказал это?

— Никто, но я знаю.

— Очень сожалею, но должен сказать вам, монсеньер, что вы ошибаетесь,— бесстыдно заявил гасконец, помнивший данное им Анне Австрийской обещание.

— Я сам видел, как вы шли по галерее.

— Это оттого, что меня провели по потайной лестнице.

— А зачем?

— Не знаю; вероятно, тут какое-нибудь недоразумение.

Мазарини знал, что нелегко заставить д'Артаньяна сказать то, чего тот не хочет говорить; поэтому он на время отказался от попыток проникнуть в его тайну.

— Поговорим о моих делах,— сказал кардинал,— раз о своих вы говорить не желаете.

Д'Артаньян молча поклонился.

— Любите вы путешествовать? — спросил Мазарини.

— Я почти всю жизнь провел в дороге.

— Вас ничто в Париже не удерживает?

— Меня ничто не может удержать, кроме приказа свыше.

— Хорошо. Вот письмо, которое надо доставить по адресу.

— По адресу, монсеньер? Но я не вижу никакого адреса.

Действительно, на конверте не было никакой надписи.

— Письмо в двух конвертах,— сказал Мазарини.

— Понимаю. Я должен вскрыть верхний, когда прибуду в назначенное мне место.

— Совершенно верно. Возьмите его и отправляйтесь. У вас есть друг, господин дю Валлон, которого я очень ценю. Возьмите его с собой.

«Черт возьми,— подумал д'Артаньян,— он знает, что мы слышали вчерашний разговор, и хочет удалить нас из Парижа».

— Вы колеблетесь? — спросил Мазарини.

— Нет, монсеньер, я тотчас же отправлюсь. Но только я должен попросить вас об одной вещи.

— О чем же? Говорите.

— Пройдите к королеве, ваше преосвященство.

— Когда?

— Сейчас.

— Зачем?

— Чтобы сказать ей следующее: «Я посылаю д'Артаньяна по одному делу, и он должен сейчас же отправиться в путь».

— Видите, вы были у королевы! — сказал Мазарини.

— Я уже имел честь докладывать вашему преосвященству, что тут, вероятно, какое-нибудь недоразумение.

— Что это значит? — спросил кардинал.

— Могу я повторить вашему преосвященству мою просьбу?

— Хорошо, я иду. Подождите меня здесь.

Мазарини взглянул, не забыл ли он какого-нибудь ключа в замке, и вышел.

Прошло десять минут, в течение которых д'Артаньян тщетно пытался разобрать сквозь наружный конверт адрес на письме.

Кардинал возвратился бледный и, видимо, озабоченный. Он молча подсел опять к письменному столу и начал что-то обдумывать. Д'Артаньян внимательно следил за ним, стараясь прочесть его мысли. Но лицо кардинала было столь же непроницаемо, как конверт пакета, который он отдал мушкетеру.

«Эге! — подумал д'Артаньян. — Он, кажется, сердит. Уж не на меня ли? Он размышляет. Не собирается ли он отправить меня в Бастилию? Только смотрите, монсеньер, при первом же слове, которое вы скажете, я вас задушу и сделаюсь фрондером. Меня повезут с триумфом, как Бруселя, и Атос назовет меня французским Брутом¹. Это будет недурно».

Пылкое воображение гасконца уже рисовало ему всю выгоду, какую он сможет извлечь из такого положения.

Но он ошибся. Мазарини заговорил с ним ласковее прежнего.

— Вы правы, дорогой д'Артаньян, — сказал он, — вам еще нельзя ехать.

«Ага», — подумал д'Артаньян.

— Верните мне, пожалуйста, письмо.

Д'Артаньян подал письмо. Кардинал проверил, цела ли печать.

— Вы мне понадобится сегодня вечером, — сказал Мазарини. — Приходите через два часа.

— Через два часа, монсеньер, — возразил д'Артаньян, — у меня назначено свидание, которое я не могу пропустить.

— Не беспокойтесь, — сказал Мазарини, — это по одному и тому же делу.

«Прекрасно, — подумал д'Артаньян, — я так и думал».

— Итак, возвращайтесь в пять часов и приведите с собой милейшего господина дю Валлона. Но только оставьте его в приемной: я хочу поговорить с вами наедине.

Д'Артаньян молча поклонился, думая про себя: «Оба дают одно и то же приказание, оба назначают одно и то же время, оба в Пале-Рояле. Понимаю. Вот тайна, за которую господин де Гонди заплатил бы сто тысяч ливров».

— Вы задумались? — спросил Мазарини с тревогой.

— Да, я думаю о том, надо ли нам вооружиться или нет.

— Вооружитесь до зубов, — сказал кардинал.

---

¹ Один из убийц Юлия Цезаря, мечтавший об укреплении республиканского строя, расшатавшего в смутах политического кризиса в Риме I в. до н. э.

— Хорошо, монсеньер, будет исполнено.

Д'Артаньян поклонился, вышел и поспешил домой передать своему другу лестные отзывы Мазарини, чем доставил Портосу несказанное удовольствие.

Глава 7

БЕГСТВО

Несмотря на признаки волнения в городе, Пале-Рояль представлял самое веселое зрелище, когда д'Артаньян явился туда к пяти часам дня. И неудивительно: раз королева возвратила народу Бруселя и Бланмениля, ей теперь действительно нечего было бояться, потому что народу больше нечего было от нее требовать. Возбуждение горожан было остатком недавнего волнения: надо было дать ему время утихнуть, подобно тому как после бури требуется иногда несколько дней для того, чтобы море совсем успокоилось.

Устроено было большое празднество, поводом к которому послужил приезд ланского победителя. Приглашены были принцы и принцессы; уже с полудня двор наполнился их каретами. После обеда у королевы должна была состояться игра.

Анна Австрийская пленяла всех в этот день своим умом и грацией; никогда еще не видели ее такой веселой. Жажда мести придавала блеск ее глазам и озаряла лицо улыбкой.

Когда встали из-за стола, Мазарини скрылся. Д'Артаньян уже был на своем посту, дожидаясь кардинала в передней. Тот появился с сияющим лицом, взял его за руку и ввел в кабинет.

— Мой дорогой д'Артаньян,— сказал министр, садясь,— я окажу вам сейчас величайшее доверие, какое только министр может оказать офицеру.

Д'Артаньян поклонился.

— Я надеюсь,— сказал он,— что министр окажет мне его безо всякой задней мысли и в полном убеждении, что я действительно достоин доверия.

— Вы достойнее всех, мой друг, иначе бы я к вам не обратился.

— В таком случае,— сказал д'Артаньян,— признаюсь вам, монсеньер, что я уже давно жду подобного случая. Скажите же мне скорее то, что собирались сообщить.

— Сегодня вечером, любезный д'Артаньян,— продолжал Мазарини,— судьба государства будет в ваших руках.

Он остановился.

— Объяснитесь, монсеньер, я жду.

— Королева решила проехать с королем в Сен-Жермен.

— Ага,— сказал д'Артаньян,— иначе говоря, королева хочет уехать из Парижа.

— Вы понимаете, женский каприз...

— Да, я очень хорошо понимаю,— сказал д'Артаньян.

— За этим-то она и призвала вас к себе сегодня утром и приказала вам снова явиться в пять часов.

«Стоило требовать с меня клятвы, что я никому не скажу об этом свидании,— прошептал д'Артаньян.— О, женщины! Даже будучи королевами, они остаются женщинами!»

— Вы, может быть, не одобряете этого маленького путешествия, дорогой господин д'Артаньян? — спросил Мазарини с беспокойством.

— Я, монсеньер? — сказал д'Артаньян.— А почему бы?

— Вы пожимаете плечами.

— Это у меня такая привычка, когда я говорю с самим собой, монсеньер.

— Значит, вы одобряете?

— Я не одобряю и не осуждаю, монсеньер; я только жду ваших приказаний.

— Хорошо. Итак, я остановил свой выбор на вас. Я вам поручаю отвезти короля и королеву в Сен-Жермен.

«Ловкий плут!» — подумал д'Артаньян.

— Вы видите,— продолжал Мазарини, видя бесстрашие д'Артаньяна,— как я вам уже говорил, в ваших руках будет судьба государства.

— Да, монсеньер, и я чувствую всю ответственность такого поручения.

— Но все же вы принимаете его?

— Я согласен на все.

— Вы считаете это дело возможным?

— Все возможно.

— Могут на вас напасть дорогой?

— Весьма вероятно.

— Как же вы поступите в этом случае?

— Я пробьюсь сквозь ряды нападающих.

— А если не пробьетесь?

— В таком случае — тем хуже для них: я пройду по их трупам.

— И вы доставите короля и королеву здоровыми и невредимыми в Сен-Жермен?

— Да.

— Вы ручаетесь жизнью?

— Ручаюсь.

— Вы герой, мой дорогой! — сказал Мазарини, с восхищением глядя на мушкетера.

Д'Артаньян улыбнулся.

— А я? — спросил Мазарини после минутного молчания, пристально глядя на д'Артаньяна.

— Что, монсеньер?

— Если я тоже захочу уехать?

— Это будет труднее.

— Почему так?

— Ваше преосвященство могут узнать.

— Даже в этом костюме? — сказал Мазарини.

И он сдернул с кресла плащ, прикрывавший полный костюм всадника, светло-серый с красным, весь расшитый серебром.

— Если ваше преосвященство переоденется, тогда будет легче.

— А! — промолвил Мазарини, вздохнув свободнее.

— Но вам придется сделать то, что, как вы недавно говорили, вы сделали бы на нашем месте.

— Что такое?

— Кричать: «Долой Мазарини!»

— Я буду кричать.

— По-французски, на чистом французском языке, монсеньер. Остерегайтесь плохого произношения. В Сицилии убили шесть тысяч анжуйцев за то, что они плохо говорили по-итальянски. Смотрите, чтобы французы не отплатили вам за сицилийскую вечерню¹.

— Я постараюсь.

— На улице много вооруженных людей, — продолжал д'Артаньян, — уверены ли вы, что никто не знает о намерении королевы?

Мазарини задумался.

— Для изменника монсеньер, ваше предложение было бы как нельзя более на руку; все можно было бы объяснить случайным падением.

Мазарини вздрогнул; но он рассудил, что человек, собирающийся предать, не станет предупреждать об этом.

— Потому-то, — живо ответил он, — я и доверяюсь не первому встречному, а избрал себе в проводники именно вас.

— Так вы не едете вместе с королевой?

— Нет, — сказал Мазарини.

— Значит, позже.

— Нет, — снова ответил Мазарини.

— А! — сказал д'Артаньян, начиная понимать.

— Да, у меня свои планы: уезжая вместе с королевой, я только увеличиваю опасность ее положения; если я уеду после королевы, ее отъезд угрожает мне большими опасностями. К тому же, когда королевская семья очутится вне опасности, обо мне могут позабыть: великие мира сего неблагодарны.

— Это правда, — сказал д'Артаньян, невольно бросая взгляд на алмаз королевы, блестевший на руке Мазарини.

Мазарини заметил этот взгляд и тихонько повернул свой перстень алмазом вниз.

— И я хочу, — прибавил Мазарини с тонкой улыбкой, — помешать им быть неблагодарными в отношении меня.

— Закон христианского милосердия, — сказал д'Артаньян, — предписывает нам не вводить ближнего в соблазн.

---

¹ Так называется восстание сицилийцев против французского господства (Анжуйской династии) в 1282 г., при котором восставшие убивали всех, плохо говоривших по-итальянски.

— Вот именно потому я и хочу уехать раньше их,— добавил Мазарини.

Д'Артаньян улыбнулся: он слишком хорошо знал итальянское лукавство.

Мазарини заметил его улыбку и воспользовался моментом.

— Итак, вы начнете с того, что поможете мне выбраться из Парижа, не так ли, дорогой д'Артаньян?

— Трудная задача, монсеньер! — сказал д'Артаньян, принимая свой прежний серьезный вид.

— Но,— сказал Мазарини, внимательно следя за каждым движением лица д'Артаньяна,— вы не делали таких оговорок, когда дело шло о короле и королеве.

— Король и королева — мои повелители, монсеньер,— ответил мушкетер.— Моя жизнь принадлежит им. Если они ее требуют, мне нечего возражать.

«Это правда,— пробормотал Мазарини.— Твоя жизнь мне не принадлежит, и мне следует купить ее у тебя, не так ли?»

И с глубоким вздохом он начал поворачивать перстень алмазом наружу.

Д'Артаньян улыбнулся.

Эти два человека сходились в одном — в лукавстве. Если бы они так же сходились в мужестве, один под руководством другого совершил бы великие дела.

— Вы, конечно, понимаете,— сказал Мазарини,— что если я требую от вас этой услуги, то собираюсь и отблагодарить за нее.

— Только собираетесь, ваше преосвященство? — спросил д'Артаньян.

— Смотрите, любезный д'Артаньян,— сказал Мазарини, снимая перстень с пальца,— вот алмаз, который был когда-то вашим. Справедливость требует, чтобы я его вам вернул; возьмите его, умоляю.

Д'Артаньян не заставил Мазарини повторять; он взял перстень, посмотрел, прежний ли в нем камень, и, убедившись в чистоте его воды, надел его себе на палец с несказанным удовольствием.

— Я очень дорожил им,— сказал Мазарини, провожая камень взглядом,— но все равно, я отдаю его вам с большой радостью.

— А я, монсеньер, принимаю его не с меньшей радостью. Теперь поговорим о ваших делах. Вы хотите уехать раньше всех?

— Да, хотел бы.

— В котором часу?

— В десять.

— А королева, когда она поедет?

— В полночь.

— Тогда это возможно: сначала я выведу вас, а затем, когда вы будете вне города, вернусь за королевой.

— Превосходно. Но как же мне выбраться из Парижа?

— Предоставьте это мне.

— Даю вам полную власть, возьмите конвой, какой найдете нужным.

Д'Артаньян покачал головой.

— Мне кажется, это самое надежное средство,— сказал Мазарини.

— Для вас, монсеньер, но не для королевы.

Мазарини прикусил губы.

— Тогда как же мы поступим? — спросил он.

— Предоставьте это мне, монсеньер.

— Гм! — сказал Мазарини.

— Предоставьте мне все решать и устраивать...

— Однако же...

— Или ищите себе другого,— прибавил д'Артаньян, поворачиваясь к нему спиной.

«Эге,— сказал Мазарини про себя,— он, кажется, собирается улизнуть с перстнем».

И он позвал его назад.

— Д'Артаньян, дорогой мой д'Артаньян! — сказал он ласковым голосом.

— Что прикажете, монсеньер?

— Вы отвечаете мне за успех?

— Я не отвечаю ни за что; я сделаю все, что смогу.

— Все, что сможете?

— Да.

— Ну хорошо, я вам вверяюсь.

«Великое счастье!» — подумал д'Артаньян.

— Итак, в половине десятого вы будете здесь?

— Я застану ваше преосвященство готовым?

— Разумеется, я буду готов.

— Итак, решено. Теперь не угодно ли вам, монсеньер, чтобы я повидался с королевой?

— Зачем?

— Я желал бы получить приказание из собственных уст ее величества.

— Она поручила мне передать его вам.

— Но она могла забыть что-нибудь.

— Вы непременно хотите ее видеть?

— Это необходимо, монсеньер.

Мазарини колебался с минуту. Д'Артаньян стоял на своем.

— Ну хорошо,— сказал Мазарини,— я проведу вас к ней, но ни слова о нашем разговоре.

— Все останется между нами, монсеньер,— сказал д'Артаньян.

— Вы клянетесь молчать?

— Я никогда не клянусь. Я говорю «да» или «нет» и держу свое слово, как дворянин.

— Я вижу, мне придется слепо на вас положиться.

— Это будет самое лучшее, поверьте мне, монсеньер.

— Идемте,— сказал Мазарини.

Мазарини ввел д'Артаньяна в молельню королевы, затем велел ему дожидаться.

Д'Артаньян ждал недолго. Через пять минут вошла королева в парадном туалете. В этом наряде ей едва можно было дать тридцать пять лет; она все еще была очень красива.

— Это вы, д'Артаньян! — сказала она с любезной улыбкой. — Благодарю вас, что вы настояли на свидании со мной.

— Простите меня, ваше величество, — сказал д'Артаньян, — но я хотел получить приказание из ваших собственных уст.

— Вы знаете, в чем дело?

— Да, ваше величество.

— Вы принимаете поручение, которое я на вас возлагаю?

— Принимаю с благодарностью.

— Хорошо, будьте здесь в полночь.

— Слушаю, ваше величество.

— Д'Артаньян, — сказала королева, — я слишком хорошо знаю ваше бескорыстие, чтобы говорить вам сейчас о моей благодарности, но клянусь вам, я не позабуду этой второй услуги, как забыла первую.

— Ваше величество вольны помнить или забывать, и я не понимаю, о чем угодно говорить вашему величеству.

И д'Артаньян поклонился.

— Ступайте, — сказала королева с очаровательнейшей улыбкой, — ступайте и возвращайтесь в полночь.

Движением руки она отпустила д'Артаньяна, и он удалился; но, выходя, он бросил взгляд на портьеру, из-за которой появилась королева, и из-под нижнего края драпировки заметил кончик бархатного башмака.

«Отлично, — подумал он, — Мазарини подслушивал, не выдам ли я его. Право, этот итальянский паяц не стоит того, чтобы ему служил честный человек».

Несмотря на это, д'Артаньян точно явился на свидание; в половине десятого он вошел в приемную.

Бернуин ожидал его и ввел в кабинет.

Он нашел кардинала переодетым для поездки верхом. Он был очень красив в этом костюме, который носил, как мы уже говорили, с большим изяществом.

Однако, он был очень бледен, и его пробирала дрожь.

— Вы один? — спросил Мазарини.

— Да, ваше преосвященство.

— А добрейший дю Валлон? Разве он не доставит нам удовольствия быть нашим спутником?

— Конечно, монсеньер, он ожидает нас в своей карете.

— Где?

— У калитки дворцового сада.

— Так мы поедем в его карете?

— Да, монсеньер.

— И без других провожатых, кроме вас двоих?

— Разве этого мало? Даже одного из нас было бы достаточно.

— Право, дорогой д'Артаньян, ваше хладнокровие меня просто пугает.

— Я думал, напротив, что оно должно вас ободрить.

— А Бернуина разве мы не возьмем с собой?

— Для него нет места, он догонит ваше преосвященство.

— Нечего делать, — сказал Мазарини, — приходится вас во всем слушаться.

— Монсеньер, еще есть время одуматься, — сказал д'Артаньян, — Это целиком во власти вашего преосвященства.

— Нет, нет, едем, — сказал Мазарини.

И оба спустились по потайной лестнице; Мазарини опирался на д'Артаньяна, и д'Артаньян чувствовал, как дрожала рука кардинала.

Они прошли через двор Пале-Рояля, где еще стояло несколько карет запоздавших гостей, вошли в сад и достигли калитки.

Мазарини хотел отомкнуть ее своим ключом, но рука его дрожала так сильно, что он никак не мог попасть в замочную скважину.

— Позвольте мне, — сказал д'Артаньян.

Мазарини дал ему ключ; д'Артаньян отпер и положил ключ себе в карман; он рассчитывал воспользоваться им на обратном пути.

Подножка была опущена, дверца открыта; Мушкетон стоял у дверцы. Портос сидел внутри кареты.

— Входите, монсеньер, — сказал д'Артаньян.

Мазарини не заставил себе повторять и быстро вскочил в карету.

д'Артаньян вошел вслед за ним. Мушкетон захлопнул дверцу и, крихтя, взгромоздился на запятки. Он пробовал отвертеться от этой поездки под предлогом своей раны, которая еще давала себя чувствовать, но д'Артаньян сказал ему:

— Оставайтесь, если хотите, мой дорогой Мустон, но предупреждаю вас, что Париж запыляет этой ночью.

Мушкетон не расспрашивал больше и заявил, что готов последовать за своим господином и за д'Артаньяном хоть на край света.

Карета поехала спокойной рысью, не внушавшей ни малейшего подозрения, что ее седоки очень спешат. Кардинал отер себе лоб новым платком и огляделся.

Слева от него сидел Портос, справа д'Артаньян. Каждый охранял свою дверцу и служил кардиналу защитой.

На переднем сиденье, против них, лежали две пары пистолетов: одна перед Портосом, другая перед д'Артаньяном. Кроме того, у обоих друзей было по шпаге.

В ста шагах от Пале-Рояля карету остановил патруль.

— Кто едет? — спросил начальник.

— Мазарини! — с хохотом ответил д'Артаньян.

Волосы стали дыбом на голове кардинала.

Шутка пришлась горожанам по вкусу; видя карету без гербов и конвоя, они никогда бы не поверили в возможность такой смелости.

— Счастливого пути! — крикнули они.

Карету пропустили.

— Что скажете, монсеньер, о моем ответе? — спросил д'Артаньян.

— Вы умный человек! — воскликнул Мазарини.

— Да, конечно, — сказал Портос, — я понимаю...

На середине улицы Пти-Шан второй патруль остановил карету.

— Кто идет? — крикнул начальник.

— Откиньтесь, монсеньер, — сказал д'Артаньян.

Мазарини так запрятался между двумя приятелями, что совершенно исчез, скрытый ими.

— Кто идет? — с нетерпением повторил тот же голос.

Д'Артаньян увидел, что лошадей схватили под уздцы. Он наполовину высунулся из кареты.

— Эй, Планше! — сказал он.

Начальник подошел. Это был действительно Планше; д'Артаньян узнал голос своего бывшего лакея.

— Как, сударь, — сказал Планше, — это вы?

— Да, я любезный друг. Портос ранен ударом шпаги, и я везу его в его загородный дом в Сен-Клу.

— Неужели? — сказал Планше.

— Портос, — продолжал д'Артаньян, — если вы можете еще говорить, мой дорогой Портос, скажите хоть словечко нашему доброму Планше.

— Планше, мой друг, — сказал Портос страдающим голосом, — мне очень плохо; если встретишь врача, будь добр, пришли его ко мне.

— Боже мой, какое несчастье! — воскликнул Планше. — Как же это случилось?

— Я тебе после расскажу, — сказал Мушкетон.

Портос сильно застонал.

— Вели пропустить нас, Планше, — шепнул ему д'Артаньян, — иначе мы не довезем его живым: у него задеты легкие, мой друг.

Планше покачал головой, как бы желая сказать: «В таком случае дело плохо!»

Затем обратился к своим людям:

— Пропустите, это друзья.

Карета тронулась, и Мазарини, затаивший дыхание, вздохнул свободно.

— Разбойники! — прошептал он.

Около заставы Сент-Оноре им попался третий отряд; он состоял из людей подозрительной наружности, похожих скорее всего на бандитов, это была команда нищего с паперти св. Евстафия.

— Готовься, Портос! — сказал д'Артаньян.

Портос протянул руку к пистолетам.

— Что такое? — спросил Мазарини.

— Монсеньер, — сказал д'Артаньян, — мы, кажется, попали в дурную компанию.

К дверце подошел человек, вооруженный косой.

— Кто идет? — спросил этот человек.

— Эй, любезный, — сказал д'Артаньян, — разве ты не узнаешь карету принца?

— Принца или не принца, все равно, отворяйте! — сказал человек. — Мы стережем ворота и не пропускаем никого, не узнав, кто едет.

— Что делать? — спросил Портос.

— Надо проехать, черт возьми! — сказал д'Артаньян.

— Но как это сделать? — спросил Мазарини.

— Или они расступятся, или мы их переедем. Кучер, гони!

Кучер взмахнул кнутом.

— Ни шагу дальше,— сказал тот же человек, имевший вид начальника,— а то я перережу ноги вашим лошадям.

— Жаль, черт возьми! — сказал Портос.— Эти лошади обошлись мне по сто пистолей каждая.

— Я заплачу вам по двести,— сказал Мазарини.

— Да, но, перерезав им ноги, они перережут нам глотку.

— С этой стороны тоже кто-то лезет,— сказал Портос.— Убить его, что ли?

— Да, кулаком, если можете; стрелять будем только в самом крайнем случае.

— Могу,— сказал Портос.

— Так отворяйте,— сказал д'Артаньян человеку с косой, беря один из своих пистолетов за дуло и готовясь ударить врага рукояткой.

Тот подошел.

Пока он приближался, д'Артаньян, чтобы ему легче было нанести удар, высунулся наполовину из дверцы, и глаза его встретились с глазами нищего, освещенного светом фонаря.

Должно быть, нищий узнал мушкетера, потому что страшно побледнел; должно быть, и д'Артаньян узнал его, потому что волосы его стали дыбом.

— Д'Артаньян! — воскликнул нищий, отступая.— Д'Артаньян! Пропустите их.

Вероятно, д'Артаньян ответил бы ему, но в эту минуту послышался тяжелый удар, точно кто обухом хватил по голове быка; это Портос прихлопнул подошедшего к нему человека.

Д'Артаньян обернулся и увидел несчастного, лежавшего в четырех шагах от них.

— Теперь гони что есть духу! — крикнул он кучеру.— Гони, гони!

Кучер полоснул коней кнутом, благородные животные рванулись. Послышались крики сбиваемых с ног людей. Затем карета подскочила два раза,— под нее попал человек: колеса проехали по чему-то круглому и подавшемуся под ними.

Настала минута молчания. Карета пролетела через заставу.

— В Кур-ла-Рен! — крикнул д'Артаньян кучеру.

Потом, обратившись к Мазарини, сказал:

— Ну, монсеньер, можете прочесть пять раз «Отче наш» и шесть раз «Богородицу», чтобы поблагодарить бога за ваше избавление; вы спасены, вы свободны.

Мазарини только простонал в ответ; ему не верилось в такое чудо.

Через пять минут карета остановилась. Они приехали в Кур-ла-Рен.

— Довольны ли вы, монсеньер, своим конвоем? — спросил мушкетер.

— Я в восхищении, господа,— сказал Мазарини, отваживаясь высунуть голову из кареты.— Теперь сделайте то же для королевы.

— Это будет гораздо лучше,— сказал д'Артаньян, выскочив из кареты.— Дю Валлон, поручаю вам его преосвященство.

— Будьте покойны,— сказал Портос, протягивая руку.

Д'Артаньян взял руку Портоса и пожал ее.

— Ай! — вскричал Портос.

Д'Артаньян с изумлением посмотрел на своего друга.

— Что с вами?

— Я, кажется, вывихнул себе кисть, — ответил Портос.

— Черт возьми, вы всегда колотите как сослепу.

— Еще бы: ведь мой противник уже навел на меня дуло пистолета. А вы, как вы разделались с вашим?

— О, я имел дело не с человеком, — сказал д'Артаньян.

— А с кем же?

— С призраком.

— Ну, и что же?

— Ну, я заговорил его.

Не вдаваясь в дальнейшие объяснения, д'Артаньян взял с передней скамьи пистолеты, засунул их себе за пояс, завернулся в плащ и, не желая возвращаться той же дорогой, направился к заставе Ришелье.

Глава 8

КАРЕТА КОАДЬЮТОРА

Вместо того чтобы возвращаться через заставу Сент-Оноре, д'Артаньян, располагая временем, сделал круг и вернулся в Париж через заставу Ришелье.

У ворот к нему подошли, чтобы узнать, кто он. Увидя по его шляпе с перьями и обшитому галунами плащу, что он офицер мушкетеров, его окружили, требуя, чтобы он кричал: «Долой Мазарини!» Сначала это его лишь слегка встревожило; но когда он понял, чего от него хотят, он закричал таким громким голосом, что самые требовательные остались довольны.

Он шел по улице Ришелье, раздумывая о том, как увезти королеву, потому что нечего было и думать везти ее в карете с государственным гербом. Вдруг у ворот дома г-жи де Гемене он заметил экипаж.

Его озарила счастливая мысль.

«Вот черт возьми, славно будет», — подумал он и, подойдя к карете, посмотрел на гербы на дверцах и на ливрею кучера, сидевшего на козлах. Осмотреть это ему было тем легче, что кучер спал, держа в руках вожжи.

«Это карета коадьютора, — произнес он про себя. — Честное слово, я начинаю думать, что само провидение за нас».

Он тихонько сел в карету и дернул за шелковый шнурок, конец которого был намотан на мизинец кучера.

— В Пале-Рояль! — сказал он.

Кучер, сразу очнувшись, повез в указанное место, не подозревая, что приказание было дано ему не его господином. Швейцар во двореце собирался уже запирать ворота, но, увидев великолепный экипаж,

решил, что едет важная особа, и пропустил карету, которая остановилась у крыльца.

Только тут кучер заметил, что на запятках нет лакеев.

Думая, что коадьютор послал их за чем-нибудь, он соскочил с козел и, не выпуская вожжей из рук, подошел к дверце.

Д'Артаньян тоже выскочил из экипажа, и в ту минуту, когда испуганный кучер, не узнавая своего господина, попятился назад, он схватил его левой рукой за ворот, а правой приставил ему пистолет к груди.

— Пикни только, и конец тебе! — сказал д'Артаньян.

По выражению лица говорившего кучер увидал, что попал в западню, и застыл, разинув рот и вытаращив глаза.

Два мушкетера прохаживались по двору; д'Артаньян окликнул их.

— Бельер, — сказал он одному, — сделайте одолжение, возьмите у этого молодца вожжи, сядьте на козлы, подвезите карету к потайной лестнице и подождите меня там; это — по королевскому приказу.

Мушкетер знал, что его лейтенант не станет шутить, когда дело касается службы; он повиновался, не говоря ни слова, хотя приказание и показалось ему странным.

Затем, обратившись ко второму мушкетеру, д'Артаньян прибавил:

— Дю Верже, помогите мне отвести этого человека в надежное место.

Мушкетер подумал, что лейтенант арестовал какого-нибудь передодетого принца, поклонился и, обнажив саблю, сделал знак, что готов.

Д'Артаньян пошел по лестнице; за ним шел его пленник, а за пленником мушкетер; они прошли переднюю и вошли в прихожую Марини.

Бернуин с нетерпением ожидал известий о своем господине.

— Ну что, сударь? — спросил он.

— Все идет как нельзя лучше, мой милый Бернуин; но вот человек, которого надо бы спрятать в надежное место...

— Куда именно, сударь?

— Куда угодно, только бы окна были с решетками, а двери с замками.

— Это можно, сударь, — сказал Бернуин.

И бедного кучера отвели в комнату с решетчатыми окнами, весьма смахивавшую на тюрьму.

— Теперь, любезный друг, — сказал д'Артаньян, — не угодно ли вам разоблачиться и передать мне вашу шляпу и плащ?

Кучер, разумеется, не оказал никакого сопротивления. К тому же он был так поражен всем случившимся, что шатался и заикался, как пьяный. Д'Артаньян передал одежду камердинеру.

— Теперь, дю Верже, — сказал он, — посидите с этим человеком, пока Бернуин не придет и не откроет дверь; сторожить придется довольно долго, и это, я знаю, очень скучно, но вы понимаете, — прибавил он важно, — это по королевскому приказу.

— Слушаю, — ответил мушкетер, видя, что дело серьезное.

— Кстати, — сказал д'Артаньян, — если этот человек попытается бежать или станет кричать, заколите его.

Мушкетер кивнул головой в знак того, что в точности исполнит приказание.

Д'Артаньян вышел, уведя с собой Бернуина.

Пробило полночь.

— Проведите меня в молельню королевы,— сказал д'Артаньян.— Доложите ей, что я там, и положите этот узел вместе с заряженным мушкетом на козлы кареты, ожидающей у потайной лестницы.

Бернуин ввел д'Артаньяна в молельню; тот уселся и принялся размышлять.

В Пале-Рояле все шло своим обычным чередом. В десять часов, как мы сказали, почти все гости разъехались. Те, которые должны были бежать вместе с королевой, были предупреждены; им было назначено прибыть между полночью и часом ночи в Кур-ла-Рен.

В десять часов Анна Австрийская прошла к королю. Его младшего брата только что уложили спать, а юный Людовик, в ожидании своей очереди, забавлялся, расставляя в боевой порядок оловянных солдатиков,— занятие, доставлявшее ему большое удовольствие. Два пажа играли вместе с ним.

— Ла Порт,— сказала королева,— пора укладывать его величество.

Король стал уверять, что ему еще не хочется спать, и просил у матери позволения поиграть еще немного, но королева настаивала:

— Разве вы не едете завтра в шесть утра купаться в Конфлан, Луи? Вы ведь сами, кажется, просили об этом?

— Вы правы, ваше величество,— сказал король,— и я готов удалиться, если вы соблаговолите поцеловать меня. Ла Порт, дайте свечу шевалье де Куалену.

Королева приложилась губами к белому гладкому лбу, который царственный ребенок важно подставил ей.

— Засните поскорее, Луи,— сказала королева,— потому что вас рано разбудят.

— Постараюсь, чтобы сделать вам приятное,— сказал юный Людовик,— хотя мне вовсе не хочется спать.

— Ла Порт,— сказала тихонько Анна Австрийская,— почитайте его величеству какую-нибудь книгу поскучнее, но сами не раздевайтесь.

Король вышел с шевалье де Куаленом, который нес подсвечник. Другого пажа увели домой. Королева вернулась к себе. Ее придворные дамы — г-жа де Брежи, г-жа де Бомон, г-жа де Мотвиль и ее сестра Сократина, прозванная так за свою мудрость,— только что принесли в гардеробную остатки от обеда, которыми они обычно ужинали.

Королева отдала приказания, поговорила об обеде, который давал в ее честь через два дня маркиз де Вилькье, указала лиц, которых она хотела видеть в числе приглашенных, назначила на послезавтра поездку в Валь де Грас, где она собиралась помолиться, и приказала Берингену, своему главному камердинеру, сопровождать ее туда.

Пожинав с придворными дамами, королева заявила, что очень устала, и прошла к себе в спальню. Г-жа де Мотвиль, дежурная в этот вечер, последовала за нею, чтобы помочь ей раздеться. Королева

легла в постель, милостиво поговорила с г-жой де Мотвиль несколько минут и отпустила ее.

В это самое мгновение д'Артаньян въезжал в Пале-Рояль в карете коадьютора.

Минуту спустя кареты придворных дам выехали из дворца, и ворота за ними замкнулись. Пробило полночь.

Через пять минут Бернуин постучался в спальню королевы, пробравшись по потайному ходу кардинала.

Анна Австрийская сама отворила дверь.

Она была уже одета, то есть надела чулки и закуталась в длинный пеньюар.

— Это вы, Бернуин? — сказала она. — Д'Артаньян здесь?

— Да, ваше величество, он в молельне и ждет, когда ваше величество будете готовы.

— Я готова. Скажите Ла Порту, чтобы он разбудил и одел короля, а затем пройдите к маршалу де Вильруа и предупредите его от моего имени.

Королева прошла в свою молельню, освещенную одной лампой из венецианского стекла. Здесь она увидела д'Артаньяна, который стоя дожидался ее.

— Это вы? — сказала она.

— Так точно, ваше величество.

— Вы готовы?

— Готов, ваше величество.

— А господин кардинал?

— Он проехал благополучно и дожидается вашего величества в Кур-ла-Рен.

— Но в какой карете мы поедем?

— Я все предусмотрел. Карета дожидается вашего величества внизу.

— Пройдемте к королю.

Д'Артаньян поклонился и последовал за королевой.

Юный Людовик был уже одет, только еще без башмаков и камзола; он был удивлен и осыпал вопросами одевавшего его Ла Порты, который отвечал ему только:

— Ваше величество, так приказала королева.

Постель короля была раскрыта, и видны были простыни, до того изношенные, что кое-где светились дырки.

Это было тоже одно из проявлений скаредности Мазарини.

Королева вышла; д'Артаньян остановился на пороге. Ребенок, заметив королеву, вырвался из рук Ла Порты и подбежал к ней.

Королева сделал знак д'Артаньяну подойти.

Д'Артаньян повиновался.

— Сын мой, — сказала Анна Австрийская, указывая ему на мушкетера, стоявшего спокойно с непокрытой головой, — вот господин д'Артаньян, который храбр, как один из старинных рыцарей, о которых вы любите слушать рассказы моих дам. Запомните его имя и посмотрите в него хорошенько, чтобы не позабыть его лица, потому что сегодня он окажет нам большую услугу.

Юный король посмотрел на офицера своими большими гордыми глазами и повторил:

— Господин д'Артаньян?

— Да, мой сын.

Юный король медленно поднял свою маленькую руку и протянул ее мушкетеру; тот опустил на одно колено и поцеловал ее.

— Господин д'Артаньян,— повторил Людовик.— Хорошо, ваше величество, я запомню.

В эту минуту послышался приближавшийся шум.

— Что это такое? — спросила королева.

— Ого! — ответил д'Артаньян, наострив свой чуткий слух и проницательный взгляд.— Это шум восставшего народа.

— Надо бежать,— сказала королева.

— Ваше величество предоставили мне руководить этим делом; надо остаться и узнать, чего хочет народ.

— Господин д'Артаньян!

— Я отвечаю за вас.

Ничто не заражает так быстро, как уверенность. Будучи сама полна силы и мужества, королева хорошо умела ценить эти качества в других.

— Распоряжайтесь,— сказала она,— я полагаюсь на вас.

— Разрешите ли вы, ваше величество, во всем, касающемся этого дела, отдавать приказания от вашего имени?

— Можете.

— Что им еще надо? — спросил король.

— Мы это сейчас узнаем, ваше величество,— сказал д'Артаньян.

Он поспешно вышел из комнаты.

Шум все возрастал; казалось, он наполнял весь Пале-Рояль. Со двора неслись невнятные крики. Там, очевидно, вопили и негодовали.

Полуодетые король, королева и Ла Порт стояли на месте не шевелясь, прислушивались и ожидали, что будет.

Вбежал Коменж, несший в эту ночь дворцовый караул. У него было около двухсот солдат во дворе и в конюшнях; он мог предоставить их в распоряжение королевы.

— Что там происходит? — спросила королева у д'Артаньяна, когда тот вернулся.

— Ваше величество, прошел слух, что королева оставила Пале-Рояль, увезя с собой короля. Народ хочет убедиться, что это не так, грозя в противном случае разнести дворец.

— О, это уже слишком! — сказала королева.— Я им докажу, что я совсем не уехала.

Д'Артаньян увидел по выражению лица королевы, что она собирается отдать какое-то жестокое приказание. Он подошел к ней и сказал шепотом:

— Ваше величество, вы по-прежнему доверяете мне?

Его слова заставили ее вздрогнуть.

— Да,— сказала она.— Вполне доверяю.

— Согласитесь ли вы, ваше величество, последовать моему совету?

— Говорите.

— Отошлите Коменжа, ваше величество, и прикажите ему запереться со своей командой в караульной и на конюшнях.

Коменж бросил на д'Артаньяна завистливый взгляд, каким всякий придворный встречает возвышение нового человека.

— Вы слышали, Коменж? — сказала королева.

Д'Артаньян подошел к нему; со свойственной ему пронизательностью он понял его беспокойный взгляд.

— Извините меня, Коменж, — сказал он. — Мы оба слуги королевы, не правда ли? Сейчас моя очередь послужить ей, не завидуйте же мне в этом счастье.

Коменж поклонился и вышел.

«Вот и нажил себе нового врага!» — подумал д'Артаньян.

— Что же теперь делать? — спросила королева, обращаясь к д'Артаньяну. — Вы слышите, шум не утихает, даже наоборот, усиливается.

— Ваше величество, — ответил д'Артаньян, — народ хочет видеть короля. Нужно показать его этим людям.

— Как показать? Где же? С балкона?

— Нет, ваше величество, здесь, в постели спящего.

— О ваше величество, господин д'Артаньян вполне прав! — воскликнул Ла Порт.

Королева подумала и улыбнулась, как женщина, которой знакомо притворство.

— В самом деле, — прошептала она.

— Ла Порт, — сказал д'Артаньян, — возвестите народу через дворцовую решетку, что желание его будет исполнено и что через пять минут они не только увидят короля, но увидят его в постели; прибавьте, что король спит и что королева просит прекратить шум, чтобы не разбудить его.

— Но не всех же впускать сюда? Депутацию из трех-четырех человек, не правда ли?

— Всех, ваше величество.

— Но они задержат нас до рассвета, подумайте об этом!

— Не более четверти часа. Я отвечаю за все, ваше величество. Поверьте мне, я знаю народ; это взрослый ребенок, которого надо только приласкать. Перед спящим королем он будет нем, тих и кроток, как ягненок.

— Ступайте, Ла Порт, — сказала королева.

Юный король подошел к матери.

— Зачем исполнять то, чего требуют эти люди? — сказал он.

— Так надо, дитя мое, — сказала Анна Австрийская.

— Но ведь если мне говорят «так надо», значит, я больше не король?

Королева онемела.

— Ваше величество, — обратился к нему д'Артаньян, — разрешите задать вам один вопрос.

Людовик XIV обернулся, удивленный, что с ним осмелились заговорить. Королева сжала руку мальчика.

— Говорите, — сказал он.

— Случалось ли вашему величеству, когда вы играли в парке Фонтелло или во дворе Версальского дворца, увидеть вдруг, что небо покрылось тучами, и услышать раскаты грома?

— Да, конечно.

— Так вот, эти раскаты грома, как бы ни хотелось еще поиграть вашему величеству, говорили: «Ваше величество, надо идти домой».

— Конечно, так. Но ведь мне говорили, что гром — это голос божий.

— Прислушайтесь же, ваше величество, к шуму народа, и вы поймете, что он очень похож на гром.

Действительно, в эту минуту ночной ветер донес к ним страшный шум.

Вдруг все смолкло.

— Вот, государь, — продолжал д'Артаньян, — сейчас народу скавали, будто вы спите. Вы видите теперь, что вы еще король.

Королева с удивлением смотрела на этого странного человека, который по своему поразительному мужеству был равен храбрейшим воинам, а своей хитростью и умом превосходил всех дипломатов.

Вошел Ла Порт.

— Ну что, Ла Порт? — спросила королева.

— Ваше величество, — ответил он, — предсказание господина д'Артаньяна исполнилось; они успокоились, как по волшебству. Сейчас им отворят ворота, и через пять минут они будут здесь.

— Ла Порт, — сказала королева, — что, если бы вы уложили в постель одного из ваших сыновей вместо короля? Мы могли бы тем временем уехать.

— Если ваше величество приказывает, — мои сыновья, как и я, готовы служить королеве.

— Нет, — сказал д'Артаньян, — не делайте этого, потому что среди них могут оказаться люди, знающие его величество в лицо. Если заметят подлог, — все пропало.

— Вы опять правы, вполне правы, — сказала Анна Австрийская. — Ла Порт, уложите короля.

Ла Порт уложил короля, не раздевая, в постель и закрыл по плечи одеялом.

Королева наклонилась над ним и поцеловала его в лоб.

— Притворитесь спящим, Луи, — сказала она.

— Хорошо, — ответил король, — но я не хочу, чтобы хоть один из них дотронулся до меня.

— Ваше величество, я стою здесь, — сказал д'Артаньян, — и ручаюсь вам, что если кто-нибудь осмелится на такую дерзость, он заплатит за нее жизнью.

— Теперь что делать? — спросила королева. — Я слышу, они идут.

— Ла Порт, выйдите к ним и повторите еще раз, чтобы они не шумели. Ваше величество, ожидайте здесь, у двери. Я стану у изголовья короля и, если надо будет, умру за него.

Ла Порт вышел; королева стала у портьера, а д'Артаньян спрятался за полог кровати.

Послышалась глухая, осторожная поступь множества людей; королева сама приподняла портьеру, приложив палец к губам.

Увидев королеву, люди почтительно остановились.

— Входите, господа, входите! — сказала королева.

Толпа колебалась, словно устыдясь. Они ожидали сопротивления, готовились ломать решетку и разогнать часовых; между тем ворота сами отворились перед ними, и короля, по крайней мере на первый взгляд, охраняла только мать.

Шедшие впереди зашептались и хотели уйти.

— Входите же, господа! — сказал Ла Порт. — Королева разрешает.

Тогда один из них, посмелее других, отважился переступить порог и вошел на цыпочках. Все остальные последовали его примеру, и комната наполнилась бесшумно, так, как если бы эти люди были самые покорные и преданные придворные. Далеко за дверью виднелись головы тех, которые, не имея возможности войти, подымались на цыпочки.

Д'Артаньян видел все сквозь дыру, которую он сделал в занавесе; в первом из вошедших он узнал Планше.

— Вы желали видеть короля, — обратилась к нему королева, поняв, что в этой толпе он был вожаком, — и мне захотелось самой показать вам его. Подойдите, посмотрите и скажите, похожи ли мы на людей, желающих бежать.

— Конечно, нет, — ответил Планше, несколько удивленный неожиданно оказанной ему честью.

— Скажите же моим добрым и верным парижанам, — продолжала Анна Австрийская с улыбкой, значение которой д'Артаньян сразу понял, — что вы видели короля, спящего в своей кроватке, и королеву, готовую тоже лечь спать.

— Скажу, ваше величество, и все, кто со мной, подтвердят это, но...

— Что еще? — спросила Анна Австрийская.

— Простите меня, ваше величество, — сказал Планше, — но верно ли, что в постели сам король?

Анна Австрийская вздрогнула.

— Если есть среди вас кто-нибудь, кто видел короля, — сказала она, — пусть он подойдет и скажет, действительно ли это его величество.

Один человек, закутанный в плащ, закрывавший лицо, подошел, наклонился над постелью и посмотрел.

У д'Артаньяна промелькнула мысль, что человек этот замышляет недоброе, и он уже положил руку на шпагу; но от движения, которое сделал этот человек, наклоняясь, лицо приоткрылось, и д'Артаньян узнал коадьютора.

— Это действительно король, — сказал тот, поднимая голову. — Да благословит господь его величество!

И все эти люди, вошедшие озлобленными, теперь с чувством смирения благословили царственного ребенка.

— Теперь, друзья мои, — сказал Планше, — поблагодарим королеву и удалимся.

Все поклонились и вышли по очереди, так же бесшумно, как вошли. Планше, вошедший первым, уходил последним.

Королева остановила его.

— Как вас зовут, мой друг? — сказала она.

Планше обернулся, очень удивленный таким вопросом.

— Да, — продолжала королева, — принять вас я считаю такой же честью, как если бы приняла принца, и мне хотелось бы знать ваше имя.

«Да, — подумал Планше, — чтобы отделать меня, как принца. Благодарю покорно!»

Д'Артаньян затрепетал, как бы Планше, поддавшись на лесть, словно ворона в басне, не назвал своего имени и королева не узнала, что Планше служил у него.

— Ваше величество, — почтительно ответил Планше, — меня зовут Дюлорье, к услугам вашего величества.

— Благодарю вас, господин Дюлорье, — сказала королева. — А чем вы занимаетесь?

— Я торгую сукном, ваше величество, на улице Бурдонне.

— Это все, что мне хотелось знать, — сказала королева. — Премного обязана вам, любезный Дюлорье; мы еще увидимся.

«Прекрасно, — прошептал д'Артаньян, отводя полог. — Планше не дурак; сразу видно, что прошел хорошую школу».

Различные участники этой странной комедии с минуту смотрели друг на друга, не говоря ни слова. Королева все еще стояла у дверей, д'Артаньян наполовину высунулся из своего убежища, король, приподнявшись на локоть, готов был снова лечь при малейшем шуме, который указал бы на возвращение толпы; но шум не приближался, а, напротив, удалялся, становился все слабее и наконец совсем затих.

Королева вздохнула. Д'Артаньян отер свой влажный лоб. Король соскочил с постели и сказал:

— Едем!

В эту минуту показался Ла Порт.

— Ну что? — спросила королева.

— Ваше величество, я проводил их до самых ворот, — отвечал камердинер. — Они объявили своим товарищам, что видели короля и что королева говорила с ними, и теперь они расходятся, гордые и довольные.

— О, негодяи! — прошептала королева. — Они дорого поплатятся за свою дерзость!

Затем, обратясь к д'Артаньяну, прибавила:

— Сударь, ни от кого не получала я лучших советов. Продолжайте: что нам теперь делать?

— Ла Порт, — сказал д'Артаньян, — закончите туалет его величества.

— Значит, мы можем ехать? — спросила королева.

— Когда вашему величеству будет угодно: вам остается только спуститься по потайной лестнице; я буду ждать у выхода.

— Ступайте, — сказала королева, — я следую за вами.

Д'Артаньян сошел вниз; карета была на месте, и мушкетер сидел на козлах.

Д'Артаньян взял узел, положенный Бернуином в ногах мушкетера; в нем лежали шляпа и плащ кучера господина Гонди. Д'Артаньян накинул на себя плащ и надел шляпу. Мушкетер сошел с козел.

— Идите, — сказал ему д'Артаньян, — освободите вашего товарища, который стережет кучера. Затем садитесь оба на лошадей, отправляйтесь на Тиктонскую улицу, в гостиницу «Козочка», возьмите там мою лошадь и лошадь господина дю Валлона, оседлайте и снарядите их по походному и на поводу приведите их из Парижа в Кур-ла-Рен. Если в Кур-ла-Рене вы уже никого не застанете, поезжайте в Сен-Жермен. Все это — по королевскому приказу.

Мушкетер приложил руку к шляпе и пошел исполнять полученные приказания.

Д'Артаньян сел на козлы. За поясом у него была пара пистолетов, в ногах лежал мушкет, позади — обнаженная шпага.

Вышла королева; за нею шли король и герцог Анжуйский, его брат.

— Карета коадьютора! — вскричала королева, отступая на шаг.

— Да, ваше величество, — сказал д'Артаньян, — но садитесь смело; я сам правлю.

Королева села в карету. Король и его брат вошли вслед за нею и сели по бокам.

— Входите, Ла Порт, — сказала королева.

— Как, ваше величество? — сказал камендинер. — В одну карету с вашими величествами?

— Сегодня не до этикета, дело идет о спасении короля. Садитесь, Ла Порт.

Ла Порт повиновался.

— Опустите занавески, — сказал д'Артаньян.

— А не покажется ли это подозрительным? — спросила королева.

— Будьте покойны, ваше величество, — сказал д'Артаньян, — у меня готов ответ.

Занавески были опущены, и карета быстро покатила по улице Ришелье. У заставы вышел навстречу караул из двенадцати человек; впереди шел старший с фонарем в руке.

Д'Артаньян сделал ему знак подойти.

— Вы узнаете карету? — спросил он сержанта.

— Нет, — ответил тот.

— Посмотрите на герб.

Сержант поднес фонарь к дверце.

— Это герб коадьютора! — сказал он.

— Тсс! Он там вдвоем с госпожой де Гемене.

Сержант расхохотался.

— Пропустить! — приказал он. — Я знаю, кто это.

Потом, подойдя к опущенной занавеске, сказал:

— Желая приятно провести время, монсеньер.

— Нахал! — крикнул ему д'Артаньян. — Из-за вас я потеряю место!

Заскрипели ворота, и д'Артаньян, увидев перед собой открытую дорогу, стегнул изо всей силы по лошадям, которые понеслись крупной рысью.

Через пять минут они настигли карету кардинала.

— Мушкетон! — крикнул д'Артаньян. — Подними занавески в карете ее величества.

— Это он! — сказал Портос.

— Кучером! — воскликнул Мазарини.

— И в карете коадьютора! — прибавила королева.

— Черт возьми, господин д'Артаньян, — сказал Мазарини, — вы золотой человек.

Глава 9

КАК Д'АРТАНЬЯН И ПОРТОС
ВЫРУЧИЛИ ОТ ПРОДАЖИ СОЛОМЫ:
ОДИН — ДВЕСТИ ДЕВЯТНАДЦАТЬ,
А ДРУГОЙ — ДВЕСТИ ПЯТНАДЦАТЬ
ЛУИДОРОВ

Мазарини хотел ехать медленно в Сен-Жермен, но королева объявила, что будет ждать лиц, которым назначила в Курла-Рен свидание. Она только предложила кардиналу обменяться местами с Ла Портосом. Кардинал охотно согласился и пересел из одной кареты в другую.

Слух о том, что король собирался выехать в эту ночь из Парижа, распространился не без причины: десять или двенадцать человек были посвящены в эту тайну с шести часов вечера, и как они ни были осторожны, им не удалось скрыть своих приготовлений к отъезду. Кроме того, у каждого из них было несколько близких людей; а так как ни один из отъезжавших не сомневался, что королева покидает Париж с самыми мстительными замыслами, то каждый предупредил своих друзей или родственников. Поэтому слух об отъезде облетел город с быстротой молнии.

Первою вслед за каретой королевы приехала карета принца; в ней находились г-н Конде с супругой и вдовствующая принцесса, его мать. Их обеих разбудили среди ночи, и они не знали, в чем дело.

Во второй карете был герцог Орлеанский, герцогиня, их дочь и аббат Ла Ривьер, неразлучный фаворит и ближайший советник герцога.

В третьей, наконец, прибыли г-н де Лонгвиль и принц Конти, брат и шурин принца Конде. Они подошли к карете короля и королевы и приветствовали ее величество.

Королева заглянула в карету, дверцы которой остались открыты, и убедилась, что она пуста.

— А где же госпожа де Лонгвиль? — спросила она.

— В самом деле, где же моя сестра? — спросил принц Конде.

— Герцогиня нездорова, ваше величество, — ответил герцог де Лонгвиль, — и поручила мне принести ее извинение вашему величеству.

Анна бросила быстрый взгляд на Мазарини, который ответил ей едва заметным кивком.

— Что вы на это скажете? — спросила королева.

— Скажу, что она осталась заложницей у парижан, — ответил кардинал.

— Почему она не приехала? — тихо спросил принц у брата.

— Молчи! — ответил тот. — У нее, наверное, есть на то основания.

— Она губит нас, — сказал принц.

— Она нас спасет, — ответил Контти.

Кареты подъезжали одна за другой. Маршал де Ла Мельере, маршал де Вильруа, Гито, Вилькье, Коменж съехались одновременно; явились также и оба мушкетера, ведя на поводу лошадей д'Артаньяна и Портоса. Последние тотчас же сели на коней. Кучер Портоса сменил д'Артаньяна на козлах королевской кареты, а Мушкетон занял его место и, по известной читателю причине, правил стоя, подобно древнему Автомедону¹.

Королева, которую все время отвлекали разные мелочи, искала глазами д'Артаньяна, но гасконец, со свойственной ему предусмотрительностью, уже скрылся в толпе.

— Отправимся вперед, — сказал он Портосу, — и запасемся хорошим помещением в Сен-Жермене, потому что никто о нас не позаботится. Я очень устал.

— А меня страшно клонит ко сну, — ответил Портос. — И подумать только, что дело обошлось без малейшей стычки. Право, эти парижане просто дураки.

— Лучше сказать, что мы ловко провели их, — сказал д'Артаньян.

— Пожалуй.

— А как ваша рука?

— Лучше. Но как вы думаете, теперь они от нас не ускользнут?

— Кто?

— Ваш чин и мой титул?

— Думаю, что нет, готов даже поручиться за это. Впрочем, если о нас забудут, я напомину.

— Я слышу голос королевы, — сказал Портос. — Она, кажется, хочет ехать верхом.

— О, ей, может быть, и очень хочется, но только...

— Что?

— Кардинал не захочет. Господа, — продолжал д'Артаньян, обращаясь к двум мушкетерам, — сопровождайте карету королевы и не отходите от дверей. А мы поедем вперед подготовить помещение.

И д'Артаньян поскакал вместе с Портосом в Сен-Жермен.

— Едемте, господа! — сказала королева.

Карета королевы тронулась, а за нею потянулись остальные экипажи и более пятидесяти всадников.

В Сен-Жермен прибыли без всяких происшествий. Выходя из кареты, королева увидела стоявшего у подножки принца Конде, который, сняв шляпу, протянул ей руку.

¹ Возница Ахилла в «Илиаде» Гомера

— Какой сюрприз ожидает парижан завтра утром! — сказала Анна Австрийская, и лицо ее так и сияло.

— Это война, — ответил принц.

— Ну что ж, война так война. Разве победитель при Рокруа, Нордлингене и Лансе не с нами?

Принц поклонился в знак благодарности.

Было три часа ночи. Королева первая вошла в замок; все последовали за нею. В ее свите было около двухсот человек.

— Господа, — сказала, смеясь, королева, — располагайтесь в замке, он просторен, места хватит на всех. Только нас сюда не ждали, и мне сообщили сейчас, что здесь всего три кровати: одна для короля, другая для меня...

— А третья для Мазарини, — тихонько заметил принц.

— Значит, мне придется спать на полу? — спросил Гастон Орлеанский с беспокойной улыбкой.

— Нет, монсеньер, — отвечал Мазарини, — третья кровать предназначена вашему величеству.

— А вы? — спросил принц.

— Я совсем не лягу, — сказал Мазарини, — я должен работать.

Гастон велел указать ему, где комната с кроватью, нисколько не заботясь о том, где и как поместятся его жена и дочь.

— Ну, а я все-таки лягу, — сказал д'Артаньян. — Пойдемте со мной, Портос.

Портос пошел за д'Артаньяном, как всегда полагаясь на изобретательность своего друга.

Они шли рядом по замковой площадке. Портос с недоумением глядел на д'Артаньяна, который высчитывал что-то на пальцах.

— Четыреста штук по пистолю за каждую, это составляет четыреста пистолей?

— Да, — сказал Портос, — четыреста; но откуда возьмутся эти четыреста пистолей?

— Пистоля мало, — продолжал д'Артаньян, — скажем — по луидору.

— Что по луидору?

— Четыреста по луидору — выходит четыреста луидоров.

— Четыреста? — спросил Портос.

— Да, их двести человек, и каждому надо по крайней мере две. По две на человека, всего четыреста.

— Но чего?

— Слушайте, — сказал д'Артаньян.

И так как кругом было множество всякого народа, с удивлением глазевшего на приезд двора, он досказал свою мысль на ухо Портосу.

— Понимаю, — сказал Портос, — отлично понимаю. По двести луидоров на брата, это недурно. Но что скажут об этом после?

— Пусть говорят что угодно. Да про нас не узнают.

— Кто же займется раздачей?

— А на что у нас Мушкетон?

— А моя ливрея? — сказал Портос. — Ее могут узнать.

— Он вывернет ее наизнанку.

— Вы, как всегда, правы, мой дорогой! — воскликнул Портос.— Откуда, черт возьми, вечно являются у вас мысли?

Д'Артаньян улыбнулся. Оба друга свернули в первую улицу. Портос постучался в дом направо, а д'Артаньян в дом налево.

— Соломы! — потребовали они.

— У нас нет, сударь, — ответили хозяева, отворившие ворота, — обратитесь к торговцу сеном.

— А где его искать?

— Последние ворота по этой улице.

— Направо или налево?

— Налево.

— А можно в Сен-Жермене достать еще у кого-нибудь соломы?

— Да. У хозяина трактира «Коронованный ягненок» и у фермера Гро-Луи.

— Где они живут?

— На улице Урсулинок.

— Оба?

— Оба.

— Хорошо.

Друзья постарались разузнать адреса второго и третьего так же точно, как и адрес первого. Затем д'Артаньян отправился к торговцу сеном и приобрел у него полтораста связок соломы — все, что у того было, — за три пистоля. Вслед за тем он отправился к трактирщику, где застал Портоса, купившего двести связок примерно за столько же. Наконец, фермер Луи продал им сто восемьдесят связок. Все вместе составило четыреста тридцать связок.

Больше соломы в Сен-Жермене не было.

На эту закупку ушло не больше получаса. Мушкетону дали надлежащие указания и поручили вести эту импровизированную торговлю. Ему было приказано не уступать солому дешевле, чем по луйдору за связку. Таким образом, ему вручили соломы на четыреста тридцать луйдоров.

Мушкетон только качал головой, ничего не понимая в затее двоих друзей.

Д'Артаньян, взвалив на себя три связки соломы, вернулся в замок, где все, дрожа от холода и кляя носом, с завистью посматривали на короля, королеву и герцога Орлеанского, отдохавших на своих походных кроватях.

Появление д'Артаньяна вызвало всеобщий смех в большом зале; но д'Артаньян и виду не подал, что заметил насмешки. Он принялся устраивать себе ложе из соломы с такой ловкостью и с таким веселым видом, что глаза разгорелись у всех этих людей, страшно хотевших спать и не знавших, как бы устроиться.

— Солома! — восклицали они. — Солома! Где можно достать соломы?

— Хотите, я покажу? — сказал Портос.

И он проводил желающих к Мушкетону, который щедро раздавал солому по луйдору за связку. Нашли, что это немного дорого; но

когда очень хочется спать, кто не заплатит двух-трех луидоров за несколько часов крепкого сна?

Д'Артаньян десять раз подряд устраивал и уступал свою постель, а так как предполагалось, что он, как и все, другие, заплатил по луидору за связку, то ему менее чем за полчаса перепало десятка три луидоров.

К пяти часам утра за связку соломы давали восемьдесят луидоров, но ее уже нельзя было достать.

Д'Артаньян приберег для себя четыре связки. Он запер на ключ комнату, где он их спрятал, положил ключ себе в карман и пошел с Портосом принимать деньги от Мушкетона, который честно, как подобает порядочному приказчику, вручил им четыреста тридцать луидоров, припрятав себе еще сотню.

Мушкетон, не знавший, что творилось в замке, сам дивился, как ему раньше не пришло в голову торговать соломой.

Д'Артаньян положил золото в шляпу и на обратном пути рассчитался с Портосом. На долю каждого пришлось по двести пятнадцать луидоров.

Тут Портос, заметив, что сам остался без соломы, вернулся к Мушкетону; но Мушкетон продал все до последней соломинки и даже самому себе ничего не оставил. Тогда Портос обратился к д'Артаньяну, который благодаря своим четырем связкам заранее предвкушая предстоящее наслаждение и с увлечением готовил себе такую мягкую, пышную и теплую постель, что ей позавидовал бы сам король, если бы он не спал сладко на своей собственной.

Д'Артаньян ни за какие деньги не пожелал разрушить свою постель для Портоса, но за четыре луидора, которые Портос тут же отсчитал ему, согласился разделить с ним свое ложе.

Он положил шпагу у изголовья, пистолеты сбоку, разостлал плащ в ногах, бросил на плащ шляпу и с наслаждением растянулся на хрустевшей соломе. Он начал уже вкушать сладкие сновидения, которые навевали ему нажитые в четверть часа двести девятнадцать луидоров, как вдруг у дверей залы раздался голос, заставивший его вскочить.

— Господин д'Артаньян! — кричали за дверью. — Господин д'Артаньян!

— Здесь, — ответил Портос, — здесь!

Портос смекнул, что если д'Артаньян уйдет, то постель вся достанется ему одному.

Вошел офицер.

Д'Артаньян приподнялся на локте.

— Вы господин д'Артаньян? — спросил офицер.

— Да, сударь. Что вам угодно?

— Я пришел за вами.

— От кого?

— От его преосвященства.

— Скажите монсеньеру, что я лег спать и что дружески советую ему сделать то же.

— Его преосвященство не ложился спать и не ляжет. Он немедленно требует вас к себе.

«Черт бы побрал этого Мазарини! Даже заснуть вовремя не умеет! — пробормотал д'Артаньян.— Что ему от меня нужно? Уж не хочет ли он произвести меня в капитаны? Если в этом дело, я, так и быть, его прощу».

Мушкетер, ворча, встал, взял шпагу, шляпу, пистолеты и плащ и последовал за офицером. Между тем Портос, оставшись единственным обладателем постели, постарался расположиться в ней столь же удобно, как его друг.

— Д'Артаньян,— сказал кардинал, увидя мушкетера, которого он так некстати вызвал,— я не забыл, с каким усердием вы мне служили, и хочу вам доказать это.

«Неплохое начало»,— подумал д'Артаньян.

Мазарини смотрел на мушкетера и заметил, как прояснилось его лицо.

— Ах, монсеньер...

— Д'Артаньян,— сказал он,— вы очень хотите быть капитаном?

— Да, монсеньер.

— А ваш друг по-прежнему желает быть бароном?

— В эту минуту, монсеньер, ему снится, что он уже барон.

— В таком случае,— сказал Мазарини, вынимая из портфеля письмо, которое он уже показывал д'Артаньяну,— возьмите эту депешу и отвезите ее в Англию.

Д'Артаньян взглянул на конверт: адреса не было.

— Можно узнать, кому я должен вручить ее?

— Вы узнаете это, приехав в Лондон; только в Лондоне вы вскрыете верхний конверт.

— А какие будут мне инструкции?

— Повиноваться во всем тому, кому адресовано это письмо.

Д'Артаньян хотел продолжить расспросы, но Мазарини прибавил: — Вы поедете прямо в Булонь; там в гостинице «Герб Англии» вы найдете молодого дворянина по имени Мордаунт.

— Хорошо, монсеньер. Что же я должен сделать с этим дворянином?

— Следовать за ним, куда он вас поведет.

Д'Артаньян с недоумением посмотрел на кардинала.

— Теперь вы знаете все,— сказал Мазарини,— поезжайте.

— Поезжайте! Это легко сказать: «поезжайте»,— возразил д'Артаньян.— Но чтобы ехать, нужны деньги, а их у меня нет.

— А! — сказал Мазарини, почесав за ухом.— Вы говорите, у вас нет денег?

— Да, монсеньер.

— А тот алмаз, что я дал вам вчера? — сказал он.

— Я хочу сохранить его на память о вашем преосвященстве.

Мазарини вздохнул.

— В Англии жизнь дорога, монсеньер, а в особенности для чрезвычайного посла.

— Гм! — произнес Мазарини.— Это очень воздержанный народ, и после революции там все живут скромно. Но не будем спорить. Он выдвинул ящик и вынул кошелек.

— Что вы скажете о тысяче экю?

Д'Артаньян презрительно оттопырил нижнюю губу.

— Скажу, монсеньер, что этого мало, ведь я, конечно, поеду не один.

— Я так и думал,— ответил Мазарини.— С вами поедет дю Валлон, этот достойный дворянин. После вас, любезный д'Артаньян, я больше всех во Франции люблю и уважаю его.

— В таком случае, монсеньер,— сказал д'Артаньян, указывая на кошелек, который Мазарини не выпустил еще из рук,— если вы его так любите и уважаете, то... понимаете ли...

— Извольте, на его долю я прибавлю еще двести экю.

«Скряга!» — подумал д'Артаньян.

— Но после нашего возвращения, по крайней мере, можем мы рассчитывать, Портос — на титул, а я — на чин? — прибавил он громко!

— Слово Мазарини.

«Я предпочел бы другую клятву», — подумал д'Артаньян, а вслух сказал:

— Могу я засвидетельствовать мое почтение ее величеству королеве?

— Ее величество спит,— поспешно ответил Мазарини,— да и вам надо ехать немедленно. Поезжайте же.

— Еще одно слово, монсеньер. Если там, куда я еду, будут драться, мне драться тоже?

— Вы поступите так, как прикажет вам лицо, к которому я вас посылаю.

— Хорошо, монсерьер,— сказал д'Артаньян, протягивая руку к кошельку,— честь имею кланяться.

Д'Артаньян не торопясь опустил кошелек в свой широкий карман и, обратясь к офицеру, сказал:

— Будьте добры, сударь, разбудить от имени его преосвященства господина дю Валлона и передать ему, что я жду его в конюшне.

Офицер тотчас же побежал с поспешностью, которая выдавала д'Артаньяну его заинтересованность в этом деле.

Портос только что растянулся один на постели и уже, по своей привычке, начал медленно храпеть, как вдруг почувствовал удар по плечу.

Решив, что это д'Артаньян, он даже не шевельнулся.

— От кардинала,— сказал офицер.

— А? — сказал Портос, широко раскрыв глаза.— Что вы говорите?

— Я говорю, что его преосвященство посылает вас в Англию, и что господин д'Артаньян уже ждет вас в конюшне.

Портос глубоко вздохнул, встал, взял шляпу, пистолеты, шпагу и плащ и вышел, с сожалением оглянувшись на постель, где рассчитывал так сладко отдохнуть.

Не успел он повернуть спину, как офицер уже расположился на постели, и едва Портос переступил порог, как его преемник захрапел во всю силу своих легких. Это было вполне естественно: из всех постояльцев замка только он, король, королева да Гастон Орлеанский спали даром.

Д'Артаньян направился прямо в конюшню. Светало. В стойках он нашел свою лошадь и лошадь Портоса: однако в кормушках было пусто. Он сжалился над бедными животными и пошел в угол конюшни, где виднелось немного соломы, уцелевшей, по-видимому, от ночного опустошения; вдруг, собирая ногой солому, он наткнулся концом сапога на что-то большое и круглое. Это был человек, который, получив удар, вероятно, в чувствительное место, вскрикнул и, поднявшись на колени, стал протирать глаза. Перед д'Артаньяном был Мушкетон, который, оставшись без соломы, отнял ее у лошадей.

— Живее, Мушкетон! — крикнул д'Артаньян. — В дорогу, в дорогу!

Узнав голос друга своего господина, Мушкетон вскочил, но, поднимаясь, выронил несколько золотых, незаконно нажитых ночью.

— Ого! — сказал д'Артаньян, поднимая один из золотых и поднося его к носу. — Какой странный запах у этого золота! Оно пахнет соломой.

Мушкетон густо покраснел и так смутился, что гасконец расхохотался и сказал ему:

— Портос рассердился бы, милейший мой Мушкетон, но я тебя прощаю; пусть это золото послужит лекарством для твоей раны. Ну, живей в путь!

Мушкетон тотчас же повеселел, быстро оседлал лошадь своего господина и, не слишком морщась, уселся на свою.

Тем временем явился и Портос с очень кислым видом. Он удивился как нельзя больше бодрости д'Артаньяна и веселости Мушкетона.

— А, вот оно что? — сказал он. — Вы, значит, с чином, а я барон?

— Мы едем за грамотами, — сказал д'Артаньян, — Мазарини подпишет их после нашего возвращения.

— А куда мы едем? — спросил Портос.

— Прежде всего в Париж, — ответил д'Артаньян. — Мне нужно там устроить кое-какие дела.

— Хорошо, едем в Париж, — сказал Портос.

И они оба поскакали в Париж.

Подъехав к заставе, они были поражены боевым видом столицы. Народ выпил около разбитой вдребезги кареты; рядом стояли пленники, выпавшиеся бежать из Парижа, — какой-то старик и две женщины.

Напротив, когда д'Артаньян и Портос попросили, чтобы их пропустили в город, толпа выразила им свой полный восторг. Их приняли за дезертиров королевской партии и хотели привлечь их на свою сторону.

— Что делает король? — спрашивали их.

— Спит.

- А испанка?
- Десятый сон видит.
- А проклятый итальянец?

— Бодрствует. Держитесь крепче; если они уехали, то, конечно, не без умысла. Но так как, в сущности, сила на вашей стороне,— продолжал д'Артаньян,— то стоит ли вам обижать стариков и женщин? Принимайтесь лучше за настоящее дело.

В толпе с удовольствием выслушали эти слова и отпустили дам, которые поблагодарили д'Артаньяна красноречивым взглядом.

— Теперь вперед! — скомандовал д'Артаньян.

И они продолжали свой путь, пробираясь сквозь баррикады, перескакивая через цепи, тесня людей, расспрашивая и отвечая на вопросы.

На площади Пале-Рояля д'Артаньян увидел сержанта, который обучал военному делу пять-шесть сотен горожан. Это был Планше, использовавший для городской милиции опыт, полученный на службе в Пьемонтском полку.

Проходя мимо д'Артаньяна, он узнал своего бывшего хозяина.

— Здравствуйте, господин д'Артаньян,— сказал он с гордым видом.

— Здравствуйте, господин Дюлорье,— ответил д'Артаньян.

Планше остановился и вытаращил на д'Артаньяна глаза. Видя, что начальник остановился, первый ряд остановился тоже, а за ним и остальные ряды.

— Эти горожане ужасно смешны,— сказал д'Артаньян Портосу и направился дальше.

Минут через пять они спешили у гостиницы «Козочка».

Прекрасная Мадлен бросилась навстречу д'Артаньяну.

— Любезная госпожа Тюркен,— сказал д'Артаньян,— если у вас есть деньги, закопайте их поскорее; если есть драгоценности, припрячьте их немедленно; если есть должники, выжмите из них деньги; если есть кредиторы, не платите им.

— Почему так? — спросила Мадлен.

— Потому что Париж будет превращен в груды пепла, подобно Вавилону, о котором вы, должно быть, слышали.

— И вы оставляете меня в такую минуту!

— Сейчас же,— сказал д'Артаньян.

— Куда же вы отправляетесь?

— Ах, вы оказали бы мне огромную услугу, сообщив мне это.

— О боже мой, боже мой!

— Нет ли у вас писем для меня? — спросил д'Артаньян, делая своей хозяйке знак рукой, чтобы она перестала причитать, так как, мол, всякие жалобы все равно бесполезны.

— Есть письмо, которое только что пришло.

Она подала его д'Артаньяну.

— От Атоса! — воскликнул д'Артаньян, узнав твердый и острый почерк своего друга.

— А! — сказал Портос.— Посмотрим-ка, что он пишет.

Д'Артаньян распечатал письмо и прочел:

«Дорогой д'Артаньян, дорогой дю Валлон, мои добрые друзья, быть может, я в последний раз шлю вам весть о себе. Нам с Арамисом очень не повезло, но бог, мужество и воспоминание о нашей дружбе поддерживают нас. Позаботьтесь о Рауле. Поручаю вам бумаги, которые находятся в Блуа, и если через два с половиной месяца вы не получите от меня известий, ознакомьтесь с их содержанием. Обнимите виконта от всего сердца за вашего преданного друга

Атоса».

— Я думаю, черт возьми, что я обниму его, — сказал д'Артаньян, — тем более что это нам по пути. Если, по несчастью, он лишится бедного Атоса, он станет моим сыном.

— И моим единственным наследником, — прибавил Портос.

— Посмотрим, что еще пишет Атос.

«Если на пути вашем встретится некий господин Мордаунт, остерегайтесь его. Я не могу сказать вам больше в письме».

— Мордаунт! — с удивлением произнес д'Артаньян.

— Мордаунт! — сказал Портос. — Хорошо, будем помнить. Но посмотрите, здесь еще приписка от Арамиса.

— В самом деле, — сказал д'Артаньян и прочел:

«Мы скрываем от вас место нашего пребывания, дорогие друзья, зная вашу братскую преданность и будучи уверены, что вы явились бы умереть вместе с нами».

— Черт возьми! — прервал его Портос так яростно, что Мушкетон подскочил на другом конце комнаты. — Значит, жизнь их в опасности.

Д'Артаньян продолжал:

«Атос завещает вам Рауля, а я завещаю вам месть. Если бы, по счастью, вам попался в руки некий Мордаунт, велите Портосу отвести его в сторонку и свернуть ему шею. В письме я не смею говорить подробнее.

Арамис».

— Ну, это не такое уж трудное дело, — сказал Портос.

— Напротив, — мрачно сказал д'Артаньян, — оно невыполнимое.

— Почему?

— Потому что мы едем именно к этому Мордаунту в Булонь и вместе с ним отправимся в Англию.

— Ну, а что, если вместо этого Мордаунта мы поедem к нашим друзьям? — сказал Портос, замахиваясь так, что это испугало бы целую армию.

— Я уж сам об этом подумываю, — сказал д'Артаньян. — Но на письме нет ни числа, ни штемпеля.

— Это верно, — сказал Портос.

И он топтался по комнате, жестикулируя, как сумасшедший, и поминутно на треть вытаскивая шпагу из ножен.

Что касается д'Артаньяна, то он стоял с унылым видом и на лице его была глубокая печаль.

— Ах, как это нехорошо,— говорил он.— Атос нас оскорбляет, желая умереть один. Это нехорошо.

Мушкетон, видя отчаяние обоих друзей, заливался слезами в своем углу.

— Довольно,— сказал д'Артаньян,— все это горю не поможет. Поедем проститься с Раулем, как мы уже решили. Быть может, и он получил известие от Атоса.

— В самом деле, это мысль! — воскликнул Портос.— Право, мой дорогой д'Артаньян, я не знаю, как вы это делаете, но у вас всегда являются прекрасные мысли. Поедем проститься с Раулем.

Они сели на коней и поехали. Приехав на улицу Сен-Дени, друзья застали там большое стечение народа. Герцог де Бофор только что прибыл из Вандома, и коадьютор представлял его восхищенным и радостным парижанам. С герцогом де Бофором во главе они считали себя теперь непобедимыми.

Друзья свернули в переулок, чтобы не встречаться с принцем, и подъехали к заставе Сен-Дени.

— Правда ли,— спросили часовые у наших всадников,— что Бофор приехал в Париж?

— Конечно, правда,— ответил д'Артаньян,— и он послал нас на встречу своему отцу, господину де Вандому, который тоже сюда едет.

— Да здравствует Бофор! — крикнули часовые.

Они почтительно расступились, чтобы пропустить посланцев великого принца. Выехав из города, наши герои, не знавшие усталости и никогда не падавшие духом, понеслись во весь опор; их лошади летели, а они не переставая говорили об Атосе и Арамисе.

Мушкетон испытывал невообразимые муки, но как добрый слуга утешался сознанием, что оба его господина тоже немало страдают, хотя и по-другому. Ибо он уже привык смотреть на д'Артаньяна как на своего второго господина и повиновался ему даже лучше и быстрее, нежели Портосу.

Лагерь французской армии был расположен между Сент-Омером и Ламбом. Друзья сделали крюк до самого лагеря и подробно рассказали про бегство короля и королевы, о чем до армии дошли пока только смутные слухи. Они нашли Рауля близ его палатки, лежащим на охапке сена, из которой лошадь его потихоньку щипала клочок за клочком. Глаза молодого человека были красны, и он казался очень печальным. Маршал де Граммон и граф де Гиш вернулись в Париж, и бедный юноша остался совершенно один.

Подняв глаза, Рауль увидел перед собой двух всадников, смотревших на него; он узнал их и устремился к ним с распростертыми объятиями.

— А, это вы, дорогие друзья! — воскликнул он.— Вы за мной? Вы возьмете меня с собой? Не имеете ли вы известий от моего опекуна?

— А разве вы не получали от него писем? — спросил у молодого человека д'Артаньян.

— Увы, нет, сударь, и я, право, не знаю, что с ним случилось. Я беспокоюсь, так беспокоюсь, что готов плакать.

И, действительно, две крупные слезы скатились по загорелым щекам юноши.

Портос отвернулся в сторону, чтобы его доброе круглое лицо не выдало того, что делалось у него на сердце.

— Что за черт! — сказал д'Артаньян, растроганный больше чем когда-либо. — Не отчаивайтесь, мой друг; хотя вы не получали писем от графа, зато мы получили... одно...

— А, в самом деле? — воскликнул Рауль.

— И даже очень успокоительное, — сказал д'Артаньян, видя, какую радость принесло молодому человеку это известие.

— Оно с вами? — спросил Рауль.

— Да, то есть оно было со мной, — сказал д'Артаньян, делая вид, что ищет его. — Подождите, оно должно быть здесь, в моем кармане. Он пишет о своем возвращении. Не так ли, Портос?

Хотя д'Артаньян и был гасконец, он все же не хотел взять на себя одного бремя этой лжи.

— Да, — сказал Портос, кашляя.

— О, покажите мне его письмо! — сказал молодой человек.

— Да я только что читал его. Неужели я потерял его? Ах, черт возьми, у меня порвался карман.

— О да, господин Рауль, — сказал Мушкетон, — и письмо было такое утешительное. Господа читали мне его, и я плакал от радости.

— Но, по крайней мере, господин д'Артаньян, вы знаете, где он? — спросил Рауль, и лицо его слегка прояснилось.

— Ну еще бы! — сказал д'Артаньян. — Конечно, знаю. Но только это тайна.

— Не для меня же, наверное?

— Нет, не для вас, и я вам скажу, где он.

Портос удивленно воззрился на д'Артаньяна.

«Куда бы, черт возьми, подальше заслать его, чтобы Рауль не вздумал к нему отправиться?» — пробормотал про себя д'Артаньян.

— Ну, так где же он, сударь? — спросил Рауль своим нежным, ласковым голосом.

— В Константинополе.

— У турок? — воскликнул Рауль. — Боже мой, что вы говорите!

— А что, это вас пугает? — сказал д'Артаньян. — Ба, что значит турки для таких людей, как граф де Ла Фер и аббат д'Эрбле?

— А, его друг с ним? — сказал Рауль. — Это меня все-таки успокаивает.

«Как он умен, этот дьявол д'Артаньян!» — думал Портос, восхищенный хитростью своего друга.

— А теперь, — продолжал д'Артаньян, спеша переменить разговор, — вот вам пятьдесят пистолей, присланных от графа с тем же курьером. Полагаю, что у вас больше нет денег и что они будут вам очень кстати.

— У меня еще есть двадцать пистолей.

— Все равно берите, будет семьдесят.

— А если вам нужно еще... — сказал Портос, опуская руку в карман.

— Благодарю вас,— отвечал Рауль, краснея,— тысячу раз благодарю.

В эту минуту показался Оливен.

— Кстати,— сказал д'Артаньян так, чтобы лакей мог его слышать,— довольны ли вы Оливеном?

— Да, ничего себе.

Оливен, сделав вид, что ничего не слышит, вошел в палатку.

— А чем он грешит, этот плут?

— Большой лакомка,— сказал Рауль.

— О, сударь! — сказал Оливен, выступая вперед при этом обвинении.

— Немного вороват.

— О, сударь, помилуйте!

— А главное, ужасный трус.

— О, сударь, что вы, помилуйте! За что вы меня позорите?

— Черт побери! — вскричал д'Артаньян. — Знай, Оливен, что такие люди, как мы, не держат у себя в услужении трусов. Ты можешь обкрадывать своего господина, таскать его сладости и пить его вино, но — черт возьми! — ты не смеешь быть трусом, или я отрублю тебе уши. Посмотри на Мушкетона, скажи ему, чтобы он показал тебе свои честно заработанные раны, и смотри, какую печать достоинства наложила на его чело свойственная ему храбрость.

Мушкетон был на седьмом небе и охотно обнял бы д'Артаньяна, если бы только посмел.

Пока же он дал себе слово умереть за него при первом подходящем случае.

— Прогоните этого плута, Рауль,— сказал д'Артаньян,— ведь если он трус, он когда-нибудь обесчестит тебя.

— Господин Рауль называет меня трусом,— воскликнул Оливен,— за то, что я отказался его сопровождать, когда на днях он хотел драться с корнетом из полка Граммона.

— Оливен, лакей всегда должен слушаться своего господина,— строго сказал д'Артаньян.

И, отведя его в сторону, прибавил:

— Ты хорошо сделал, если господин твой был неправ, и вот тебе за это эю; но если его когда-нибудь оскорбят, а ты не дашь себя четвертовать за него, то я отрежу тебе язык и вымажу им твою физиономию. Запомни это.

Оливен поклонился и опустил эю в карман.

— А теперь, мой друг Рауль,— сказал д'Артаньян,— мы уезжаем, дю Валлон и я, в качестве посланников. Я не могу сказать вам, с какой целью: я этого и сам еще не знаю. Но если вам что-нибудь понадобится, напишите Мадлен Тюркен, в гостиницу «Козочка» на Тиктонской улице, и берите у нее деньги, как у своего банкира, но только умеренно, потому что, предупреждаю вас, ее кошелек набит все же не так туго, как у д'Эмери.

Он обнял своего временного воспитанника и передал его в мощные объятия Портоса. Грозный великан поднял его на воздух и прижал к своему благородному сердцу.

— Теперь в дорогу! — сказал д'Артаньян.

И они снова направились в Булонь, куда прибыли к вечеру на своих взмыленных лошадях.

В десяти шагах от того места, где они остановились, прежде чем въехать в город, стоял молодой человек, весь в черном; он, казалось, поджидал кого-то и, завидя их, уже не спускал с них глаз.

Д'Артаньян подошел к нему и, заметив, что он глядит на него в упор, сказал:

— Эй, любезный, я не люблю, чтобы меня так мерили с ног до головы.

— Милостивый государь, — произнес молодой человек, не отвечая на резкость д'Артаньяна, — скажите, пожалуйста, не из Парижа ли вы?

Д'Артаньян подумал, что это какой-нибудь любопытный, которому хочется разузнать столичные новости.

— Да, сударь, — отвечал он помягче.

— Не собираетесь ли вы остановиться в гостинице «Герб Англии»?

— Да, сударь.

— Не имеете ли вы поручений от его преосвященства кардинала Мазарини?

— Да, сударь.

— В таком случае, — сказал молодой человек, — у вас есть до меня дело. Я Мордаунт.

«А, — прошептал д'Артаньян, — тот самый, которого Атос советует остерегаться».

«А, — пробормотал Портос, — тот самый, которого Арамис просит придрушить».

Оба внимательно посмотрели на молодого человека.

Тот неправильно истолковал их взгляд.

— Вы сомневаетесь в моей личности? — сказал он. — В таком случае я готов представить вам доказательства.

— Нет, не надо, — сказал д'Артаньян, — мы отдаем себя в ваше распоряжение.

— Тогда, господа, поедemте, не откладывая ни минуты, — сказал Мордаунт. — Сегодня последний день отсрочки, которой просил у меня кардинал. Судно готово, и если бы вы не явились, я бы уехал без вас, потому что генерал Оливер Кромвель с нетерпением ждет моего возвращения.

— Ага! — сказал д'Артаньян. — Значит, мы едем к генералу Оливеру Кромвелю?

— Разве у вас нет письма к нему? — спросил молодой человек.

— У меня есть письмо, наружный конверт которого я должен был вскрыть только в Лондоне; но так как вы сообщили, кому оно адресовано, то нет надобности это откладывать.

Д'Артаньян разорвал конверт.

Письмо действительно было адресовано: «Господину Оливеру Кромвелю, командующему армией английского народа».

«Вот странное поручение!» — подумал д'Артаньян.

— Кто этот Оливер Кромвель? — спросил тихонько Портос.

— Бывший пивовар, — ответил д'Артаньян.

— Не задумал ли Мазарини нажиться на пиве, вроде как мы на соломе? — спросил Портос.

— Скорее, скорее, господа, — нетерпеливо воскликнул Мордаунт. — Едемте!

— Вот как, даже не поужинав? — сказал Портос. — Разве Кромвель не может подождать немного?

— Да, но я... — сказал Мордаунт.

— Что вы? — спросил Портос.

— Я очень спешу.

— О, если речь идет о вас, — сказал Портос, — то это меня не касается, и я поужинаю с вашего позволения или без оногo.

Мутный взгляд молодого человека вспыхнул и, казалось, готов был сверкнуть молнией; но он удержался.

— Сударь, — продолжал д'Артаньян, — надо извинить проголодавшихся путешественников. К тому же наш ужин задержит вас недолго. Мы поскачем в гостиницу, а вы идите пешком на пристань. Мы только перехватим кусочек чего-нибудь и поспеем на пристань в одно время с вами.

— Как вам будет угодно, господа, только не опоздайте, — сказал Мордаунт.

— Так-то будет лучше, — пробормотал Портос.

— Как зовется ваше судно? — спросил д'Артаньян.

— «Стандарт».

— Отлично. Через полчаса мы будем на борту.

И приятели, пришпорив коней, поскакали к гостинице «Герб Англии».

— Ну, что вы скажете об этом молодом человеке? — спросил д'Артаньян на скаку.

— Скажу, что он мне очень не нравится, — отвечал Портос, — и что у меня все время чесались руки последовать совету Арамиса.

— Берегитесь, Портос. Он посланный генерала Кромвеля, и нас примут, думаю, не очень любезно, если мы заявим, что свернули шею его доверенному лицу.

— Все равно, — сказал Портос, — я хорошо знаю, что Арамис дает только хорошие советы.

— Слушайте, — сказал д'Артаньян, — когда наша миссия будет закончена...

— Ну?

— Если он привезет нас обратно во Францию...

— Тогда?

— Тогда мы посмотрим.

Тут приятели доехали до гостиницы «Герб Англии», где поужинали с большим аппетитом. Вслед за тем они немедленно отправились на пристань.

Бриг уже готов был поднять паруса. На палубе его они увидели Мордаунта, который нетерпеливо шагал взад и вперед.

— Прямо невероятно, — сказал д'Артаньян, когда лодка везла их к «Стандарту», — до чего этот молодой человек похож на кого-то, не могу только вспомнить, на кого именно.

Они подъехали к трапу и через минуту были на палубе.

Но лошадей переправить на бриг было труднее, чем людей, и бриг мог сняться с якоря только в восемь часов вечера.

Молодой человек сгорал от нетерпения и приказал поднять все паруса.

Портос, разбитый после трех бессонных ночей и семидесяти миль, проделанных верхом, ушел к себе в каюту и тотчас заснул.

Д'Артаньян, преодолевая свое отвращение к Мордаунту, стал прогуливаться с ним по палубе, рассказывая ему тысячу мелочей и пытаясь вызвать его на откровенность.

Мушкетона терзала морская болезнь.

Глава 11

«ШОТЛАНДЕЦ КЛЯТВУ ПРЕСТУПИЛ,
ЗА ГРОШ ОН КОРОЛЯ СГУБИЛ»

теперь предоставим «Стандарту» спокойно плыть не в Лондон, как думали д'Артаньян и Портос, а в Даргем, куда Мордаунт должен был направиться, согласно распоряжениям, полученным из Англии во время его пребывания в Булони, и перенесенся в королевский лагерь, расположенный на берегу Тайна, близ города Ньюкастля.

Здесь, между двумя реками, рядом с границей Шотландии, но еще на английской земле, раскинулись палатки маленькой армии. Полночь. Воины, в которых по их голым ногам, коротким юбкам, пестрым пледам и перу на шапочках легко признать шотландских горцев, скучают, стоя на часах. Луна, пробиваясь сквозь густые тучи, всякий раз озаряет мушкеты часовых; и, залитые ее светом, отчетливей выступают стены, крыши и колокольни города, который Карл I только что сдал парламентским войскам, так же как Оксфорд и Ньюарк, еще державшие его сторону в надежде на примирение.

В одном конце лагеря, возле огромной палатки, битком набитой шотландскими офицерами, собравшимися на военный совет под предводительством старого графа де Левена, их командира, положив правую руку на шпагу, спит на траве человек, одетый в платье для верховой езды.

В пятидесяти шагах от него другой человек, так же одетый, разговаривает с часовым-шотландцем. Хотя он и иностранец, он, видимо, настолько привык к английскому языку, что понимает ответы своего собеседника, говорящего на пертском¹ наречии.

Когда в Ньюкасте пробило час пополуночи, спавший пробудился; потянувшись, как делает человек, открывающий глаза после глу-

¹ Перт — город в Шотландии

Бокого сна, он внимательно осмотрелся кругом и, увидев, что он один, ~~стал~~, подошел к тому, кто беседовал с часовым, и затем пошел дальше. Другой, надо думать, окончил свои расспросы, потому что через минуту протиснулся с часовым и непринужденно направился туда же, куда и первый.

Тот ждал его в тени палатки, стоявшей на дороге.

— Ну что, мой друг? — сказал он на чистейшем французском языке, на каком когда-либо говаривали между Руаном и Туром.

— А то, мой друг, что нельзя терять ни минуты; надо предупредить короля.

— Что случилось?

— Долго рассказывать. К тому же вы сейчас сами услышите. Затем, малейшее слово, произнесенное здесь, может все погубить. Пойдем разыщем лорда Винтера.

И оба направились в противоположный конец лагеря. Но так как весь лагерь занимал площадь не более чем в пятьсот квадратных футов, то они быстро оказались у палатки того, кого искали.

— Твой господин спит, Тони? — спросил по-английски один из них у слуги, лежавшего в первом отделении палатки, заменявшем переднюю.

— Нет, господин граф, не думаю, — ответил слуга. — Разве что заснул совсем недавно, так как он больше двух часов ходил взад и вперед, вернувшись от короля. Шаги затихли только минут десять тому назад; впрочем, вы можете сами посмотреть, — прибавил слуга, пропуская их в палатку.

Действительно, Винтер сидел перед отверстием, служившим окном, вдыхая ночной воздух и меланхолично следя глазами за луной, мелькавшей, как мы только что говорили, среди больших черных туч.

Друзья подошли к лорду Винтеру, который, подперев голову рукой, смотрел на небо. Он не слышал, как они вошли, и оставался в том же положении, пока не почувствовал прикосновения к своему плечу. Тогда он обернулся, узнал Атоса и Арамиса и протянул им руку.

— Заметили вы, какого кровавого цвета сегодня луна? — сказал он.

— Нет, — ответил Атос. — Она показалась мне такой же, как всегда.

— Посмотрите вы, сударь, — продолжал Винтер.

— Признаюсь, — произнес Арамис, — что я, как и граф де Ла Фер, не вижу в ней ничего особенного.

— Граф, — промолвил Атос, — в таком опасном положении нужно смотреть на землю, а не в небо. Хорошо ли вы знаете наших шотландцев и уверены вы в них?

— В шотландцах? — спросил Винтер. — В каких шотландцах?

— О боже мой, — сказал Атос, — в наших, в тех, которым доверился король, в шотландцах графа де Левена.

— Нет, — ответил Винтер и затем прибавил: — Вы, значит, совсем не видите этого красноватого отлива на всем небе?

— Нисколько, — ответили вместе Атос и Арамис.

— Скажите, — продолжал Винтер, занятый все той же мыслью, — говорят, во Франции есть предание, что накануне своей смерти Ген-

рих Четвертый, играя в шахматы с Бассомпьером, видел кровавые пятна на шахматной доске?

— Да,— сказал Атос,— и маршал мне самому несколько раз рассказывал об этом.

— Так,— прошептал Винтер,— а на следующий день Генрих Четвертый был убит.

— Но какая связь между этим видением Генриха Четвертого и вами? — спросил Арамис.

— Никакой, господа. Я сумасшедший, право, что занимаю вас такими глупостями; ваше появление в моей палатке в такой час показывает, что вы принесли мне какую-нибудь важную весть.

— Да, милорд,— произнес Атос,— я желал бы поговорить с королем.

— С королем? Но он спит.

— Мне нужно сообщить ему нечто весьма важное.

— Разве нельзя отложить это до завтра?

— Нет, он должен немедленно узнать, в чем дело. Боюсь, что может быть, и сейчас уже поздно.

— Пойдемте, господа,— сказал Винтер.

Палатка Винтера стояла рядом с королевской; нечто вроде коридора соединяло их. Этот коридор охранялся не часовыми, а доверенным камердинером Карла I, так что в случае надобности король мог в ту же минуту снестись со своим верным слугой.

— Эти господа пройдут со мною,— сказал Винтер.

Лакей поклонился и пропустил.

Действительно, уступая непреодолимой потребности в сне, король Карл заснул на походной кровати, в своем черном камзоле и высоких сапогах, расстегнув пояс и положив возле себя шляпу. Вошедшие приблизились, и Атос, шедший впереди, с минуту молча всматривался в это благородное бледное лицо, обрамленное длинными черными волосами, прилипшими к вискам от пота во время тяжелого сна, и покрытое синими жилками, которые, казалось, набухли от слез под усталыми глазами.

Атос глубоко вздохнул; этот вздох разбудил короля,— так легко был его сон.

Он открыл глаза.

— А! — сказал он, приподымаясь на локте.— Это вы, граф де Ла Фер?

— Да, ваше величество,— ответил Атос.

— Вы бодрствуете, когда я сплю? И вы хотите сообщить мне какую-нибудь новость?

— Увы! Вы, ваше величество, изволили верно угадать,— ответил Атос.

— Значит, новость дурная? — спросил король с грустной улыбкой.

— Да, ваше величество.

— Все равно, я всегда рад вас видеть, добро пожаловать. Вы, чья преданность не знает ни отечества, ни страха невзгод, вы, которого прислала мне Генриэтта,— какова бы ни была ваша весть, говорите смело.

— Ваше величество, Кромвель прибыл сегодня ночью в Ньюкастль.

— А! — сказал король. — Чтобы сразиться со мною?

— Нет, ваше величество, чтобы купить вас.

— Что вы говорите?

— Я говорю, ваше величество, что вы должны шотландской армии четыреста тысяч фунтов стерлингов.

— Невыплаченного жалованья? Да, я знаю. Уже около года мои храбрые и верные шотландцы бьются только чести ради.

Атос улыбнулся.

— Честь — прекрасная вещь, ваше величество, но им надоело сражаться за нее, и сегодня ночью они продали вас за двести тысяч фунтов, то есть за половину того, что вы были им должны.

— Невозможно, — воскликнул король, — чтобы шотландцы продали своего короля за двести тысяч фунтов!

— Продали же иудеи своего брата за тридцать сребренников!

— Какой же Иуда совершил этот гнусный торг?

— Граф де Левен.

— Вы убеждены в этом, граф?

— Я слышал это своими собственными ушами.

Король глубоко вздохнул, словно сердце его разрывалось, и закрыл лицо руками.

— О, шотландцы, — сказал он, — шотландцы, которых я считал такими верными! Шотландцы, которым я доверился, когда мог бежать в Оксфорд! Шотландцы, мои земляки, мои братья! Но уверены ли вы в этом, граф?

— Я прилег за палаткой графа де Левена и, приподняв полотно, все слышал, все видел.

— Когда же должен совершиться этот подлый торг?

— Сегодня утром. Вы видите, ваше величество, нельзя терять времени.

— К чему же нам время, раз вы говорите, что я продан?

— Надо переправиться через Тайн в Шотландию, к лорду Монтрозу, который вас не продаст.

— А что мне делать в Шотландии? Вести партизанскую войну? Это недостойно короля.

— Возьмите пример с Роберта Брюса¹, ваше величество.

— Нет, нет! Борьба слишком затянулась. Если они продали меня, пусть они меня выдадут. Да падет на них вечный позор этой измены.

— Ваше величество, — сказал Атос, — быть может, так следует поступить королю, но не мужу и отцу. Я явился от имени вашей супруги и вашей дочери, и от их лица, а также от лица двух других ваших детей, которые в Лондоне, я говорю вам: «Живите, ваше величество, так угодно богу!»

Король встал, стянул пояс, прицепил к нему шпагу и, вытирая свой влажный лоб, сказал:

— Хорошо! Что же нужно делать?

---

¹ Шотландский король (1306—1329), успешно отстаивавший независимость Шотландии от Англии.

— Ваше величество, они люди, а люди стали очень слабы или злы. Я надеюсь на их верность, но не ручаюсь за нее; я доверил бы им собственную жизнь, но не решаюсь доверить им жизнь вашего величества.

— Что поделаешь? — сказал Атос. — Если нет полка, зато есть трое нас, преданных вам людей, и этого будет достаточно. Садитесь на коня, ваше величество, и поезжайте с нами; мы переправимся через Тайн, достигнем Шотландии и будем в безопасности.

— Вы того же мнения, Винтер? — спросил король.

— Да, ваше величество.

— А вы, д'Эрбле?

— Тоже, ваше величество.

— Будь по-вашему. Отдайте приказания, Винтер.

Винтер вышел, а король стал оканчивать свой туалет. Первые лучи зари уже начинали проникать в щели палатки, когда Винтер вернулся.

— Все готово, ваше величество, — сказал он.

— А мы? — спросил Атос.

— Гримо и Блезуа ожидают вас с уже оседланными лошадьми.

— В таком случае, — сказал Атос, — не будем терять ни минуты.

Едем!

— Едем, — повторил король.

— Ваше величество, — сказал Арамис, — не известите ли вы ваших друзей?

— Моих друзей? — сказал Карл I, грустно качая головой. — У меня нет больше друзей, кроме вас троих: старого друга, никогда не забывавшего меня в течение двадцати лет, и двух других, дружба которых не старше недели, но которых я никогда не забуду. Едем, господа, едем.

Король вышел из палатки, и лошадь его была уже оседлана. Это был конь буланой масти, на котором король ездил уже три года и которого очень любил.

Увидав его, конь радостно заржал.

— А, — сказал король, — я был неправ. Вот еще, если не друг, то, по крайней мере, живое существо, которое меня любит. Ты останешься мне верен, Артус, не правда ли?

Конь, как будто понимая слова, приблизил свои дымящиеся ноздри к лицу короля, поднял губу и радостно оскалил белые зубы.

— Да, да, — сказал король, лаская его рукою, — хорошо, Артус, я тобой доволен.

С легкостью, стяжавшей ему славу лучшего наездника Европы, Карл вскочил на коня и, обернувшись к Атосу, Арамису и Винтеру, крикнул:

— Ну, господа, я жду вас!

Но Атос стоял неподвижно, устремив глаза и указывая рукой на черную линию, тянувшуюся вдоль берега Тайна и вдвое превосходившую длину лагеря.

— Что это за линия? — сказал Атос, которому остатки ночной темноты, борющейся с первыми лучами дня, не давали ясно различать предметы. — Что это за линия? Я вчера ее не видал.

- Это, вероятно, туман, поднявшийся с реки,— сказал король.
- Нет, ваше величество, это что-то поплотнее тумана.
- Действительно, там какая-то красноватая полоса,— сказал

Винтер.

— Это неприятель вышел из Ньюкастля и окружает нас! — воскликнул Атос.

— Неприятель? — сказал король.

— Да, неприятель. Мы опоздали. Смотрите, смотрите! Видите вы там, около города, как блестят на солнце «железные ребра»?

Так называли кирасиров, из которых Кромвель образовал свою гвардию.

— А! — сказал король.— Сейчас мы увидим, действительно ли мои шотландцы изменили мне!

— Что вы хотите делать? — воскликнул Атос.

— Дать приказ к наступлению и раздавить этих подлых мятежников.

И король, пришпорив лошадь, понесся к палатке графа де Левена.

— За ним! — сказал Атос.

— За ним! — повторил Арамис.

— Не ранен ли король? — сказал Винтер.— Я вижу на земле кровавые пятна.

И он бросился вслед за двумя друзьями. Атос остановил его.

— Ступайте соберите ваш полк,— сказал он.— Я чувствую, что он сейчас нам понадобится.

Винтер повернул назад, меж тем как друзья продолжали свой путь.

Через две секунды король был у палатки главнокомандующего шотландской армией. Он соскочил с лошади и вошел.

Генерал был окружен старшими командирами.

— Король! — воскликнули они, вставая и недоуменно переглядываясь.

Действительно, Карл стоял перед ними в шляпе, хмурия брови и ударяя хлыстом по сапогу.

— Да, господа,— сказал он,— король! Король пришел потребовать у вас отчета в том, что происходит.

— Что случилось, ваше величество? — спросил граф де Левен.

— Случилось то,— сказал король гневно,— что генерал Кромвель прибыл сегодня ночью в Ньюкастль. Вы знали об этом и не уведомили меня. Неприятель выступает из города и заграждает нам переправу через Тайн; ваши часовые должны были видеть эти движения, и вы скрыли это от меня. Вы подло продали меня парламенту за двести тысяч фунтов, но об этой сделке меня, к счастью, предупредили. Вот что случилось, господа. Отвечайте или оправдывайтесь, так как я обвиняю вас.

— Ваше величество,— проговорил, запинаясь граф де Левен,— ваше величество, это ложный донос.

— Я своими глазами видел, как неприятельская армия развернулась между моим лагерем и Шотландией,— сказал король.— Я почти могу сказать, что собственными ушами слышал, как вы обсуждали условия сделки.

Шотландские командиры снова переглянулись и в свою очередь нахмурились.

— Ваше величество,— пробормотал Левен, сгорая от стыда,— ваше величество, мы готовы представить вам все доказательства.

— Я требую только одного,— сказал король,— постройте армию в боевой порядок и ведите ее на неприятеля.

— Это невозможно, ваше величество,— отвечал граф.

— Как невозможно? А что же этому мешает? — воскликнул Карл I.

— Ваше величеству известно, что мы заключили перемирие с английской армией,— ответил граф.

— Если и было перемирие, то английская армия нарушила его, выйдя из города, где, по условию, она должна была оставаться. Поэтому, говорю вам, вы должны пробиться со мной сквозь эту армию и вернуться в Шотландию, а если вы этого не сделаете, тогда выберите себе любое из имен, которыми человечество клеймит презренных и низких людей: вы или трусы, или изменники.

Глаза шотландцев засверкали, и, как часто бывает в подобных случаях, нестерпимое чувство стыда породило в них предельную наглость.

Два предводителя кланов подошли с двух сторон к королю и сказали:

— Да, мы обещали избавить Шотландию и Англию от того, кто уже двадцать пять лет выжимает кровь и золото из Англии и Шотландии. Мы обещали, и мы сдержим наше слово. Король Карл Стюарт, вы наш пленник.

И оба одновременно протянули руки, чтобы схватить короля. Но не успели они прикоснуться к нему, как уже оба лежали на земле — один без чувств, а другой мертвый.

Атос ошеломил одного прикладом пистолета, а Арамис проткнул другого шпагой.

И пока граф де Левен с остальными предводителями отступали в ужасе перед этой неожиданной подмогой, точно с неба свалившейся тому, кого они уже считали своим пленником, Атос и Арамис увлекли короля из палатки клятвопреступников, куда он так неосторожно вошел, и, вскочив на лошадей, которых слуги держали наготове, все трое поскакали обратно к королевской палатке.

Проезжая, они заметили Винтера, спешившего со своим полком. Король сделал ему знак, чтобы он следовал за ним.

се четверо вошли в палатку; у них не было еще никакого плана действий, и надо было сразу его выработать.

Король упал в кресло.

— Я погиб! — сказал он.

— Нет, ваше величество, — ответил Атос, — вам только изменили.

Король глубоко вздохнул.

— Изменили, изменили шотландцы, среди которых я родился, которых всегда любил больше англичан! О, негодяи!

— Ваше величество, — сказал Атос, — теперь не время для укоров, теперь надо показать себя королем и дворянином. Смелее, государь, смелее! Здесь перед вами, по крайней мере, три человека, которые вам не изменят, можете быть покойны. Ах, если бы нас было пятеро! — пробормотал он, думая о д'Артаньяне и Портосе.

— Что вы говорите? — спросил Карл, поднимаясь с места.

— Я говорю, ваше величество, что осталось только одно средство. Милорд Винтер ручается или почти ручается, — не будем придираться к словам, — за свой полк. Он станет во главе этого полка; мы окружим ваше величество, пробьемся сквозь армию Кромвеля и достигнем Шотландии.

— Есть еще одно средство, — сказал Арамис. — Один из нас наденет на себя платье короля и сядет на его коня: пока все будут гнаться за ним, король может ускользнуть.

— Мысль недурна, — сказал Атос, — и если его величеству угодно оказать одному из нас эту честь, мы будем ему искренне благодарны.

— Что вы скажете об этом совете, Винтер? — спросил король, с восторгом глядя на этих двух людей, готовых принять на себя все удары, грозившие ему.

— Я скажу, ваше величество, что если есть средство спасти вас, то только то, которое предлагает господин д'Эрбле. Потому я смиренно умоляю ваше величество как можно скорее сделать между нами выбор, так как времени терять нельзя.

— Но если я соглашусь, то это принесет смерть или по меньшей мере темницу тому, кто займет мое место?

— Нет, это принесет честь тому, кто вас спасет! — воскликнул Винтер.

Король со слезами на глазах посмотрел на своего старого друга, снял орден св. Духа, который носил, желая оказать внимание двум сопровождавшим его французам¹, и надел его на шею Винтеру, который на коленях принял этот пагубный для него знак королевской дружбы и доверия.

¹ Один из высших орденов французского королевства

— Это справедливо,— сказал Атос,— он служит дольше нас.

Король, услышав эти слова, обернулся со слезами на глазах.

— Господа,— сказал он,— подождите минуту, у меня и для вас есть по ленте.

Он подошел к шкафу, где хранились его личные ордена, и взял две ленты ордена Подвязки.

— Эти ордена не для нас,— сказал Атос.

— Почему? — сказал король.

— Это почти королевские ордена, а мы простые дворяне.

— Найдите мне сердце благородней вашего на любом престоле,— сказал король.— Нет, нет, вы несправедливы к себе, и я считаю своей обязанностью воздать вам должное. На колени, граф!

Атос преклонил колени. Король надел на него ленту, как полагается, слева направо; затем, подняв шпагу, вместо обычной формулы: «Посвящаю вас в рыцари, будьте храбры, верны и честны», произнес:

— Вы храбры, верны и честны, я посвящаю вас в рыцари, граф.

Потом, обратившись к Арамису, сказал:

— Теперь ваша очередь, шевалье.

Та же церемония, с теми же словами, повторилась. Между тем Винтер с помощью оруженосцев снял с себя медные латы, чтобы больше походить на короля.

Окончив обряд с Атосом и Арамисом, король обнял обоих друзей.

— Ваше величество,— сказал Винтер, к которому в предвкушении великого подвига вернулась вся его сила и мужество,— мы готовы.

Король посмотрел на трех рыцарей.

— Значит, надо бежать? — сказал он.

— Бегство сквозь ряды неприятельской армии, ваше величество,— сказал Атос,— во всех странах называется атакой.

— Итак, я умру со шпагой в руке,— сказал Карл.— Господин граф и господин шевалье, если я опять стану королем...

— Ваше величество уже оказали нам больше чести, чем полагается простым дворянам, и теперь мы ваши должники. Но не будем терять времени; мы его и так уже слишком много потратили.

Король в последний раз протянул руку всем троим, обменялся шляпами с Винтером и вышел.

Полк Винтера выстроился на площадке, несколько возвышавшейся над всем лагерем. Король в сопровождении трех друзей направился к этой площадке.

Шотландский лагерь, казалось, наконец проснулся; солдаты вышли из палаток и начали строиться, как для битвы.

— Видите,— сказал король,— может быть, они раскаялись и готовы идти в бой.

— Если они раскаялись, ваше величество,— сказал Атос,— то они пойдут за нами.

— Хорошо,— сказал король.— Что теперь делать?

— Разглядим неприятеля,— сказал Атос.

И взоры маленькой группы тотчас устремились на полосу, которую на рассвете они приняли было за туман. Теперь первые лучи солнца ясно обнаруживали, что это армия, построенная в боевом порядке.

Воздух был прозрачен, каким он обычно бывает в этот час утра. Можно было отчетливо различить полки, знамена, даже цвет мундиров и масть лошадей.

В это время на небольшом холме перед неприятельским фронтом показался коренастый и плотный человек небольшого роста; его окружало несколько офицеров. Он направил подзорную трубу на группу, в которой был король.

— Ваше величество, этот человек знает вас в лицо? — спросил Арамис.

Карл улыбнулся.

— Этот человек — Кромвель, — сказал он.

— В таком случае надвиньте шляпу, государь, чтобы он не заметил подмены.

— Ах, сколько времени потеряно! — сказал Атос.

— Так скомандуйте, — сказал король, — и двинемся на них.

— Разве не вы будете командовать, ваше величество? — спросил Атос.

— Нет, я назначаю вас моим главнокомандующим, — сказал король.

— Тогда послушайте, милорд, — произнес Атос. — Прошу вас, ваше величество, отойдите на минутку в сторону. То, о чем мы будем говорить, не касается вашего величества.

Король улыбнулся и отошел на три шага.

— Вот что я предлагаю, — продолжал Атос. — Мы разделим наш полк на два эскадрона: вы станете во главе одного; его величество и мы поведем второй. Если ничего не преградит нам путь, мы атакуем все вместе, чтобы пробиться сквозь неприятельскую линию и переправиться через Тайн вброд или вплавь; если же мы встретим непреодолимую преграду, то вы и ваши солдаты ляжете все до последнего, а мы с королем будем продолжать наш путь. Мы доберемся до берега, хотя бы пришлось прорваться через тройной ряд врагов, если только ваш эскадрон выполнит свой долг.

— На коней! — сказал Винтер.

— На коней! — повторил Атос. — Все обдумано и решено.

— Итак, господа, вперед! — сказал король. — И да будет нашим лозунгом старинный боевой клич французов: «Монжуа и Сен-Дени!» Клич Англии осквернен теперь устами изменников.

Они вскочили на коней: Винтер на королевского коня, король на коня Винтера. Лорд Винтер стал во главе первого эскадрона, а король, с Атосом по правую руку и Арамисом по левую, стал во главе второго. Вся шотландская армия смотрела на эти приготовления неподвижно, молча, со стыдом. Несколько офицеров вышли из рядов и сломали свои шпаги.

— Прекрасно, — сказал король, — это меня утешает, они не все изменники.

В этот момент раздался голос Винтера.

— Вперед! — крикнул он.

Первый эскадрон двинулся. За ним последовал второй, спустившийся с площадки. Полк латников, приблизительно равный им по чис-

ленности, развернулся за холмом и во весь опор понесся им навстречу.

Король указал на него Атосу и Арамису.

— Ваше величество,— сказал Атос,— мы предвидели это, и если люди Винтера исполнят свой долг, то этот меневр неприятеля, вместо того чтобы погубить, спасет нас.

В эту минуту раздалась команда Винтера, покрывая собой топот и фыркание несущихся лошадей:

— Сабли наголо!

При этой команде все сабли блеснули, как молния.

— Вперед! — крикнул тоже король, опьяненный этим видом.— Вперед, сабли наголо!

Но этой команде, пример которой подал сам король, повиновались только Атос и Арамис.

— Нас предали,— тихо сказал король.

— Подождем еще,— произнес Арамис,— может быть, они не узнали голоса вашего величества и ждут приказания своего эскадронного командира.

— Разве они не слышали команды своего полковника? Но смотрите, смотрите! — воскликнул король, круто осаживая коня и хватая за повод лошадь Атоса.

— Трусый! Негодяй! Изменники! — слышался голос Винтера.

Его солдаты уже покидали свои ряды, разбегаясь во все стороны по полюне.

Около него осталось не более пятнадцати человек, ожидавших вместе с ним атаки латников Кромвеля.

— Умрем вместе с ними! — вскричал король.

— Умрем! — повторили Атос и Арамис.

— Ко мне, все верные королю! — крикнул Винтер.

Этот голос долетел до двух друзей, которые помчались галопом.

— Не давать пощады! — крикнул по-французски в ответ Винтеру другой голос, заставивший их вздрогнуть.

Услышав этот голос, Винтер побледнел и замер на месте.

Это был голос всадника, летевшего на великолепном вороном коне в атаку во главе английского полка, который он в пылу опередил шагов на десять.

— Это он! — прошептал Винтер, устремив на него глаза и опустив руку с саблей.

— Король! Король! — закричали несколько англичан, обманутых голубой лентой и буланой лошадью Винтера.— Взять его живым!

— Нет, это не король! — воскликнул всадник.— Не давайте себя обмануть. Не правда ли, лорд Винтер, ведь вы не король, Вы мой дядя?

С этими словами Мордаунт (ибо это был он) направил дуло пистолета на Винтера. Раздался выстрел. Пуля пронзила грудь старого лорда; он подпрыгнул на седле и упал на руки Атоса, прошептав:

— Мститель!

— Вспомни мою мать! — проревел Мордаунт и полетел дальше, уносимый бешено скачущей лошадью.

— Негодяй! — крикнул Арамис и навел на него пистолет почти в

упор, когда он пронесился мимо. Но пистолет дал осечку, и выстрела не последовало.

Между тем весь полк уже обрушился на нескольких оставшихся людей. Обоих французов окружили, смяли, стиснули. Убедившись, что Винтер умер, Атос выпустил из рук его труп и, обнажив шпагу, воскликнул:

— Вперед, Арамис, за честь Франции!

И двое англичан, стоявших поблизости, упали мертвыми, пораженные ударами Атоса и Арамиса.

В то же время раздалось громовое «ура», и тридцать клинков блеснуло над их головами.

Вдруг из толпы англичан вырвался человек, одним прыжком очутился около Атоса, сжал его своими мощными руками и вырвал у него шпагу, прошептав ему на ухо:

— Молчите! Сдайтесь! Сдаться мне — не значит сдаться.

В ту же секунду какой-то великан схватил за обе руки Арамиса, который тщетно старался вырваться из его страшных объятий.

— Сдавайтесь! — произнес он, пристально глядя на него.

Арамис поднял голову, Атос обернулся.

— Д'Арт... — хотел воскликнуть Атос, но гасконец зажал ему рот рукой.

— Сдаюсь! — сказал Арамис, протягивая свою шпагу Портосу.

— Стреляйте, стреляйте! — кричал Мордаунт, возвращаясь к группе, в которой были два друга.

— Зачем стрелять? — сказал полковник. — Все сдались.

— Это сын миледи, — сказал Атос д'Артаньяну.

— Я узнал его.

— Это монах, — сказал Портос Арамису.

— Знаю.

Между тем ряды победителей расступились. Д'Артаньян держал за повод лошадь Атоса, Портос — лошадь Арамиса. Каждый старался отвести своего пленника подальше от поля битвы.

Когда они отъехали, очистилось место, где лежал труп Винтера. Движимый чувством ненависти, Мордаунт отыскал его и, наклонившись с лошади, посмотрел на него с отвратительной улыбкой.

Атос, как он ни был спокоен, протянул руку к кобурам, где лежали его пистолеты.

— Что вы делаете? — вскричал д'Артаньян.

— Дайте мне убить его.

— Мы все погибли, если вы хоть одним движением покажете, что знаете его.

Он обернулся к молодому человеку и крикнул:

— Славная добыча! Славная добыча, дорогой Мордаунт! Каждому из нас двоих досталось по пленнику. Каждому по кавалеру ордена Подвязки, ни больше ни меньше.

— Эге, — воскликнул Мордаунт, глядя кровожадными глазами на Атоса и Арамиса, — да ведь это, кажется, французы?

— Ей-богу, не знаю. Вы француз? — спросил д'Артаньян Атоса.

— Да, — с достоинством ответил тот.

— Ну вот, вы попались в плен к своему соотечественнику.

— А король? — с горечью спросил Атос. — Где король?

Д'Артаньян сильно сжал руку Атоса и сказал:

— Он в наших руках.

— Да, — прибавил Арамис, — благодаря гнусной измене.

Портос стиснул руку своего друга и сказал ему с улыбкой:

— Э, сударь, на войне ловкость значит не меньше, чем сила. Смотрите.

Действительно, в эту минуту эскадрон, который должен был служить прикрытием королю в его бегстве, двигался навстречу английскому полку, окружая короля. Карл шел пешком в центре образовавшегося вокруг него пустого пространства. Он был спокоен на вид, но ясно было, чего это ему стоило. Пот капал с лица его, и он оттирал себе виски и губы носовым платком, на котором всякий раз, как он отнимал его ото рта, появилось пятно крови.

— Вот он, Навуходоносор!¹ — крикнул один из латников Кромвеля, старый пуританин, глаза которого загорелись при виде того, кого называли тираном.

— Как вы сказали, Навуходоносор? — спросил Мордаунт с ужасной улыбкой. — Нет, это Карл Первый, добрый король Карл, который обкрадывал своих подданных, чтобы наследовать их имущество.

Карл поднял глаза на дерзкого юношу, но не узнал его. Однако спокойное, величавое выражение его лица заставило Мордаунта отвести взгляд.

— Здравствуйте, господа! — сказал король двум французам, которых он увидел в руках д'Артаньяна и Портоса. — Какой печальный день! Но это все-таки не ваша вина. Где же мой старый Винтер? Друзья отвернулись и промолчали.

— Там же, где и Страффорд!² — сказал резким голосом Мордаунт.

Карл вздрогнул: злодей попал в цель. Страффорд был вечным упреком совести короля, тенью, омрачавшей его дни, и кошмаром его ночей.

Король посмотрел вокруг себя и увидел у ног своих труп Винтера.

Он не вскрикнул, не уронил ни одной слезы; только лицо его побледнело еще больше. Он стал на одно колено, приподнял голову Винтера, поцеловал его в лоб и, сняв с него недавно надетую им ленту св. Духа, благоговейно повязал ее опять себе на грудь.

— Так Винтер убит? — спросил д'Артаньян, устремив глаза на труп.

— Да, — сказал Атос, — и к тому же своим племянником.

— Значит, одного из нас уже не стало! — прошептал д'Артаньян. — Мир праху его: он был храбрый человек.

— Карл Стюарт! — сказал командир английского полка, подойдя к королю, надевшему свои королевские регалии. — Вы сдаетесь?

---

¹ Один из царей нововавилонского царства (VI в. до н. э.), в библейских легендах представляющий образ властителя-злодея.

² Один из министров и фаворитов Карла I, вызвавший в народе такую ненависть, что Карл I вынужден был согласиться на его казнь.

— Полковник Томлисон,— ответил Карл,— король не сдается. Человек уступает силе, вот и все.

— Вашу шпагу!

Король вынул шпагу и сломал ее о колено.

В эту минуту промчалась лошадь без всадника, вся в пене, со сверкающими глазами и раздутыми ноздрями; узнав голос своего господина, она остановилась около него и радостно заржала. Это был Аргус.

Король улыбнулся, потрепал ее рукой по шее и легко вскочил в седло.

— Едемте, господа,— сказал он,— ведите меня куда угодно.

Затем, обернувшись, прибавил:

— Подождите, мне показалось, что Винтер шевельнулся. Если он жив еще, то, ради всего святого, не покидайте этого благородного рыцаря.

— О, будьте спокойны, король Карл,— сказал Мордаунт,— пуля пробила ему сердце.

— Не говорите ни слова, не двигайтесь, не бросайте ни одного взгляда на меня и на Портоса,— сказал д'Артаньян Атосу и Арамису.— Миледи не умерла, душа ее живет в теле этого дьявола.

Отряд направился к городу, уводя с собой царственного пленника; но на половине дороги адъютант генерала Кромвеля привез приказание полковнику Томлисону препроводить короля в Гольденбайский замок.

Немедленно полетели курьеры оповестить Англию и всю Европу, что король Карл Стюарт взят в плен генералом Оливером Кромвелем.

Глава 13

ОЛИВЕР КРОМВЕЛЬ

— Вы идете к генералу? — спросил Мордаунт у д'Артаньяна и Портоса.— Не забудьте, что он приглашал вас к себе после сражения.

— Сначала мы отведем наших пленников в надежное место,— сказал д'Артаньян.— Знаете, за каждого из этих дворян мы получим по полторы тысячи пистолей.

— О, будьте покойны,— сказал Мордаунт, тщетно стараясь смягчить свирепое выражение своего лица.— Мои кавалеристы будут хорошо стеречь их, ручаюсь вам за это.

— Но я их сберегу еще лучше,— возразил д'Артаньян.— Впрочем, для этого нужна только хорошая комната с часовыми или просто их честное слово, что они не будут делать попыток к бегству. Я сейчас распорядюсь, а затем мы будем иметь честь представиться генералу и выслушать, что он прикажет передать его преосвященству.

— Значит, вы скоро уезжаете? — спросил Мордаунт.

— Наше посольство кончилось, и ничто не удерживает нас в Англии, если великому человеку, к которому мы посланы, угодно будет отпустить нас.

Молодой человек закусил губу и, наклонившись к сержанту, сказал ему на ухо:

— Ступайте за этими людьми и не теряйте их из виду, а когда узнаете, где они помещаются, возвращайтесь к городским воротам и там ждите меня.

Сержант сделал знак, что приказание будет исполнено.

Потом Мордаунт, вместо того чтобы провожать в город всю толпу пленников, отправился на холм, откуда Кромвель смотрел на битву из раскинутой для него палатки.

Он запретил пускать к себе кого бы то ни было; но часовой, знавший Мордаунта как одного из ближайших сподвижников генерала, решил, что запрещение не касается этого молодого человека.

Мордаунт приподнял занавеску и увидел Кромвеля, который сидел за столом, спиной к нему, закрыв лицо обеими руками.

Слышал Кромвель его шаги или нет, но только он не обернулся.

Мордаунт продолжал стоять на пороге.

Наконец Кромвель поднял отяжелевшую голову и, словно почувствовав, что кто-то стоит за его спиной, медленно оглянулся назад.

— Я сказал, что хочу остаться один! — вскричал он, увидев молодого человека.

— Я не думал, что это запрещение касается меня, — сказал Мордаунт. — Но если вы приказываете, я готов удалиться.

— А, это вы, Мордаунт! — сказал Кромвель, и взор его, послушный его воле, прояснился. — Раз уж вы зашли, оставайтесь.

— Я пришел вас поздравить.

— Поздравить? С чем?

— Со взятием в плен Карла Стюарта. Теперь вы властелин Англии.

— Я был им в большей мере два часа тому назад.

— Как так, генерал?

— Англия нуждалась во мне, чтобы избавиться от тирана. Теперь он в плену. Вы его видели?

— Да, генерал.

Мордаунт с минуту колебался, затем истина невольнó сорвалась с его языка.

— Он спокоен и полон достоинства, — сказал он.

— Что он сказал?

— Несколько прощальных слов своим друзьям.

— Своим друзьям? — пробормотал Кромвель. — Невжели у него есть друзья?

Затем прибавил вслух:

— Он защищался?

— Нет, генерал, его все покинули, кроме трех или четырех человек; у него не было возможности защищаться.

— Кому он отдал свою шпагу?

— Никому; он сломал ее.

— Он поступил хорошо; но еще лучше бы сделал, если бы направил ее против себя.

Наступило короткое молчание.

— Командир полка, охранявшего короля Карла, кажется, убит? — сказал Кромвель, пристально глядя на Мордаунта.

— Да, генерал.

— Кто его убил?

— Я.

— Как его звали?

— Лорд Винтер.

— Ваш дядя! — воскликнул Кромвель.

— Мой дядя? — ответил Мордаунт. — Изменники Англии мне не родственники.

Кромвель с минуту задумчиво смотрел на молодого человека; затем сказал с глубокой грустью, которую так хорошо изображает Шекспир:

— Мордаунт, вы беспощадный слуга.

— Когда господь повелевает, — сказал Мордаунт, — нельзя рассуждать. Авраам поднял нож на Исаака, который был его сыном.

— Да, — сказал Кромвель, — но господь не допустил этого жертвоприношения.

— Я смотрел вокруг себя, — отвечал Мордаунт, — но нигде не видел ни козла, ни ягненка, запутавшегося в кустах¹.

Кромвель наклонил голову.

— Вы железный человек, Мордаунт, — сказал он. — А как вели себя французы?

— Как герои, — сказал Мордаунт.

— Да, да, — пробормотал Кромвель, — французы хорошо дерутся, и, если моя подзорная труба не обманула меня, мне кажется, я видел их в первых рядах.

— Совершенно верно, — сказал Мордаунт.

— Но все же позади вас, — сказал Кромвель.

— Это не их вина, моя лошадь была лучше.

Снова наступило молчание.

— А шотландцы? — спросил Кромвель.

— Они сдержали слово, — сказал Мордаунт, — и не тронулись с места.

— Презренные! — пробормотал Кромвель.

— Их офицеры желают вас видеть, генерал.

— Мне некогда. Им заплатили?

— Сегодня ночью.

— Так пусть они убираются, возвращаются в свои горы и там скроют свой позор, если горы достаточно для этого высоки. Между мной и ими все кончено. Можете идти, Мордаунт!

---

¹ Намек на библейскую легенду, согласно которой Авраам, готовый заколоть своего сына Исаака в жертву богу Ягве, был остановлен ангелом, который указал ему на запутавшегося в кустах ягненка и велел заколоть ягненка вместо мальчика

— Прежде чем удалиться, — сказал Мордаунт, — я хотел бы задать вам, генерал, несколько вопросов и обратиться к вам, моему начальнику, с одной просьбой.

— Ко мне?

Мордаунт поклонился.

— Я пришел к вам, моему герою, моему отцу, моему покровителю, чтобы спросить вас: довольны ли вы мною?

Кромвель с удивлением посмотрел на него.

Молодой человек хранил бесстрастное выражение лица.

— Да, — сказал Кромвель, — с тех пор, как я вас знаю, вы не только исполняли ваш долг, но более того, были верным другом, искусным посредником и отличным солдатом.

— Вы не забыли, генерал, что мне первому пришла в голову мысль вступить в переговоры с шотландцами о выдаче короля?

— Да, эта мысль была ваша. Я еще не настолько презираю людей.

— Был ли я хорошим послом во Франции?

— Да, вы добились от Мазарини всего, чего я хотел.

— Не защищал ли я всегда горячо вашу славу и ваши интересы?

— Пожалуй, даже слишком горячо: в этом я вас только что упрекнул. Но к чему такие вопросы?

— Я хочу вам сказать, милорд, что настала минута, когда вы одним словом можете вознаградить меня за всю мою службу.

— А, — протянул Кромвель с легким оттенком презрения, — это правда. Я и забыл, что всякая услуга требует награды, а вы оказали мне услугу и еще не вознаграждены.

— Вы можете наградить меня сейчас же, превыше всех моих надежд.

— Каким образом?

— Награды не придется искать далеко, она у меня почти в руках.

— Что же это за награда? — спросил Кромвель. — Хотите денег? Или желаете получить чин? Должность губернатора?

— Вы исполните мою просьбу, милорд?

— Посмотрим сначала, в чем она состоит.

— Когда вы говорили мне: «Вам предстоит исполнить одно поручение», разве я отвечал вам: «Посмотрим сначала, в чем оно состоит»?

— Но если ваше желание окажется неисполнимым?

— Когда вы приказывали мне что-нибудь исполнить, отвечал ли я вам хоть раз: «Это невозможно»?

— Но такое предисловие позволяет думать...

— О, будьте покойны, милорд, — сказал Мордаунт просто, — моя просьба вас не разорит.

— Ну хорошо, — сказал Кромвель, — обещаю исполнить ее, поскольку это в моей власти. Говорите.

— Милорд, — сказал Мордаунт, — сегодня захвачены в плен два сторонника короля; отдайте их мне.

— Что же, они предложили большой выкуп? — спросил Кромвель.

— Напротив, милорд, я думаю, что они бедны.

— Так это ваши друзья?

— Да, — воскликнул Мордаунт, — это мои друзья, дорогие друзья, я за них жизнь отдам.

— Хорошо, Мордаунт, — сказал Кромвель, обрадованный, что может изменить к лучшему свое мнение о молодом человеке. — Хорошо, я отдаю их тебе, не спрашивая даже их имени. Делай с ними что хочешь.

— Благодарю вас, милорд, — воскликнул Мордаунт, — благодарю! Моя жизнь отныне принадлежит вам, и, даже отдав ее, я все еще останусь в долгу перед вами. Благодарю вас, вы щедро заплатили за мою службу.

Он бросился к ногам Кромвеля и поцеловал его руку, несмотря на сопротивление пуританского генерала, не желавшего или делавшего вид, что не желает таких царских почестей.

— Как, — сказал Кромвель, на секунду задерживая его в свою очередь, когда тот поднялся, — вы не желаете никакой другой награды, ни чинов, ни денег?

— Вы дали мне все, чего я мог желать, милорд, с сегодняшнего дня мы с вами в расчете.

И Мордаунт с радостью в сердце и во взоре выбежал из палатки генерала.

Кромвель проводил его глазами.

— Он убил своего дядю! — пробормотал он. — Увы, вот какие у меня слуги! Быть может, этот юноша, который ничего не требует или делает вид, что ничего не требует, выпросил у меня в конце концов перед лицом всевышнего больше, чем те, что посягают на золото государства и хлеб бедняков. Никто не служит мне даром. Мой пленник Карл, быть может, еще имеет друзей, а у меня их нет.

И он со вздохом снова погрузился в свои мысли, прерванные приходом Мордаунта.

Глава 14

ДВОРЯНЕ

то время как Мордаунт направился к палатке Кромвеля, д'Артаньян и Портос повели своих пленников в отведенный им для постоя дом в Ньюкастле.

Предупреждение, сделанное Мордаунтом сержанту, не ускользнуло от гасконца, и он сделал глазами знак Атосу и Арамису, чтобы они соблюдали величайшую осторожность.

Поэтому Атос и Арамис, шагая рядом со своими победителями, хранили молчание, что было вовсе нетрудно им сделать, потому что оба они были заняты своими мыслями.

Мушкетон несказанно удивился, увидев с порога дома четырех друзей, сопровождаемых сержантом и десятком солдат. Он протер себе глаза, не веря, что идут Атос и Арамис, но наконец должен был признать непреложный факт. Он уже собрался было разразиться воскли-

цаниями, когда Портос взглядом, не допускающим возражений, приказал ему молчать.

Мушкетон словно прирос к земле, ожидая объяснений такой странности; особенно поразило его то, что друзья как будто не узнавали друг друга.

Д'Артаньян и Портос привели Атоса и Арамиса в предоставленный им генералом Кромвелем дом, где они поселились накануне. Он стоял на углу улицы, и при нем был маленький садик, а на повороте в соседний переулок — конюшни.

Окна нижнего этажа, как это часто бывает в маленьких провинциальных городах, были с решетками, совсем как в тюрьме.

Друзья пропустили пленников вперед и задержались на пороге, приказав Мушкетону отвести четырех лошадей в конюшню.

— Отчего мы не заходим с ними? — спросил Портос.

— Оттого, — ответил д'Артаньян, — что сначала надо узнать, чего нужно от нас сержанту с его десятком солдат.

Сержант со своими людьми расположился в саду.

Д'Артаньян спросил, что им нужно и почему они не уходят.

— Нам приказано, — сказал сержант, — помогать вам стеречь ваших пленников.

На это нечего было возразить; оставалось только поблагодарить за такое любезное внимание. Д'Артаньян поблагодарил сержанта и дал ему крону, чтобы тот выпил за здоровье генерала Кромвеля.

Сержант ответил, что пуритане не пьют, и опустил крону в карман.

— Ах, — сказал Портос, — какой ужасный день, дорогой д'Артаньян!

— Что вы говорите, Портос! Вы называете несчастным день, когда мы нашли наших друзей?

— Да, — но при каких обстоятельствах?

— Положение сложное, — сказал д'Артаньян, — но все равно, зайдем в дом и постараемся что-нибудь придумать.

— Наши дела запутались, — сказал Портос, — и я понимаю теперь, почему Арамис так усердно советовал мне задушить этого ужасного Мордаунта.

— Тише, — сказал д'Артаньян, — не произносите этого имени.

— Но ведь я говорю по-французски, — сказал Портос, — а они англичане.

Д'Артаньян посмотрел на Портоса с восхищением, которого заслуживала подобная наивность. Но так как Портос продолжал смотреть на него, ничего не понимая, то д'Артаньян толкнул его вперед, говоря:

— Войдем.

Портос вошел первым, д'Артаньян последовал за ним; он тщательно запер дверь и по очереди прижал к своей груди обоих друзей.

Атос был погружен в глубокую печаль. Арамис молча посматривал то на Портоса, то на д'Артаньяна, и взгляд его был так выразителен, что д'Артаньян понял его.

— Вы хотите знать, как случилось, что мы очутились здесь? Боже мой, это нетрудно угадать. Мазарини поручил нам передать письмо генералу Кромвелю.

— Но как вы очутились вместе с Мордаунтом? — спросил Атос. — С тем самым Мордаунтом, которого я вам советовал остерегаться?

— И которого я вам рекомендовал задушить, Портос? — сказал Арамис.

— Опять-таки по вине Мазарини. Кромвель послал Мордаунга к Мазарини, а Мазарини послал нас к Кромвелю. Роковое совпадение.

— Да, д'Артаньян, вы правы, но это совпадение нас разлучает и губит. Что ж, дорогой Арамис, не будем более говорить об этом и подчинимся нашей участи.

— Напротив, будем говорить, черт возьми! Ведь мы же условились никогда не покидать друг друга, даже находясь во враждебных лагерьях.

— Да, уж действительно враждебных, — сказал, улыбаясь, Атос. — Но скажите мне, какому делу вы здесь служите? Ах, д'Артаньян, подумайте, что из вас только делает этот гнусный Мазарини! Знаете ли вы, в каком преступлении вы сегодня оказались повинны? В пленении короля, его позоре и смерти.

— Ого! — сказал Портос. — Вы полагаете?

— Вы преувеличиваете, Атос, — произнес д'Артаньян. — До этого еще дело не дошло.

— Вы ошибаетесь: мы очень близки к этому. Для чего арестуют короля? Того, кого уважают как властителя, не покупают как раба. Неужели вы думаете, что Кромвель заплатил двести тысяч фунтов за то, чтобы восстановить его на престоле? Друзья мои, они убьют его, и это еще наименьшее преступление, какое они могут совершить. Лучше отрубить голову королю, чем ударить его по лицу.

— Не спорю, это в конце концов возможно, — сказал д'Артаньян. — Но что нам до этого? Я здесь потому, что я солдат, потому, что я служу моим начальникам, то есть тем, кто меня платит жалованье. Я присягал повиноваться и повинуюсь. Но вы, не приносившие присяги, как вы сюда попали и какому делу служите?

— Благороднейшему на свете делу, — ответил Атос, — защите и охране угнетенного короля. Друг, супруга и дочь его оказали нам высокую честь, призвав нас на помощь. Мы служили ему, насколько позволили нам наши слабые силы, и усердия у нас было больше, чем возможностей. Вы можете держаться, д'Артаньян, иных взглядов, можете смотреть на вещи иначе, мой друг. Я не стану вас разубеждать, но я вас порицаю.

— О! — сказал д'Артаньян. — Да какое мне дело в конце концов до того, что англичанин Кромвель взбунтовался против своего короля-шотландца. Я француз, и меня все это не касается. Как вы можете делать меня ответственным за других?

— В самом деле, — подтвердил Портос.

— Но вы дворянин, все дворяне — братья, а короли всех стран — первые из дворян. А вы, д'Артаньян, потомок древнего рода, человек со славным именем и храбрый солдат, вы помогаете предать короля пивоварам, портным, извозчикам. Ах, д'Артаньян! Как солдат вы, можете быть, исполнили свой долг, но как дворянин вы виноваты.

Д'Артаньян молча жевал стебелек цветка, не зная, что ему ответить. Стоило ему отвернуться от Атоса, как он встречал взор Арамиса.

— И вы, Портос,— продолжал Атос, как бы сжалившись над смущенным д'Артаньяном,— вы, лучшая душа, лучший друг, лучший солдат на свете; вы, который по своему сердцу достойны были бы родиться на ступенях трона и которого мудрый король рано или поздно вознаградит; вы, мой дорогой Портос, дворянин по всем своим поступкам, привычкам, по своей храбрости,— вы столь же виновны, как д'Артаньян.

Портос покраснел, но скорее от удовольствия, которое доставили ему похвалы Атоса, чем от смущения.

И все же, опустив голову и как бы сознавая свое унижение, он сказал:

— Да, да, я думаю, вы правы, дорогой граф.

Атос встал.

— Полно,— сказал он, подходя к д'Артаньяну и протягивая ему руку,— полно, не дуйтесь, дорогой сын мой; все, что я сказал вам, было сказано если не отеческим тоном, то, по крайней мере, с отеческой любовью. Поверьте, мне было бы легче просто поблагодарить вас за то, что вы спасли мне жизнь, и не проронить ни слова о моих чувствах.

— Разумеется, разумеется, Атос,— отвечал д'Артаньян, горячо пожимая ему руку,— но не все, черт побери, способны на такие возвышенные чувства. Кто еще из разумных людей покинет свой дом, Францию, своего воспитанника, прелестного юношу (мы его видели в лагере), и полетит — куда? — на помощь гнилой, подточенной червями монархии, которая вот-вот должна рухнуть, как старая лачуга? Чувство, о котором вы говорите, конечно, прекрасно, оно до того прекрасно, что почти недоступно простому смертному.

— Каково бы оно ни было, д'Артаньян,— ответил Атос, не поддаваясь на хитрость своего друга, с чисто гасконской изворотливостью намекнувшего на отеческую привязанность Атоса к Раулю,— каково бы оно ни было, вы хорошо сознаете в глубине вашего сердца, что оно справедливо. Но, виноват, я забыл, что спорю с человеком, у которого я в плену. Д'Артаньян, я ваш пленник; обращайтесь со мной, как с пленником.

— Черт возьми! — сказал д'Артаньян.— Вы отлично знаете, что не долго пробудете у меня в плену.

— Конечно,— сказал Арамис,— с нами, без сомнения, поступят так же, как с теми, что были взяты под Филиппаутсе.

— А как с ними поступили? — спросил д'Артаньян.

— Половину повесили, а остальных расстреляли,— ответил Арамис.

— Нет, ручаюсь вам,— сказал д'Артаньян,— что, пока во мне останется хоть капля крови, вы не будете ни повешены, ни расстреляны. Пусть они только попробуют! Да что говорить! Видите вы эту дверь, Атос?

— Ну?

— Вы выйдете из нее, когда вам будет угодно. С этой минуты вы и Арамис свободны, как воздух.

— Узнаю вас, мой милый д'Артаньян,— ответил Атос.— Но вы здесь не хозяин: за этой дверью стоит караул, д'Артаньян, это вам хорошо известно.

— Ну, вы с ними справитесь,— сказал Портос.— Много ли их тут? С десяток, не больше.

— Это пустяк для нас четверых, но для двоих слишком много. Нет, уж раз мы разделились, мы должны погибнуть. Вспомните роковой пример: вы, д'Артаньян, столь непобедимый, и вы, Портос, такой сильный и храбрый, вы потерпели неудачу на Вандомской дороге. Теперь настал черед мне с Арамисом. А ведь этого никогда с нами не бывало прежде, когда мы все четверо были заодно. Умрем же, как умер Винтер. Что касается меня, я заявляю, что согласен бежать только вчетвером.

— Это невозможно,— сказал д'Артаньян.— Мы на службе у Мазарини.

— Я это знаю и не стану уговаривать вас. Мои доводы не подействовали, и, должно быть, они были плохи, если не подействовали на такие благородные сердца, как у вас и у Портоса.

— Да если бы они и могли подействовать,— сказал Арамис,— лучше не ставить в ложное положение таких дорогих нам друзей, как д'Артаньян и Портос. Будьте покойны, господа, мы не посрадим вас своею смертью. Что касается меня, то я горжусь тем, что встану под пулю или даже пойду на виселицу с вами, Атос. Ибо никогда еще вы не проявляли столько благородства, как сейчас.

д'Артаньян молчал; окончив грызть стebelек, он принялся за свои ногти.

— Почему вы воображаете, что вас убьют,— заговорил он наконец.— С какой стати? Какая польза в вашей смерти? К тому же вы наши пленники.

— Безумец, трижды безумец! — воскликнул Арамис.— Да разве ты не знаешь Мордаунта? Я обменялся с ним только одним взглядом и сразу увидел, что мы обречены.

— Право, мне очень жаль, что я не последовал вашему совету, Арамис, и не задушил его! — сказал Портос.

— Дался вам этот Мордаунт! — воскликнул д'Артаньян.— Черт возьми! Пусть он только попробует подойти ко мне поближе, я раздавлю его, как гадину. Зачем бежать, этого вовсе не требуется; ручаюсь вам, вы здесь в такой же безопасности, как были двадцать лет тому назад вы, Атос, на улице Феру, а вы, Арамис, на улице Вожирар.

— Смотрите,— сказал Атос, протягивая руку к одному из решетчатых окон, освещавших комнату,— сейчас все разъяснится; вот и он.

— Кто?

— Мордаунт.

Действительно, посмотрев в ту сторону, куда указывал Атос, д'Артаньян увидел скачущего галопом всадника.

д'Артаньян бросился вон из комнаты.

Портос хотел последовать за ним.

— Оставайтесь здесь,— сказал ему д'Артаньян,— и не выходите наружу, пока не услышите, что я выбиваю на двери пальцами барабанную дробь.

Глава 15

ГОСПОДИ ИИСУСЕ

одъехав к дому, Мордаунт увидел д'Артаньяна, сидевшего на пороге, и солдат, которые, не снимая оружия, расположились отдохнуть на траве в садике.

— Эй,— закричал он прерывающимся голосом, запыхавшись от быстрой скачки,— пленники еще здесь?

— Да, сударь,— отвечал сержант, живо вскакивая на ноги и поднося руку к шляпе; солдаты последовали его примеру.

— Отлично, отправьте их немедленно с конвоем из четырех человек ко мне на квартиру.

Четверо солдат приготовились исполнить приказание.

— Что вам угодно? — спросил д'Артаньян, принимая насмешливый вид, хорошо знакомый нашим читателям.— Объясните, пожалуйста, в чем дело?

— В том,— ответил Мордаунт,— что я приказал четырем конвойным взять пленников, захваченных сегодня утром, и отвести их ко мне на квартиру.

— А почему это? — спросил д'Артаньян.— Извините за любопытство, но вы сами понимаете, что мне любопытно знать причину такого распоряжения.

— А потому, что эти пленники принадлежат мне,— высокомерно заявил Мордаунт,— и я могу распоряжаться ими по своему усмотрению.

— Позвольте, позвольте, молодой человек,— прервал его д'Артаньян,— мне кажется, вы ошибаетесь: пленники обычно принадлежат тем, кто их захватил, а не тем, кто при этом присутствовал. Вы могли захватить милорда Винтера, вашего дядю, если я не ошибаюсь; но вы предпочли убить его, и прекрасно. Мы с дю Валлоном тоже могли бы убить этих двух дворян, но мы предпочли взять их в плен; что кому нравится.

Губы Мордаунта побелели.

Д'Артаньян, поняв, что дело принимает дурной оборот, забарабанил на двери гвардейский марш.

При первых же тактах этой музыки Портос вышел и стал рядом с товарищем, причем ноги его упирались в порог, а голова доставала до притолки.

Маневр этот не ускользнул от Мордаунта.

— Сударь,— заговорил он, начиная горячиться,— ваше сопротивление бесполезно. Эти пленники только что отданы мне моим славным покровителем, главнокомандующим Оливером Кромвелем.

Эти слова как громом поразили д'Артаньяна. В висках у него застучало, в глазах помутилось; он понял жестокий умысел молодого человека, и его рука невольно потянулась к эфесу.

Портос молча следил за д'Артаньяном, готовый последовать его примеру.

Этот взгляд Портоса скорее встревожил, чем ободрил д'Артаньяна; он уже раскаивался, что прибегнул к помощи грубой силы Портоса, когда надо было действовать главным образом хитростью.

«Открытое сопротивление,— быстро подумал он,— погубит нас всех; друг мой, д'Артаньян, докажи этому змеенышу, что ты не только умнее, но и хитрее его».

— Ах,— произнес он, почтительно кланяясь Мордаунту,— отчего вы не сказали этого раньше, сударь? Как, вы явились к нам от имени Оливера Кромвеля, знаменитейшего полководца нашего времени?

— Да, я прямо от него,— сказал Мордаунт, слезая с лошади и передавая ее одному из солдат.

— Что же вы не сказали этого раньше, молодой человек? — продолжал д'Артаньян.— Вся Англия принадлежит Оливеру Кромвелю, и раз вы требуете пленников от его имени, мне остается только повиноваться. Берите их, сударь, они ваши.

Мордаунт успокоился, а потрясенный Портос с недоумением взглянул на д'Артаньяна и уже раскрыл рот, чтобы заговорить.

Но д'Артаньян наступил ему на ногу, и Портос сразу догадался, что его товарищ ведет какую-то хитрую игру.

Мордаунт, держа в руке шляпу, уже ступил на порог и готовился пройти мимо двух друзей в комнату, подав знак своим четырем солдатам следовать за ним.

— Виноват,— остановил его д'Артаньян, с любезной улыбкой кладя руку на плечо молодого человека.— Если славный генерал Оливер Кромвель отдал вам наших пленников, то, конечно, он письменно закрепил акт передачи?

Мордаунт круто остановился.

— Вероятно, он дал вам записку на мое имя, хоть какой-нибудь клочок бумаги, подтверждающий, что вы действуете от его имени? Будьте любезны вручить мне эту бумагу: она послужит мне оправданием выдачи моих соотечественников. Иначе, вы понимаете, хоть я и убежден в чистоте намерений генерала Оливера Кромвеля, все это получилось бы весьма неблагоприятно.

Сознавая свой промах, Мордаунт отступил назад и свирепо посмотрел на д'Артаньяна, на что тот ответил ему самой любезной и дружеской улыбкой.

— Вы мне не верите, сударь? — спросил Мордаунт.— Это оскорбление.

— Я! — вскричал д'Артаньян.— Чтобы я сомневался в ваших словах, любезный господин Мордаунт! Сохрани боже! Я вас считаю достойным и безупречным дворянином. Но позвольте мне быть вполне

откровенным, — продолжал д'Артаньян с простодушным выражением лица.

— Говорите, сударь, — сказал Мордаунт.

— Господин дю Валлон богат: у него сорок тысяч ливров годового дохода, а потому он не гонится за деньгами. Я буду говорить только о себе.

— Что же дальше, сударь?

— Так вот, сударь, я не богат. У нас в Гасконии бедность не считается пороком. Там нет богатых людей, и даже блаженной памяти Генрих Четвертый, король гасконский, подобно его величеству Филиппу Четвертому, королю всей Испании, никогда не имел гроша в кармане.

— Кончайте, сударь, — прервал его Мордаунт, — я вижу, к чему клонится ваша речь, и если моя догадка правильна, я готов устранить это препятствие.

— О, я всегда считал вас умным человеком, — сказал д'Артаньян. — Так вот в чем дело, уж признаюсь вам откровенно. Я — простой офицер, выслужившийся из рядовых. Я зарабатываю на жизнь только своей шпагой, а это значит, что на мою долю всегда выпадает больше ударов, чем банковых билетов. Сегодня мне удалось захватить двух французов, кажется людей знатных, двух кавалеров ордена Подвязки, и я мысленно говорил себе: «Теперь я богат». Я сказал: двух, потому что в таких случаях дю Валлон, как человек состоятельный, всегда уступает мне своих пленников.

Простодушная болтовня д'Артаньяна окончательно успокоила Мордаунта. Он улыбнулся, сделав вид, что понимает, о чем хлопочет француз, и мягко ответил:

— Я сейчас доставлю вам письменный приказ, вместе с двумя тысячами пистолей. Но позвольте мне теперь же увезти пленников.

— Не могу, — возразил д'Артаньян. — Что вам стоит подождать какие-нибудь полчаса? Я люблю порядок, сударь, и привык выполнять все формальности.

— Вы забываете, сударь, — резко заметил Мордаунт, — что я здесь команду и могу применить силу.

— Ах, сударь, — сказал д'Артаньян, любезно улыбаясь Мордаунту, — сразу видно, что, хотя мы с господином дю Валлоном имели честь путешествовать в вашем обществе, вы, к сожалению, все же нас еще мало знаете. Мы — дворяне и к тому же вдвоем способны справиться с вами и вашими десятью солдатами. Прошу вас, господин Мордаунт, не упрямитесь; когда со мной идут напролом, я тоже становлюсь на дыбы и делаюсь упрямым, как бык, а мой товарищ, господин дю Валлон, — продолжал д'Артаньян, — бывает в таких случаях еще упрямее и злее. Прошу вас также не забывать, что мы посланы сюда кардиналом Мазарини, который является представителем короля Франции. Таким образом, в данный момент мы представляем в своем лице короля и кардинала и в качестве послов — неприкосновенны. Я не сомневаюсь, что это обстоятельство хорошо известно Оливеру Кромвеллю, который столь же великий политик, как и полководец. Добудьте же у него письменный приказ. Ведь это вам ничего не стоит, любезный господин Мордаунт!

— Да, письменный приказ,— подтвердил Портос, начинавший понимать замысел д'Артаньяна.— Больше ничего мы не требуем.

Несмотря на все свое желание пустить в ход силу, Мордаунт хорошо понял основательность доводов д'Артаньяна. К тому же ему внушила уважение репутация д'Артаньяна, и, вспомнив о его утренних подвигах, он призадумался. Не зная, какие дружеские отношения связывали четырех французов, он поверил, что д'Артаньян хлопочет только о выкупе, и это рассеяло все его опасения.

Поэтому он решил не только достать письменное предписание Кромвеля, но и вручить д'Артаньяну две тысячи пистолей — сумма, в которую сам Мордаунт оценил обоих пленников.

Он вскочил на лошадь и, приказав сержанту зорко следить за пленными, поскакал обратно и вскоре исчез.

— Превосходно! — сказал д'Артаньян.— Четверть часа, чтобы доехать до палатки, и столько же на возвращение. Это больше, чем нам нужно.

Не меня выражения лица, д'Артаньян повернулся к Портосу. Со стороны можно было подумать, что он продолжает прерванный разговор.

— Друг мой, Портос,— сказал он, глядя в упор на товарища,— выслушайте меня внимательно... Во-первых, ни слова нашим друзьям о том, что вы сейчас слышали. Пусть они не подозревают о нашей услуге.

— Хорошо, понимаю,— сказал Портос.

— Ступайте в конюшню и разыщите там Мушкетона; оседлайте вместе с ним лошадей, вложите пистолеты в кобуры и выведите лошадей из конюшни в боковую улицу, так, чтобы только осталось вскочить в седло. Об остальном позабочусь я сам.

Портос, всецело доверяя ловкости своего друга, не возразил ни слова.

— Я иду,— ответил он.— Только не зайти ли мне к ним в комнату?

— Нет, это лишнее.

— В таком случае будьте добры захватить мой кошелек, я оставил его на камине.

— Будьте покойны.

Портос направился своим ровным, спокойным шагом к конюшне. Когда он проходил мимо солдат, те, хоть он и был французом, с невольным восхищением посмотрели на его огромный рост и атлетическое сложение. За углом дома он встретил Мушкетона и велел ему следовать за собой.

Тем временем д'Артаньян вернулся к своим друзьям, продолжая насвистывать песенку, которую он затынул, как только ушел Портос.

— Дорогой Атос, я обдумал ваши слова и пришел к заключению, что вы правы. Теперь я жалею, что ввязался в это дело. Вы правы: Мазарини — плут. Потому я решил бежать вместе с вами. Излишне об этом толковать; будьте наготове. Не забудьте захватить свои шпаги: они — в углу и могут вам пригодиться дорогой. Да, а где же кошелек Портоса? Вот он, отлично.

И д'Артаньян положил кошелек к себе в карман. Двое друзей с недоумением смотрели на него.

— Что тут удивительного, скажите на милость? — продолжал д'Артаньян. — Я заблуждался, и Атос открыл мне глаза. Вот и все. Подойдите сюда.

Оба друга приблизились.

— Видите эту улицу? — спросил д'Артаньян. — Туда приведут лошадей. Выйдя из дверей, вы повернете налево, вскочите на коней, и дело будет сделано. Не заботьтесь ни о чем и ждите сигнала. Им будет мой крик: «Господи Иисусе!»

— Но вы даете слово бежать вместе с нами, д'Артаньян? — спросил Атос.

— Клянусь богом.

— Хорошо, — сказал Арамис, — я вас понял: при словах «Господи Иисусе» мы выходим из комнаты, прокладывая себе дорогу, бежим к лошадям, садимся верхом и скачем во весь опор. Так?

— Великолепно.

— Видите, Арамис, я всегда вам говорил, что д'Артаньян — лучший из нас всех, — сказал Атос.

— Ну вот, теперь вы мне льстите! — воскликнул д'Артаньян. — Я удираю, до свиданья.

— Но ведь вы бежите с нами, не так ли?

— Разумеется. Не забудьте сигнал: «Господи Иисусе».

И д'Артаньян вышел из комнаты тем же спокойным шагом, навистывая прежнюю песенку с того места, на котором прервал ее, входя к товарищам.

Солдаты одни играли, другие спали, а двое сидели в стороне и фальшивыми голосами тянули псалом: «На реках вавилонских».

Д'Артаньян подозвал сержанта.

— Послушайте, любезный, генерал Кромвель прислал за мной господина Мордаунта. Я отправлюсь к нему и прошу вас зорко стеречь наших пленных.

Сержант сделал знак, что не понимает по-французски.

Тогда д'Артаньян с помощью жестов постарался объяснить ему свою просьбу.

Сержант утвердительно закивал головой.

Д'Артаньян направился в конюшню и нашел там всех лошадей, в том числе и свою, оседланными.

— Возьмите каждый под уздцы по две лошади, — сказал он Портосу и Мушкетону, — и, выйдя из конюшни, повернитесь налево, чтоб Атос и Арамис могли увидеть вас из окна.

— И тогда они выйдут? — спросил Портос.

— Сразу же.

— Вы не забыли мой кошелек?

— Будьте покойны.

— Отлично!

Портос и Мушкетон, ведя каждый по две лошади, отправились к своему посту.

Между тем д'Артаньян, оставшись один, взял огниво, высек огонь и

зажег им кусок трута. Затем он вскочил в седло и, подъехав к открытым воротам, остановился посреди солдат.

Тут, лаская лошадь рукою, он вложил маленький кусочек зажженного трута ей в ухо.

Только такой хороший наездник, как д'Артаньян, мог решиться на подобное средство. Почувствовав ожог, лошадь заржала от боли, поднялась на дыбы и замоталась, как бешеная.

Солдаты, чтобы она их не задавила, бросились по сторонам.

— Ко мне! Ко мне! — кричал д'Артаньян. — Держите! Держите! Моя лошадь взбесилась!

Действительно, глаза лошади налились кровью, и она вся покрылась пеной.

— Ко мне! — продолжал кричать д'Артаньян, видя, что солдаты не решаются подойти. — Ко мне! Помогите, она меня убьет. Господи Иисусе!

Едва д'Артаньян произнес эти слова, как дверь домика отворилась и оттуда выбежали Атос и Арамис со шпагами в руках. Благодаря выдумке д'Артаньяна путь оказался свободным.

— Пленники убегают! Пленники убегают! — вопил сержант.

— Держите! Держите! — закричал д'Артаньян, опуская поводья.

Разгоряченный конь бросился вперед, сбив с ног двух-трех солдат.

— Стой! Стой! — кричали солдаты, хватаясь за оружие.

Но пленники были уже на лошадях и, не теряя ни мгновения, поскакали к ближайшим городским воротам. Посреди улицы они заметили Гримо и Блезуа, которые разыскивали своих господ по всему городу.

Атос одним знаком объяснил все своему Гримо, и слуги тотчас же присоединились к маленькому отряду, который вихрем мчался по улице. Д'Артаньян скакал позади всех, подстрекая товарищей своими криками. Беглецы, как призраки, пролетели в ворота мимо стражи, которая, растерявшись, не успела остановить их, и очутилась в открытом поле.

Между тем, солдаты продолжали кричать: «Стой! Стой!», а сержант, догадавшись, что его одурачили, рвал на себе волосы.

В эту минуту вдаль показался всадник, который приближался галопом, размахивая листом бумаги.

Это был Мордаунт, возвращавшийся с письменным приказом Кромвеля.

— Где пленники? — вскричал он, соскакивая с лошади.

Сержант не в силах был говорить; он молча указал Мордаунту на распахнутую дверь в пустую комнату.

Мордаунт бросился на крыльцо, понял все, испустил крик, словно у него вырвали сердце и упал без чувств на каменные ступени.

Глава 16

ГДЕ ДОКАЗЫВАЕТСЯ, ЧТО В САМЫХ
ЗАТРУДНИТЕЛЬНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ
ХРАБРЫЕ ЛЮДИ НЕ ТЕРЯЮТ МУЖЕСТВА,
А ЗДОРОВЫЕ ЖЕЛУДКИ — АППЕТИТА

Маленький отряд неся карьером вперед, переправился вброд через незнакомую речку и оставил влево от себя город, который Атос считал Даргемом. За всю дорогу всадники не проронили ни одного слова и ни разу не оглянулись назад.

Наконец они заметили небольшой лесок и, в последний раз прищорив лошадей, устремились в него.

Здесь, за густой завесой зелени, скрывавшей их от взоров преследователей, они остановились, чтобы обсудить положение. Лошадей, не расседывая и не разнуздывая, дали прогулять двум лакеям, а Гримо поставили на часах.

— Позвольте обнять вас, мой друг! — сказал Атос д'Артаньяну. — Вы наш спаситель, и мы гордимся вами, как истинным героем.

— Атос прав: я тоже не могу на вас надивиться, — добавил Арамис, сжимая его в своих объятиях. — Чего бы вы только не совершили, с вашим умом, верным глазом и железной рукой, служа порядочному человеку!

— Теперь, — сказал гасконец, — когда дело кончилось благополучно, я готов принять ваши похвалы и любезности за себя и за Портоса. Времени у нас достаточно, продолжайте в том же духе.

Слова д'Артаньяна напомнили друзьям о том, что они были обязаны своим спасением также Портосу, и они горячо пожали ему руку.

— Теперь все дело в том, — сказал Атос, — чтобы не бежать как угорелым куда глаза глядят. Нужно выработать план действий. Что нам предпринять?

— Что нам предпринять? Черт возьми, это решить нетрудно!

— Если нетрудно, так скажите, д'Артаньян!

— Мы должны добраться до ближайшей гавани и, сложив наши скудные средства, нанять на них корабль, который отвезет нас во Францию. Лично я жертвую на это все свои деньги до последнего гроша. Жизнь — самое ценное сокровище, а наша жизнь, надо сказать правду, висит сейчас на волоске.

— А ваше мнение, дю Валлон? — спросил Атос.

— Я вполне согласен с д'Артаньяном, — сказал Портос. — Эта Англия — отвратительная страна.

— Вы твердо решили уехать? — спросил Атос д'Артаньяна.

— Разумеется, черт возьми, — сказал тот. — Не вижу, что бы могло меня удержать здесь.

Атос переглянулся с Арамисом.

— Что же, поезжайте, друзья мои, — сказал тот со вздохом.

— Как поезжайте? — спросил д'Артаньян. — Вы хотите сказать поедем?

— Нет, мой друг, — сказал Атос. — Мы должны расстаться.

— Расстаться? — вскричал д'Артаньян, пораженный этой неожиданной новостью.

— Ба! — произнес Портос. — Зачем нам расставаться, раз мы вместе?

— Потому что вы данное вам поручение исполнили и можете, даже должны вернуться во Францию, а мы своего дела не завершили.

— Как не завершили? — спросил д'Артаньян, с удивлением глядя на Атоса.

— Да, мой друг, — коротко, но твердо ответил Атос. — Мы приехали сюда защищать короля Карла; мы его плохо берегли, и теперь нам надо спасти его.

— Спасти короля? — воскликнул д'Артаньян, переводя изумленный взор с Атоса на Арамиса.

Тот только утвердительно кивнул головой.

д'Артаньян с глубоким состраданием посмотрел на обоих друзей: у него явилась мысль, что они помешались.

— Неужели вы говорите серьезно, Атос? — сказал д'Артаньян. — Король окружен целым войском, которое ведет его в Лондон. Войском этим командует мясник, или сын мясника, полковник Гаррисон. Сразу по прибытии короля в Лондон начнется суд. За это я могу поручиться, так как достаточно слышал об этом из уст самого Кромвеля и знаю, что произойдет.

Атос снова переглянулся с Арамисом.

— По окончании процесса приговор будет немедленно приведен в исполнение, — продолжал д'Артаньян. — О, господа пуритане не любят откладывать дела в долгий ящик!

— А как вы думаете, к чему приговорят короля? — спросил Атос.

— Боюсь, что к смертной казни: мятежники слишком яростно боролись с Карлом Первым, чтобы надеяться на его прощение, и им остается только одно средство — уничтожить его. Разве вы не знаете, что сказал Кромвель во время посещения Парижа, когда ему показали Венсенский замок, где был заключен принц Вандом?

— Что же он сказал? — спросил Портос.

— Можно прикасаться только к голове принцев.

— Я слышал об этом, — сказал Атос.

— Так неужели вы думаете, что теперь, захватив короля, он отступит от своего правила?

— О нет, я вполне с вами согласен. Но тем больше оснований не покидать короля, когда ему угрожает такая опасность.

— Атос, вы начинаете сходить с ума!

— Нет, мой друг, — кротко возразил дворянин. — Лорд Винтер приехал за нами во Францию и привел нас к королеве Генриэтте. Ее величество оказала нам честь, пригласив меня и д'Эрбле для защиты своего супруга; мы дали королеве слово и этим словом отдали ей все. Мы отдали в ее распоряжение свою силу, свои способности, словом, свою жизнь. Мы теперь должны сдержать свое слово. Как вы полагаете, д'Эрбле?

— Да, — подтвердил Арамис, — мы обещали.

— Затем, — продолжал Атос, — у нас есть еще другая причина; слу-

шайте хорошенько. Все во Франции прогнило и пришло в упадок. У нас есть десятилетний король, который сам еще не знает, чего хочет; у нас есть королева, ослепленная своей запоздалой страстью; у нас есть министр, управляющий Францией как огромной фермой, то есть занятый только тем, как выжать из нее побольше золота с помощью итальянского лукавства и интриг; у нас есть принцы, которые ведут личную эгоистическую оппозицию и добьются только того, что урвут у Мазарини немного золота или клочок власти. Я служил им не потому, что люблю их (богу известно, что я ценю их не больше, чем они стоят, а стоят они немного), но по убеждению. Сейчас другое дело; здесь я встретил на своем пути истинное несчастье, несчастье, постигшее короля и затрагивающее судьбы всей Европы; и я решил служить этому королю. Если нам удастся спасти его, это будет прекрасно; если мы умрем за него, это будет благородно.

— Но ведь вы наперед знаете, что погибнете, — сказал д'Артаньян.

— Мы боимся, что да, и скорбим лишь о том, что умрем вдали от вас.

— Что же вы будете делать в чужой, враждебной стране?

— В молодости я путешествовал по Англии и говорю по-английски, как англичанин; Арамис тоже немного знает этот язык. О, если бы вы были с нами, друзья мои! Объединившись вновь после двадцатилетней разлуки, мы вчетвером с вами, д'Артаньян, и с вами, Портос, могли бы сразиться не только с Англией, но с целыми тремя королевствами.

— И вы обещали королеве Генриэтте, — продолжал д'Артаньян раздраженно, — проникнуть в лондонский Тауэр, перебить сто тысяч солдат и победить, несмотря на волю всего народа и честолюбие такого человека, как Кромвель? Вы не видали этого человека — ни вы, Атос, ни вы, Арамис. Знайте, это гениальный человек, который очень напоминает мне нашего кардинала — не этого, а того, великого. Не берите на себя слишком много. Умоляю вас, милый Атос, не жертвуйте собой напрасно. Когда я на вас смотрю, вы кажетесь мне благоразумным человеком; но послушать вас, вы совсем сумасшедший. Помогите же мне, Портос! Что вы думаете об этом? Скажите откровенно.

— Ничего хорошего, — ответил Портос.

— Послушайте, — продолжал д'Артаньян, досадуя, что Атос прислушивается не к его словам, а к своему внутреннему голосу. — Я никогда не даю плохих советов. Так вот, поверьте мне, ваша миссия закончена, закончена с честью. Вернитесь во Францию с нами!

— Друг мой, — сказал Атос, — наше решение непоколебимо.

— Быть может, у вас есть какие-нибудь другие побуждения, которых мы не знаем?

Атос улыбнулся. Д'Артаньян сердито хлопнул себя по ляжке и принялся приводить самые убедительные доводы, какие только могли прийти ему в голову. Но на все его слова Атос улыбался — спокойно и ясно, а Арамис только качал головой.

— Ну, хорошо же! — воскликнул наконец д'Артаньян, выходя из себя. — Пусть будет по-вашему! Раз уж вы непременно этого хотите, ляжем костями в этой гнусной стране, где вечно холодно, где туман считается хорошей погодой, дождь — туманом, а потоп — дождем; где

солнце похоже на луну, а луна на сыр. Впрочем, если уж надо умереть, то не все ли равно где: здесь или в другом месте?

— Но не забывайте, дорогой друг, — сказал Атос, — что здесь придется умереть раньше срока.

— Ба! Немного раньше, немного позже, стоит ли об этом говорить?

— А я так удивляюсь, что мы все еще живы, — произнес задумчиво Портос.

— Не беспокойтесь, Портос, смерть не заставит себя ждать, — отвечал д'Артаньян. — Значит, решено, и если Портос не имеет ничего против...

— Я, — сказал Портос, — готов на все, что вам угодно... К тому же я нахожу прекрасным то, что сейчас говорил граф де Ла Фер.

— Но ваша будущность, д'Артаньян? Ваши честолюбивые надежды, Портос?

— Наша будущность, наши честолюбивые надежды! — ответил д'Артаньян с каким-то лихорадочным возбуждением. — Где уж нам этим заниматься, раз мы спасаем короля? Когда король будет спасен, соберем всех его друзей, разобьем наголову пуритан, завоюем Англию, вернемся с королем в Лондон, усадим его на престоле...

— И он сделает нас герцогами и пэрами, — добавил Портос, и глаза его радостно заблестели, хотя такое будущее и походило на сказку.

— Или он забудет нас, — произнес д'Артаньян.

— О! — промолвил Портос.

— А разве этого не бывало, друг Портос? Мне кажется, мы оказали некогда Анне Австрийской услугу, немногим уступающую той, которую мы намереваемся оказать Карлу Первому. А это не помешало королеве Анне Австрийской забыть нас на целых двадцать лет.

— И все же, д'Артаньян, — сказал Атос, — разве вы жалеете о том, что оказали ей услугу?

— О нет! — сказал д'Артаньян. — Признаюсь даже, что воспоминание об этом утешало меня в самые неприятные минуты моей жизни.

— Вот видите, д'Артаньян, государи часто бывают неблагодарны, но бог никогда.

— Знаете, Атос, — сказал д'Артаньян, — мне кажется, что если бы вы встретили на земле черта, вы и его умудрились бы затащить с собой на небо.

— Итак?... — сказал Атос, протягивая руку д'Артаньяну.

— Итак, решено, — сказал д'Артаньян. — Я нахожу, что Англия прелестная страна, и я в ней остаюсь, но только с одним условием.

— С каким?

— Чтобы меня не заставляли учиться английскому языку.

— Теперь, друг мой, — произнес торжественно Атос, — клянусь всевидящим богом и своим незапятнанным именем, что провидение отныне за нас и что мы все четверо вернемся во Францию.

— Аминь, — сказал д'Артаньян. — Но, сознаюсь, я уверен как раз в обратном.

— Ах, этот д'Артаньян! — заметил Арамис. — Он так похож на парламентскую оппозицию, которая говорит «нет», а делает «да».

— И тем временем спасает отечество,— промолвил Атос.

— Ну, теперь, когда все решено,— сказал Портос, потирая руки,— пора подумать и об обеде. Если память мне не изменяет, мы всегда обедали, даже при самых опасных обстоятельствах.

— Стоит говорить об обеде в стране, где лакомятся вареной бараниной, запивая ее пивом! Кой черт занес вас в такую страну, Атос? Ах, извините,— добавил с улыбкой д'Артаньян,— я и забыл, что вы уже не Атос. Но все равно. Каковы же ваши планы насчет обеда, Портос?

— Мой план?

— Да. У вас есть какой-нибудь план?

— Нет. Я голоден, вот и все.

— Черт возьми, я тоже голоден; но одного голода мало. Нужно найти что-нибудь съедобное, и если вы не собираетесь жевать траву вместе с лошадьми...

— Ах,— произнес Арамис, который менее Атоса был равнодушен ко всему земному,— помните, каких прекрасных устриц мы едали в Парпальо?

— А баранину с солончаковых пастбищ? — прибавил Портос, облизываясь.

— Но ведь с нами,— сказал д'Артаньян,— наш друг Мушкетон, который так услаждал нашу жизнь в Шантильи.

— Это правда,— согласился Портос,— у нас есть Мушкетон, но с тех пор, как он сделался управляющим, он стал ужасно неповоротлив. Пригласим его все же. Эй, Мустон! — ласково позвал Портос, желая задобрить своего слугу.

Мушкетон явился. У него был весьма жалкий вид.

— Что с вами, милейший Мустон? — спросил д'Артаньян.— Вы больны?

— Нет, сударь, я очень голоден,— ответил Мушкетон.

— Ну вот, по этому самому делу мы вас и позвали, милейший Мустон. Не можете ли вы поймать в силос несколько таких же чудесных кроликов и куропаток, из которых вы делали превкусные соусы в гостинице... черт возьми, не могу вспомнить ее названия.

— В гостинице... — сказал Портос.— Черт возьми, я тоже не могу припомнить.

— Это неважно. И с помощью лассо несколько бутылок старого бургундского, которое так быстро вылечило вашего барина от ушиба?

— Увы, сударь! — возразил Мушкетон.— Боюсь, что такие вещи в этой ужасной стране — редкость. Я думаю, что нам всего лучше прибегнуть к гостеприимству владельца домика, который виден там на опушке леса.

— Как? Здесь поблизости есть дом? — спросил д'Артаньян.

— Да, сударь,— ответил Мушкетон.

— Отлично. Пусть будет по-вашему, мой друг, пойдем просить обеда у владельца этого дома. Господа, что вы на это скажете? Не находите ли вы совет Мушкетона разумным?

— А если владелец окажется пуританином? — спросил Арамис.

— Тем лучше, черт возьми! — ответил д'Артаньян. — Если он пуританин, мы сообщим ему, что короля взяли в плен, и он в честь этого события накормит нас белыми курами.

— А если он окажется роялистом? — заметил Портос.

— В таком случае мы с самым траурным видом опишем у него черных кур.

— Счастливый вы человек, д'Артаньян, — сказал Атос, невольно улыбаясь выходке неунывающего гасконца, — в любом положении способны балагурить.

— Что поделаешь! — отвечал д'Артаньян. — Я родился в стране, где небо всегда безоблачно.

— Не то что здесь, — сказал Портос, протягивая вперед руку, чтобы проверить, действительно ли его щеку задела дождевая капля.

— Едем, едем, — сказал д'Артаньян, — вот еще одна причина, чтобы пуститься в путь... Эй, Гримо!

Гримо явился.

— Ну, Гримо, мой друг, не заметили ли вы чего-нибудь? — спросил д'Артаньян.

— Ничего, — отвечал Гримо.

— Глупцы! — сказал Портос. — Они даже не преследуют нас. О, будь мы на их месте!

— Да, они дали промах, — сказал д'Артаньян. — Я охотно перекинулся бы парой слов с Мордаунтом в этой маленькой Фиваиде¹. Посмотрите, какое удобное место, чтобы уложить человека.

— Положительно, господа, — сказал Арамис, — я нахожу, что сыну далеко до матери.

— Эх, милый друг, подождите! — сказал Атос. — Не прошло и двух часов, как мы с ним расстались, и он еще не знает, в какую сторону мы поехали и где мы. Мы скажем, что он уступает своей матери, только тогда, когда высадимся во Франции, если нас здесь не убьют или не отравят.

— А пока давайте пообедаем, — сказал Портос.

— О да, — сказал Атос. — Я страшно голоден.

— Я тоже, — прибавил д'Артаньян.

— Смерть черным курам! — воскликнул Арамис.

И четверо друзей, руководимые Мушкетером, направились к домику, стоявшему на опушке леса. К ним вернулась их обычная беспечность, так как они снова были вместе и в полном ладу, как сказал Атос.

---

¹ Так называлась пустынная местность в окрестностях древнеегипетского города Фивы в христианскую эпоху, когда в эту местность удалялись «спасать свою душу» монахи-отшельники

ем ближе подъезжали наши беглецы к дому, тем больше была избита дорога, словно перед ними только что пронесся значительный конный отряд. У самой двери следы были еще заметнее: видно, отряд делал здесь привал.

— Ну, конечно,— сказал д'Артаньян,— дело ясно: здесь прошел король со своим конвоем.

— Черт возьми! — воскликнул Портос.— В таком случае они все здесь съели!

— Ну, вот еще! — сказал д'Артаньян.— Хоть одну-то курицу нам оставили.

Он соскочил с лошади и постучался. Никто не отвечал.

Тогда он толкнул дверь, которая оказалась незапертой, и увидел, что первая комната была совершенно пуста.

— Ну что? — спросил Портос.

— Я никого не вижу,— отвечал д'Артаньян.— Ах!

— Что такое?

— Кровь!

При этом слове три друга соскочили с лошадей и вошли в первую комнату. Д'Артаньян уже отворил дверь в следующую, и по выражению его лица было ясно, что он заметил нечто необычайное.

Друзья подошли к нему и увидели молодого человека, лежащего на полу в луже крови. Видно было, что он хотел добраться до кровати, но у него не хватило сил, и он упал. Атос первый подошел к несчастному; ему показалось, что раненый шевелится.

— Ну что? — спросил д'Артаньян.

— То,— сказал Атос,— что если и умер, так совсем недавно, так как тело еще теплое. Но нет, его сердце бьется. Эй, дружище!

Раненый вздохнул. Д'Артаньян зачерпнул ладонью воды и плеснул ему в лицо.

Человек открыл глаза, попытался поднять голову и снова уронил ее. Атос попробовал прислонить его голову к своему колену, но заметил, что рана нанесена немного выше мозжечка и череп раскроен. Кровь лилась ручьями. Арамис смочил полотенце и приложил его к ране. Холод привел раненого в чувство, и он снова открыл глаза.

Он с удивлением смотрел на этих людей, которые, казалось, жалели его и старались по мере возможности подать ему помощь.

— С вами друзья,— сказал ему Атос по-английски,— успокойтесь и, если вы в силах, расскажите нам, что случилось.

— Король,— пробормотал раненый,— король в плену!

— Вы видели его? — спросил Арамис тоже по-английски.

Раненый ничего не ответил.

— Будьте спокойны,— продолжал Атос,— мы верные слуги его величества.

— Вы говорите правду? — спросил раненый.

— Клянемся честью!

— Так я могу вам все сказать?

— Говорите.

— Я брат Парри, камердинера его величества.

Атос и Арамис вспомнили, что этим именем лорд Винтер называл лакея, которого они встречали в королевской палатке.

— Мы знаем его, — сказал Атос, — он всегда находился при короле.

— Да, да, — продолжал раненый. — Так вот, увидя, что король взят в плен, он вспомнил обо мне. Когда они проезжали мимо моего дома, он от имени короля потребовал остановки. Просьба была исполнена. Сказали, будто король проголодался. Его ввели в эту комнату, чтобы он здесь пообедал, и поставили часовых у дверей и под окнами. Парри знал эту комнату, потому что несколько раз навещал меня во время пребывания его величества в Ньюкастле. Ему было известно, что из комнаты есть подземный ход в погреб, а оттуда в плодовый сад. Он сделал мне знак. Я понял. Но, должно быть, часовые заметили и насторожились. Не зная, что они подозревают нас, я горел только одним желанием — спасти его величество. Решив, что нельзя терять времени, я вышел будто бы за дровами. Я пошел подземным ходом в погреб, с которым сообщался люк, и приподнял головой одну доску. Пока Парри тихонько запер дверь на задвижку, я сделал королю знак следовать за мной. Но, увы, он не соглашался, точно ему претило это бегство. Парри умолял его, я тоже убеждал его, со своей стороны, не упускать такого случая. Наконец он уступил нашим просьбам и решился последовать за мной. К счастью, я шел впереди, а король в нескольких шагах позади. Вдруг в подземелье передо мной выросла огромная тень. Я хотел крикнуть, чтобы предупредить короля, но не успел. Я почувствовал такой удар, точно целый дом обрушился на мою голову, и упал без сознания.

— Вы добрый и честный англичанин! Верный слуга короля! — сказал Атос.

— Когда я пришел в себя, я все еще лежал на том же месте. Я дотащился до двора. Король и его конвой уехали. Целый час, быть может, я употребил на то, чтобы добраться сюда. Но тут силы оставили меня, и я снова лишился чувств.

— Ну, а теперь как вы себя чувствуете?

— Очень плохо, — отвечал раненый.

— Можем ли мы чем-нибудь помочь вам? — спросил Атос.

— Помогите мне лечь в постель. Я думаю, это облегчит мое состояние.

— Есть ли с вами кто-нибудь, кто бы мог за вами ухаживать?

— Моя жена в Дергеме, я жду ее с минуты на минуту. Ну а вам-то самим, не нужно ли вам чего?

— Мы, собственно, заехали к вам с намерением подкрепиться.

— Увы, они всё взяли! В доме нет ни куска хлеба.

— Слышите, д'Артаньян? — сказал Атос. — Нам придется искать обеда в другом месте.

— Мне теперь все равно,— сказал д'Артаньян,— я больше не голоден.

— И я тоже,— сказал Портос.

Они перенесли раненого на постель и позвали Гримо, который перевязал рану. На службе у четырех друзей Гримо приходилось столько раз делать перевязки и компрессы, что он приобрел некоторый опыт в хирургии.

Тем временем беглецы вернулись в первую комнату и стали совещаться о том, что им делать.

— Теперь,— сказал Арамис,— мы знаем самое главное: король и его стража проехали здесь; значит, нам надо направиться в другую сторону... Согласны вы с этим, Атос?

Атос не отвечал; он был погружен в размышления.

— Да,— сказал Портос,— поедем в другую сторону. Следуя за отрядом, мы нигде уже не найдем съестного и в конце концов умрем с голоду. Что за проклятая страна эта Англия! Первый раз в жизни я остаюсь без обеда. Обед — любимейшая из моих трапез.

— А вы как думаете, д'Артаньян? — сказал Атос. — Согласны ли вы с мнением Арамиса?

— Отнюдь нет,— сказал д'Артаньян,— Я держусь противоположного мнения.

— Как, вы хотите следовать за отрядом? — сказал испуганный Портос.

— Нет, ехать вместе с ним.

Глаза Атоса заблестели от радости.

— Ехать с отрядом! — воскликнул Арамис.

— Дайте высказаться д'Артаньяну; вы знаете, что он хороший советчик,— сказал Атос.

— Без сомнения,— сказал д'Артаньян,— нам следует ехать туда, где нас не будут искать. А никому не придет в голову искать нас среди пуритан. Потому примкнем к пуританам.

— Отлично, мой друг, отлично! Великолепный совет! — сказал Атос.— Я только что хотел его подать, но вы опередили меня.

— Значит, вы с этим согласны? — спросил Арамис.

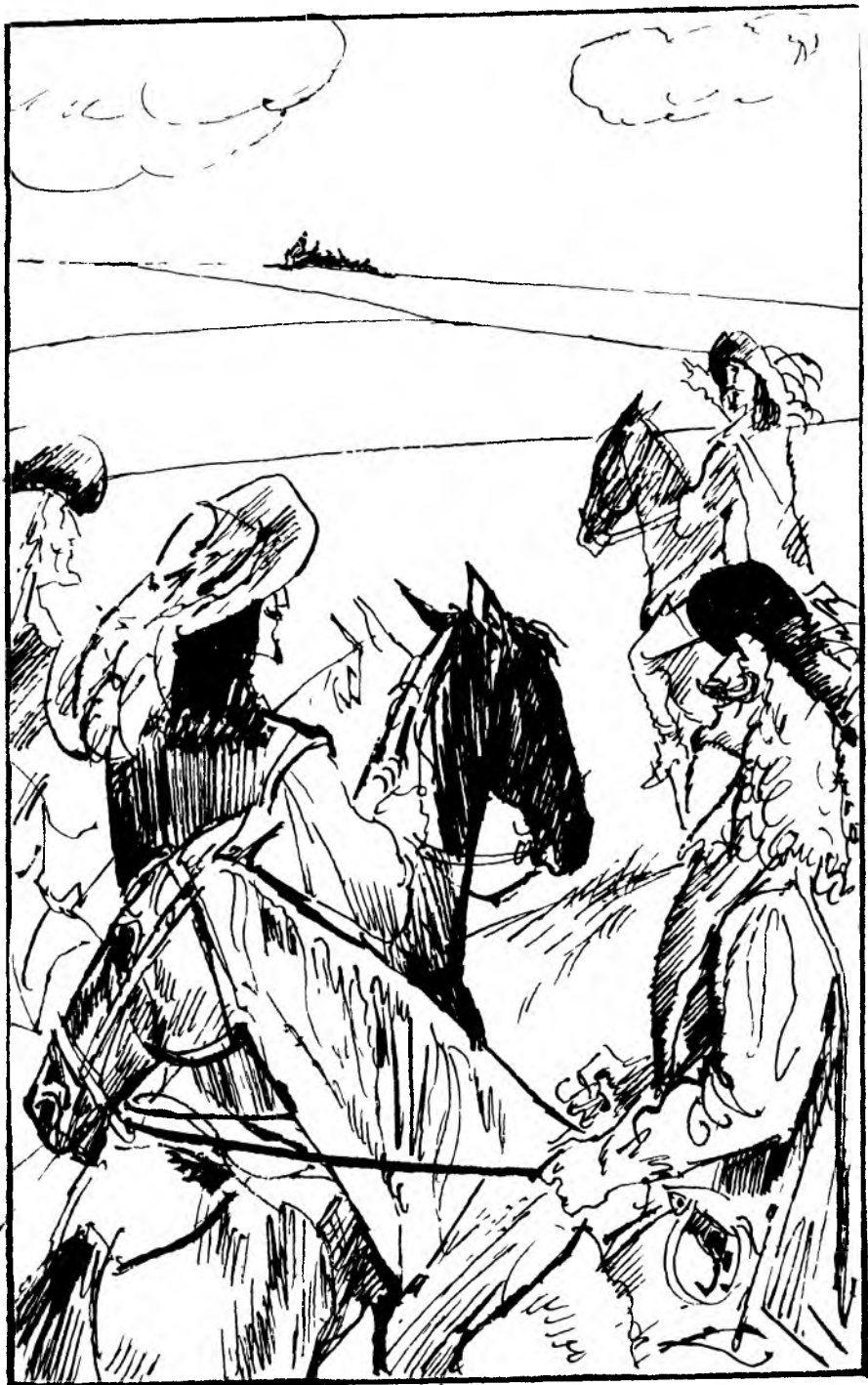
— Да, они будут думать, что мы хотим выбраться из Англии, и станут искать нас в портах. Тем временем мы успеем доехать с королем до Лондона, а там нас уже не разыщут. В городе с миллионным населением нетрудно затеряться. Я уж не говорю,— прибавил Атос, бросив взгляд на Арамиса,— о тех возможностях, которые предоставляет нам такое путешествие.

— Да,— сказал Арамис,— понимаю.

— А я решительно ничего не понимаю,— сказал Портос,— но это неважно: если д'Артаньян и Атос оба за это, значит, ничего лучшего не придумаешь.

— Однако же,— спросил Арамис,— не вызовем ли мы подозрений у полковника Гаррисона?

— Черт возьми! — сказал д'Артаньян.— На него-то я и рассчитываю. Полковник Гаррисон наш приятель. Мы видели его раза два у генерала Кромвеля. Он знает, что мы были присланы к нему из Фран-

ции самим Мазарини. Он будет видеть в нас друзей. К тому же он, кажется, сын мясника, не правда ли? Ну, Портос покажет ему, как убить быка одним ударом кулака, а я — как повалить вола, схватив его за рога. Этим мы приобретем его полное доверие.

Атос улыбнулся.

— Вы лучший товарищ, какого я встречал, д'Артаньян, — сказал он, протягивая руку гасконцу, — и я очень счастлив, что вновь обрел вас, мой дорогой сын.

Как известно, в приливе дружеской нежности Атос всегда называл д'Артаньяна сыном.

В это мгновение Гримо вышел из комнаты. Рана была перевязана, и больной чувствовал себя лучше.

Друзья простились с ним и спросили, не даст ли он им каких-нибудь поручений к брату.

— Попросите его, — отвечал этот честный человек, — передать королю, что меня не совсем убили. Хотя я и маленький человек, я уверен, что его величество сожалеет обо мне и упрекает себя в моей смерти.

— Будьте покойны, — сказал д'Артаньян, — он узнает об этом сегодня же.

Маленький отряд продолжал свой путь. Сбиться с дороги было невозможно, так как следы ясно были видны на равнине.

Часа два они ехали безмолвно; вдруг д'Артаньян, бывший впереди, остановился на повороте дороги.

— Ага! — воскликнул он, — Вот и они.

Действительно, большой отряд всадников виднелся в полумиле от них.

— Друзья мои, — сказал д'Артаньян, — отдайте ваши шпаги Мушкетону; он возвратит их вам, когда будет нужно. Не забывайте, что вы наши пленники.

Затем они пришпорили утомленных коней и вскоре нагнали конвой.

Окруженный частью отряда полковника Гаррисона, король ехал впереди, бесстрашно, с достоинством, как будто добровольно.

Когда он заметил Атоса и Арамиса, с которыми ему не дали даже времени проститься, и прочел в их глазах, что в нескольких шагах от него находятся друзья, то — хотя он считал их тоже пленниками — все же взор его загорелся радостью и краска залила бледные щеки.

Д'Артаньян опередил отряд, оставив своих друзей под наблюдением Портоса, и поравнялся с Гаррисоном. Тот действительно узнал его, припомнил, что встречался с ним у Кромвеля, и принял его настолько любезно, насколько это мог сделать человек его звания и характера. Как и предполагал д'Артаньян, у полковника не возникло, да и не могло возникнуть ни малейшего подозрения насчет наших друзей.

Вскоре сделали привал, чтобы король пообедал. На этот раз, однако, против попыток побега были приняты особые меры. В большой зале гостиницы накрыли маленький стол для короля и большой для офицеров.

— Вы обедаете со мной? — спросил Гаррисон у д'Артаньяна.

— С большим бы удовольствием, — отвечал д'Артаньян, — но со мной мой друг дю Валлон и еще два пленника, которых я никак не

могу оставить, а всех нас слишком много, чтобы сесть за ваш стол. Лучше сделаем так: прикажите накрыть для нас отдельный стол, вон там в углу, и пришлите нам с вашего стола что пожелаете, а то мы рискуем умереть с голоду. Все равно мы будем обедать вместе, в одной комнате.

— Отлично, — сказал Гаррисон.

Все устроилось, как хотел д'Артаньян. Когда он вернулся от полковника, король уже сидел за своим столиком; ему прислуживал Парри. Гаррисон и его офицеры расположились за своим столом, а в углу были приготовлены места для д'Артаньяна и его друзей.

Стол, за которым сидели пуританские офицеры, был круглый, и — случайно или нарочно, чтобы выразить королю презрение, — Гаррисон уселся к нему спиной.

Король видел, как вошли четыре преданных ему офицера, но, казалось, не обратил на них никакого внимания.

Они подошли к накрытому для них столу и разместились так, чтобы не сидеть ни к кому спиной. Прямо перед ними сидели за одним столом офицеры, а за другим — король. Гаррисон был очень любезен со своими гостями и присылал им лучшие блюда со своего стола; но, к великому огорчению четырех друзей, вино отсутствовало. Атоса это обстоятельство, казалось, мало трогало, но д'Артаньян, Портос и Арамис не могли удержаться от кислой гримасы всякий раз, как им приходилось глотать пиво, любимый напиток пуритан.

— Честное слово, полковник, — сказал д'Артаньян, — мы вам глубоко признательны за ваше любезное приглашение, так как иначе рисковали остаться без обеда, как уже остались без завтрака. Мой друг дю Валлон, вероятно, тоже выразит вам свою признательность, так как он был очень голоден.

— Я и сейчас еще не насытился, — сказал Портос, кланяясь полковнику.

— Как же могло случиться с вами такое ужасное несчастье, что вы остались без завтрака? — спросил, смеясь, Гаррисон.

— Очень просто, полковник, — отвечал д'Артаньян. — Я спешил догнать вас и, чтобы скорее достигнуть цели, ехал все время по вашим следам, чего ни в коем случае не следовало делать такому опытному квартирмейстеру, как я. Мне следовало знать, что там, где прошел полк таких храбрых молодцов, как ваши, не останется и обглоданной кости. Поэтому представьте себе наше разочарование, когда, подъехав к красивому домику на опушке леса, такому нарядному, с красной черепичной крышей и зелеными ставнями, мы вместо кур, которых намеревались зажарить, окороков, которые собирались запечь, нашли лишь какого-то беднягу, плавающего в крови... Черт возьми, полковник, прошу вас передать мой комплимент тому из ваших офицеров, который нанес такой славный удар; он вызвал даже одобрение моего друга дю Валлона, который сам большой мастер наносить всякого рода удары.

— Да! — сказал с усмешкой Гаррисон, поглядывая на одного из своих офицеров. — Когда Грослоу берется за что-нибудь, то после него беспокоиться уже не приходится.

— Ах, так это он! — сказал д'Артаньян, кланяясь офицеру. — Как жаль, что капитан не говорит по-французски и я не могу лично его поздравить.

— Я принимаю ваш комплимент и готов ответить вам тем же, — сказал офицер на довольно чистом французском языке. — Я три года жил в Париже.

— В таком случае, милостивый государь, я должен сказать вам, — продолжал д'Артаньян, — что удар был вами нанесен мастерски: вы чуть не убили этого человека...

— Я думал, что совсем его убил, — заметил Грослоу.

— Нет, не совсем. Правда, он был близок к этому, но все же не умер.

При этих словах д'Артаньян бросил взгляд на Парри, для которого он, собственно, и говорил, и который стоял перед королем бледный как мертвец.

Что касается короля, то он слышал весь этот разговор, и сердце его сжималось от невыразимой боли. Он не понимал, для чего французский офицер передавал все эти ужасные подробности, и возмущался его видимым равнодушием. Только при последних словах д'Артаньяна он вздохнул с облегчением.

— Ах, черт возьми, — встревожился Грослоу, — я думал, что ударил удачнее. Если бы отсюда не было так далеко до дома этого несчастного, я бы вернулся, чтобы покончить с ним.

— И это было бы лучше, если вы не хотите, чтобы он остался в живых, — сказал д'Артаньян, — так как, знаете ли, раны в голову, если человек не умер сразу, заживают через неделю.

И д'Артаньян вторично бросил взгляд на Парри, на лице которого выразилась такая радость, что Карл, улыбаясь, протянул ему руку.

Парри наклонился и почтительно поцеловал руку своего господина.

— Право, д'Артаньян, — сказал Атос, — вы столь же красноречивы, как остроумны. Но что вы скажете о короле?

— Мне очень нравится его лицо, — сказал д'Артаньян. — В нем есть и доброта и благородство.

— Да, но он угодил в плен, — заметил Портос, — а это плохо.

— Мне очень хочется выпить за здоровье короля, — сказал Атос.

— В таком случае, позвольте мне произнести тост, — предложил д'Артаньян.

— Говорите! — согласился Арамис.

Портос с изумлением взирал на д'Артаньяна, поражаясь изворотливости его гасконского ума.

Д'Артаньян наполнил свой оловянный кубок и поднялся.

— Господа, — обратился он к своим товарищам, — предлагаю выпить за здоровье того, кому принадлежит первое место за этим обедом: за нашего полковника. Да будет ему известно, что мы к его услугам до самого Лондона и далее.

Произнося это приветствие, д'Артаньян смотрел на Гаррисона, Гаррисон принял тост на свой счет, поднялся, поклонился четырем друзьям и без малейшего сомнения осушил свой кубок. Между тем французские офицеры перевели свой взор на короля и выпили все вместе.

Карл в свою очередь протянул свой кубок Парри, который налил туда немного пива, ибо короля угощали тем же, чем и других. Поднеся кубок к губам, он взглянул на четырех друзей и выпил пиво с улыбкой, полной признательности.

— Ну, а теперь, господа, — крикнул Гаррисон, ставя на стол свой кубок и не обращая никакого внимания на своего знатного пленника, — пора в путь.

— Где мы будем ночевать, полковник?

— В Тэрске, — отвечал Гаррисон.

— Парри, — сказал король, поднимаясь и обращаясь к своему слуге, — вели подать моего коня. Я еду в Тэрск.

— Честное слово, — сказал д'Артаньян Атосу, — я очарован вашим королем; я весь к его услугам.

— Если вы говорите это от чистого сердца, — отвечал Атос, — то король не попадет в Лондон.

— Как так?

— А так, что мы раньше этого освободим его.

— О, на этот раз, Атос, — заметил ему д'Артаньян, — вы, честное слово, сошли с ума.

— У вас есть какой-нибудь определенный план? — спросил Арамис.

— Эх, — сказал Портос, — нет ничего невозможного, когда есть хороший план.

— У меня нет никакого плана, — сказал Атос, — д'Артаньян что-нибудь придумает.

Д'Артаньян пожал плечами, и они пустились в путь.

Глава 18

Д'АРТАНЬЯН ПРИДУМЫВАЕТ ПЛАН

Атос знал д'Артаньяна, пожалуй, лучше чем сам д'Артаньян. Он знал, что достаточно заронить в изобретательный ум гасконца какую-нибудь мысль, подобно тому как достаточно бросить зерно в тучную и плодоносную почву. Поэтому он совершенно спокойно отнесся к тому, что его друг пожал плечами и поехал рядом с ним, разговаривая о Рауле, — разговор, который, как помнит читатель, при других обстоятельствах остался незаконченным.

Уже наступила ночь, когда прибыли в Тэрск. Четверо друзей делали вид, что не обращают никакого внимания на меры предосторожности, которые принимались по отношению к королю. Они остановились в частном доме, и так как им каждую минуту приходилось опасаться за самих себя, они расположились все в одной комнате, обеспечив себе выход на случай нападения. Слуг разместили на различных постах. Гримо улегся на соломе у дверей.

Д'Артаньян был задумчив и, казалось, утратил на время свою

обычную словоохотливость. Он не говорил ни слова и только насвистывал, прохаживаясь между постелью и окошком. Портос, по обыкновению ничего не замечавший, все досаждал ему вопросами. Д'Артаньян нехотя отвечал, а Атос и Арамис переглядывались и улыбались.

Хотя за день друзья очень устали, все они спали очень плохо, за исключением Портоса, у которого сон был такой же мощный, как и аппетит. На следующее утро д'Артаньян встал первым. Он уже побывал на конюшне, осмотрел лошадей и отдал распоряжение относительно предстоящего путешествия, — а Атос и Арамис все еще не проснулись, Портос даже блаженно храпел.

В восемь часов утра все тронулись в путь в том же порядке, как и накануне. Только д'Артаньян покинул своих друзей и подъехал к Грослоу, чтобы возобновить знакомство, завязавшееся накануне.

Пуританский офицер, которому похвалы его нового знакомого приятно шекотали самолюбие, встретил его с любезной улыбкой.

— Право, дорогой капитан, — сказал ему д'Артаньян, — я очень счастлив, что нашел наконец человека, с которым могу говорить на моем родном языке. Мой друг дю Валлон — человек очень угрюмого характера; из него клещами не вытянешь и четырех слов в сутки, что же касается двух наших пленников, то они, понятно, не очень расположены разговаривать.

— Они, кажется, заядлые роялисты? — заметил Грослоу.

— Вот именно. Тем больше у них причин злиться на нас за то, что мы взяли в плен Стюарта, которого, смею надеяться, там ожидает славная расплата.

— Еще бы! — усмехнулся Грослоу. — Для этого мы и везем его в Лондон.

— И, надеюсь, не спускаете с него глаз?

— Еще бы! Вы видите, у него поистине королевская свита, — прибавил смеясь офицер.

— Да, конечно. Ну, днем-то нечего бояться: не убежит. А вот ночью...

— Ночью я усиливаю охрану.

— А как же вы стережете его?

— Восемь человек находятся безотлучно в его комнате.

— Черт возьми, крепко сторожите! — заметил д'Артаньян. — Но, кроме этих восьми человек, вы, вероятно, ставите стражу и снаружи? Знаете, в таких случаях чем больше предосторожностей, тем лучше. Подумайте, какой у вас пленник!

— Ну, вот еще! Скажите на милость, что могут сделать двое невооруженных людей против восьми вооруженных?

— Как двое?

— Да король и его камердинер.

— Значит, вы позволяете камердинеру всегда быть при нем?

— Да, Стюарт просил, чтобы ему была оказана такая милость, и полковник Гаррисон согласился. Так как он король, то, видите ли, он не может ни одеться сам, ни раздеться.

— Ах, капитан, — воскликнул д'Артаньян, решив опять подогреть английского офицера лестью, которая ему раньше так хорошо уда-

лась, — право, чем больше я вас слушаю, тем больше поражает меня та легкость и изящество, с какими вы говорите по-французски. Конечно, вы провели три года в Париже, но, если бы я прожил в Лондоне всю жизнь, я все же не научился бы говорить по-английски так же хорошо, как вы по-нашему. Чем вы занимались в Париже?

— Мой отец коммерсант, и он поместил меня к своему компаньону, а тот в свою очередь послал моему отцу своего сына, — так уж водится в торговом мире.

— А что, капитан, понравился вам Париж?

— Да, но только вам, французам, следовало бы устроить революцию вроде нашей, не против короля — он еще ребенок, а против этого плута-итальянца, который, говорят, любовник вашей королевы.

— О, я с вами совершенно согласен, и это нетрудно было бы сделать, если бы только у нас нашелся десяток таких офицеров, как вы, — без предрассудков, решительных и неподкупных. О, мы быстро расправились бы с Мазарини и так же притянули бы его к ответу, как вы вашего короля!

— А я думал, — сказал офицер, — что вы состоите на службе у Мазарини и что это он послал вас к генералу Кромвелю.

— Вернее сказать, я состою на службе у короля, но узнав, что кардинал собирается послать кого-нибудь в Англию, я добился того, что послали именно меня, так как я горел желанием повидать гениального человека, который держит сейчас в руках судьбы трех королевств¹. И потому, когда он предложил мне и моему другу дю Валлону взяться за оружие в защиту старой Англии, — вы знаете, как мы отнеслись к этому предложению.

— Да, я знаю, что вы сражались рядом с Мордаунтом.

— Я беззаветно предан ему. Это прекрасный, храбрый молодой человек. Вы видели, как он ловко свалил своего дядю?

— Вы его лично знаете? — спросил офицер.

— Очень хорошо; могу даже сказать, что мы с ним очень близки. Дю Валлон и я прибыли вместе с ним из Франции.

— Я слышал, будто вы что-то долго заставили его ждать вас в Булони.

— Что поделаешь? — сказал д'Артаньян. — Я был, как и вы, в конвое короля.

— Ага! — сказал Грослоу. — Какого короля?

— Да нашего, черт возьми. Малютки короля, Людовика Четырнадцатого.

Д'Артаньян снял шляпу. Англичанин из вежливости сделал то же.

— А сколько времени вы охраняли короля?

— Три ночи, и, право, я с удовольствием вспоминаю об этих ночах.

— Разве маленький король такой милый ребенок?

— Король?.. Да он преспокойно спал.

— Так что же вас развлекало?

— А то, что мои друзья, офицеры гвардии и мушкетеры, приходили ко мне, и мы проводили ночи в игре с выпивкой.

---

¹ Англии, Шотландии и Ирландии

— Ах, да! — со вздохом сказал англичанин. — Это правда! Вы, французы, веселые товарищи.

— А разве вы не играете, когда находитесь на дежурстве?

— Никогда, — ответил англичанин.

— В таком случае вам должно быть очень скучно. Жалею вас, — заметил д'Артаньян.

— Это правда, — продолжал офицер, — я всегда с ужасом жду своей очереди. Это очень долго — целую ночь не спать.

— Да, когда сидишь целую ночь один или с дурачьем солдатами. Но если с тобой сидит веселый партнер, золотые катятся по столу, кости стучат, — тогда ночь пролетает незаметно, как сон. Значит, вы не любите играть?

— Напротив.

— В ландскнехт, например?

— Я обожаю эту игру, и во Франции играл почти каждый вечер.

— А в Англии?

— В Англии я еще ни разу не держал в руках ни костей, ни карт.

— О, как мне жаль вас! — воскликнул д'Артаньян с искренним сочувствием.

— Слушайте, — сказал англичанин, — сделайте одну вещь.

— Какую?

— Завтра я буду на дежурстве.

— Около Стюарта?

— Да. Приходите ко мне, и проведем ночь вместе.

— Невозможно.

— Невозможно?

— Никак.

— Почему это?

— Мы каждый вечер составляем партию с дю Валлоном. Иногда не спим всю ночь напролет. Сегодня, например, мы с ним играли до утра.

— Так что ж?

— То, что ему будет скучно, если я не составлю ему партию.

— А он рьяный игрок?

— Я видел, как он до слез хохотал, проигрывая две тысячи пистолей.

— Так приводите его с собой.

— Но как же это можно сделать? А наши пленники?

— Ах, черт возьми, это правда! — заметил Грослоу. — Так пусть их постерегут ваши слуги.

— Чтобы они удрали? — сказал д'Артаньян. — Покорно благодарю!

— Значит, это знатные лица, раз вы ими так дорожите?

— Еще бы! Один — богатый дворянин из Турени, а другой — рыцарь мальтийского ордена, из очень знатного рода. За каждого из них мы выговорили себе по две тысячи фунтов стерлингов по прибытии во Францию. Мы ни на минуту не хотим упускать из виду этих людей, так как наши слуги знают, что они миллионеры. Мы их слегка обыскали, когда брали в плен, и скажу вам по секрету, что их-то денежки мы с дю Валлоном и проигрываем друг другу каждую ночь. Но может

случиться, что они припрятали какой-нибудь драгоценный камень или редкостный бриллиант, и поэтому мы с моим приятелем, как скряги, храним свое сокровище, не оставляя его ни на минуту. Мы глаз не спускаем с этих людей, и когда я сплю, дю Валлон бодрствует.

— Вот как! — сказал Грослоу.

— Вы понимаете теперь, что заставляет меня отклонить ваше любезное приглашение, как бы мне ни хотелось принять его. Играть почти каждую ночь и все с одним и тем же партнером — скучновато; шансы постоянно уравниваются, и по прошествии месяца оказывается, что ты не выиграл и не проиграл.

— Ах, — проговорил со вздохом Грослоу, — есть вещь более скучная: это — совсем не играть.

— Согласен, — сказал д'Артаньян.

— Но скажите, — начал опять англичанин, — ваши пленники — опасные люди?

— В каком смысле?

— А так: способны они взбунтоваться?

д'Артаньян расхохотался.

— Вот еще что надумали! — воскликнул он. — Одного трясет лихорадка, которую он заполучил в вашей прекрасной стране, а другой — мальтийский рыцарь — тих и робок, как девушка. К тому же, для большей безопасности, мы отобрали у них все оружие, до перочинных ножей и карманных ножниц включительно.

— В таком случае приводите их с собой, — сказал Грослоу.

— Как, вы хотите?.. — изумился д'Артаньян.

— Да, у меня восемь человек.

— Ну и что же?

— Четверо будут сторожить их, а другие четверо — короля.

— А ведь правда, — проговорил д'Артаньян, — это можно сделать; только это причинит вам много хлопот.

— Пустяки! Приходите только, вы увидите, как все хорошо устроится.

— О, об этом я не беспокоюсь, — сказал д'Артаньян, — такому человеку, как вы, можно слепо довериться.

Выслушав лестное замечание д'Артаньяна, английский офицер самодовольно усмехнулся: его тщеславие было удовлетворено, а сердце вполне завоевано льстецом.

— Но, — сказал д'Артаньян, — я думаю, ничто нам не помешает начать сегодня же вечером.

— Что именно?

— Нашу партию.

— Конечно, ничто, — сказал Грослоу.

— В самом деле, приходите сегодня вечером к нам, а завтра мы вам отдадим визит. Если что-нибудь вам не понравится в наших пленниках, которые, как вы знаете, отъявленные роялисты, то можно отменить завтрашнюю встречу, и мы просто проведем приятно сегодняшнюю ночь.

— Чудесно. Сегодня вечером я у вас, завтра у Стюарта, послезавтра у меня...

— А там уже и в Лондоне. Черт побери,— воскликнул д'Артаньян,— вы видите, что всюду можно проводить время весело и приятно!

— Да, особенно когда встретишься с французами, и к тому же такими, как вы,— подтвердил Грослоу.

— А главное — как дю Валлон; вы увидите, что это за молодчина. Он отчаянный фрондер и ненавидит Мазарини, которого однажды едва не прикончил. Им потому и дорожат, что боятся его.

— Да,— сказал Грослоу,— у него славное лицо, и хотя я его еще не знаю, но он мне очень понравился.

— Что же будет, когда вы его узнаете? Кстати, он, кажется, зовет меня. Извините, мы с ним такие друзья, что он не может долго оставаться без меня. Разрешите откланяться?

— Конечно.

— Итак, до вечера.

— У вас?

— У меня.

Они раскланялись, и д'Артаньян вернулся к своим товарищам.

— О чем вы там толковали с этим бульдогом? — спросил Портос.

— Друг мой, прошу не выражаться так о капитане Грослоу: это один из лучших моих друзей.

— Один из ваших друзей? — спросил Портос.— Этот убийца мирных поселян?

— Тише, дорогой Портос. Это правда, Грослоу немного горяч, но я открыл в нем два прекрасных качества,— он глуп и тщеславен.

Портос вытаращил глаза от изумления, Атос и Арамис с улыбкой переглянулись: они хорошо знали, что д'Артаньян ничего не делает попусту.

— Впрочем,— продолжал д'Артаньян,— вы будете иметь случай оценить его сами.

— Как так?

— Я представлю его вам сегодня вечером; он придет к нам играть в ландскнехт.

— Ого! — воскликнул Портос, и глаза его загорелись.— А он богат?

— Он сын одного из самых крупных коммерсантов Лондона.

— И он умеет играть в ландскнехт?

— Обожают.

— А в бассет?

— Это его страсть.

— А в бириби?

— Знает до тонкости.

— Отлично,— сказал Портос,— мы проведем приятную ночь.

— Тем более приятную, что за ней последует другая, еще более приятная.

— Как так?

— Сегодня он играет у нас, а завтра мы у него.

— Где это у него?

— Я вам после скажу. Теперь же позаботимся о том, чтобы достойно принять Грослоу. Сегодня к ночи мы будем в Дерби; пусть Мушкетон едет вперед, и если найдется хоть одна бутылка вина в

целом городе, пусть он купит ее. Недурно было бы также, чтобы он приготовил маленький ужин, к которому вы, Атос, не притронетесь, потому что у вас лихорадка, а вы, Арамис, потому что вы мальтийский рыцарь, которому наши вольные солдатские разговоры противны и заставляют вас краснеть. Слышите вы, что я говорю?

— Слышать-то слышу,— сказал Портос,— но черт бы меня побрал, если я хоть что-нибудь понимаю.

— Друг мой Портос, вы знаете, что по отцу я происхожу от пророков, а по матери — от сивилл, и потому я говорю только загадками и притчами; имеющий уши да слышит, а имеющий глаза да видит. В данную минуту я не могу вам больше ничего сказать.

— Действуйте, мой друг,— сказал Атос.— Я уверен, что все, что вы делаете, хорошо.

— А вы, Арамис, того же мнения?

— Совершенно того же, дорогой д'Артаньян.

— Ну и слава богу,— сказал д'Артаньян.— Вот истинно верующие, для которых приятно совершать чудеса. Не только что это маловерный Портос, которому предварительно надо все увидеть и потрогать рукой.

— Это правда,— лукаво заметил Портос,— я очень недоверчив.

Д'Артаньян хлопнул его по плечу, и так как в это время приехали к месту завтрака, разговор прервался.

Около пяти часов вечера, как было условлено, Мушкетона выслали вперед. Мушкетон по-английски не говорил, но, попав в Англию, он заметил, что Гримо в совершенстве заменяет слова жестами. Он стал учиться у Гримо и в несколько уроков благодаря таланту учителя достиг некоторого навыка. Блезуа отправился тоже с Мушкетоном.

Через несколько часов наши четверо друзей, проезжая по главной улице Дерби, заметили Блезуа, стоявшего на пороге одного приличного с виду дома. Здесь была приготовлена им квартира.

Весь день они даже не приблизились к королю, боясь возбудить подозрение, и, вместо того чтобы обедать с полковником Гаррисоном, как накануне, обедали одни.

В условный час Грослоу явился. Д'Артаньян принял его как старого друга. Портос смерил его с ног до головы и усмехнулся, найдя, что, несмотря на ловкий удар, нанесенный Грослоу брату Парри, на вид он довольно жидковат. Атос и Арамис делали все возможное, чтобы скрыть отвращение, которое он им внушал.

В общем, Грослоу остался доволен приемом.

Атос и Арамис выдерживали свою роль. Около полуночи они ушли в свою комнату, дверь в которую как бы из предосторожности была оставлена открытой. К тому же д'Артаньян вскоре прошел к ним, оставив Портоса одного сражаться с Грослоу.

Портос выиграл у Грослоу пятьдесят пистолей и по уходе его решил, что он гораздо более приятный собеседник, чем можно было судить с первого взгляда.

Что касается до Грослоу, то он дал себе слово сорвать завтра с д'Артаньяна столько же, сколько проиграл Портосу, и расстался с гасконцем, напомнив ему о вчерашнем свидании.

Мы говорим «вчерашним», так как наши игроки разошлись в четыре часа утра.

День прошел как всегда. Д'Артаньян переходил от капитана Грослоу к полковнику Гаррисону, от полковника Гаррисона к своим друзьям. Человек, не знающий д'Артаньяна, решил бы, что он в прекрасном настроении, но друзья его, Атос и Агамис, заметили под наружной веселостью лихорадочное возбуждение.

— Что он замышляет? — спросил Арамис.

— Подождем, — отвечал Атос.

Портос ничего не говорил и только перебирал у себя в боковом кармане пятьдесят пистолей, выигранных у Грослоу, и по лицу его заметно было, что это занятие доставляло ему большое удовольствие.

Вечером прибыли в Ристон. Д'Артаньян собрал своих друзей. Теперь он уже не имел того веселого, беспечного вида, который напускал на себя весь день. Атос пожал руку Арамиса.

— Час близится! — тихо проговорил он ему.

— Да, — сказал услышавший это д'Артаньян. — именно, близится час: в эту ночь, друзья мои, мы спасем короля.

Атос вздрогнул; взор его загорелся.

— Д'Артаньян, — сказал он, охваченный сомнением после промелькнувшей надежды, — вы не шутите? Вы говорите правду? Шутить так было бы слишком зло.

— С вашей стороны странно, — отвечал ему д'Артаньян, — что вы мне не верите. Скажите, когда и где вы видели, чтобы я шутил сердцем друга и жизнью короля? Я вам сказал и повторяю, что сегодня ночью мы освободим короля Карла. Вы поручили мне изыскать средство, и я нашел его.

Портос с беспредельным восхищением глядел на д'Артаньяна. Арамис улыбался с надеждой. Атос был бледен как смерть и дрожал всем телом.

— Говорите! — сказал он.

Портос еще больше раскрыл глаза, Арамис глядел прямо в рот д'Артаньяну.

— Мы приглашены сегодня вечером к Грослоу, вы знаете его?

— Да, — сказал Портос, — он просил дать ему возможность отыгаться.

— Отлично. Но известно вам, где он будет отыгрываться?

— Нет.

— У короля.

— У короля? — воскликнул Атос.

— Да, друзья мои, у короля. Капитан Грослоу сегодня ночью дежурит при особе его величества, и, чтобы развлечься, он пригласил нас составить ему компанию...

— Всех четверых? — спросил Атос.

— Конечно, всех четверых: разве мы можем отлучиться от наших пленников?

— Ага! — сказал Арамис.

— И что же дальше? — проговорил Атос, дрожа от волнения.

— Мы пойдем к Грослоу, я и Портос — со шпагами, а вы двое — с кинжалами; вчетвером мы одолеем этих восьмерых дуралеев и их глупого начальника. Что вы скажете на это, господин Портос?

— Я скажу, что это нетрудно, — отвечал Портос.

— Мы наденем на короля платье Грослоу, Мушкетон, Гримо и Блезуа будут ждать нас с оседланными лошадьми за углом соседней улицы. Мы сядем на них, помчимся и к утру будем уже в двадцати милях отсюда. Что, хорошо задумано, Атос?

Атос положил обе руки на плечи д'Артаньяна и посмотрел на него спокойным взглядом, с ласковой улыбкой.

— Я заявляю, друг мой, что в мире нет человека, способного сравниться с вами в благородстве и мужестве. Мы все считали вас равнодушным к нашему горю, которое вы имели полное право не разделять, — и вот только вы один из всех нас нашли средство, которое мы тщетно искали... Я повторяю тебе, д'Артаньян, что ты лучше всех нас; я благословляю и люблю тебя, мой дорогой сын.

— И как это я не догадался! — воскликнул Портос, хлопнув себя по лбу. — А между тем это так просто.

— Но если я хорошо понял, мы их всех перебьем? — спросил Арамис.

Атос вздрогнул и побледнел.

— Придется, черт возьми! — отвечал д'Артаньян. — Я долго думал, нельзя ли избежать этого, но, признаюсь, ничего не мог придумать.

— Что же, — сказал Арамис, — положение такое, что выбирать не приходится. Как же мы будем действовать?

— У меня есть два плана, — отвечал д'Артаньян.

— Первый? — спросил Арамис.

— Если мы окажемся там вчетвером, то по моему сигналу (а этим сигналом будет слово «Наконец!») каждый из нас вонзит свой кинжал в грудь ближайшего солдата. Четыре человека будут убиты, и шансы почти сравняются: нас будет четверо против пяти. Эти пятеро могут сдаться; тогда мы их свяжем и заткнем им рты. Если же они будут защищаться, то мы убьем их. Но может случиться и так, что наш хозяин изменит свое намерение и пригласит только меня с Портосом. В таком случае, делать нечего, нам придется действовать быстрее и поработать каждому за двоих. Это будет немного труднее и произведет шум, но вы держитесь наготове со шпагами в руках и бегите на помощь, как только услышите шум.

— Ну, а если они уложат вас? — спросил Атос.

— Невозможно! — заявил д'Артаньян. — Эти пивные бочки слишком тяжелы и неповоротливы. Кроме того, Портос, наносите удар в горло; такой удар убивает сразу и не дает даже времени крикнуть.

— Великолепно! — сказал Портос. — Это будет славная резня.

— Ужасно! Ужасно! — повторял Атос.

— Ах, какой вы чувствительный, Атос! — сказал д'Артаньян. — Точно вам не приходилось убивать в бою! Впрочем, мой друг, — прибавил он, — если вы находите, что жизнь короля не стоит этого, я умолкаю. Хотите, я сейчас же пошлю сказать Грослоу, что нездоров.

— Нет,— сказал Атос,— вы правы, мой друг; простите мою слабость.

В эту минуту дверь отворилась, и на пороге появился английский солдат.

— Капитан Грослоу,— начал он на ломаном французском языке,— извещает господина д'Артаньяна и господина дю Валлона, что он ожидает их.

— Где именно? — спросил д'Артаньян.

— В комнате английского Навуходоносора,— отвечал солдат, заклятый пуританин.

— Хорошо! — сказал на прекрасном английском языке Атос, у которого кровь бросилась в лицо при таком оскорблении королевского достоинства.— Хорошо, скажите капитану Грослоу, что мы идем.

Пуританский солдат удалился. Наши друзья приказали своим слугам оседлать восемь лошадей и ждать их, не отходя от лошадей и не спешиваясь, на углу переулка, находившегося в двадцати шагах от дома, в котором помещался король.

Глава 19

ПАРТИЯ В ЛАНДСКНЕХТ

Было девять часов вечера; так как часовые сменялись в восемь, то капитан Грослоу был уже целый час на дежурстве.

Д'Артаньян и Портос приближались к дому, который в этот вечер служил тюрьмой Карлу Стюарту. Они были вооружены шпагами. За ними, безоружные и удрученные, как подобает пленникам, следовали Атос и Арамис. Под плащами они прятали кинжалы.

— Честное слово,— сказал Грослоу, заметив их,— я уже не надеялся увидеть вас.

Д'Артаньян подошел к нему и сказал совсем тихо:

— Действительно, одну минуту мы было колебались, дю Валлон и я.

— Почему? — спросил Грослоу.

Д'Артаньян кивком головы показал на Атоса и Арамиса.

— А, да,— сообразил Грослоу,— из-за их убеждений? Пустяки! Напротив,— прибавил он, смеясь,— если они хотят поглядеть на своего Стюарта, пусть смотрят.

— Разве мы расположимся в одной комнате с королем? — осведомился д'Артаньян.

— Нет, в соседней; но так как дверь будет открыта, то это все равно, как если бы мы были в той же комнате. А кстати, запаслись вы деньгами? Предупреждаю, что я намерен вести сегодня адскую игру.

— Слышите? — отвечал ему д'Артаньян, позвякивая золотом в своих карманах.

— Very good¹,— произнес Грослоу и отворил дверь в следующую комнату.— Пожалуйста, господа, я проведу вас.

Он прошел вперед.

Д'Артаньян оглянулся на товарищей. Портос был беззаботен, как будто дело шло об обыкновенной игре. Атос был бледен, но горел решимостью. Арамис отирал пот, выступивший на лбу.

Восемь часовых стояли на своих постах: четверо в комнате короля, двое у внутренней двери и двое у той двери, через которую вошли наши друзья. Увидев обнаженные шпаги солдат, Атос улыбнулся; резни не будет, будет поединок.

С этого момента к нему, казалось, вернулось хорошее настроение.

Карл, которого можно было видеть в открытую дверь, лежал на кровати совсем одетый; его прикрывал только шерстяной плед.

У изголовья его сидел Парри и читал главу из католической библии тихим голосом, но так, что королю, лежавшему с закрытыми глазами, было хорошо слышно.

На черном столе горела простая сальная свеча, освещавшая спокойное лицо короля и встревоженное лицо его преданного слуги.

Время от времени Парри останавливался, думая, что король заснул, но тогда тот снова открывал глаза и произносил с улыбкой:

— Продолжай, мой добрый Парри, я слушаю.

Грослоу дошел до самого порога королевской комнаты, с деланной небрежностью надел на голову шляпу, которую снял, принимая гостей, и окинул презрительным взглядом эту простую и трогательную картину: старый слуга, читающий библию своему пленному господину. Затем, удостоверившись, что все находятся на своих местах, он обернулся к д'Артаньяну и победоносно посмотрел на него, словно ожидая себе похвал.

— Чудесно! — сказал гасконец. — Клянусь, из вас выйдет отличный генерал!

— Как вы находите,— сказал Грослоу,— может Стюарт убежать, когда я дежурю?

— Конечно, нет,— отвечал д'Артаньян.— Разве только к нему свалятся друзья с неба.

Лицо Грослоу просияло.

Трудно сказать, заметил ли Карл Стюарт издевательства пуританского капитана, так как в продолжении всей этой сцены он лежал с закрытыми глазами; но когда он услышал звонкий голос д'Артаньяна, глаза его против воли раскрылись.

Что касается Парри, он тоже задрожал и прервал чтение.

— Что ты все останавливаешься? — сказал ему король.— Продолжай, мой добрый Парри, если только ты не устал.

— Нет, государь,— отвечал камердинер.

И снова принялся читать.

В первой комнате был приготовлен стол, покрытый сукном, а на столе — две свечи, карты, два рожка и кости.

---

¹ Очень хорошо (англ.)

— Прошу вас,— сказал Грослоу,— занимайте места; я сяду против Стюарта, которого всегда люблю видеть, особенно в таком положении. А вы, господин д'Артаньян, садитесь против меня.

Атос покраснел от гнева; д'Артаньян поглядел на него, нахмутив брови.

— Отлично,— согласился д'Артаньян.— Вы, граф де Ла Фер, садитесь по праву руку капитана Грослоу; вы, шевалье д'Эрбле,— по левую, а вы, дю Валлон,— рядом со мной. Вы будете ставить за меня, а они за Грослоу.

Таким-то образом слева от д'Артаньяна оказался Портос, которому он мог сигнализировать ногой, а против него — Атос и Арамис, с которыми он мог переговариваться взглядами.

Услышав имена графа де Ла Фер и шевалье д'Эрбле, Карл открыл глаза и, невольно подняв гордую голову, окинул взглядом всех действующих лиц.

В этот момент Парри перевернул несколько страниц своей библии и громко прочитал стихи пророка Иеремии:

«Господь сказал: внимайте словам пророков, служителей моих, посланных вам от меня».

Четверо друзей обменялись взглядами. Слова, произнесенные Парри, показали им, что король понял истинную цель их прихода.

В глазах д'Артаньяна засветилась радость.

— Вы только что спрашивали меня о состоянии моих финансов? — обратился д'Артаньян к капитану, высыпая на стол десятка два пистолей.

— Да,— сказал Грослоу.

— Ну так вот,— продолжал д'Артаньян,— в свою очередь, я тоже скажу вам: крепче храните свое сокровище, мой дорогой господин Грослоу, так как предупреждаю вас, что мы не уйдем отсюда, пока не отберем его у вас.

— Не так-то легко будет это сделать,— сказал Грослоу.

— Тем лучше,— сказал д'Артаньян,— Итак, война, настоящая война, милый капитан. Знаете, мы только этого и хотим!

— Знаю, хорошо знаю,— сказал Грослоу, раздражаясь громким смехом,— вы, французы, любители потасовок.

Карл слышал весь этот разговор и хорошо его понял. Легкий румянец выступил на его лице. Солдаты, которые его стерегли, заметили, что он начал понемногу расправлять уставшие члены. Под предлогом того, что ему стало жарко от раскаленной печки, он сбросил с себя шотландский плед, которым, как мы сказали, он был укрыт.

Атос и Арамис затрепетали от радости, увидев, что король совсем одет.

Игра началась.

На этот раз счастье перешло на сторону Грослоу; он все время рисковал и выигрывал. Около сотни пистолей уже перешло с одного конца стола на другой. Грослоу был безудержно весел.

Портос проиграл пятьдесят пистолей, выигранных накануне, и, кроме того, еще около тридцати своих. Он был не в духе и толкал д'Артаньяна под столом, как бы спрашивая, не пора ли начать другую

игру; со своей стороны, Атос с Арамисом тоже поглядывали на него вопросительно, но д'Артаньян оставался невозмутимо спокоен.

Пробило десять часов. Послышались шаги патруля.

— Сколько таких патрулей проходит у вас за ночь? — спросил д'Артаньян, вынимая новые пистолы из кармана.

— Пять, — ответил Грослоу, — через каждый два часа.

— Хорошо, — заметил д'Артаньян, — это очень предусмотрительно.

И тут он в свою очередь бросил выразительный взгляд на Атоса и Арамиса.

Шаги патруля замолкли.

Тем временем, привлеченные игрой и видом золота, имеющего такую власть над всеми людьми, солдаты, которые должны были находиться безотлучно в комнате короля, мало-помалу приблизились к двери и, привстав на цыпочки, стали заглядывать через плечо д'Артаньяна и Портоса; солдаты, стоявшие у двери, тоже подошли ближе. Все это было на руку нашим друзьям: им было гораздо удобнее, чтобы солдаты были все в куче и не пришлось гоняться за ними по углам. Часовые у входной двери стояли, опершись на свои обнаженные шпаги, как на палки, и глядели на игроков.

Атос, казалось, становился все спокойнее по мере того, как приближалась решительная минута. Его белые холеные пальцы играли луидорами; он гнул и разгибал монеты, словно они были оловянные. Арамис хуже владел собою, и его пальцы все время искали кинжал, спрятанный на груди. А Портос, раздраженный постоянными проигрышами, яростно толкал ногой д'Артаньяна.

д'Артаньян нечаянно обернулся назад и увидел стоявшего между двумя солдатами Парри, а позади него Карла, который опирался на руку своего слуги и, казалось, возносил к богу горячую молитву. д'Артаньян понял, что час настал, что все на своих местах и ждут только слова «наконец», которое, как помнит читатель, должно было служить сигналом.

Он бросил многозначительный взгляд на Атоса и Арамиса, и оба слегка отодвинули стулья, чтобы обеспечить себе свободу движения.

Он вторично толкнул ногой Портоса, и тот поднялся, словно расправляя усталые члены; поднимаясь, он тронул эфес своей шпаги, чтобы удостовериться, что она свободно выходит из ножен.

— Ах, черт возьми! — воскликнул д'Артаньян. — Опять проиграл двадцать пистолей! Право, капитан Грослоу, вам сегодня чертовски везет; это не может так продолжаться.

И он бросил на стол еще двадцать пистолей.

— В последний раз, капитан. Ставлю двадцать пистолей на карту, в последний раз.

— Иду на двадцать пистолей! — громко объявил Грослоу.

Он вынул, как водится, две карты: туза для себя, короля для д'Артаньяна.

— Король! — воскликнул д'Артаньян. — Это хороший знак. Капитан Грослоу, — прибавил он, — берегитесь короля.

Несмотря на все самообладание д'Артаньяна, его голос как-то странно задрожал, заставив вздрогнуть его партнера.

Грослоу стал метать карты. Если бы вышел туз — он выигрывал; если бы выпал опять король — проигрывал.

Открылся король.

— Наконец! — воскликнул д'Артаньян.

При этом слове Атос и Арамис поднялись, а Портос отступил на шаг.

Уже готовы были засверкать кинжалы и шпаги, как вдруг отворилась дверь, и на пороге появился полковник Гаррисон в сопровождении человека, закутанного в плащ.

За спиной этого человека блестели мушкеты пяти-шести солдат.

Грослоу вскочил, смущенный, что его застали за вином, картами и костями. Но Гаррисон, не обращая на него ни малейшего внимания, прошел со своим спутником в комнату короля.

— Карл Стюарт, — обратился он к королю, — прибыл приказ везти вас в Лондон, не останавливаясь ни днем ни ночью. Будьте готовы сию же минуту к отъезду.

— А кем дан этот приказ? — спросил король. — Генералом Оливером Кромвелем?

— Да, — отвечал Гаррисон, — и вот господин Мордаунт, который привез его и которому поручено его исполнить.

— Мордаунт! — прошептали четверо друзей, переглянувшись между собой.

Д'Артаньян поспешно захватил со стола все золото, которое он и Портос проиграли, и набил им свой просторный карман. Атос и Арамис встали за ним. При этом движении Мордаунт обернулся и, узнав их, испустил крик злобной радости.

— Мы, кажется, попались, — шепнул д'Артаньян своим друзьям.

— Не совсем еще, — ответил Портос.

— Полковник! Полковник! — вскричал Мордаунт. — Велите сейчас же оцепить комнату. Здесь измена! Эти четыре француза спаслись бегством из Ньюкастля и, без сомнения, намереваются освободить короля. Задержите их!

— Ого, молодой человек! — воскликнул д'Артаньян, обнажая шпагу. — Такой приказ легче дать, чем его исполнить.

Затем, обнажив шпагу и стремительно очертив ею грозный полукруг, закричал:

— За мной, друзья, за мной! Отступайте!

Он рванулся к двери и опрокинул двух часовых, не успевших навести свои мушкеты. Атос и Арамис устремились за ним; Портос составлял арьергард. Прежде чем солдаты, полковник и офицеры успели спохватиться, они все четверо были уже на улице.

— Стреляй! — кричал между тем Мордаунт. — Стреляй в них!

Раздалось два-три выстрела, но они только осветили на улице четырех беглецов, целых и невредимых и уже огибающих угол.

Лошади ждали их в назначенном месте. Слугам оставалось только кинуть поводья своим господам, которые вскочили в седла с легкостью опытных наездников.

— Вперед! — скомандовал д'Артаньян. — Шпоры! Держись вместе!

Все скакали следом за д'Артаньяном, держась той самой дороги, которой ехали днем, то есть направляясь к Шотландии. Вокруг городка не было ни рва, ни стены, а потому они выехали беспрепятственно. Отъехав шагов на пятьдесят от последнего дома, д'Артаньяна остановился.

— Стой! — скомандовал он.

— Как стой? — воскликнул Портос. — Вы хотели, верно, сказать: во весь дух?

— Вовсе нет, — отвечал д'Артаньян. — На этот раз за нами будет погоня. Пускай же они выедут из города и помчатся за нами по шотландской дороге; когда они проскачут мимо нас галопом, мы их пропустим и поедем в противоположную сторону.

В нескольких шагах протекала речонка, через которую был перекинут мост. Д'Артаньян спустился с лошадьёю под арку моста; его друзья проследовали за ним.

Не прошло и десяти минут, как они услышали топот отряда, несшегося галопом. Минут через пять всадники проскакали над их головами, не подозревая, что те, кого они ищут, отделены от них всего лишь аркой моста.

Глава 20

ЛОНДОН

Когда стук конских копыт затих вдаль, д'Артаньян выбрался на берег речки и поехал прямо по равнине, держа направление, насколько это было возможно, на Лондон. Его трое друзей следовали за ним в глубоком молчании. Наконец, издалека объехав городок, они потеряли его из виду.

— На этот раз, — начал д'Артаньян, когда они отъехали настолько далеко, что могли сменить галоп на рысь, — на этот раз я думаю, что действительно все потеряно, и лучше, что мы можем теперь сделать, — как можно скорее вернуться во Францию. Что вы скажете о таком предложении, Атос? Считаете вы его разумным или нет?

— Да, дорогой друг, — отвечал Атос, — но я слышал от вас слова более чем разумные, слова благородные и великодушные. Вы сказали: «Умрем здесь». Я вам напомню их.

— О! — сказал Портос. — Смерть — пустяки. Она нас не смутит, ведь мы не знаем, что такое смерть. Меня мучит мысль о поражении. Видя, какой оборот принимает дело, я чувствую, что нам всюду придется круто: в Лондоне, в провинции, во всей Англии; и, право, все это кончится нашим поражением.

— Мы должны быть до конца свидетелями этой великой трагедии, — сказал Атос. — Каков бы ни был ее конец, мы покинем Англию, только когда все свершится. Согласны вы со мной, Арамис?

— Совершенно согласен, дорогой граф. К тому же, признаюсь вам, я не прочь встретиться еще раз с Мордаунтом. Мне думается, что нам следует свести с ним счеты; не в наших обычаях покидать страну, не расплатившись с такого рода долгами.

— А, это другое дело! — сказал д'Артаньян. — Это причина вполне уважительная. Признаюсь, я бы остался в Лондоне хоть на год, лишь бы встретить этого Мордаунта. Но только нам надо поселиться у надежного человека, чтобы не возбуждать подозрений, потому что господин Кромвель, вероятно, отдаст приказ немедленно же разыскать нас, а господин Кромвель, насколько можно судить по прошлым примерам, шутить не любит. Атос, не знаете ли вы в городе гостиницы, где можно получить чистые простыни, хорошо прожаренный ростбиф и вино без примеси хмеля и можжевельника?

— Кажется, это можно устроить, — сказал Атос. — Винтер водил нас к одному человеку, старому испанцу, который принял английское подданство, соблазнившись гинейми своих новых соотечественников. Что вы скажете на это, Арамис?

— Ваш план поселиться у сеньора Переса кажется мне вполне разумным, и я лично его одобряю. Мы напомним Пересу о бедном Винтере, которого он, кажется, весьма уважал. Мы скажем, что приехали сюда из любопытства, чтобы посмотреть великие события. Ему будет перепадать ежедневно по гинее от каждого из нас, и я думаю, что, приняв такие предосторожности, мы сможем жить довольно спокойно.

— Вы забываете, Арамис, одну очень важную предосторожность.

— Что же именно?

— Надо переодеться.

— Ба! — воскликнул Портос. — К чему это нам менять платье? Нам удобно и в нашем.

— Чтобы нас не узнали, — ответил д'Артаньян. — Наши камзолы все одного покроя и почти одного цвета и с первого взгляда выдают в нас французов. Я не настолько привязан к покрою платья или цвету штанов, чтобы из-за этого рисковать попасть на тайбернскую виселицу или совершить прогулку в Индию. Я куплю себе одежду коричневого цвета: я заметил, что дураки пуритане его любят.

— А вы найдете вашего знакомого? — спросил Арамис.

— О, конечно! Он жил на улице Грин-Холл, Бедфордская таверна. Я могу ходить по Лондону с закрытыми глазами.

— Итак, в Лондон! — заключил д'Артаньян. — И, по-моему, нам надо попасть в Лондон до рассвета, хотя бы для этого пришлось загнать лошадей.

— Тогда живей! — поддержал его Атос. — Если я не ошибаюсь, мы находимся от Лондона в восьми или десяти милях.

Друзья пришпорили коней и действительно прибыли в Лондон около пяти часов утра. У ворот их остановила стража, но Атос сказал на прекрасном английском языке, что они посланы полковником Гаррисоном предупредить его сослуживца, полковника Приджа, о скором прибытии короля. Ответ этот вызвал расспросы о том, как был захвачен король. Атос сообщил такие подробности о пленении короля, что

если у часовых и были какие-либо подозрения, то после этого они совсем рассеялись. Четверо друзей получили пропуск со всякими пуританскими благопожеланиями.

Атос, как сказал, прямо направился к Бедфордской таверне, хозяин который его сразу узнал. Сеньор Перес был так доволен его появлением в столь многочисленном и прекрасном обществе, что немедленно велел приготовить друзьям самые лучшие комнаты. Хотя еще не рассвело, наши путешественники, прибыв в Лондон, нашли весь город в движении. Слух, что король, захваченный в плен полковником Гаррисоном, находится в пути к столице, распространился еще накануне вечером, и очень многие не ложились спать из боязни что Стюарта (так стали называть короля) привезут ночью и они его не увидят.

Предложение переменить платье было принято, как помнит читатель, единодушно, если не считать возражений Портоса. Потому друзья сразу занялись этим делом. Хозяин распорядился принести одежду различных фасонов, словно ему пришло на мысль сразу обновить весь свой гардероб. Атос выбрал черное платье, которое придало ему вид честного буржуа. Арамис никак не хотел расстаться с своей шпагой и потому облачился в темный костюм военного покроя. Портос соблазнился красным камзолом и зелеными штанами. Д'Артаньян, который заранее выбрал себе цвет, мог раздумывать только насчет его оттенка, и в новом костюме коричневого цвета стал похож на торговца сахаром, удалившегося от дел.

Что касается Гримо и Мушкетона, то, сбросив ливреи, они совсем преобразились. Гримо превратился в англичанина сухого, методичного и хладнокровного, Мушкетон же являл собою тип англичанина-толстяка, обоюры и фланера.

— Теперь, — сказал д'Артаньян, — займемся главным: острижем волосы, чтобы не подвергнуться насмешкам черни. Без шпаг мы теперь уже не дворяне, станем же пуританами по прическе. Это, как вам известно, очень важный признак, по которому можно отличить республиканца от роялиста.

Однако в этом существенном пункте Арамис оказался очень упрямым. Он во что бы то ни стало хотел сохранить свою чудную шевелюру, о которой так заботился. Пришлось Атосу, который был весьма равнодушен к подобным вещам, показать ему пример. Портос тоже без сопротивления подставил свою голову Мушкетону, который запустил ножницы в его густые жесткие волосы. Д'Артаньян остригся сам, и голова его приобрела сходство с теми, которые можно видеть на медалях времен Франциска I или Карла IX.

— Какие мы уроды! — сказал Атос.

— Мне сдается, что от нас несет пуританами до тошноты, — добавил Арамис.

— У меня мерзнет голова, — сказал Портос.

— А меня разбирает охота проповедовать, — заявил д'Артаньян.

— Ну, а теперь, — сказал Атос, — когда мы сами не узнаем друг друга и когда нам нечего бояться, что нас узнают другие, пойдёмте посмотрим на прибытие короля. Если его везли всю ночь, то он должен быть уже недалеко от Лондона.

Действительно, не успели наши друзья прождать и двух часов в толпе, как громкие крики и необычайное движение народа возвестили им о прибытии короля. Ему выслали навстречу карету. Портос, благодаря своему гигантскому росту, на целую голову возвышался над толпой и потому первый увидел королевский экипаж. Д'Артаньян изо всех сил старался подняться на цыпочки, а Атос и Арамис прислушивались к разговорам, чтобы разузнать мнение народа. Карета проехала мимо. Д'Артаньян узнал Гаррисона, сидевшего у одной дверцы, и Мордаунта — у другой. Что же касается народа, мнение которого старались выяснить Атос и Арамис, то он осыпал короля потоком проклятий.

Атос вернулся домой в полном отчаянии.

— Друг мой, — сказал ему д'Артаньян, — вы напрасно упорствуете. Я повторяю вам, что дело плохо. Я сам равнодушен к нему и принял в нем участие только ради вас и из любви ко всякого рода политическим приключениям, как и полагается мушкетеру. Я нахожу, что было бы очень забавно отнять у этих крикунов добычу и оставить их с носом. Ладно, подумаю.

На другой день утром, подойдя к окну, выходившему на один из самых людных кварталов Сити, Атос услышал, как провозглашали парламентский билль о том, что бывший король Карл I предается суду по обвинению в измене и злоупотреблении властью.

Д'Артаньян стоял возле Атоса, Арамис рассматривал карту Англии. Портос наслаждался остатками вкусного завтрака.

— Парламент! — воскликнул Атос. — Возможно ли, чтобы парламент издал подобный билль!

— Слушайте, — сказал ему д'Артаньян, — я плохо понимаю по-английски; но так как английский язык есть не что иное, как испорченный французский, то даже я понимаю: «парламентс билл», конечно же, должно значить «парламентский билль». Накажи меня бог, как говорят англичане, если это не так.

В этот момент вошел хозяин. Атос подозвал его.

— Это билль издан парламентом? — спросил он по-английски.

— Да, милорд, настоящим парламентом.

— Как на с т о я щ и м парламентом? Разве есть два парламента?

— Друг мой, — вмешался д'Артаньян, — так как я не понимаю по-английски, а мы все говорим по-испански, то давайте будем говорить на этом языке. Это ваш родной язык, и вы, должно быть, с удовольствием воспользуетесь случаем поговорить на нем.

— Да, пожалуйста, — присоединился Арамис.

Что касается Портоса, то он, как мы сказали, сосредоточил все свое внимание на свиной котлете, весь поглощенный тем, чтобы очистить косточку от покрывавшего ее жирного мяса.

— Так вы спрашивали?.. — сказал хозяин по-испански.

— Я спрашивал, — продолжал Атос на том же языке, — неужели существуют два парламента, — один настоящий, а другой не настоящий?

— Вот странность! — заметил Портос, медленно поднимая голову и изумленно глядя на своих друзей. — Оказывается, я знаю английский язык! Я понимаю все, что вы говорите.

— Это потому, мой дорогой, что мы говорим по-испански,— сказал ему Атос со своим обычным хладнокровием.

— Ах, черт возьми! — воскликнул Портос.— Какая досада! А я-то думал, что владею еще одним языком.

— Когда я говорю на с т о я щ и й парламент, сеньоры,— начал хозяин,— то я подразумеваю тот, который очищен полковником Приджем.

— Ах, как хорошо! — воскликнул д'Артаньян.— Здесьшний народ, право, не глуп. Когда мы вернемся во Францию, нужно будет надумать об этом кардинала Мазарини и коадьютора. Один будет очищать парламент в пользу двора, а другой — в пользу народа, так что от парламента ничего не останется.

— Кто такой этот полковник Придж? — спросил Арамис.— И каким образом он очистил парламент?

— Полковник Придж,— продолжал объяснять испанец,— бывший возчик, очень умный человек. Когда он еще ездил со своей телегой, он заметил, что если на пути лежит камень, то гораздо легче поднять его и отбросить в сторону, чем стараться переехать через него колесом. Так вот, из двухсот пятидесяти одного человека, составлявших парламент, сто девяносто один мешали ему, и из-за них могла опрокинуться его политическая телега. Поэтому он поступил с ними так же, как раньше поступал с камнями: взял и попросту выбросил из парламента.

— Чудесно! — воскликнул д'Артаньян, который, будучи сам умным человеком, глубоко ценил ум везде, где только его встречал.

— И все эти выброшенные им члены парламента были сторонниками Стюартов? — спросил Атос.

— Ну, конечно, сеньор, и, вы понимаете, они могли выручить короля.

— Разумеется! — величественно заметил Портос.— Ведь они составляли большинство.

— И вы полагаете,— сказал Арамис,— что король согласится предстать перед подобным трибуналом?

— Придется! — отвечал испанец.— Если он вздумает отказаться, народ принудит его к этому.

— Спасибо, сеньор Перес,— сказал Атос.— Я узнал теперь все, что мне было нужно.

— Ну что, Атос? Видите вы наконец, что дело безнадежно,— спросил его д'Артаньян,— и что за всеми этими Гаррисонами, Джойсами, Приджами и Кромвелями нам никак не угнаться?

— Короля освободят в суде,— сказал Атос.— Само молчание его сторонников указывает на заговор.

Д'Артаньян пожал плечами.

— Но,— сказал Арамис,— если даже они осмелятся осудить своего короля, то они приговорят его к изгнанию или тюремному заключению, не больше.

Д'Артаньян свистнул в знак сомнения.

— Это мы еще успеем узнать,— сказал Атос, так как, разумеется, будем ходить на заседания.

— Вам не долго придется ждать, — сказал хозяин. — Заседания суда начнутся завтра.

— Вот как! — заметил Атос. — Значит, следствие было произведено раньше, чем король был взят в плен?

— Без сомнения, — сказал д'Артаньян. — Оно ведется с того дня, как короля купили.

— Знаете, — сказал Арамис, — ведь это наш друг Мордаунт совершил если не саму сделку, то, по крайней мере, всю подготовительную работу к ней.

— И потому, — заявил д'Артаньян, — знайте, что всюду, где бы он мне ни попался под руку, я убью его, как собаку.

— Фи! — отозвался Атос. — Такую презренную тварь!

— Именно потому, что он презренная тварь, я и убью его, — отвечал д'Артаньян. — Ах, дорогой друг, я достаточно уже исполнял ваши желания, будьте же в данном случае терпимы к моим. К тому же на этот раз, нравится вам или нет, но я заявляю вам, что этот Мордаунт будет убит только моей рукой.

— И моей, — сказал Портос.

— И моей, — добавил Арамис.

— Трогательное единодушие! — воскликнул д'Артаньян. — Как оно идет таким честным буржуа, как мы! А теперь пройдемтесь по городу; даже Мордаунт не узнает нас на расстоянии четырех шагов в таком тумане. Пойдемте глотать туман.

— Да, — сказал Портос, — для разнообразия после пива.

И четверо друзей вышли, как говорится, «подышать местным воздухом».

Глава 21

СУД

а другой день многочисленный конвой отвел Карла I в верховный суд, который должен был его судить.

Толпа наводняла улицы и крыши домов, примыкавших к зданию. Поэтому с первых же шагов своих наши друзья натолкнулись на почти непреодолимое препятствие в виде живой стены. Какие-то простолюдины, здоровенные и грубые парни, толкнули Арамиса так сильно, что Портос поднял свой грозный кулак и опустил его на вымазанную мукой физиономию одного из них — видимо, булочника; от удара лицо булочника мгновенно переменяло цвет и покрылось кровью, став похожим на помятую кисть спелого винограда. Это произвело некоторое волнение в толпе; три человека бросились было на Портоса, но Атос отстранил одного из них, д'Артаньян другого, а Портос перебросил третьего через голову. Несколько англичан, любители бокса, тотчас же оценили ловкость и быстроту этого маневра и захлопали в ладоши. Немногого недоставало,

чтобы вся эта сцена, во время которой наши друзья стали уже побаиваться, что толпа их, пожалуй, раздавит, не превратилась для них в шумную овацию; но наши путешественники, избегая всего, что могло бы обратить на них внимание, поспешили укрыться от восторга зрителей. Впрочем, доказав свою геркулесовскую силу, они кое-чего добились: толпа расступилась перед ними. Они свободно достигли цели, которая еще минуту назад казалась им недостижимой, и пробрались к зданию суда.

Весь Лондон теснился у дверей, который вели на трибуны, назначенные для публики. Когда четверым друзьям удалось наконец проникнуть на одну из них, они увидели, что три первые скамьи уже заняты. Это не слишком огорчило их, так как они отнюдь не желали быть узанными. Они заняли места, очень довольные тем, что им удалось протолкаться. Один Портос очень жалел, что не попал в первый ряд, так как ему хотелось щегольнуть своим красным камзолом и зелеными штанами. Скамьи были расположены амфитеатром, и с высоты своих мест друзья могли видеть все собрание. Случайно они попали на среднюю трибуну и очутились как раз против кресла, приготовленного для Карла I.

Около одиннадцати часов утра король появился на пороге зала. Его окружала стража. Он был в шляпе, держался спокойно и обвел твердым и уверенным взглядом весь зал, словно пришел председательствовать на собрании покорных подданных, а не отвечать на обвинение суда, состоящего из мятежников.

Судьи, радуясь возможности унижить короля, видимо, готовились воспользоваться правом, которое они себе присвоили. И вот к королю подошел один из приставов и сказал ему, что, согласно обычаю, обвиняемый должен обнажить голову перед судьями.

Не отвечая ни слова, Карл еще глубже надвинул на голову свою фетровую шляпу и отвернулся; затем, когда пристав отошел, он сел в кресло, приготовленное для него против председателя, постегивая себя по сапогу хлыстиком, который был у него в руках.

Парри, сопровождавший короля, стал за его креслом.

Д'Артаньян, вместо того чтобы смотреть на этот церемониал, наблюдал за Атосом; его лицо выдавало все те чувства, которые сумел подавить король, лучше владевший собой. Волнение Атоса, обычно столь спокойного и хладнокровного, испугало д'Артаньяна.

— Надеюсь,— сказал он ему на ухо,— что вы возьмете пример с короля и не дадите глупейшим образом изловить себя в этой западне.

— Будьте покойны,— отвечал Атос.

— Ага! — продолжал д'Артаньян.— Они, кажется, чего-то опасаются; смотрите, они удвоили охрану. Раньше были видны только солдаты с бердышами, а сейчас появились еще мушкетеры. Теперь хватит на всех; бердыши следят за публикой там внизу, а мушкетеры направлены на нас.

— Тридцать, сорок, пятьдесят, семьдесят,— говорил Портос, считая прибывших солдат.

— Э,— заметил ему Арамис,— вы забыли офицера, Портос, а его, мне кажется, стоит включить в счет.

— О да! — сказал д'Артаньян.

И он побледнел от гнева, узнав Мордаунта в офицере, который с обнаженной шпагой в руке ввел отряд мушкетеров и поставил их позади короля, как раз напротив трибуны.

— Неужели он нас узнал? — продолжал д'Артаньян. — Если да, то я немедленно отступаю. Я вовсе не желаю, чтобы мне назначили определенный род смерти. Я хочу выбрать его себе по собственному вкусу и отнюдь не желаю быть застреленным в этой мышеловке.

— Нет, — успокоил его Арамис, — он нас не видит. Он смотрит только на короля. Гнусная тварь! — Какими глазами смотрит он на него! Негодяй! Неужели он ненавидит короля так же сильно, как нас?

— Еще бы, черт возьми! — сказал Атос. — Мы лишили его только матери, а король отнял у него имя и состояние.

— Это верно, — подтвердил Арамис. — Но тише. Председатель что-то говорит королю.

Действительно, председатель Бредшоу обратился к обвиняемому монарху.

— Стюарт, — сказал он ему, — прослушайте поименную переключку ваших судей и сделайте ваши заявления суду, если они у вас найдутся.

Король отвернулся в сторону, как будто эти слова относились не к нему.

Председатель подождал, и так как ответа не последовало, то воцарилось минутное молчание; все собрание словно замерло, ловя малейший звук.

Из ста шестидесяти трех человек, назначенных членами суда, могли откликнуться только семьдесят три, так как остальные, побоявшись участия в таком деле, не явились в суд.

— Я приступаю к переключке, — сказал Бредшоу, как бы не замечая, что в собрании не хватает трех пятых состава.

И он стал по очереди возглашать имена всех членов суда, присутствующих и отсутствующих. Присутствующие откликались — кто громко, кто тихо, смотря по тому, насколько тверды они были в своих убеждениях. Когда произносилось имя отсутствующего, наступала коротенькая пауза, после чего его имя повторялось второй раз.

Очередь дошла до полковника Ферфакса; двоекратный вызов его сопровождался торжественным молчанием, показавшим, что полковник не пожелал лично принять участие в этом судилище.

— Полковник Ферфакс! — повторил Бредшоу.

— Ферфакс? — вдруг раздался насмешливый голос, нежный, серебристый тембр которого сразу выдал женщину. — Ферфакс слишком умен, чтобы прийти сюда.

Слова эти были встречены громким смехом всех присутствующих: они были произнесены с той беззаботной смелостью, которую женщины черпают в своей слабости, обеспечивающей безнаказанность.

— Женский голос! — воскликнул Арамис. — Ах, много бы я дал, чтобы она была молода и красива!

И он влез на скамью, взглядываясь в трибуну, с которой послышался голос.

— Клянусь честью, — промолвил Арамис, — она прелестна. Смотрите, д'Артаньян, все смотрят на нее, но даже под взглядом Бредшоу она не побледнела.

— Это леди Ферфакс, — сказал д'Артаньян. — Вы помните ее, Портос? Мы видели ее с мужем у генерала Кромвелля.

Через минуту спокойствие, нарушенное этим забавным эпизодом, восстановилось, и перекличка продолжалась.

— Эти плуты закроют заседание, когда увидят, что они в недостаточном количестве, — сказал граф де Ла Фер.

— Вы их не знаете, Атос. Поглядите, как улыбается Мордаунт, как он смотрит на короля. Такой ли взгляд бывает у человека, который боится, что жертва от него ускользнет? Нет, это улыбка удовлетворенной ненависти, уверенности в мщении. О презренный гад, я назову счастливым тот день, когда мы с тобой скрестим кое-что поострее взглядов!

— Король поистине красавец, — заметил Портос. — Вы видите, хотя он и в плену, а как тщательно одет! Одно перо на его шляпе стоит по меньшей мере пятьдесят пистолей. Посмотрите, Арамис.

Перекличка окончилась. Председатель приказал приступить к чтению обвинительного акта.

Атос побледнел. Он еще раз обманулся в своих ожиданиях: хотя судьи и были в недостаточном количестве, суд все же начался. Ясно было, что король осужден заранее.

— Ведь я вам говорил, Атос, — сказал ему д'Артаньян, пожимая плечами, — но вы вечно сомневаетесь. Теперь возьмите себя в руки и, стараясь поменьше горячиться, слушайте те пакости, которые этот господин в черном будет ничтоже сумняшеся говорить о своем короле.

Карл I слушал обвинительный акт с напряженным вниманием, пропуская мимо ушей оскорбления и стараясь удержать в памяти жалобы; а когда ненависть переходила границы, когда обвинитель заранее присваивал себе роль палача, он отвечал лишь презрительной усмешкой. Обвинения были тяжелые, ужасные. Все неосторожные поступки злополучного короля приписывались дурному умыслу с его стороны, а все его ошибки были превращены в преступления.

Д'Артаньян, небрежно слушая этот поток оскорблений с тем презрением, какого они заслуживали, все же со свойственной ему чуткостью обратил внимание на некоторые пункты обвинения.

— Сказать по правде, — обратился он к своим друзьям, — если следует наказывать за легкомыслие и неблагоприятное поведение, то этот несчастный король заслуживает наказания; но наказание, которому его сейчас подвергают, уже достаточно жестоко.

— Во всяком случае, — отвечал Арамис, — наказанию должны подвергнуться не король, а его министры, так как первый закон английской конституции гласит: «Король не может ошибаться».

«Что до меня, — размышлял Портос, глядя на Мордаунта и думая только о нем, — то, если бы я не боялся нарушить торжественность обстановки, я спрыгнул бы вниз с трибуны и в три прыжка очутился бы возле Мордаунта. Я бы задушил его, а затем схватил бы его за ноги и отдубасил им всех этих дрянных мушкетерешек, представляющих

скверную пародию на наших французских мушкетеров. Тем временем д'Артаньян, который всегда столь отважен и предприимчив, может быть, нашел бы средство спасти короля. Надо будет поговорить с ним об этом».

Между тем Атос, с пылающим взором, крепко сжимая кулаки и до крови кусая губы, весь кипел от ярости, слушая эти бесконечные глумления и дивясь безмерному терпению короля. Его твердая рука, его верное сердце трепетали от возмущения.

В эту минуту обвинитель закончил свою речь словами:

— Настоящее обвинение предъявляется от имени английского народа.

Эти слова вызвали ропот на трибунах, и другой голос, уже не женский, а мужской, твердый и гневный, прогремел позади д'Артаньяна:

— Ты лжешь! Девять десятых английского народа ужасаются твоим словам.

Это был Атос. Не в силах совладать с собой, он вскочил с места, протянул руку к обвинителю и бросил ему в лицо свои гневные слова.

Король, судьи, публика и все собравшиеся тотчас повернулись к трибуне, где находились наши друзья. Мордаунт сделал то же самое и сразу узнал французского офицера, около которого поднялись его трое друзей, бледные и угрожающие. В глазах Мордаунта вспыхнула радость: наконец-то он нашел тех, отыскать и убить которых было целью его жизни. Гневным движением подозвав к себе десятка два мушкетеров, он указал им на трибуну, где сидели его враги, и скомандовал:

— Пли по этой трибуне!

Но тут д'Артаньян быстрее молнии схватил Атоса, а Портос Арамиса; одним прыжком перемахнув через головы сидевших впереди, они бросились в коридор, спустились по лестнице и смешались с толпой. Тем временем в зале три тысячи зрителей сидели под наведенными мушкетерами, и только мольбы о пощаде и крики ужаса предотвратили едва не начавшуюся бойню.

Карл тоже узнал четырех французоз; одною рукой он схватился за грудь, как бы желая сдержать биение сердца, а другой закрыл глаза, чтобы не видеть гибели своих верных друзей.

Мордаунт, бледный, дрожа от ярости, бросился из залы с обнаженной шпагой в руке во главе десятка солдат. Он расталкивал толпу, расспрашивал, метался, наконец вернулся ни с чем.

Суматоха была невообразимая. Более получаса стоял такой шум, что нельзя было расслышать собственного голоса. Судьи опасались, что с любой трибуны могут грянуть выстрелы. Сидевшие на трибунах глядели в направленные на них дула, волновались и шумели, снедаемые страхом и любопытством.

Наконец тишина восстановилась.

— Что вы можете сказать в свою защиту? — спросил Бредшоу у короля.

— Прежде чем спрашивать меня, — начал Карл тоном, скорее, судьи, чем обвиняемого, не снимая шляпы и поднимаясь с кресла не с покорным, а с повелительным видом, — прежде чем спрашивать меня, ответьте мне сами. В Ньюкасле я был свободен и заключил договор с

обеими палатами. Вместо того, чтобы выполнить этот договор так, как я выполнял его со своей стороны, вы купили меня у шотландцев, купили за недорогую цену, насколько мне известно, и это делает честь бережливости вашего правительства. Но если вы купили меня, как раба, то неужели вы думаете, что я перестал быть вашим королем? Нисколько. Отвечать вам — значит забыть об этом. Поэтому я отвечу вам только тогда, когда вы докажете мне ваше право ставить мне вопросы. Отвечать вам — значит признать вас моими судьями, а я признаю в вас только своих палачей.

И среди гробового молчания Карл, спокойный, гордый, не снимая шляпы, снова уселся в кресло.

— О, почему их здесь нет, моих французов? — прошептал Карл, устремляя гордый взор на ту трибуну, где они появились на одну минуту. — Если бы они были там, они увидели бы, что друг их при жизни был достоин защиты, а после смерти сожаления.

Но напрасно старался он проникнуть взором в толпу, напрасно надеялся встретить сочувственные взгляды. На него отовсюду смотрели тупые и боязливые лица; он чувствовал вокруг себя лишь ненависть и злобу.

— Хорошо, — сказал председатель, видя, что Карл твердо решил молчать. — Хорошо, мы будем судить вас, несмотря на ваше молчание. Вы обвиняетесь в измене, в злоупотреблении властью и в убийстве. Свидетели будут приведены к присяге. Теперь ступайте; следующее заседание принудит вас к тому, что вы отказываетесь сделать сегодня.

Карл поднялся и, обернувшись к Парри, увидел, что тот стоял бледней мертвеца, с каплями холодного пота на лбу.

— Что с тобой, мой дорогой Парри? — спросил он. — Что так взволновало тебя?

— О ваше величество, — умоляющим голосом отвечал ему сквозь слезы Парри, — если будете выходить из зала, не смотрите влево.

— Почему, Парри?

— Не смотрите, умоляю вас, ваше величество.

— Да в чем дело? Говори же, — настаивал Карл, пытаясь заглянуть за шеренгу солдат, стоящую позади него.

— Там... но вы не станете смотреть, ваше величество, не правда ли?.. Там на столе лежит топор, которым казнят преступников. Это гнусное зрелище; не смотрите, ваше величество, умоляю вас.

— Глупцы! — проговорил Карл. — Неужели они считают меня таким жалким трусом, как они сами? Ты хорошо сделал, что предупредил меня; благодарю тебя, Парри.

И так как настало время уходить, король вышел в сопровождении стражи.

Действительно, налево от входной двери из зала лежал, зловеще отражая красный цвет сукна, на которое его положили, стальной топор с длинной деревянной рукояткой, отполированной рукой палача.

Поравнявшись с ним, Карл остановился и, обращаясь к топору, сказал со смехом:

— А, это ты, топор! Славное пугало, вполне достойное тех, кто не знает, что такое рыцарь. Я не боюсь тебя, секира палача, — добавил он,

стегнув его своим тонким, гибким хлыстом, который держал в руке.— Удар за тобой, и я буду ждать его с христианским терпением.

И, пожав плечами с чисто королевским достоинством, он прошел вперед, подвергнув в изумление всех теснившихся вокруг стола, чтобы посмотреть, какое лицо сделает король при виде топора, который в недалеком будущем отделит его голову от туловища.

— Право, Парри,— продолжал король, идя по коридору,— все эти люди, прости господи, принимают меня за какого-то колониального торговца хлопком, а не за рыцаря, привыкшего к блеску стали. Неужели они думают, что я не стою мясника?

Говоря это, он подошел к выходу. Здесь теснилась громадная толпа людей, которым не нашлось места на трибунах и которые желали насладиться концом зрелища, хотя самой интересной части его им не удалось видеть. Среди этого неисчислимого множества людей король не встретил ни одного сочувственного взгляда; всюду видны были угрожающие лица. Из груди его вырвался легкий вздох. «Сколько людей,— подумал он,— и ни одного преданного друга».

И когда в душе его проносилась эта мысль, внушенная сомнением и отчаянием, словно отвечая на нее, чей-то голос рядом с ним произнес:

— Слава павшему величию!

Король быстро обернулся; на глазах его блеснули слезы, сердце болезненно сжалось.

Это был старый солдат его гвардии. Увидя проходящего мимо него пленного короля, он не мог удержаться, чтобы не отдать ему этой последней чести.

Но несчастный чуть не был тут же забит ударами сабельных рукояток. В числе бросившихся на него король узнал капитана Грослоу.

— Боже мой! — воскликнул Карл.— Какое жестокое наказание за столь ничтожный проступок!

С болью в сердце король продолжал свой путь, но не успел он сделать и ста шагов, как какой-то разъяренный человек, протиснувшись между двумя конвойными, плюнул ему в лицо.

Одновременно раздался громкий смех и смутный ропот. Толпа отступила, затем вновь нахлынула и заволновалась, как бурное море. Королю показалось, что среди этих живых волн он видит горящие глаза Атоса.

Карл отер лицо и проговорил с грустной улыбкой:

— Несчастный! За полкроны он оскорбил бы и родного отца!

Король не ошибся: он действительно видел Атоса и его друзей, которые, снова вмешавшись в толпу, провожали его последним взглядом.

Как легко можно было предвидеть, парламент приговорил Карла Стюарта к смерти.

Хотя наши друзья и ожидали этого приговора, однако он поверг их в глубокую скорбь. Д'Артаньян, находчивость которого обыкновенно пробуждалась в самые критические моменты, еще раз торжественно поклялся, что он пойдет на все, только бы помешать кровавой развязке этой трагедии. Но каким образом? Он и сам еще хорошенько не знал. Все зависело от обстоятельств. А в ожидании, пока план окончательно созреет, нужно было во что бы то ни стало выиграть время и помешать исполнению казни на следующий день, как это постановил суд. Единственным средством было увести лондонского палача.

Если палач исчезнет, казнь не сможет состояться. Без сомнения, пошлют за другим палачом в соседний город, но на это потребуется, по крайней мере, целый день, а один день в таких случаях может быть равносильен спасению.

И д'Артаньян взял на себя эту более чем трудную задачу.

Далее, не менее важно было предупредить Карла Стюарта о предполагаемой попытке спасти его, чтобы он по возможности помогал своим друзьям или, по крайней мере, не делал ничего такого, что могло бы помешать их усилиям. Арамис взялся за это опасное дело. Карл Стюарт просил, чтобы епископу Джаксону было дозволено навестить его в Уайт-Холле, где он был заключен. Мордаунт в тот же вечер отправился к епископу и передал ему желание короля, а также разрешение Кромвеля. Арамис решил уговорами или угрозами добиться от епископа, чтобы тот позволил ему надеть епископское облачение и под видом епископа проникнуть во дворец Уайт-Холл.

Атос, наконец, взял на себя все приготовления к бегству из Англии на случай как успеха, так и неудачи.

Наступила ночь. Друзья сговорились встретиться в гостинице в одиннадцать часов вечера и разошлись каждый для выполнения своего опасного поручения.

Дворец Уайт-Холл охранялся тремя кавалерийскими полками и еще более неусыпными заботами Кромвеля, который сам постоянно навещал туда, а также присылал своих генералов и слуг.

Осужденный на смерть король, сидя один в своей комнате, освещенной двумя свечами, печально припоминал свое бывшее величие, которое перед смертью, как обычно бывает, казалось ему более сладостным и блистательным, чем когда-либо раньше.

Парри, не покидавший своего господина, с момента его осуждения не переставал плакать.

Карл Стюарт, облокотившись на стол, смотрел на медальон, в котором находились рядом портреты его жены и дочери. Он ожидал Джаксона, а после него — казни.

Иногда его мысль возвращалась к благородным французам, которые, думалось ему, были уже за сто лье; они превратились для него в сказочные видения, какие являются во сне и исчезают при пробуждении. Действительно, порою Карл спрашивал себя, не было ли все случившееся с ним сном или лихорадочным бредом.

При этой мысли он вставал и, сделав несколько шагов по комнате, чтобы выйти из оцепенения, подходил к окну, но тут же замечал торчавшие снаружи блестящие штыки часовых. И тогда он поневоле убеждался, что это не сон и что кровавый кошмар — действительность.

Карл безмолвно возвращался к своему креслу, облакачиваясь на стол, опускал голову на руку и погружался в раздумье.

«Увы,— говорил он сам себе,— если бы я мог исповедаться перед одним из тех светочей церкви, уму которых доступны все тайны жизни, все ничтожество величия, быть может, голос такого духовника заглушил бы голос скорби, который я слышу в моей душе. Но нет, моим духовником будет священник не выше обычного уровня, мечты которого о карьере и богатстве я разрушил моим собственным падением. Он будет говорить мне о боге и смерти, как он говорил не раз другим умирающим. Может ли он понять, что умирающий король оставляет свой трон узурпатору, а в то время дети его лишены хлеба насущного!»

Он поднес портреты к губам и шепотом стал называть имена всех своих детей.

Наступила, как мы уже сказали, ночь — темная и облачная. На соседней колокольне медленно пробили часы. Бледный свет двух свечей отбрасывал на стены просторной высдой комнаты странные отблески, похожие на призраки. Этими призраками были предки короля Карла, выступавшие из своих золотых рам. Этими отблесками были последние синеватые и мерцающие вспышки потухавших углей.

Беспредельная грусть овладела всем существом Карла. Закрыв лицо руками, он думал о мире, столь прекрасном, когда мы его оставляем или, вернее сказать, когда он ускользает от нас; король думал о ласках своих детей, таких нежных и сладостных, особенно когда с детьми расстаешься навеки; думал о жене своей, благородной и мужественной женщине, которая поддерживала его до последней минуты. Он снял с груди крест, осыпанный брильянтами, и орден Подвязки, которые она прислала ему с этими благородными французами, и поцеловал их. Затем ему пришла мысль, что она увидит эти предметы только тогда, когда он уже будет лежать в могиле, холодный и обезображенный,— и он почувствовал, как вместе с этой мыслью его охватывают дрожь и холод, словно уже смерть простерла над ним свой покров.

И вот в этой комнате, которая приводила ему на память столько воспоминаний, в которой, бывало, толпилось столько придворных и раздавалось столько льстивых речей, король сидел один со своим опечаленным слугой, в котором он не мог найти никакой духовной поддержки... И тогда,— кто бы мог подумать! — королем овладела слабость, и он отер в темноте слезу, упавшую на стол и сверкнувшую на расшитой золотом скатерти.

Внезапно в коридоре послышались шаги. Дверь отворилась, факелы наполнили комнату дымным светом, и человек в епископской мантии

пришел в сопровождении двух часовых; Карл повелительным движением руки велел им выйти.

Часовые удалились, и комната опять погрузилась во мрак.

— Джексон! — воскликнул Карл. — Джексон! Благодарю вас, последний друг мой, вы пришли к стати.

Епископ искоса и с беспokoйством оглянулся на человека, который заливаясь слезами, сидел в углу за камином.

— Полно, Парри, — обратился к нему король, — не плачь! Вот господь посылает нам утешение.

— Ах, это Парри! — сказал епископ. — Ну, тогда я спокоен. В таком случае, ваше величество, позвольте мне приветствовать вас и сказать кто я и для чего пришел.

При звуке этого голоса Карл чуть было не вскрикнул, но Арамис приложил палец к губам и низко поклонился королю Англии.

— Это вы, шевалье д'Эрбле? — прошептал Карл.

— Да, государь, — отвечал Арамис, возвышая голос, — да, я епископ Джексон, верный рыцарь церкви, который пришел сюда по желанию вашего величества.

Карл всплеснул руками. Он узнал д'Эрбле и был поражен отвагой этих людей, которые, хотя и были иностранцами, без всякого корыстного побуждения столь упорно боролись против воли целого народа и злой судьбы короля.

— Вы, — проговорил он, — это вы... Как вы проникли сюда? Боже мой! Если они узнают, вы погибли.

Парри был уже на ногах; вся его фигура выражала наивное и глубокое восхищение.

— Государь, не думайте обо мне, — продолжал Арамис, жестом приглашая короля говорить тише. — Думайте о себе. Вы видите, ваши друзья не дремлют. Я еще не знаю, что мы сделаем, но четверо решительных людей могут сделать многое. Помня об этом, не смыкайте глаз, ничему не удивляйтесь и будьте на все готовы.

Карл покачал головой.

— Друг мой, — сказал он, — знаете ли вы, что нельзя терять времени и что если вы желаете действовать, так надо торопиться? Знаете вы, что завтра в десять часов утра я должен умереть?

— Ваше величество, до тех пор должно случиться нечто такое, что помешает казни.

Король с удивлением посмотрел на Арамиса.

В ту же минуту снаружи, под окном короля, послышался странный шум и грохот, словно сбрасывали с воза доски.

— Вы слышите? — спросил король.

Вслед за этим треском послышался болезненный крик.

— Я слушаю, — сказал Арамис, — но не понимаю, что это за шум, а главное, — что это за крик.

— Что за крик, я и сам не знаю, — сказал король, — но шум я вам сейчас объясню. Вы знаете, что меня должны казнить под этими самыми окнами? — прибавил Карл, простирая руку к темной пустынной площадке, по которой ходили только солдаты и часовые.

— Да, ваше величество, знаю, — отвечал Арамис.

— Так вот, из досок, которые сюда привезли, сооружают для меня эшафот. Должно быть, при разгрузке ушибли кого-нибудь из рабочих. Арамис невольно вздрогнул.

— Вы видите,— сказал Карл,— бесполезно делать какие-либо попытки: я осужден, предоставьте меня моей участи.

— Ваше величество,— сказал овладев собой Арамис,— пусть себе строят сколько угодно эшафотов,— они не найдут палача.

— Что вы хотите сказать? — спросил король.

— Я хочу сказать, что сейчас палач уже либо похищен, либо подкуплен вашими друзьями. Завтра утром эшафот будет готов, но палача на месте не окажется, и казнь отложат на один день.

— И что будет дальше? — спросил опять король в недоумении.

— А то, что завтра ночью мы вас похитим.

— Каким образом? — воскликнул король, лицо которого невольно озарилось радостью.

— О,— прошептал Парри, молитвенно сложив руки,— да благословит бог вас и ваших друзей!

— Каким образом? — повторил король.— Я должен знать это, чтобы быть в состоянии помочь вам.

— Я и сам еще не знаю, ваше величество,— отвечал Арамис,— но только самый ловкий, самый храбрый и самый верный из нас четверых сказал мне, когда мы расставались: «Шевалье, передайте королю, что завтра в десять часов вечера мы похитим его». А раз он это сказал, значит, так и будет.

— Назовите мне имя этого неизвестного друга,— попросил король,— чтобы я мог с благодарностью повторять его, все равно, удастся ли ваша смелая попытка или нет.

— Д'Артаньян, ваше величество; тот самый, который чуть не спас вас в пути, когда так не вовремя явился полковник Гаррисон.

— Вы действительно удивительные люди! — сказал король.— Если бы мне рассказали что-нибудь подобное, я бы не поверил.

— А теперь, ваше величество,— продолжал Арамис,— выслушайте меня. Не забывайте ни на минуту, что мы бодрствуем и стараемся вас спасти; ловите малейший жест, звук голоса, знак, который кто-нибудь из нас подаст вам,— наблюдайте, прислушивайтесь ко всему.

— О шевалье д'Эрбле,— воскликнул король,— что могу я сказать вам! Никакое слово, даже если оно будет исходить из глубины моего сердца, не в силах выразить вам моей благодарности. Если вам удастся ваше предприятие, то вы спасете не только короля,— ибо королевский сан пред лицом эшафота, клянусь вам, кажется мне чем-то весьма ничтожным,— нет, вы сделаете больше: вы вернете жене мужа и детям отца. Шевалье, вот вам моя рука; это рука друга, который будет любить вас до последнего своего вздоха.

Арамис хотел поцеловать руку короля, но тот быстро схватил его руку и прижал к своей груди.

В эту минуту кто-то вошел в комнату, даже не постучавшись в дверь. Арамис хотел отдернуть свою руку, но король удержал ее.

Вошедший был один из тех пуритан — полусвященников, полусолдат, каких много развелось при Кромвелле.

— Что вам угодно, сударь? — обратился к нему король.

— Я хочу узнать, окончилась ли исповедь Карла Стюарта? — спросил вошедший.

— Какое вам дело? Мы с вами разных вероисповеданий, — заметил король.

— Все люди братья, — отвечал пуританин. — Один из моих братьев умирает, и я пришел напутствовать его к смерти.

— Пожалуйста, оставьте короля в покое, — вмешался Парри, — король не нуждается в ваших напутствиях.

— Ваше величество, — тихо обратился к королю Арамис, — будьте с ним осторожней: это, должно быть, шпион.

— После досточтимого епископа, — сказал король, — я охотно вас слушаю.

Подозрительная личность удалилась, окунув епископа долгим, внимательным взглядом, не ускользнувшем от короля.

— Шевалье, — сказал он, когда дверь затворилась, — я думаю, что вы правы: этот человек приходил сюда с дурными намерениями. Когда вы будете уходить, остерегайтесь, чтобы при выходе с вами не случилось какого-нибудь несчастья.

— Благодарю, ваше величество, — сказал Арамис, — но не беспокойтесь обо мне, у меня под рясой кольчуга и кинжал.

— Ступайте, и да хранит вас господь, как говаривал я, когда был королем.

Арамис вышел. Карл проводил его до дверей. Арамис шел, благодаяя всех встречных на пути; стража склонилась перед ним. Он величественно проследовал через сени, полные солдат, и сел в карету. Двое часовых проводили его до самого епископского дворца и оставили только у порога.

Джаксон ожидал его в величайшей тревоге.

— Ну что? — спросил он, увидя Арамиса.

— Отлично! — отвечал Арамис. — Все вышло, как я надеялся: шпионы, часовые, стража — все приняли меня за вас. Король благословляет вас в ожидании вашего благословения.

— Спаси вас господь, сын мой! Ваш пример преисполняет меня бодростью и надеждой.

Арамис переоделся в свое платье, накинул свой плащ и вышел, предупредив Джаксона, что он намерен еще раз прибегнуть к его помощи.

Не прошел он по улице и десяти шагов, как заметил следовавшего за ним по пятам человека огромного роста, закутанного в плащ. Арамис схватился за кинжал и остановился. Человек подошел прямо к нему. Это был Портос.

— Милый друг! — сказал Арамис, протягивая ему руку.

— Видите, дорогой мой, — ответил Портос, — у каждого из нас было свое дело. На мою долю выпало охранять вас, и я вас охранял. Видели вы короля?

— Да. Все идет великолепно. Ну, а где теперь наши друзья?

— Мы условились встретиться в одиннадцать часов в гостинице.

— В таком случае нельзя терять времени, — заметил Арамис.

Действительно, в эту минуту на соборе св. Павла пробило полови-
ну одиннадцатого.

Но так как Арамис и Портос спешили, то они прибыли первыми.
Вслед за ними появился Атос.

— Все идет превосходно, — заявил он, не дожидаясь вопроса това-
рищей.

— А вы что сделали? — спросил его Арамис.

— Я нанял маленькую фелуку, узкую, как индейская пирога, и лег-
кую, как ласточка. Она будет дожидаться нас у Гринвича, против Со-
бачьего острова. На ней хозяин и четыре матроса; за пятьдесят фунтов
они согласились ждать нас три ночи подряд. Сев в нее вместе с коро-
лем, мы воспользуемся первым приливом, спустимся по Темзе и через
два часа будем в открытом море. Затем, как настоящие пираты, мы
поплывем вдоль берега, скрываясь за скалами, и если море окажется
свободным, направимся прямо в Булонь. На тот случай, если меня
убьют, запомните, что капитан зовется Роджер, а фелука — «Молния».
Зная это, вы без труда отыщете их. Носовой платок с четырьмя узлами
на углах будет приметой, по которой вас узнают.

Через минуту вошел д'Артаньян.

— Выворачивайте ваши карманы, — сказал он. — Нужно собрать
сто фунтов стерлингов. Что касается моих ресурсов...

С этими словами д'Артаньян вывернул свои карманы: они были со-
вершенно пусты.

Нужная сумма появилась в один миг. Д'Артаньян вышел и через
минуту вернулся.

— Готово, — сказал он. — Кончил. Ух, нелегко было!

— Палач выехал из Лондона? — спросил Атос.

— Как бы не так! Это значило бы сделать полдела: он мог бы вы-
ехать в одни ворота и въехать в другие.

— Так где же он? — спросил Атос.

— В погребе.

— В каком погребе?

— В погребе нашей гостиницы. Мушкетон сидит на пороге, а ключ
от входа у меня.

— Bravo! — сказал Арамис. — Но как вам удалось убедить этого
человека скрыться?

— Да так, как можно убедить всякого на свете: с помощью золота.
Это стоило довольно дорого, но он согласился.

— А сколько это вам стоило, мой друг? — спросил Атос. — Ведь вы
понимаете, мы теперь уже не прежние бедные мушкетеры, бездомные
неимущие скитальцы, и теперь все расходы у нас должны быть общие.

— Это обошлось мне в двенадцать тысяч ливров, — сказал д'Ар-
таньян.

— Где же вы их достали? — продолжал допрашивать Атос. — Раз-
ве у вас было столько денег?

— А знаменитый алмаз королевы? — со вздохом проговорил д'Ар-
таньян.

— Ах, да! Я видел его у вас на руке, — заметил Арамис.

— Значит, вы выкупили его у Дезэссара? — спросил Портос.

— Ну конечно же! — отвечал д'Артаньян. — Но, видно, уж мне на роду написано не владеть им! Что поделаешь? Говорят, у алмазов есть свои симпатии и антипатии, как у людей. Этот алмаз, по-видимому, терпеть меня не может.

— Хорошо, — заметил Атос, — допустим, что с самим палачом дело уладилось, но ведь, к несчастью, у всякого палача, насколько я знаю, бывает помощник.

— Был такой и у этого. Но тут нам уж прямо подвезло.

— Каким образом?

— Не успел я задуматься над тем, как с этим вторым уладить дело, — вдруг моего голубчика приносят с переломанной ногой. От избытка усердия он взялся сопровождать до самых окон короля воз с досками. Одна из них упала ему на ногу и переломила ее.

— А, так это он закричал, когда я был в комнате короля! — заметил Арамис.

— Должно быть, — отвечал д'Артаньян. — Но так как он парень с головой, то обещал прислать вместо себя четырех ловких и опытных рабочих в помощь тем, которые сооружают эшафот. И, вернувшись к своему хозяину, он, несмотря на боль от перелома, тотчас же написал своему приятелю, плотнику Тому Лоу, чтобы тот отправился в Уайт-Холл и исполнил свое обещание. Вот это письмо, которое он послал с нарочным за десять пенсов и которое нарочный передал мне за луидор.

— А на кой черт вам это письмо? — спросил Атос.

— Неужели вы не догадываетесь? — спросил д'Артаньян с лукавой усмешкой.

— Честное слово, нет.

— Ну, так вот. Любезный Атос, вы, который говорите по-английски, как сам Джон Буль, будете мистером Томом Лоу, а мы трое будем вашими товарищами. Понимаете вы теперь?

Атос вскрикнул от радости и восхищения, затем бросился в гардеробную и достал одежды рабочих, в которые четверо друзей немедленно обрядились. После этого они вышли из гостиницы: Атос нес пилу, Портос — клещи, Арамис — топор, а д'Артаньян — молоток и гвозди.

Письмо, написанное помощником палача, убедило главного плотника, что это те самые люди, которых он ждал.

реди ночи Карл услышал под своим окном страшный шум: стучали топоры, молотки, скрипели клещи, визжала пила.

Он лежал на постели одетый и уже начинал засыпать, когда этот грохот заставил его вскочить. Шум был неприятен сам по себе, но, главное, он пробуждал в душе страшный отклик — и потому, как и накануне, королем овладели мрачные мысли. Один в темноте, в своем тягостном уединении, он не в силах был выносить эту новую пытку, не входившую в программу его казни; и потому он послал Парри передать часовому, чтобы тот попросил рабочих не стучать так сильно и пощадить последний сон того, кто еще недавно был их королем.

Часовой не захотел покинуть своего поста, но пропустил Парри к рабочим.

Обойдя вокруг дворца и подойдя к окну королевской комнаты, Парри увидел, что решетка, ограждавшая балкон, снята, и к балкону пристраивают эшафот. Последний был еще не окончен, но его уже начали обивать черным коленкором.

Этот эшафот, подведенный под самое окно, будучи футов в двадцать высоты, имел снизу еще два этажа, служивших ему опорой. Парри, как ни отвратителен был ему вид этого сооружения, стал разыскивать среди восьми или десяти рабочих, строивших его, тех, которые более других досаждали королю шумом. На втором ярусе он заметил двух человек, вытаскивавших с помощью лома последние закрепы железного балкона. Один из рабочих, настоящий великан, исполнял роль тарана, применявшегося в былые времена для разрушения крепостных стен. При каждом ударе его инструмента камни разлетались вдребезги. Другой стоял на коленях и вытаскивал расшатанные камни.

Эти два человека, очевидно, и производили тот шум, который так беспокоил короля.

Парри взобрался к ним по лестнице.

— Друзья мои, — обратился он к ним, — работайте, пожалуйста, немного потише! Король почивает, ему нужен покой.

Человек, работавший ломом, остановился и обернулся к Парри. Но так как он стоял во весь рост, то Парри не мог видеть его лица во мраке, сгущавшемся на уровне пола.

Человек, стоявший на коленях, тоже обернулся, и так как он находился ниже своего товарища, то лицо его осветилось фонарем, и Парри мог его разглядеть.

Человек этот, пристально посмотрел на Парри, приложил палец к губам.

Парри отступил в изумлении.

— Ладно, ладно, — сказал рабочий на чистейшем английском языке, — ступай и скажи своему королю, что, если он плохо поспит сегодня ночью, зато завтра он будет спать спокойно.

Эти грубые слова, имевшие такой ужасный буквальный смысл, были встречены рабочими, находившимися рядом и в нижнем ярусе, взрывом отвратительного хохота.

Парри ушел, гадая, не сон ли ему приснился.

Карл ждал его с нетерпением.

В тот момент, когда он входил, часовой, стоявший у двери, с любопытством просунул голову в щелку, чтобы посмотреть, что делает король. Король прилег, облокотившись на свою постель.

Парри затворил за собой дверь и подошел к королю, лицо его сияло радостью.

— Ваше величество, — сказал он ему тихонько, — знаете вы, кто эти рабочие, которые так шумят?

— Нет, — отвечал Карл, грустно качая головой. — Откуда мне знать?.. Разве я вообще знаю этих людей?

— Ваше величество, — сказал Парри еще тише, наклонившись к постели своего господина, — это граф де Ла Фер и его приятель.

— Это они сооружают для меня эшафот? — в изумлении спросил король.

— Да, и, сооружая его, пробивают отверстие в стене.

— Тсс!.. — со страхом оглянулся король. — Ты сам их видел?

— Я говорил с ними.

Король сложил руки и поднял глаза к небу. Затем, после краткой горячей молитвы, вскочил с постели, подошел к окну и отдернул занавеси. Часовые по-прежнему ходили по балкону, а дальше виднелась темная платформа, вдоль которой они скользили, как тени.

Карл не мог ничего разглядеть, но под ногами своими он чувствовал сотрясение от ударов, которые производили его друзья; и теперь каждый из этих ударов радостно отдавался в его сердце.

Парри не ошибся, он хорошо узнал Атоса. Это был действительно Атос, который вместе с Портосом пробивал отверстие в стене для укрепления поперечной балки.

Отверстие это выходило в пустое пространство под самым полом комнаты короля. Проникнув туда, можно было с помощью лома и крепких плеч, какими обладал Портос, выломать кусок паркета. Король мог пролезть через это отверстие и пробраться со своими избавителями в одно из нижних помещений эшафота, совершенно закрытого черной материей; там он должен был переодеться в приготовленное заранее платье рабочего, а затем не спеша, спокойно выйти на улицу. Часовые без малейшего подозрения пропустили бы людей, работавших на эшафоте.

А далее... Мы уже сказали, что фелука была в полной готовности.

План этот был замечателен, прост и легок, как все, порождаемое смелой решимостью. Пока что Атос обдирал свои белые холеные руки, вытаскивая камни, отбиваемые Портосом. Дыра под лепкой балкона была уже настолько велика, что можно было просунуть голову. Еще два часа, и в нее пролезет все туловище. До рассвета отверстие будет окончено и исчезнет под складками обивки, которую натянет д'Артаньян. Д'Артаньян выдавал себя за французского мастера и вбивал гвозди с ловкостью опытного обойщика. Арамис же подрезал лиш-

ние куски материи, которая свешивалась до самой земли и прикрывала деревянный остов эшафота.

Между тем приближалось утро. На улице все время горел большой костер из торфа и угля, который помогал рабочим перенести холод этой ночи, с 29 по 30 января. Ежеминутно даже самые усердные рабочие бросали работу и подходили к костру погреться.

Лишь Атос и Портос не прерывали своей работы. Поэтому при первом проблеске утра отверстие в стене было проделано. Атос пролез в него, захватив с собой одежду, предназначенную для короля. Портос подал ему лом, а затем д'Артаньян натянул черную обивку (роскошь в данном случае весьма полезная!). Эта обивка скрыла и отверстие, и того кто в него влез.

Атосу оставалось только два часа работы, чтобы добраться до короля, а, по расчетам четырех друзей, у них был впереди еще целый день, так как за отсутствием палача, полагали они, пуританам придется послать за другим в Бристоль.

Окончив свое дело, д'Артаньян пошел переодеться в своей коричневый костюм, а Портос в свой красный камзол. Арамис же отправился к Джексоу, чтобы проникнуть вместе с ним, если удастся, к королю.

Все трое условились сойтись в полдень на дворцовой площади, чтобы посмотреть, что произойдет.

Прежде чем уйти с эшафота, Арамис пошел к отверстию, куда забрался Атос, и сообщил о своем намерении повидаться с королем.

— Желаю вам успеха,— отечал ему Атос,— расскажите королю, в каком положении наше дело. Скажите ему, что когда он останется один в комнате, то пусть постучит в пол, чтобы я мог спокойно продолжать свою работу. Хорошо, если бы Парри помог мне и заранее поднял нижнюю плиту камина, которая, вероятно, мраморная. Тем временем вы, Арамис, не отходите от короля. Говорите как можно громче, так как за дверями будут подслушивать. Если в комнате есть часовая, убейте его без разговоров; если их двое — пусть Парри убьет одного, а вы другого; если их трое — дайте убить себя, но спасите короля.

— Будьте покойны,— сказал Арамис,— я возьму два кинжала, один для себя, другой для Парри. Теперь все?

— Да, ступайте! Убедите только короля не проявлять ненужного великодушия. Если произойдет драка, пусть он бежит во время смятения. Если плита опустится над его головой, а вы, живой или мертвый, останетесь наверху, понадобится, по крайней мере, десять минут, чтобы найти отверстие, через которое он скрылся. А за эти десять минут мы выберемся отсюда, и король будет спасен.

— Все будет сделано, как вы говорите, Атос. Вашу руку — ведь мы, может быть, больше не увидимся.

Атос обнял Арамиса и поцеловал его.

— Это вам! — сказал он.— А вы, если я умру, скажите д'Артаньяну, что я любил его как сына, и обнимите его за меня. Обнимите также нашего храброго милого Портоса. Прощайте!

— Прощайте,— отвечал ему Арамис.— Теперь я уверен в том, что король будет спасен, а также и в том, что пожимаю сейчас самую благодородную руку в мире.

Арамис расстался с Атосом, спустился с эшафота и направился в гостиницу, насвистывая песенку в честь Кромвеля. Он застал своих друзей перед весело горящим камином за бутылкой портвейна и холодным цыпленком. Портос ел, осыпая бранью подлых членов парламента. Д'Артаньян ел молча, строя в своем уме планы один смелее другого.

Арамис рассказал им о том, о чем он условился с Атосом. Д'Артаньян одобрил план кивком головы, а Портос воскликнул:

— Bravo! Мы тоже будем там в минуту бегства. Под этим эшафотом можно очень хорошо спрятаться, и мы все там поместимся. Д'Артаньян, я, Гримо и Мушкетон можем свободно убить восемь человек. Я не говорю о Блезуа; он годится только на то, чтобы держать лошадей. По две минуты на человека — это составит четыре минуты. Мушкетону понадобится минутой больше, — итого пять. За эти пять минут вы пробежите четверть мили.

Арамис быстро съел кусок цыпленка, выпил стакан вина и переоделся.

— Теперь, — сказал он, — я пойду к его преосвященству. Позаботьтесь об оружии, Портос; стерегите хорошенько вашего палача, д'Артаньян.

— Будьте покойны! Мушкетона сменил Гримо: он сидит у входа в подвал.

— Все же усилийте надзор и не теряйте даром ни минуты.

— Терять время! Дорогой мой, спросите у Портоса, я не живу, я все время на ногах, как какой-нибудь танцор. О, как мила мне сейчас наша Франция! Как хорошо иметь свое отечество, особенно когда так плохо на чужбине!

Арамис попрощался со своими друзьями так же, как с Атосом, то есть горячо обнял их. Затем он направился к епископу Джаксону и объяснил ему свое желание. Джаксон охотно согласился взять с собою Арамиса, тем более что ему все равно был нужен священник, так как король, думал он, наверно захочет выслушать мессу и причаститься.

Одетый в ту же мантию, в какую накануне облачился Арамис, епископ сел в карету. Арамис, которого его бледность и печаль изменили еще больше, чем надетое им облачение диакона, сел рядом с епископом. Карета остановилась у подъезда Уайт-Холла. Было около девяти часов утра. Все было в том же виде, как и накануне. Передние и коридоры были по-прежнему полны караульными. Двое часовых стояли у дверей королевской комнаты, двое других прохаживались перед балконом на площадке эшафота, на которой уже лежала плаха.

Король все-таки был полон надежды; когда же он увидел Арамиса, надежда его превратилась в радость. Он обнял Джаксона и пожал Арамису руку. Епископ заговорил с королем громко, так, чтобы было хорошо слышно, о вчерашнем свидании. Король отвечал, что вчерашние слова епископа запечатлелись в его сердце, и что он жаждет еще такой же беседы. Джаксон обратился к окружающим и попросил их оставить его с королем наедине. Все удалились.

Как только дверь затворилась, Арамис поспешно сказал королю:

— Ваше величество, вы спасены! Лондонский палач исчез; помощник его сломал себе вчера ногу под окнами вашей комнаты. Это он

пустил крик, который вы вчера слышали. Конечно, палача теперь уже хватились, но другого палача можно найти только в Бристоле, а чтобы привезти его оттуда, нужно время. Итак, в нашем распоряжении есть целый день.

— А что делает граф де Ла Фер? — спросил король.

— Он в двух шагах от вас, государь. Возьмите кочергу у камина и ударьте трижды об пол; вы услышите его ответ.

Король взял дрожащей рукой кочергу и ударил три раза. В ответ на этот сигнал снизу тотчас же послышались глухие осторожные удары.

— Значит, — сказал король, — человек, который мне отвечает оттуда...

— Граф де Ла Фер, ваше величество, — закончил Арамис. — Он готовится путь, по которому вы, ваше величество, сможете бежать. Парри, со своей стороны, поднимет эту мраморную плиту, и проход будет совершенно свободен.

— Но у меня нет никаких инструментов, — сказал Парри.

— Возьмите этот кинжал, — отвечал Арамис, — но только постарайтесь не притупить его совсем, так как он может понадобиться вам для другого дела.

— О Джаксон! — обратился Карл к епископу, беря его за обе руки. — Запомните просьбу того, кто был вашим королем...

— И теперь просаея им и всегда им будет, — отвечал Джаксон, целуя руку Карла.

— Молитесь всю вашу жизнь о том дворянине, которого вы здесь видите, и о том, которого вы сейчас слышите там внизу, и еще о двух, которые, где бы они не были, я уверен, трудятся сейчас для моего спасения.

— Ваше величество, — отвечал Джаксон, — я ваш слуга. Каждый день, пока я буду жив, я буду возносить молитвы о ваших верных друзьях.

Внизу тем временем продолжалась работа, и звуки ее доносились все явственнее. Но вдруг в галерее раздался неожиданный шум. Арамис схватил кочергу и дал Атосу сигнал прекратить работу.

Шум приближался. Слышался ровный военный шаг нескольких человек. Четверо мужчин, находившихся в комнате короля, замерли, устремив глаза на дверь, которая медленно и как бы торжественно отворилась.

Часовые выстроились рядами в соседней комнате. Комиссар парламента, весь в черном, исполненный зловещей важности, вошел в комнату, поклонился королю и, развернув пергамент, прочел ему приговор, как это всегда делается с осужденными на смертную казнь.

— Что это значит? — спросил Арамис Джаксона.

Джаксон сделал знак, что ничего не понимает.

— Значит, это совершится сегодня? — спросил король с волнением, которое поняли только Джаксон и Арамис.

— Разве вас не предупредили, что это совершится сегодня утром? — спросил человек в черном.

— Итак, — спросил король, — я должен погибнуть, как обыкновенный разбойник, под топором лондонского палача?

— Лондонский палач исчез, — отвечал комиссар, — но вместо него другой человек предложил свои услуги. Исполнение приговора будет отсрочено лишь для приведения в порядок ваших личных дел и исполнения ваших христианских обязанностей.

Холодный пот, выступивший на лбу короля, был единственным признаком волнения, которое охватило его при этом известии.

Зато Арамис побледнел смертельно. Сердце его перестало биться; он закрыл глаза и схватился за стол. Видя его глубокую скорбь, Карл, казалось, забыл о своей собственной.

Он подошел к нему, взял за руку и обнял.

— Полно, друг мой, — сказал он с кроткой и грустной улыбкой, — мужайтесь.

Затем, обратившись к комиссару, сказал:

— Я готов. Но я хотел бы попросить о двух вещах, которые, надеюсь, не задержат вас долго; во-первых, я хотел бы причаститься, а затем обнять моих детей и проститься с ними в последний раз. Будет ли мне это разрешено?

— Без сомнения, — отвечал комиссар парламента.

И он удалился.

Арамис, придя в себя, сжал кулаки так, что ногти впились в ладони, и громко застонал.

— Садитесь, Джексон, — сказал король, опускаясь на колени, — вам остается выслушать меня, а мне исповедаться. Не уходите, — обратился он к Арамису, который хотел выйти, — и вы оставайтесь, Парри. Даже сейчас, на исповеди, мне нечего сказать такого, чего бы я не повторил перед всеми.

Джексон сел, и король, склонив колени, как самый смиренный из людей, начал свою исповедь.

Глава 24

«REMEMBER!»¹

осле исповеди Карл причастился и затем пожелал видеть своих детей. Пробило десять часов. Промедление, как и обещал король, было незначительное.

Тем временем народ уже собрался; все знали, что казнь назначена на десять часов, и прилегающие к дворцу улицы были наводнены людьми. Король уже различал отдаленный гул народной толпы, взволнованной страстями, который так напоминает шум моря во время бури.

Прибыли дети короля — принцесса Шарлотта и герцог Глостер. Принцесса была красивая белокурая девочка; глаза ее были полны слез. Герцог — мальчик лет восьми или десяти; глаза его были сухи,

¹ Помните: (англ.)

жирная губа презрительно приподнята; совсем юный, он был уже горд: всю ночь проплакал, но теперь, перед другими, старался держаться спокойно.

Сердце Карла болезненно сжалось при виде двух детей, которых он не видал уже около двух лет и с которыми ему привелось свидеться только в минуту смерти. Слезы выступили у него на глазах, но он отвернулся, чтобы стереть их, так как хотел сохранить твердость перед теми, кому он оставлял в наследие тяжкое бремя горя и страданий.

Сначала он заговорил с дочерью; он прижал ее к себе и просил ее быть покорной судьбе и любить свою мать. Затем король обратился к юному герцогу Глостеру и посадил его к себе на колени, крепко обнял и поцеловал.

— Сын мой, — сказал он ему, — по дороге сюда ты видел на улицах и в комнатах много народу; эти люди собрались, чтобы отрубить голову твоему отцу: не забывай этого никогда. Быть может, наступит день, когда эти люди захотят провозгласить тебя королем, обойдя принца Уэльского и герцога Йоркского, твоих старших братьев, из которых один находится во Франции, а другой — я сам не знаю где; но ты не король, сын мой, и можешь им стать только после их смерти. Поклянись же мне, что ты позволишь надеть на свою голову корону только тогда, когда будешь иметь на это законное право. Ибо в противном случае, сын мой, — запомни мое слово, — наступит день, когда эти самые люди лишат тебя короны и вместе с ней головы, и в этот день ты не сможешь умереть так спокойно и с такой чистой совестью, как умираю я. Поклянись же мне в этом, сын мой.

Мальчик протянул руку, коснулся ею руки отца и произнес:

— Государь, я клянусь вам в этом...

Король прервал его.

— Генри, — сказал он, — называй меня просто отцом.

— Отец мой, — снова начал мальчик, — клянусь тебе, что они скорее убьют меня, чем заставят сделаться королем.

— Хорошо, сын мой, — сказал король. — Теперь поцелуй меня, и ты, Шарлотта, также, и не забывайте меня.

— О, нет, никогда, никогда! — воскликнули дети, обвивая руками шею отца.

— Прощайте, — сказал Карл, — прощайте, дети мои. Уведите их, Джаксон: их слезы отнимают у меня мужество и не дают мне спокойно взглянуть в лицо смерти.

Джаксон принял бедных детей из объятий отца и передал их лицам, которые их привели.

Когда они вышли, все двери открылись, и комната наполнилась народом.

Король, оказавшись один среди толпы солдат и любопытных, наводнивших комнату, вспомнил, что граф де Ла Фер находится почти рядом, под полом этой комнаты, и, не зная о том, что происходит, быть может, еще питает надежду.

Король не ошибался; Атос был действительно внизу; он прислушивался и приходил в отчаяние, не слыша сигнала. В нетерпении он ино-

гда принимался снова долбить камень, но тотчас прекращал работу, боясь, чтобы его не услышали.

Это ужасное бездействие длилось часа два. Мертвое молчание царило в комнате короля.

Наконец Атос решил выяснить причину этой мрачной и немой тишины, которую нарушал только рев толпы. Он раздвинул обивку, скрывавшую проделанное отверстие, и вышел во второй ярус эшафота. В четырех доймах над его головой находился, простираясь в уровень с площадкой, верхний настил эшафота.

Гул толпы, который до сих пор только смутно доносился до него, а теперь стал слышен явственно, заставил его с ужасом содрогнуться: в этом шуме слышалось что-то мрачное, зловещее. Атос добрался до края эшафота, приподнял черную обивку и увидел верховых, оцеплявших страшное сооружение. За верховыми виднелся отряд пехоты, за пехотой — мушкетеры, а дальше уже передние ряды народа, кипевшего и гудевшего подобно бурному океану.

«Что же это делается? — спрашивал себя Атос, дрожа сильнее колленкора, трепетавшего в его руке.— Народ толпится, солдаты вооружены, все смотрят на окна короля. Боже мой, я вижу д'Артаньяна! Чего он ждет? На что смотрит он? Великий боже! Неужели они выпустили из своих рук палача?» В эту минуту раздался глухой, мрачный барабанный бой. Над головой Атоса послышались тяжелые медленные шаги, словно бесконечная процессия выступала из дворца. Вскоре над его головой затрещали доски самого эшафота. Он бросил последний взгляд на площадь и по выражению лиц толпы понял то, о чем ему мешали догадаться последние проблески надежды.

Гул толпы вдруг замолк. Все взоры устремились на окна Уайт-Холла; полуткрытые рты и сдержанное дыхание указывали на ожидание какого-то ужасного зрелища.

Шум шагов, который слышал Атос, находясь еще под полом королевской комнаты, повторился теперь на эшафоте, доски которого, погнувшись, осели и почти коснулись головы несчастного француза. Солдаты, очевидно, выстраивались в две шеренги.

В этот момент раздался хорошо знакомый Атосу гордый голос: — Господин полковник, я желаю сказать несколько слов народу.

Атос задрожал всем телом. Не было сомнения: это говорил король на эшафоте!

Действительно, выпив несколько капель вина и закусив их кусочком хлеба, Карл, измученный ожиданием смерти, вдруг сам решил пойти ей навстречу и подал знак начать шествие.

Распахнулось настежь окно, выходившее на площадь, и народ увидел прежде всего человека в маске, выступившего из глубины огромной комнаты. По топору, который он держал в руках, народ узнал в нем палача. Человек подошел к плахе и положил на нее топор.

Это и были звуки, которые Атос услышал раньше всего. Вслед за этим человеком пришел Карл Стюарт. Он был, правда, бледен, но спокоен и шел твердыми шагами. По обе стороны его шли священники, за ними несколько высших чиновников, назначенных присутствовать

при совершении казни, и, наконец, две шеренги пехотинцев, выстроившихся по обе стороны эшафота.

Появление человека в маске вызвало шум и разговоры. Всякому любопытно было узнать, кто этот неизвестный палач, явившийся так кстати, чтобы ужасное зрелище, обещанное народу, могло состояться, когда народ уже думал, что казнь отложат до следующего дня. Все дожирали его глазами, но могли только заметить, что это был человек среднего роста, одетый во все черное, и уже зрелого возраста; из-под его маски выступала седящая борода.

Когда показался король, спокойный, твердый, решительный, тишина тотчас же восстановилась, так что все могли расслышать вырженное королем желание говорить с народом.

Тот, к кому король обратился с этой просьбой, ответил, видимо, утвердительно, так как сразу вслед за этим раздался его звучный и твердый голос, проникший до самого сердца Атоса.

Король объяснил народу свое поведение и дал ему несколько советов, клонившихся к благу Англии.

«О, — говорил себе в великой горести Атос, — возможно ли, что слух и зрение обманывают меня? Возможно ли, чтобы господь покинул помазанника своего на земле и дозволил ему умереть такой жалкой смертью? А я? Я не видел его! Я не простился с ним!»

Послышался звук, точно кто-то передвинул на плахе смертельное орудие.

Король прервал свою речь.

— Не трогайте топора, — сказал он, обращаясь к палачу.

Затем продолжал свою речь к народу.

Когда он кончил, ледяное молчание воцарилось над головой Атоса. Он взялся рукой за лоб; пот крупными каплями заструился по его руке, хотя на дворе стоял мороз.

Воцарившееся молчание указывало на последние приготовления.

Окончив речь, Карл обвел толпу взглядом, полным глубокого страдания. Затем он снял с себя орден, который всегда носил; это была та самая бриллиантовая звезда, которую ему прислала королева. Он передал этот орден священнику, сопровождавшему Джаксона; затем снял с груди небольшой крестик, также осыпанный бриллиантами и полученный им вместе с орденом от королевы Генриэтты.

— Сударь, — обратился он к священнику, который сопровождал Джаксона, — я буду держать этот крестик в руке до последнего вздоха. Примите его, когда я буду мертв.

— Ваше величество, ваше желание будет исполнено, — отвечал голос, в котором Атос признал голос Арамиса.

Тогда Карл, стоявший до сих пор с покрытой головой, снял шляпу и отбросил ее в сторону; затем расстегнул одну за другой все пуговицы своего камзола, снял его и бросил рядом со шляпой. Вслед за этим, так как было холодно, он потребовал свой халат, который ему и подали.

Все эти приготовления были сделаны с ужасающим спокойствием. Можно было подумать, что король готовился лечь в постель, а не в гроб.

Наконец он откинул со лба волосы и обратился к палачу:

— Они вам не помешают? Если хотите, их можно перевязать шнурком.

Говоря это, Карл смотрел на палача так пристально, как будто хотел проникнуть сквозь маску неизвестного. Этот взгляд, такой открытый, такой спокойный и уверенный, заставил палача отвернуться. Но, уйдя от спокойного взгляда короля, он встретил горящий ненавистью взор Арамиса.

Видя, что палач не отвечает, король повторил вопрос.

— Будет достаточно, если вы их уберете с шеи, — ответил тот глухим голосом.

Король отвел волосы обеими руками и посмотрел на плаху.

— Эта плаха очень низка, — сказал он. — Нет ли другой, повыше?

— Это обыкновенная плаха, — отвечал человек в маске.

— Рассчитываете вы отрубить мне голову одним ударом?

— Надеюсь! — отвечал палач.

Это слово было сказано с таким жутким выражением, что все присутствующие, кроме короля, вздрогнули.

— Хорошо, — сказал Карл. — А теперь, палач, выслушай меня.

Человек в маске сделал шаг к королю и оперся на топор.

— Я не хочу, чтобы ты ударил меня неожиданно, — сказал ему Карл. — Я сначала стану на колени и помолюсь; погоди еще рубить.

— А когда же мне рубить? — спросил человек в маске.

— Когда я положу шею на плаху, протяну руки и скажу: «Remember», тогда руби смелей с размаху.

Человек в маске слегка поклонился.

— Наступает минута расстаться с жизнью, — обратился король к окружающим. — Господа, я вас оставляю в тревожную минуту и раньше вас ухожу туда, где нет бурь. Прощайте!

Он взглянул на Арамиса и незаметно кивнул ему.

— А теперь, — сказал он, — отойдите немного и дайте мне тихонько помолиться. Отойди и ты, — обратился он к человеку в маске, — это всего лишь на минуту; я знаю, что я в твоей власти; но помни, руби только после того, как я подам тебе знак.

После этих слов Карл опустился на колени, перекрестился, приложил губы свои к доскам эшафота, как будто желал поцеловать их, затем одной рукой оперся на плаху, а другую опустил на помост.

— Граф де Ла Фер, — сказал он по-французски, — здесь ли вы, и могу ли я говорить с вами?

Этот голос пронзил сердце Атоса, как холодная сталь.

— Да, ваше величество, — с трепетом отвечал он.

— Верный друг, благородное сердце, — заговорил король, — меня нельзя было спасти, мне не суждено было сохранить жизнь. Быть может, я совершаю святотатство, но все же я скажу тебе: да, после того как я говорил с людьми и говорил с богом, я буду теперь говорить с тобой последним. Защищая дело, которое я считал священным, я потерял трон отцов моих и расточил наследство моих детей. Но у меня остался еще миллион фунтов золотом; я зарыл его в подземелье Ньюкаслского замка, когда оставлял этот город. Ты один знаешь, где

эти деньги; употреби их, когда тебе покажется подходящим, на пользу ~~ж~~ благо моего старшего сына. А теперь, граф де Ла Фер, простись со мной.

— Прощай, король-мученик,— пробормотал Атос, цепenea от ужаса.

Настала минута безмолвия. Атосу показалось, что король привстал и переменял положение.

Затем громким и звучным голосом, чтобы его услышали не только на эшафоте, но и на площади, король произнес:

— Remember.

Едва он произнес это слов, как сильный удар потряс эшафот; пыль посыпалась с обивки, ослепив бедного Атоса. Когда он машинально поднял глаза и голову, ему упала на лоб теплая капля. Атос отступил, дрожа от ужаса, и тотчас же капля превратилась в темную струю, хлынувшую сквозь помост.

Атос упал на колени и некоторое время без сил лежал, как бы пораженный безумием. Вскоре по стихавшему шуму он понял, что толпа расходится. С минуту он еще лежал, разбитый и окаменелый. Затем очнулся, встал и омочил свой платок в крови короля. Толпа быстро редела. Атос подошел к эшафоту, разорвал обшивку и, проскользнув между двумя всадниками, смешался с расходившейся толпой, от которой он не отличался своим платьем, и первый прибыл в гостиницу.

Поднявшись к себе в комнату, он взглянул в зеркало и увидел у себя на лбу широкое красное пятно. Коснувшись его рукой, он понял, что это кровь короля, и лишился чувств.

Глава 25

ЧЕЛОВЕК В МАСКЕ

Было лишь около четырех часов вечера, но уже совсем стемнело; падал густой снег. Арамис, вернувшись, нашел Атоса если не без чувств, то в полном изнеможении.

При первых словах друга граф вышел из своего летаргического оцепенения.

— Итак,— начал Арамис,— судьба победила нас.

— Победила,— отвечал Атос.— Благородный, несчаст-

ный король!

— Вы ранены? — спросил Арамис.

— Нет, это кровь короля.

Граф вытер лоб.

— Где же вы были?

— Там, где вы меня оставили, под эшафотом.

— И вы видели все?

— Нет, но я все слышал. Не дай мне бог снова пережить такой час, какой я пережил сегодня. Я не поседел?

— Значит, вы знаете, что я не покидал короля?

— Я слышал ваш голос до последней минуты.

— Вот орден, который он мне передал, — сказал Арамис, — а вот и крест, который я принял из его руки. Оба эти предмета он поручил мне передать королеве.

— А вот платок, чтобы завернуть их, — сказал Атос.

И он вынул из кармана платок, смоченный кровью короля.

— А что сделали с его злосчастным телом? — спросил Атос.

— По приказу Кромвеля, ему будут возданы королевские почести. Мы уже положили тело в свинцовый гроб. Врачи бальзамируют сейчас его бедные останки. Когда они кончат, тело будет выставлено в придворной церкви.

— Насмешка! — мрачно проговорил Атос. — Королевские почести казненному!

— Это доказывает только, — заметил Арамис, — что король умер, но королевская власть еще жива.

— Увы, — продолжал Атос, — это был, может быть, последний король-рыцарь на земле.

— Полно, не отчаивайтесь, граф, — раздался на лестнице грубый голос Портоса, сопровождаемый его тяжелыми шагами, — все мы смертны, мои бедные друзья.

— Что вы так поздно, мой дорогой Портос? — спросил граф де Ла Фер.

— Да, — отвечал Портос, — я встретил на дороге людей, которые меня задержали. Они плясали от радости, подлецы! Я взял одного из них за шиворот и, кажется, слегка придушил. В эту минуту проходил патруль. К счастью, тот, кого я схватил, лишился на несколько минут голоса. Я воспользовался этим и свернул в какой-то переулок, затем в другую, еще поменьше, и, наконец, совсем заблудился. Лондона я не знаю, по-английски не говорю, и уже думал, что никогда не найду дороги. Но вот все же пришел.

— А где д'Артаньян? — спросил Арамис. — Не видели вы его? Не случилось ли с ним чего?

— Нас разделила толпа, — отвечал Портос, — и как я ни старался, никак не мог с ним опять соединиться.

— О, — проговорил с горечью Атос, — я видел его. Он стоял в первом ряду толпы и со своего места мог отлично все видеть. Зрелище было, надо сознаться, любопытное, и он, вероятно, пожелал досмотреть до конца.

— О граф де Ла Фер! — проговорил вдруг спокойный, хотя и несколько прерывающийся голос человека, запыхавшегося от быстрой ходьбы. — Вы клевете на отсутствующих?

Упрек этот кольнул Атоса в самое сердце. Однако впечатление, произведенное на него д'Артаньяном, стоявшим в первых рядах тупой и жестокой толпы, было настолько сильным, что он ограничился ответом:

— Я вовсе не клевету на вас, мой друг. Здесь беспокоились о вас, и я просто сказал, где вы были. Вы не знали короля Карла, для вас он был посторонний, и вы не обязаны были любить его.

С этими словами он протянул товарищу руку. Но д'Артаньян, сделав вид, что не замечает этого, продолжал держать руки под плащом.

Атос медленно опустил протянутую руку.

— Ух, устал! — сказал д'Артаньян, садясь.

— Выпейте стакан портвейна, — посоветовал ему Арамис, беря со стола бутылку и наполняя стакан. — Выпейте, это подкрепит вас.

— Да, выпьем, — проговорил Атос, чувствуя, что обидел гасконца, и желая с ним чокнуться. — Выпьем и покинем эту гнусную страну. Фелука ждет нас, вы это знаете. Уедем сегодня же вечером. Больше нам здесь нечего делать.

— Как вы спешите, граф! — заметил д'Артаньян.

— Эта кровавая почва жжет мне ноги, — отвечал Атос.

— А на меня здешний снег оказывает обратное действие, — спокойно сказал гасконец.

— Что же вы, собственно, хотите предпринять? — сказал Атос. — Ведь короля уже нет в живых.

— Итак, граф, — небрежно отвечал д'Артаньян, — вы не видите, что вам остается еще сделать в Англии?

— Решительно ничего, — отвечал Атос. — Разве только оплакивать собственное бессилие?

— Ну, а я, — сказал д'Артаньян, — жалкий ротозей, любитель кровавых зрелищ, который нарочно пробрался к самому эшафоту, чтобы лучше видеть, как покатится голова короля, которого я, как вы изволили сказать, не знал и к которому был совершенно равнодушен, — я думаю иначе, чем граф, и... остаюсь.

— Вы остаетесь в Лондоне? — спросил Портос д'Артаньяна.

— Да, — отвечал тот. — А вы?

— Черт возьми! — сказал Портос, несколько смущаясь под взглядами Атоса и Арамиса. — Если вы остаетесь, то раз уж я прибыл сюда вместе с вами, то уж вместе с вами и уеду. Не оставлять же вас одного в этой ужасной стране.

— Благодарю вас, мой добрый друг. В таком случае я хочу предложить вам принять участие в одном деле, которым мы займемся, когда граф уедет. Мысль об этом деле явилась у меня в то время, когда я смотрел на известное вам зрелище.

— Какая мысль? — спросил Портос.

— Узнать, кто такой человек в маске, который так заботливо предложил свои услуги, чтобы отрубить голову короля.

— Человек в маске? — воскликнул в изумлении Атос. — Значит, вы не выпустили палача?

— Палача? — ответил д'Артаньян. — Он все еще сидит в погребе и, кажется, приятно беседует с бутылками нашего хозяина. Кстати, вы мне напомнили...

Он подошел к двери и крикнул:

— Мушкетон!

— Что прикажете, сударь? — отвечал голос, как будто выходящий из глубины земли.

— Отпусти заключенного, — сказал д'Артаньян. — Все уже кончено.

— Но,— сказал Атос,— кто же тот негодяй, который поднял руку на короля?

— Это палач-любитель, который, надо сознаться, ловко владеет топором,— сказал Арамис.— Ему, как он надеялся, довольно было одного удара.

— И вы не видели его лица? — спросил Атос.

— Он был в маске,— отвечал д'Артаньян.

— Но ведь вы, Арамис, стояли совсем рядом!

— Я видел из-под маски только бороду с проседью.

— Значит, это пожилой человек? — спросил Атос.

— О,— заметил д'Артаньян,— это ровно ничего не значит. Если надеваешь маску, почему заодно не прицепить и бороду?

— Досадно, что я не выследил его,— сказал Портос.

— Ну, а мне, дорогой Портос,— заявил д'Артаньян,— пришла в голову эта мысль.

Атос все понял. Он встал со своего места.

— Прости меня, д'Артаньян,— проговорил он,— за то, что я усомнился в тебе. Прости меня, друг мой.

— Сначала выслушайте меня,— отвечал д'Артаньян, слегка улыбувшись.

— Так расскажите же нам все,— сказал Арамис.

— Итак,— продолжал д'Артаньян,— когда я смотрел,— но не на короля, как угодно думать господину графу (я знал, что это человек, идущий на смерть, а зрелища такого рода, хотя я и должен был, кажется, привыкнуть к ним, все еще расстраивают меня),— а на палача в маске; так вот, когда я смотрел на него, мне, как я уже сказал вам, пришла в голову мысль узнать, кто бы это мог быть. А так как мы четверо привыкли действовать сообща и во всем помогать друг другу, я стал невольно искать около себя Портоса, котому то вас, Арамис, я видел возле короля, а вы, граф, как я знал, находились внизу, под эшафотом. Вот почему я охотно прощаю вас,— прибавил он, протягивая руку Атосу,— так как понимаю, что вы должны были пережить в эти минуты. Итак, осматриваясь по сторонам, я вдруг увидел справа голову со страшной раной на затылке, повязанную черной тафтой. «Черт возьми,— подумал я,— повязка что-то мне знакома, точно я сам чинил этот череп». И в самом деле, это оказался тот самый несчастный шотландец, брат Парри, на котором, помните, Грослоу вздумал испробовать свою силу и у которого, когда мы нашли его, было, собственно, только полголовы.

— Как же, помню,— заметил Портос.— У этого человека еще были такие вкусные черные куры.

— Именно, он самый. Этот человек делал знаки другому, который стоял от меня слева. Я обернулся и увидел нашего доброго Гримо. Как и я, он также впился глазами в замаскированного палача. Я ему сказал только: «О!», и так как с таким восклицанием обращается к нему граф, когда говорит с ним, то он немедленно бросился ко мне, как будто его подтолкнула пружина. Он, конечно, узнал меня и протянул руку, указывая пальцем на человека в маске. «А!» — сказал он только. Это должно было означать: «Заметили вы?» — «Ну, конечно»,— отве-

чал я. Мы отлично поняли друг друга. Затем я повернулся к нашему шотландцу; его взгляд тоже был весьма красноречив. Вскоре все кончилось, вы сами знаете как: самым мрачным образом. Народ стал расходиться, сгущались сумерки. Я отошел с Гримо в дальний конец площади; за нами последовал шотландец, которому я сделал знак не уходить. Я стал наблюдать за палачом, который, войдя в королевскую комнату, менял платье: оно было, вероятно, залито кровью. После этого он надел на голову черную шляпу, завернулся в плащ и исчез. Я решил, что он должен выйти на улицу, и побежал к подъезду. Действительно, минут через пять мы увидели, что он спускается с лестницы.

— И вы пошли за ним следом? — воскликнул Атос.

— Разумеется! — сказал д'Артаньян. — Но это было не так-то легко. Он каждую минуту оборачивался, и мы были вынуждены прятаться и прикидываться празднующимися. Я был наготове и, конечно, мог бы убить его, но я не эгоист и приберег это лакомство для вас, Арамис, и для вас, Атос, чтобы вы хоть немного утешились. Наконец, после получасовой ходьбы по самым извилистым переулкам Сити, он подошел к небольшому уединенному домику, совсем тихому и неосвещенному, словно в нем никого не было. Гримо вытащил из-за своего голенища пистолет. «Гм?» — сказал он мне, указывая на домик. «Погоди», — отвечал я ему, удерживая его руку. Я уже сказал вам, что у меня был свой план. Человек в маске остановился перед низенькой дверью и вынул ключ; но прежде чем вложить его в замок, он оглянулся, чтобы убедиться, не следят ли за ним. Я спрятался за деревом, Гримо — за выступом стены; шотландцу нигде было скрыться, и он прямо распластался на земле. Без сомнения, человек, которого мы преследовали, решил, что он совсем один, так как я услышал скрип ключа в скважине; дверь отворилась, и человек скрылся в ней.

— Негодяй! — воскликнул Арамис. — Пока вы возвращались сюда, он, наверное, убежал, и мы его уже не найдем.

— Вот еще, Арамис, — остановил его д'Артаньян. — Вы, должно быть, принимаете меня за кого-нибудь другого.

— Однако, — заметил Атос, — за время вашего отсутствия...

— На время моего отсутствия я догадался оставить вместо себя Гримо и шотландца! Конечно, человек в маске не успел сделать по комнате и десяти шагов, как я уже обежал вокруг дома. У одной двери, той, в которую вошел незнакомец, я поставил шотландца и объяснил ему, что он должен следовать за человеком в черном, куда бы тот ни пошел, и что Гримо получил приказ в этом случае следовать за шотландцем, а затем вернуться к нам и сказать, куда незнакомец пошел. У другого выхода я поставил Гримо, дав ему такой же приказ, и затем вернулся к вам. Итак, зверь выслежен; теперь, кто из вас желает принять участие в травле?

Атос бросился обнимать д'Артаньяна, который отирал пот со лба.

— Друг мой, — сказал Атос, — право, вы слишком добры, найдя слово прощения для меня. Я неправ, тысячу раз неправ. Ведь я должен был знать вас! Ведь в каждом человеке таится злое начало, заставляющее нас сомневаться во всем хорошем!

— Гм! — заметил Портос. — А возможно, что этот палач не кто иной, как генерал Кромвель, который для большей верности решил сам исполнить эту обязанность.

— Пустяки! Кромвель толстый низенький человек, а этот тонкий, гибкий и роста во всяком случае не ниже среднего.

— Скорее, это какой-нибудь провинциальный солдат, которому за такую услугу было обещано помилование, — высказал догадку Атос.

— Нет, нет, — продолжал д'Артаньян. — Он не солдат. У него не вышколенная походка пехотинца и не такая развалистая, как у кавалериста. У него поступь легкая, изящная. Если я не ошибаюсь, мы имеем дело с дворянином.

— С дворянином! — воскликнул Атос. — Это невозможно. Это было бы бесчестьем для всего дворянства.

— Вот будет чудная охота! — сказал Портос со смехом, от которого задрожали окна. — Чудная охота, черт возьми.

— Вы по-прежнему думаете ехать, Атос? — спросил д'Артаньян.

— Нет, я остаюсь, — отвечал благородный француз с угрожающим жестом, не обещавшим ничего доброго тому, к кому он относился.

— Итак, к оружию! — воскликнул Арамис. — Не будем терять ни минуты.

Четверо друзей быстро переоделись в свое французское платье, прицепили шпаги, подняли на ноги Мушкетона и Блезуа, велев им расплатиться с хозяином и приготовить все к отъезду, так как возможно было, что им придется выехать из Лондона в ту же ночь.

Тьма стегнулась еще более; снег продолжал валить: казалось, громадный саван покрыл весь город. Было лишь около семи часов вечера, но улицы уже опустели; жители сидели у себя по домам и вполголоса обсуждали ужасное событие дня.

Четверо друзей, завернувшись в плащи, пробирались по лабиринту улиц Сити, столь оживленных днем и таких пустынных в этот вечер. Д'Артаньян шел впереди, время от времени останавливаясь, чтобы разыскать метки, которые он сделал на стенах своим кинжалом; но было так темно, что знаков почти нельзя было различить. Д'Артаньян, однако, так хорошо запомнил каждый столб, каждый фонтан, каждую вывеску, что после получаса ходьбы он подошел со своими тремя спутниками к уединенному домику.

В первую минуту д'Артаньян подумал, что брат Парри скрылся. Но он ошибся: здоровый шотландец, привыкший к ледяным скалам своей родины, прилег около тумбы и словно превратился в опрокинутую статую, покрытую снегом. Но, услышав шаги четырех друзей, он поднялся.

— Отлично, — проговорил Атос, — вот еще один добрый слуга. Да, славные люди вовсе не так уж редки, как это принято думать. Это придает бодрости.

— Погодите рассыпать похвалы вашему шотландцу, — сказал д'Артаньян. — Я склонен считать, что этот молодец хлопочет здесь о собственном деле. Я слышал, что все эти горцы, которые увидели свет божий по ту сторону Твида, — народ весьма злопамятный. Берегитесь

теперь, мистер Грослоу! Вы проведете скверные четверть часа, если когда-нибудь встретитесь с этим парнем.

Оставив своих друзей, д'Артаньян подошел к шотландцу; тот узнал его, и д'Артаньян подозвал остальных.

— Ну что? — спросил Атос по-английски.

— Никто не выходил, — отвечал брат камердинера.

— Вы, Портос и Арамис, останьтесь с этим человеком, а мы с д'Артаньяном пойдем искать Гримо.

Гримо не уступал шотландцу в ловкости: он запрятался в дупло ивы и сидел в ней, как в сторожке.

д'Артаньян подумал сначала то же, что подумал о первом часовом, именно, что человек в маске вышел и Гримо последовал за ним.

Вдруг из дупла высунулась голова, и раздался свист.

— О! — проговорил Атос.

— Я, — ответил Гримо.

Два друга подошли к иве.

— Ну что, — спросил д'Артаньян, — выходил кто-нибудь?

— Нет, — отвечал Гримо.

— Но разве в доме не может быть других людей? — сказал д'Артаньян.

— Можно посмотреть, — подал совет Гримо, указывая на окно, сквозь ставни которого виднелась полоска света

— Правда, — сказал д'Артаньян. — Позовем остальных.

Они завернули за угол, чтобы позвать Портоса и Арамиса.

Те поспешно подошли.

— Вы что-нибудь видели? — спросили они.

— Нет, но сейчас увидим, — отвечал д'Артаньян, указывая на Гримо, который успел в это время, цепляясь за выступ стены, подняться футов на пять от земли.

Все четверо подошли. Гримо продолжал взбираться с ловкостью кошки. Наконец ему удалось ухватиться за один из крюков, к которым прикрепляются ставни, когда они открыты; ногой он оперся на резной карниз, который показался ему достаточно надежной точкой опоры, так как он сделал друзьям знак, что достиг цели. Затем он приник глазом к щели ставни.

— Ну что? — спросил д'Артаньян.

Гримо показал два оттопыренных пальца.

— Говори, — сказал Атос, — твоих знаков не видно. Сколько их?

Гримо изогнулся неестественным образом.

— Двое, — прошептал он. — Один сидит ко мне лицом, другой спиной.

— Хорошо. Узнаешь ты того, кто сидит к тебе лицом?

— Мне показалось, что я узнал его, и я не ошибся: маленький толстый человек.

— Да кто же это? — спросили шепотом четверо друзей.

— Генерал Оливер Кромвель.

Друзья переглянулись.

— Ну, а другой? — спросил Атос.

— Худощавый и стройный.

— Это палач,— в один голос сказали д'Артаньян и Арамис.

— Я вижу только его спину,— продолжал Гримо.— Но погодите, он встает, поворачивается к окну; и если только он снял маску, я сейчас увижу... Ах!

С этим восклицанием Гримо, словно пораженный в сердце, выпустил железный крюк и с глухим стоном упал вниз. Портос подхватил его на руки.

— Ты видел его? — спросили разом четыре друга.

— Да! — ответил Гримо, у которого волосы стали дыбом и пот выступил на лбу.

— Худого стройного человека? — спросил д'Артаньян.

— Да.

— Словом, палача? — спросил Арамис.

— Да.

— Так кто же он? — спросил Портос.

— Он... он... — бормотал Гримо, бледный как смерть, хватая дрожащими руками своего господина.

— Кто же он наконец?

— Мордаунт!.. — пролепетал Гримо.

Д'Артаньян, Портос и Арамис испустили радостный крик.

Атос отступил назад и провел рукой по лбу.

— Судьба! — прошептал он.

Глава 26

ДОМ КРОМВЕЛЯ

еловек, которого д'Артаньян, еще не зная его, выследил после казни короля, был действительно Мордаунт.

Войдя в дом, он снял маску, отвязал бороду с проседью, которую прицепил, чтобы его не узнали, поднялся по лестнице, отворил дверь и вошел в комнату, освещенную и обитую материей темного цвета. В комнате за письменным столом сидел человек и писал.

То был Кромвель.

Как известно, у Кромвеля было в Лондоне два или три таких убежища, не известных даже его друзьям, исключая самых близких. Мордаунт, как мы уже говорили, был из их числа.

Когда он вошел, Кромвель поднял голову.

— Это вы, Мордаунт? — обратился он к нему.— Как поздно.

— Генерал,— отвечал Мордаунт,— я хотел видеть церемонию до конца и потому задержался...

— Я не думал, что вы так любопытны,— заметил Кромвель.

— Я всегда с любопытством слежу за падением каждого врага вашей светлости, а этот был не из малых. Но вы сами, генерал, разве не были в Уайт-Холле?

— Нет,— ответил Кромвель.

Наступила минута молчания.

— Известны вам подробности? — спросил Мордаунт.

— Никаких. Я здесь с утра. Знаю только, что был заговор с целью освободить короля.

— А! Вы знали об этом? — спросил Мордаунт.

— Пустяки! Четыре человека, переодетые рабочими, собирались освободить короля из тюрьмы и отвезти его в Гринвич, где его ожидало судно.

— И зная все это, ваша светлость оставались здесь, вдали от Сити, в полном покое и бездействии?

— В покое, да,— отвечал Кромвель,— но кто вам сказал, что в бездействии?

— Но ведь заговор мог удасться.

— Я очень желал этого.

— Я полагал, что ваша светлость смотрит на смерть Карла Первого как на несчастье, необходимое для блага Англии.

— Совершенно верно,— отвечал Кромвель,— я и теперь держусь того же мнения. Но, по-моему, было только необходимо, чтобы он умер; и было бы лучше, если бы он умер не на эшафоте.

— Почему так, ваша светлость?

Кромвель улыбнулся.

— Извините,— поправился Мордаунт,— но вы знаете, генерал, что я новичок в политике и при удобном случае рад воспользоваться наставлениями моего учителя.

— Потому что тогда говорили бы, что я осудил его во имя правосудия, а дал ему бежать из сострадания.

— Ну, а если бы он действительно убежал?

— Это было невозможно.

— Невозможно?

— Да, я принял все меры.

— А вашей светлости известно, кто эти четыре человека, замышлявшие спасти короля?

— Четверо французов, из которых двух прислала королева Генриетта к мужу, а двух — Мазарини ко мне.

— Не думаете ли вы, генерал, что Мазарини поручил им сделать это?

— Это возможно, но теперь он отречется от них.

— Вы думаете?

— Я вполне уверен.

— Почему?

— Потому что они не достигли цели.

— Ваша светлость, вы отдали мне двух из этих французов, когда они были виновны только в том, что защищали Карла Первого. Теперь они виновны в заговоре против Англии; отдайте мне всех четырех.

— Извольте,— отвечал Кромвель.

Мордаунт поклонился с злобной торжествующей улыбкой.

— Но,— продолжал Кромвель, видя, что Мордаунт готовится благодарить его,— возвратимся к этому несчастному Карлу. Были крики в толпе?

— Почти нет, а если были, то только: «Да здравствует Кромвель!»

— Где вы стояли?

Мордаунт смотрел с минуту на генерала, стараясь прочесть в его глазах, спрашивает ли он серьезно, или ему все известно.

Но пламенный взгляд Мордаунта не мог проникнуть в темную глубину взора Кромвеля.

— Я стоял на таком месте, откуда все видел и слышал,— уклончиво отвечал Мордаунт.

Теперь Кромвель в свою очередь в упор посмотрел на Мордаунта, который старался быть непроницаемым. Поглядев на него несколько секунд, Кромвель равнодушно отвернулся.

— Кажется,— сказал он,— палач-любитель превосходно выполнил свою обязанность. Удар, мне говорили, был мастерский.

Мордаунт припомнил слова Кромвеля, будто тот не знает никаких подробностей, и теперь убедился, что генерал присутствовал на казни, укрывшись за какой-либо занавесью или ставней одного из соседних домов.

— Да,— так же бесстрастно и спокойно отвечал Мордаунт,— одного удара оказалось достаточно.

— Может быть, это был профессиональный палач? — сказал Кромвель.

— Вы так думаете, генерал?

— Почему бы нет?

— Этот человек не был похож на палача.

— А кто ж другой, кроме палача, взялся бы за такое грязное дело? — спросил Кромвель.

— Возможно,— возразил Мордаунт,— что это был какой-нибудь личный враг короля Карла, давший слово отомстить ему и выполнивший свой обет. Быть может, это был дворянин, имевший важные причины ненавидеть павшего короля; зная, что королю хотят помочь бежать, он стал на его пути, с маской на лице и с топором в руке,— не для того, чтобы заменить палача, но чтобы исполнить волю судьбы.

— Возможно и это! — согласился Кромвель.

— А если бы это было так,— продолжал Мордаунт,— то неужели бы вы осудили его поступок, ваша светлость?

— Я не судья в этом деле,— отвечал Кромвель,— пусть рассудит бог.

— Но если бы вы знали этого дворянина?

— Я его не знаю и не желаю знать,— сказал Кромвель.— Не все ли мне равно, тот ли это сделал или другой. Раз Карл был осужден, то голову ему отсек не человек, а топор.

— И все же, не будь этого человека,— продолжал настаивать Мордаунт,— король был бы спасен.

Кромвель улыбнулся.

— Без сомнения,— сказал Мордаунт.— Вы же сами сказали, что его хотели увезти.

— Его увезли бы в Гринвич. Там он сел бы со своими четверьмя спасителями на фелуку. Но на фелуке было четверо моих людей и пять бочек с порохом, принадлежащих английскому народу. В море

эти четыре человека пересели бы в шлюпку, а дальше... вы уже достаточно искусны в политике, чтобы угадать остальное.

— Понимаю. В море они бы все взлетели на воздух.

— Вот именно. Взрыв сделал бы то, чего не захотел сделать топор. Король Карл исчез бы без следа. Стали бы говорить, что он избегнул земного правосудия, но что его постигла божья кара. Мы оказались бы только его судьями, а палачом его — сам бог. Вот этого-то и лишил меня ваш замаскированный дворянин, Мордаунт. Вы видите теперь, что я имею основание говорить: я не хочу знать его. Ибо, сказать по правде, несмотря на его лучшие намерения, я не очень благодарен ему за его услугу.

— Генерал,— отвечал Мордаунт,— я, как всегда, смиренно преклоняюсь пред вами. Вы глубокий мыслитель, и ваш план со взрывом фелуки бесподобен.

— И нелеп,— оборвал Кромвель,— так как он оказался бесполезным. В политике только те планы бесподобны, которые дают плод. Всякая неудавшаяся мысль тем самым становится глупой и бесплодной. Поэтому вы, Мордаунт, сейчас же отправляйтесь в Гринвич,— закончил Кромвель, вставая,— разыщите хозяина фелуки «Молния» и покажите ему белый платок с четырьмя вязанными по углам узлами,— это условный знак. Прикажите людям сойти на берег, а порох вернуть в арсенал, если только...

— Если только...— повторил Мордаунт, лицо которого засияло злобной радостью от слов Кромвеля.

— Если только эта фелука со всем своим снаряжением не пригодится вам для личных целей.

— О милорд! Милорд! — воскликнул Мордаунт.— Бог отметил вас своим перстом и одарил взглядом, от которого ничто не может укрыться.

— Вы, кажется, назвали меня милордом? — смеясь, спросил Кромвель.— Это не беда, когда мы с глазу на глаз, но остерегайтесь, чтобы это слово не вырвалось у нас перед нашими дураками пуританами.

— Но разве вы, ваша светлость, не будете именоваться так в скором времени?

— Надеюсь! — отвечал Кромвель.— Но сейчас еще не настало время.

Кромвель поднялся и взял свой плащ.

— Вы уходите, генерал? — спросил Мордаунт.

— Да,— отвечал Кромвель,— я ночевал здесь вчера и третьего дня, а вам известно, что я не имею обыкновения спать три ночи подряд на одной кровати.

— Итак, ваша светлость, вы предоставляете мне полную свободу на эту ночь? — осведомился Мордаунт.

— И даже на завтрашний день, если вам будет нужно,— отвечал Кромвель.— Со вчерашнего вечера,— прибавил он, улыбаясь,— вы достаточно поработали для меня, и если вам надо заняться какими-нибудь личными делами, то я считаю долгом предоставить вам для этого время.

— Благодарю вас, генерал. Надеюсь, я употреблю его с пользой. Кромвель кивнул Мордаунту головою, затем опять обернулся к нему и спросил:

— Вы вооружены?

— Шпага при мне,— отвечал Мордаунт.

— И никто не ожидает вас у дверей?

— Никто.

— Тогда идемте со мною, Мордаунт.

— Благодарю вас, генерал, но длинный путь подземным ходом отнимет у меня много времени, а после того, что вы мне сказали, я опасаюсь, что потерял его уже слишком много. Я выйду в другую дверь.

— Хорошо, ступайте,— проговорил Кромвель.

С этими словами он нажал кнопку. Отворилась дверь, так искусно скрытая под обивкой, что самый опытный глаз ее не заметил бы.

Приведенная в движение стальной пружиной, дверь сама закрылась за собой.

Это был один из тех потайных ходов, которые, как сообщает нам история, были во всех негласных обиталищах Кромвеля.

Потайной ход этот пролегал под пустынной улицей и приводил в грот в саду при доме, находившемся на расстоянии ста шагов от того дома, из которого только что вышел будущий протектор Англии.

Приведенный нами разговор подходил к концу, когда Гримо сквозь щель неплотно задернутой занавески увидел двух человек, в которых узнал по очереди Кромвеля и Мордаунта.

Мы уже видели, какое впечатление произвело на друзей это открытие.

Д'Артаньян первый пришел в себя.

— Мордаунт? — воскликнул он.— О, само небо предает его в наши руки.

— Да,— подтвердил Портос.— Выломаем дверь и нападём на него.

— Напротив,— возразил д'Артаньян,— не будем ничего ломать, не будем шуметь. Шум может привлечь народ. Если он находится здесь, как уверяет Гримо, со своим достойным начальником, то где-нибудь поблизости должен находиться отряд солдат. Эй, Гримо! Подойди сюда, да держись покрепче на ногах.

Гримо подошел. Как только он пришел в себя, страх вернулся к нему; он, однако, овладел собой.

— Хорошо,— сказал д'Артаньян.— Теперь влезай снова на балкон и скажи нам, один ли сейчас Мордаунт, готовится ли он выйти или лечь спать. Если он не один, мы подождём. Если он выходит, мы схватим его в дверях. Если он остается, мы влезем в окно. Это вызовет меньше шума, чем если мы станем ломать дверь.

Гримо стал молча взбираться на балкон.

— Стерегите другую дверь, Атос и Арамис, пока мы с Портосом будем здесь.

Оба друга повиновались.

— Ну что, Гримо? — спросил д'Артаньян.

— Он один,— отвечал Гримо.

— Ты уверен в этом?

— Уверен.

— Но мы не видели, чтобы его собеседник вышел.

— Может быть, он вышел в другую дверь?

— Что он делает?

— Надевает плащ и перчатки.

— К нам, сюда! — тихо позвал д'Артаньян.

Портос схватился за кинжал и, забывшись, вытащил его из ножен.

— Оставь в покое свой кинжал, друг Портос, — заметил ему д'Артаньян. — Его не придется пускать в ход. Мордаунт в наших руках, и мы будем судить его по всем правилам. Мы подробно и начисто объяснимся и разыграем сцену вроде той, что была в Армантьере. Но только будем надеяться, что после него не останется потомка и что, покончив с ним, мы разом со всем покончим.

— Тише, — проговорил Гримо, — он сейчас выйдет. Он идет к лампе. Он тушит ее. Потушил, я больше ничего не вижу.

— В таком случае скорей спускайся!

Гримо ловко прыгнул в рыхлый снег, благодаря чему шума от его прыжка не было слышно.

— Поди предупреди Атоса и Арамиса, чтобы они стали с обеих сторон своей двери, как мы с Портосом стоим здесь. Если они задержат его, пусть хлопнут в ладоши; мы тоже хлопнем, если он достанется нам.

Гримо удалился.

— Портос, Портос, — сказал д'Артаньян, — спрячьтесь куда-нибудь, плечи у вас очень уж широкие, мой друг; нужно, чтоб он их не заметил, когда будет выходить.

— Ах, если бы он вышел через эту дверь!

— Тише! — проговорил д'Артаньян.

Портос так прижался к стене, словно хотел войти в нее. Д'Артаньян сделал то же.

На лестнице явственно послышались шаги Мордаунта. Скрипнуло маленькое слуховое окошко, которого никто не заметил. Мордаунт выглянул, но благодаря принятым нашими друзьями мерам не увидел никого. Он всунул ключ в замочную скважину, дверь отворилась, и Мордаунт появился на пороге.

В то же мгновение он очутился лицом к лицу с д'Артаньяном. Он хотел было захлопнуть дверь, но Портос успел схватить ручку двери и распахнул ее настежь.

Портос хлопнул три раза в ладоши. Появились Атос и Арамис.

Д'Артаньян двинулся прямо на Мордаунта. Наступая на него грудью, он шаг за шагом заставил его взойти обратно по лестнице, освещенной лампой, которая позволяла гасконцу следить за руками Мордаунта. Тот, впрочем, и не пытался убить д'Артаньяна, так как знал, что потом ему придется иметь дело с его тремя товарищами. Он не сделал поэтому ни одного движения для защиты, ни одного угрожающего жеста. Отступая до двери, Мордаунт оказался прижатым к ней и, должно быть, подумал, что тут ему пришел конец. Но он ошибся: Д'Артаньян протянул руку и отворил дверь. Они оба очути-

жись в комнате, где десять минут тому назад молодой человек разговаривал с Кромвелем.

Портос вошел за ним. Он снял лампу, горевшую в передней, и от нее зажег вторую лампу, стоявшую в комнате.

Атос и Арамис вошли и заперли за собой двери на ключ.

— Потрудитесь сесть,— обратился д'Артаньян к молодому англичанину, придвигая ему стул.

Мордаунт взял стул и сел, бледный, но спокойный. В трех шагах от него Арамис поставил три стула — для д'Артаньяна, для Портоса и для себя.

Атос поместился в самом дальнем углу комнаты, относясь, по-видимому, совершенно безучастно к тому, что должно было сейчас произойти.

Портос сел по левую, Арамис по правую руку д'Артаньяна.

Атос казался подавленным. Портос потирал руки с лихорадочным нетерпением.

Арамис улыбался, кусая себе губы до крови.

Один д'Артаньян сохранял с виду полную невозмутимость.

— Господин Мордаунт,— сказал он молодому человеку,— мы долго и тщетно гонялись друг за другом. Давайте же воспользуемся этим счастливым случаем и побеседуем немного, если вы не имеете ничего против.

Глава 27

РАЗГОВОР

Мордаунт был захвачен врасплох. Он отступал вверх по лестнице, движимый каким-то странным смутным инстинктом. Первое, что он почувствовал вполне ясно, было изумление, смешанное с непреодолимым ужасом, какой овладевает человеком, когда смертельный враг, превосходящий его силой, запускает в него свои когти в тот самый момент, когда он считает этого врага далеко от себя и занятым де-

лами.

Но когда они сели и Мордаунт увидел, что ему дана, неизвестно по какой причине, отсрочка,— он напряг весь свой ум и собрал все свои силы.

Огонь, блеснувший в глазах д'Артаньяна, не только не вселил в него робость, но, наоборот, наэлектризовал его еще больше, так как, хотя в этом взгляде и кипела ненависть, это была ненависть открытая. Мордаунт притаился, готовый воспользоваться малейшим случаем, который мог ему представиться, чтобы вырваться из западни с помощью силы и хитрости. Так медведь, застигнутый в своей берлоге, проявляет с виду безучастие, но на деле зорко следит за каждым движением напавшего на него охотника.

Взгляд Мордаунта быстро скользнул по длинной шпаге, висевшей у него сбоку; он неторопливо положил левую руку на эфес и передвинул шпагу, чтобы можно было легко достать ее правой рукой; после этого он сел, следуя приглашению д'Артаньяна.

Тот ожидал от него каких-нибудь вызывающих слов, чтобы завязать один из тех беспощадно насмешливых разговоров, которые он умел так мастерски поддерживать. Арамис говорил про себя: «Мы услышим сейчас что-нибудь банальное». Портос кусал усы и ворчал: «Сколько церемоний, черт побери, чтобы раздавить эту ехидну!» Атос совсем исчез в углу комнаты, неподвижный и бледный, как мраморное изваяние; и несмотря на свою неподвижность, он чувствовал, что лоб его покрывался потом.

Мордаунт не говорил ничего; уверившись, что шпага находится в его распоряжении, он закинул ногу за ногу и ждал.

Молчание это не могло продолжаться долго, д'Артаньян понимал, что оно становится смешным, и так как он пригласил Мордаунта сесть, чтобы побеседовать, то решил, что ему первому следует заговорить.

— Мне кажется, сударь,— начал он с убийственной вежливостью,— что вы умеете менять платье почти с такой же быстротой, как те итальянские комедианты, которых кардинал Мазарини выписал из Бергамо и которых он, без сомнения, показывал вам во время вашего путешествия во Францию.

Мордаунт не отвечал ни слова.

— Только что,— продолжал д'Артаньян,— вы были переодеты, вернее — одеты в платье убийцы, а теперь...

— А теперь, напротив, я одет как человек, которого собираются убить, не правда ли? — отвечал Мордаунт своим спокойным и отрывистым голосом.

— О, сударь,— возразил д'Артаньян,— как можете вы говорить это, когда вы находитесь в обществе дворян и когда под рукой у вас такая хорошая шпага?

— Никакая шпага, сударь, не может устоять против четырех шпаг и столько же кинжалов, не считая шпаг и кинжалов ваших сообщников, ожидающих у входа.

— Извините, сударь,— продолжал д'Артаньян,— те, которые ждут нас у входа, вовсе не наши сообщники, а просто слуги. Я хочу восстановить истину даже в мельчайших подробностях.

Мордаунт отвечал лишь иронической улыбкой, искривившей его губы.

— Но не в этом дело,— продолжал д'Артаньян.— Я возвращаюсь к своему вопросу. Я имел честь, сударь, задать вам вопрос: почему вы изменили вашу внешность? Маска, кажется, очень шла вам; борода с проседью была чудесна, а что касается топора, которым вы нанесли такой замечательный удар, то я полагаю, что он был бы для вас сейчас тоже кстати. Почему вы выпустили его из рук?

— Потому что знал о сцене, разыгравшейся в Армантьере, и предвидел, что, очутившись в обществе четырех палачей, я встречу четыре топора, направленных против себя.

— Сударь, — отвечал д'Артаньян, все еще владея собой, хотя чуть заметное движение бровей показывало, что он начинает горячиться, — хоть вы глубоко испорчены и порочны, вы еще молоды, и это заставляет меня оставить без внимания ваши легкомысленные речи. Да, легкомысленные, так как упоминание об Армантьере не имеет ни малейшего отношения к настоящему случаю. Действительно, не могли же мы вручить шпагу вашей матушке и предложить ей сразиться с нами! Но вам, сударь, молодому офицеру, великолепно владеющему, как нам известно, кинжалом и пистолетом и вооруженному такой длинной шпагой, всякий имеет право предложить поединок.

— Ага! — отвечал Мордаунт. — Так вы желаете дуэли?

И он поднялся со сверкающим взором, как бы немедленно готовый дать удовлетворение.

Портос тоже встал, верный своей любви к такого рода приключениям.

— Прошу прощения, — продолжал д'Артаньян с прежним хладнокровием, — не будем спешить, так как каждый из нас желает, конечно, чтобы все свершилось по правилам. Присядьте же, дорогой Портос, а вы, господин Мордаунт, будьте добры сохранять спокойствие. Мы уладим все наилучшим образом. Будем говорить откровенно: признайтесь, господин Мордаунт, — вам очень хочется убить кого-нибудь из нас?

— Всех! — отвечал Мордаунт.

Д'Артаньян обернулся к Арамису и сказал ему:

— Не правда ли, дорогой Арамис, какое счастье, что господин Мордаунт так хорошо владеет французским языком; по крайней мере, между нами не может возникнуть недоразумений, и мы отлично объяснимся.

Затем, обратившись к Мордаунту, продолжал:

— Любезный господин Мордаунт, я должен сказать вам, что все мои друзья питают к вам такие же прекрасные чувства, как и вы по отношению к нам, и тоже были бы счастливы убить вас. Скажу более: они, без сомнения, убьют вас. Тем не менее мы сделаем это как порядочные люди. И вот вам лучшее доказательство.

С этими словами д'Артаньян бросил свою шляпу на ковер, отодвинул стул к стене, сделал знак своим друзьям последовать его примеру и с чисто французским изяществом поклонился Мордаунту:

— К вашим услугам, сударь. Если вы ничего не имеете против, то окажите мне честь начать с меня. Не угодно ли? Правда, моя шпага короче вашей, но это пустяки. Надеюсь, что рука поможет шпаге.

— Стой! — вмешался, выступая вперед, Портос. — Я бьюсь первый, и без рассуждений.

— Позвольте, Портос, — проговорил Арамис.

Атос не промолвил ни слова; он сидел как статуя. Казалось, даже дыхание его остановилось.

— Господа, — сказал д'Артаньян, — успокойтесь, ваша очередь наступит. Взгляните на этого господина и прочтите в его глазах, какую ненависть мы внушаем ему; смотрите, как он вынимает шпагу,

как оглядывается кругом, чтобы какое-нибудь препятствие не помешало ему. Не показывает ли все это, что господин Мордаунт искусный боец и что вы очень скоро смените меня, если только я допущу. Оставайтесь поэтому на своем месте, как Атос. Рекомендую вам взять с него пример и предоставить мне инициативу. Кроме того, с господином Мордаунтом у меня есть личные счеты, и поэтому я первый начну. Я желаю, я хочу этого.

В первый раз д'Артаньян произнес слово «хочу», говоря со своими друзьями. До сих пор он произносил его только мысленно.

Портос отступил. Арамис взял свою шпагу под мышку. Атос продолжал сидеть в темном углу комнаты, но не так спокойно, как думал д'Артаньян: ему сдавило горло, он едва дышал...

— Шевалье,— обратился д'Артаньян к Арамису,— вложите шпагу в ножны; господин Мордаунт может заподозрить вас в намерениях, каких вы не имеете.

Затем он повернулся к Мордаунту.

— Сударь,— сказал он,— я жду.

— А я, господа, люблюсь вами,— неожиданно начал Мордаунт.— Вы спорите о том, кому первому драться со мной, и совершенно забыли спросить меня, которого это обстоятельство как будто немного касается. Я ненавижу вас всех, правда, но в разной степени. Я надеюсь уложить вас всех четверых, но у меня больше шансов убить первого, чем второго, второго, чем третьего, и третьего, чем четвертого. Я прошу вас поэтому предоставить выбор противника мне. Если же вы мне откажете в этом праве, я не стану драться, и вы можете просто убить меня.

Друзья переглянулись.

— Это справедливо,— сказал Портос и Арамис, надеясь, что выбор падет на них.

Атос и д'Артаньян промолчали, но само безмолвие их означало согласие.

— Итак,— начал Мордаунт среди гробового молчания, воцарившегося в этом таинственном доме,— итак, моим первым противником я избираю того из вас, кто, не считая себя достойным носить имя графа де Ла Фер, стал называться Атосом.

Атос вскочил со своего стула, как будто его подтолкнула пружина; с минуту он стоял молча и неподвижно, но затем, к великому изумлению своих друзей, произнес, качая головой:

— Господин Мордаунт, поединок между нами невозможен. Окажите кому-нибудь другому честь, которой вы удостоили меня. Сказав это, он снова сел.

— А,— проговорил Мордаунт,— вот уже один струсил.

— Тысяча проклятий! — воскликнул д'Артаньян, бросаясь к молодому человеку.— Кто смеет говорить, что Атос трусит?

— Пусть говорит, д'Артаньян, оставьте его,— отвечал Атос с улыбкой, полной горечи и презрения.

— Это ваше решительное слово, Атос? спросил гасконец.

— Бесповоротное.

— Хорошо, мы не будем настаивать.

И он продолжал, обращаясь к Мордаунту:

— Вы слышали, сударь, граф де Ла Фер не желает оказать вам чести драться с вами. Выберите кого-нибудь из нас вместо него.

— Раз я не могу драться с ним,— ответил Мордаунт,— мне безразлично, с кем драться. Напишите ваши имена на билетиках, бросьте их в шляпу, а я вытяну наудачу.

— Вот это мысль! — согласился д'Артаньян.

— Действительно, это решает все споры,— присоединился к нему и Арамис.

— Как это просто,— заметил Портос,— а я вот не догадался.

— Согласен, согласен,— повторил д'Артаньян.— Арамис, напишите наши имена вашим красивым мелким почерком — тем самым, каким вы писали Аглае Мишон, предупреждая ее, что матушка господина Мордаунта замышляет убить милорда Бекингэма.

Мордаунт снес новый удар, не моргнув бровью. Он стоял, скрепив руки, и казался спокойным, насколько мог быть спокоен человек в его положении. Если это и не была храбрость, то во всяком случае гордость, очень напоминающая храбрость.

Арамис подошел к письменному столу Кромвеля, оторвал три куска бумаги одинаковой величины и написал на одном из них свое имя, а на двух других имена д'Артаньяна и Портоса. Все три записки он показал Мордаунту открытыми; но тот даже не взглянул на них и кивнул головой, как бы желая сказать, что он целиком полагается на него. Арамис свернул все три бумажки, бросил их в шляпу и протянул ее молодому человеку.

Мордаунт опустил руки в шляпу, вынул одну из трех бумажек и, не читая, бросил ее небрежно на стол.

— А, змееньш! — бормотал д'Артаньян.— Я бы охотно отдал все мои шансы на чин капитана мушкетеров, чтобы только ты вынул мое имя.

Арамис развернул бумажку, и, как ни старался он сохранить хладнокровие, голос его задрожал от ненависти и страстного желания сражаться первым.

— Д'Артаньян! — громко прочел он.

Д'Артаньян испустил радостный крик.

— Ага! Есть, значит, правда на земле! — воскликнул он.

Затем обернулся к Мордаунту:

— Надеюсь, сударь, что вы ничего не имеете возразить против этого?

— Ничего, сударь,— отвечал Мордаунт; он в свою очередь вынул из ножен шпагу и согнул ее, оперев в носок сапога.

Как только д'Артаньян увидел, что желание его исполнилось и что добыча теперь не ускользнет от него, к нему вернулось все его спокойствие и хладнокровие и даже та медлительность, с какой он имел обыкновение делать приготовления к такому важному делу, как поединок. Он быстро снял с себя манжеты и пошаркал правой ногой по паркету, успев в то же время подметить, что Мордаунт вторично бросил вокруг себя тот странный взгляд, который д'Артаньян уже заметил раньше.

— Вы готовы, сударь? — спросил он наконец.

— Я жду вас, — отвечал Мордаунт, подымая голову и окидывая д'Артаньяна взглядом, выражение которого передать невозможно.

— Ну так берегитесь, сударь, — проговорил гасконец, — потому что я довольно хорошо владею шпагой.

— Я тоже, — отвечал Мордаунт.

— Тем лучше: совесть моя спокойна. Защищайтесь!

— Одну минуту! — прервал его молодой человек. — Дайте слово, господа, что вы будете нападать на меня не все сразу, а по очереди.

— Да ты что, смеешься над нами, змееныш! — не выдержал Портос.

— Нет, я не смеюсь, но я хочу, чтобы и у меня, как только что сказал господин д'Артаньян, совесть была спокойна.

— Нет, тут что-то другое, — бормотал д'Артаньян, покачивая головой и оглядываясь с некоторым беспокойством.

— Честное слово дворянина! — сказали в один голос Арамис и Портос.

— В таком случае, господа, — потребовал Мордаунт, — отойдите куда-нибудь в угол, как это сделал граф де Ла Фер, который хотя и не желает драться, но, кажется, знаком с правилами дуэлей. Очистите нам место, оно нам будет нужно.

— Хорошо, — сказал Арамис.

— Вот еще церемонии! — заметил Портос.

— Отойдите, господа, — сказал д'Артаньян, — не следует давать господину Мордаунту ни малейшего повода поступить несогласно с правилами чести, так как я вижу, что он, — не могу, при всем уважении к противнику, не заметить, — весьма ищет этого повода.

Эта новая насмешка разбилась о бесстрастность Мордаунта.

Портос и Арамис отошли в угол, противоположный тому, где сидел Атос. Оба противника остались одни посреди комнаты, освещенной двумя лампами, стоявшими на письменном столе Кромвеля. Само собой разумеется, что углы комнаты тонули в полутьме.

— Начнем, сударь, — сказал д'Артаньян, — готовы ли вы наконец?

— Готов! — отвечал Мордаунт.

Оба противника одновременно сделали шаг вперед.

Д'Артаньян был слишком хорошим дуэлистом, чтобы «щупать» своего противника, как говорят фехтовальщики. Он нанес ему блестящий, сильный удар, Мордаунт парировал его.

— Ага! — воскликнул он, улыбаясь.

Д'Артаньян, не теряя ни минуты, продолжал нападать и нанес Мордаунту новый удар, прямой и быстрый, как молния.

Мордаунт парировал и этот удар еле заметным движением конца шпаги.

— Я начинаю думать, что игра будет веселая! — сказал д'Артаньян.

— Да, — проворчал Арамис, — играйте, только держите ухо востро.

— Черт возьми, друг мой, будьте осторожны! — сказал Пóртос. Мордаунт улыбнулся.

— Ах, сударь, — воскликнул д'Артаньян, — какая у вас скверная улыбка! Верно, сам дьявол научил вас так отвратительно улыбаться?

Мордаунт ответил только попыткой выбить шпагу из рук д'Артаньяна и нанес ему удар с такой силой, какой гасконец не ожидал встретить в слабом на вид теле. Но он столь же ловко отпарировал удар Мордаунта, и шпага последнего скользнула вдоль его шпаги, не задев груди.

Мордаунт быстро отступил назад.

— А! Вы хотите увильнуть? — вскричал, наступая на него, д'Артаньян. — Вы отступаете? Как вам будет угодно, мне это только на руку: я не вижу больше вашей противной улыбки. Вот мы и совсем в тени. Тем лучше! Вы не можете себе представить, сударь, какой у вас лживый взгляд, особенно когда вы трусите. Поглядите на меня, и вы увидите то, чего вам никогда не покажет ваше зеркало: прямой и честный взгляд.

Мордаунт ничего не ответил на этот поток слов, быть может не очень деликатных, но обычных у д'Артаньяна, у которого было правило отвлекать своего противника. Мордаунт все время отражал удары, продолжал отступать в сторону; таким образом ему удалось наконец поменяться местами с д'Артаньяном.

Он все улыбался. Эта улыбка начала беспокоить гасконца.

«Вперед, вперед, надо кончать, — говорил себе д'Артаньян. — У этого негодяя не мускулы, а пружины. Вперед!»

И он с удвоенной энергией напал на Мордаунта, который продолжал отступать, но, видимо, с намерением, так как д'Артаньян не мог уловить ни одного неверного движения его шпаги, которым можно было бы воспользоваться. Тем временем, так как комната, в сущности, была не очень велика, Мордаунт, отступая назад, скоро коснулся стены и оперся на нее левой рукой.

— А! — сказал д'Артаньян. — Теперь тебе уже некуда отступить, любезный! Господа, — продолжал он, сжимая губы и хмурия лоб, — видали вы когда-нибудь скорпиона, приколотого к стене? Нет? Так смотрите же...

И в одно мгновение ока д'Артаньян нанес Мордаунту три ужасных удара. Все три лишь едва коснулись его. Д'Артаньян не мог понять, в чем тут дело. Три друга глядели, затаив дыхание, с каплями холодного пота на лбу.

Наконец д'Артаньян, подошедший слишком близко, в свою очередь должен был отступить назад на шаг, чтобы подготовиться к четвертому удару или, вернее, чтобы нанести его, ибо для д'Артаньяна битва была чем-то вроде шахмат, то есть простором для разнообразнейших комбинаций, в которых все подробности вытекают одна из другой. Но в то мгновение, как после быстрого и короткого отступления он наносил наверняка рассчитанный удар, стена словно раскололась. Мордаунт исчез в зияющем отверстии, и шпага д'Артаньяна, попавшая в щель, разлетелась вдребезги, словно она была из стекла.

Д'Артаньян сделал шаг назад. Стена закрылась.

Мордаунт, защищаясь, подобрался к той потайной двери, через которую, как мы видели, ушел Кромвель. Словно невзначай, оперся на нее левой рукой, нащупал кнопку, нажал ее и исчез, как исчезают в театре злые духи, обладающие способностью проникать сквозь стены.

Гасконец испустил яростное проклятие, на которое с другой стороны железной двери раздался в ответ дикий, зловещий хохот. От этого хохота кровь похолодела даже в жилах скептика Арамиса.

— Друзья, ко мне! — вскричал д'Артаньян. — Высадим дверь.

— Это сатана в образе человеческого! — воскликнул Арамис, подбегая на зов друга.

— Он вырвался от нас, дьявол, вырвался! — вопил Портос, налегая своим мощным плечом на дверь, которая не поддавалась, удерживаемая секретной пружиной.

— Тем лучше, — чуть слышно пробормотал Атос.

— Я подозревал это. Тысяча чертей! — кричал д'Артаньян, изнемогая в бесплодных усилиях. — Подозревал, когда эта тварь металась по комнате; я предвидел какой-то подлый умысел. Но кто мог предугадать такое?

— Сам дьявол, его приятель, послал нам это ужасное несчастье! — воскликнул Арамис.

— Напротив, большое счастье, ниспосланное нам самим богом! — сказал с нескрываемой радостью Атос.

— Как так? — отвечал д'Артаньян, пожимая плечами и отходя от двери, которая решительно отказывалась открыться. — Вы хотите сложить оружие, Атос! Можете ли вы говорить такие вещи таким людям, как мы? Черт побери! Вы не понимаете, значит, нашего положения?

— Что, что?.. Какого положения? — спросил Портос.

— В такой игре, кто не убил, сам будет убит, — отвечал д'Артаньян. — Уж не готовы ли вы, из почтения к сыновним чувствам господина Мордаунта, позволить ему умертвить нас?

— О, д'Артаньян, друг мой!

— Можно ли смотреть на вещи с такой точки зрения? Негодяй вышлет против нас сотню солдат, которые превратят нас в порошок в этой ступке Кромвеля. Ну, друзья, в дорогу! Через пять минут будет поздно.

— Да, вы правы, в дорогу! Скорей отсюда! — согласились Атос и Арамис.

— А куда мы пойдем? — спросил Портос.

— В гостиницу, милый друг. Заберем свои пожитки, а затем, с божьей помощью, скорей во Францию, где я знаю, по крайней мере, как построены дома. Судно ждет нас. Право, это еще большое счастье.

И д'Артаньян, спеша перейти от слов к делу, вложил в ножны обломок своей шпаги, поднял с пола шляпу, открыл дверь на лестницу и быстро сбежал вниз в сопровождении трех друзей.

В дверях беглецы встретили своих людей и спросили, не видели ли они Мордаунта. Но те не заметили, чтобы кто-нибудь вышел из дома.

'Артаньян угадал верно: Мордаунт не мог терять времени и не стал терять его даром. Зная хорошо стремительность решений и поступков своих врагов, он сам решил действовать соответственным образом. На этот раз мушкетеры встретили достойного противника.

Заперев за собой дверь, Мордаунт проскользнул в под-земелье, вложил в ножны бесполезную теперь шпагу и, добравшись до упомянутого нами грота, остановился, чтобы передохнуть и осмотреть свои ранения.

«Отлично,— сказал он себе.— Почти ничего: одни царапины — две на руках, одна на груди. Я наношу раны посерьезнее. Бетюнский палач, мой дядюшка лорд Винтер и король Карл кое-что об этом знают. А теперь не будем терять ни одной секунды, ибо одна секунда может их спасти, а они должны погибнуть все четверо сразу, пораженные земным огнем, если их не поражает небесный. Нужно, чтобы они были разорваны на части и поглощены морем. Итак, вперед! Пусть мои ноги откажутся служить и сердце в груди разорвется, но я должен быть там раньше их!»

И Мордаунт пошел быстрым, но уже ровным шагом к первой кавалерийской казарме, находившейся на расстоянии около четверти мили. Этот переход занял у него четыре или пять минут. Придя в казарму, он назвал себя, взял лучшую лошадь, вскочил на нее и выехал на большую дорогу. Через четверть часа он был уже в Гринвиче.

— Вот и гавань,— пробормотал он.— Эта темная точка там вдали — Собачий остров. Превосходно. Я прибыл на полчаса, если не на час, раньше их. И дурак же я! Чуть не задохся от чрезмерной поспешности. А теперь,— прибавил он, привстав на стременах, чтобы лучше разглядеть снасти и мачты,— где же «Молния», где же она?

В тот момент, когда он произносил про себя эти слова, какой-то человек, лежавший на свернутых канатах, встал, точно в ответ на его мысли, и направился было к Мордаунту.

Мордаунт вынул из кармана носовой платок и помахал им в воздухе. Человек, казалось, насторожился, но тем не менее стал на месте, не делая ни шага вперед или назад.

Мордаунт завязал узлы на всех четырех углах платка; человек подошел ближе. Это, как мы уже знаем, был условный знак. Моряк был закутан в широкий шерстяной плащ, скрывающий очертания его фигуры и лицо.

— Сударь,— сказал моряк,— не явились ли вы из Лондона, чтобы совершить маленькую прогулку по морю?

— Вот именно,— ответил Мордаунт,— в сторону Собачьего острова.

— Ага! И вы, наверное, подыскали себе подходящее судно? Пожалуй, вы на этот счет разборчивы? Вы хотели бы получить быстрое?

— Быстрое, как молния,— ответил Мордаунт.

— Ну, так вы напали как раз на то, что вам нужно. Я шкипер, в котором вы нуждаетесь.

— Я готов поверить вам,— сказал Мордаунт,— особенно если вы не забыли условленного знака.

— Вот он, сударь,— сказал моряк, вынимая из-под плаща платок с узелками на углах.

— Отлично! — воскликнул Мордаунт, соскакивая с лошади.— Не будем же терять времени. Отправьте мою лошадь на ближайший постоялый двор и везите меня на ваше судно.

— А ваши спутники? — спросил моряк.— Я думал, вас четверо, не считая слуг?

— Послушайте,— сказал Мордаунт, подходя к моряку,— я не тот, кого вы ожидаете, но и сами вы не то лицо, которое они надеются встретить. Вы заняли место капитана Рождерса, не так ли? Вы здесь находитесь по приказу генерала Кромвеля, и я также явился по его поручению.

— Да, да,— сказал шкипер,— я вас узнал, вы капитан Мордаунт. Мордаунт вздрогнул.

— О, не бойтесь,— сказал шкипер, снимая капюшон,— я друг.

— Капитан Грослоу! — вскричал Мордаунт.

— Он самый. Генерал вспомнил, что я был в свое время морским офицером, и поручил мне это дело. Разве что-нибудь изменилось?

— Нет, ничего. Все остается по-старому.

— Я сперва думал, что смерть короля...

— Смерть короля только ускорила их бегство; через четверть часа, а то и через десять минут они будут здесь.

— Так чего же вы хотите?

— Отправиться вместе с вами.

— А! Разве генерал сомневается в моем усердии?

— Нет. Но я хочу сам быть свидетелем моей мести. Не может ли кто-нибудь освободить меня от лошади?

Грослоу свистнул. Подошел какой-то моряк.

— Патрик,— сказал Грослоу,— отведите эту лошадь в ближайшую гостиницу и поставьте в конюшню. Если у вас спросят, чья она, ответьте, что она принадлежит одному ирландскому дворянину.

Моряк молча удалился.

— А не боитесь вы, что они вас узнают? — спросил Мордаунт.

— В этом костюме, в плаще, да еще ночью? Вы ведь меня не узнали, а они не узнают и подавно.

— Правда,— сказал Мордаунт.— К тому же мысль о вас не придет им в голову. Все готово, не так ли?

— Да.

— Погрузка закончена?

— Да.

— Пять полных бочек?

— И пятьдесят пустых.

— Да, это то, что нужно.

— Мы везем в Антверпен портвейн.

— Отлично. Теперь доставьте меня на судно и возвращайтесь на свой пост, так как они сейчас будут здесь.

— Я готов.

— Но необходимо, чтобы никто из ваших людей не видел, как я войду на судно.

— Сейчас у меня на борту только один человек, и я уверен в нем, как в самом себе. К тому же он вас не знает и так же, как его товарищи, готов повиноваться нам во всем. Он ни о чем не осведомлен.

— Хорошо. Едемте.

Они спустились к Темзе. У берега виднелась небольшая шлюпка, причаленная железной цепью к столбу. Грослоу подтянул ее поближе и держал, пока Мордаунт садился; затем прыгнул сам и, взявшись немедленно за весла, стал грести с таким искусством, которое должно было доказать Мордаунту, что он, Грослоу, был прав, утверждая, что не забыл своей прежней профессии моряка.

Через пять минут они выбрались из лабиринта разнообразных судов, которые уже в те времена загромождали подступы к Лондону, и вскоре Мордаунт увидел темную точку — небольшую фелуку, покачивающуюся на якоре в четырех или пяти кабельтовых от Собачьего острова.

Подойдя к «Молнии», Грослоу как-то особенно свистнул, и тотчас же над бортом показалась чья-то голова.

— Это вы, капитан? — послышался вопрос.

— Я, спусти лестницу.

И Грослоу, скользнув под бугшпритом, быстро и ловко, как ласточка, очутился на палубе рядом с ним.

— Поднимайтесь! — крикнул он своему товарищу.

Мордаунт, не говоря ни слова, ухватился за канат и начал взбираться с ловкостью и уверенностью, необычайной для человека, никогда не бывавшего в море. Но жажда мести, делавшая его способным на все, заменила ему опыт. Как и предполагал Грослоу, вахтенный на «Молнии» не обратил, видимо, никакого внимания на то, что его начальник явился в сопровождении другого лица.

Мордаунт и Грослоу подошли к капитанской каюте. Это была временная дощатая будочка, сооруженная на верхней палубе. Настоящая каюта была уступлена капитаном Роджерсом его пассажирам.

— А они?.. Где поместятся они? — осведомился Мордаунт.

— На другом конце, — отвечал Грослоу.

— Так что здесь им нечего делать?

— Совершенно нечего.

— Превосходно. Я спрячусь в вашей каюте. Возвращайтесь в Гринвич и забирайте их. А у вас есть шлюпка?

— Та самая, в которой мы приехали.

— Она мне показалась очень легкой и ходкой.

— Да, это настоящая индейская пирога.

— Привяжите ее канатом к корме и оставьте в ней весла, чтобы она шла следом за кораблем и чтобы оставалось только перерубить канат, когда понадобится. Поместите на ней запас рома и сухарей. Если случится непогода, ваши люди рады будут подкрепить свои силы.

— Будет исполнено. Не хотите ли пойти в кройт-камеру?

— Нет, после. Я хочу сам положить фитиль, чтобы быть уверенным, что он не будет гореть слишком долго. Только закрывайтесь получше, чтобы вас не узнали.

— Не беспокойтесь.

— Съезжайте скорей на берег, а то на Гринвичской башне бьет уже десять часов.

Действительно, десять мерных ударов колокола уныло пронеслись в воздухе, отягощенном густыми облаками, которые клубились в небе, как бесшумные волны.

Грослоу захлопнул дверь, которую Мордаунт запер изнутри, затем дал вахтенному приказ зорко следить за всем, что будет происходить вокруг, прыгнул в шлюпку и быстро отплыл, вспенивая волны ударами обоих весел.

Ветер дул холодный. На набережной, когда причалил Грослоу, не было ни души; только что, с начавшимся отливом, отошло несколько судов. Едва Грослоу успел выйти на берег, как до него донесся топот копыт по вымощенной щебнем дороге.

«Ого! Мордаунт был прав, когда торопил меня. Времени терять было нельзя. Вот они».

Действительно, это были наши друзья или, вернее, только авангард, состоявший из д'Артаньяна и Атоса. Поравнявшись с тем местом, где находился Грослоу, они остановились, как будто угадав в нем того, с кем собирались иметь дело. Атос сошел с лошади, спокойно вынул платок, завязанный на четырех углах, и взмахнул им. Д'Артаньян, как всегда осторожный, только привстал в седле и немного наклонился вперед, засунув одну руку в кобуру пистолета.

Грослоу, не будучи уверен в том, что эти двое действительно те, кого он ожидал, спрятался сперва за одну из пушек, которые были врыты в землю на набережной и служили для причала судов. Но увидав условленный знак, он вышел из-за своего прикрытия и подошел к ожидавшим его французам. Он так закутался в свой плащ, что узнать его не было никакой возможности; предосторожность почти излишняя, так как ночь была очень темная.

Тем не менее пронизательный взгляд Атоса тотчас же обнаружил, что это был не Роджерс.

— Что вам угодно? — обратился он к Грослоу, делая шаг назад.

— Я хочу сказать вам, милорд, — отвечал ему Грослоу, имитируя ирландский акцент, — что если вы ищете шкипера Роджерса, то ищите его напрасно.

— Почему? — спросил Атос.

— Потому, что сегодня утром он упал с мачты и сломал себе ногу. Но я его двоюродный брат; он рассказал мне, в чем дело, и поручил встретить вместо него и доставить, куда они пожелают, господ, которые покажут мне платок, завязанный на четырех углах, как тот, что вы держите в руке, и тот, что лежит у меня в кармане.

С этими словами Грослоу вытащил из кармана платок, который он уже показывал Мордаунту.

— И это все? — спросил Атос.

— Никак нет, милорд. Вы еще обещали заплатить семьдесят пять ливров, если я благополучно высажу вас в Булони или в другом месте на французском берегу, какое вы сами укажете.

— Что вы на это скажете, д'Артаньян? — спросил по-французски Атос.

— А что он говорит? — отвечал д'Артаньян.

— Ах! Я и забыл, что вы не понимаете по-английски! — спохватился Атос.

И он пересказал д'Артаньяну весь свой разговор со шкипером.

— Ну что же, все это кажется мне довольно правдоподобным, — решил гасконец.

— И мне тоже, — согласился Атос.

— Впрочем, если даже он и обманывает нас, мы всегда сможем разозжить ему голову.

— А кто же тогда доставит нас во Францию?

— Кто? Да вы же, Атос. Вы знаете сколько вещей, что я ни минуты не сомневаюсь, что вы отлично можете справиться с обязанностями шкипера.

— О друг мой, — с улыбкой отвечал Атос, — вы шутите, а между тем действительно мой отец готовил меня к службе во флоте, и у меня сохранились кое-какие знания насчет управления судном.

— Ну, вот видите! — воскликнул д'Артаньян.

— Итак, отправляйтесь за нашими друзьями, дорогой д'Артаньян, и возвращайтесь скорей. Уже одиннадцать часов: времени терять нельзя.

Д'Артаньян отъехал к двум всадникам, которые, держа наготове пистолеты, стояли на виду около последних домов города и поджидали, глядя на дорогу. Три других всадника стояли наготове поодаль, скрытые каким-то строением.

Два всадника, стоявшие посреди дороги, были Портос и Арамис. Три всадника подалее были Мушкетон, Блезуа и Гримо. При ближайшем рассмотрении оказалось, что Гримо был не один: на крупной лошади за ним сидел Парри, который должен был отвести назад в Лондон лошадей, принадлежавших нашим друзьям и проданных хозяину гостиницы для уплаты долгов, сделанных ими во время пребывания в городе. Благодаря этой сделке друзья наши получили возможность сохранить в своих кошельках сумму если не слишком большую, то, по крайней мере, достаточную на случай возможной задержки в пути и других неожиданностей.

Д'Артаньян сделал знак Арамису и Портосу следовать за ним. Те приказали слугам спешиться и отвязать от седел багаж.

Парри не без сожаления расстался со своими друзьями. Они звали его с собой, но он твердо решил не покидать своего отечества.

— Это понятно,— заметил Мушкетон.— Он знает, что Грослоу живет в Англии. Вот если бы Грослоу ехал с нами во Францию, тогда было бы другое дело.

Мы знаем, что у Парри были с Грослоу счеты, ибо Грослоу разбил его брату голову. Но никто не догадывался, как близка к истине была пустая болтовня лакея!

Все подошли к Атосу.

В это время д'Артаньяна вновь охватила обычная недоверчивость: и набережная стала ему казаться подозрительно пустынной, и ночь слишком темной, и шкипер ненадежным.

Он рассказал Арамису о перемене шкипера, и тот, столь же недоверчивый, поддержав его, только усилил его подозрения.

Когда д'Артаньян беспокоился, он слегка прищелкивал языком. Атос тотчас же понял, в чем дело.

— Ну, некогда раздумывать,— сказал он,— фелука ждет, надо садиться.

— Да и, кроме того, кто помешает нам обсудить наши сомнения на фелуке? — заметил Арамис.— Придется только хорошенько следить за шкипером.

— Пусть он попробует сделать что-нибудь не так, я его мигом прикончу. Только и всего! — заявил Портос.

— Вот это хорошо сказано, Портос,— одобрил д'Артаньян, хлопнув его по плечу.— Итак, садимся. Иди, Мушкетон.

И он задержал своих друзей, дав пройти вперед слугам, чтобы удостовериться, не подпилена ли доска, перекинутая в шлюпку.

Трое слуг прошли благополучно. За ними последовал Атос, затем Портос, Арамис и, наконец, все еще качавший головой и полный нерешительности д'Артаньян.

— Черт возьми! Что с вами, друг мой? — взмолился Портос.— Честное слово, так можно нагнать страх на самого Цезаря!

— Возможно,— отвечал д'Артаньян.— Но я не вижу в порту ни смотрителя, ни часовых, ни таможенников.

— Ну поехал! — сказал Портос.— Да будет вам, все идет как по маслу.

— Все идет слишком хорошо, Портос. Ну, будь что будет.

Доска была наконец отнята. Шкипер сел на руль и сделал знак одному из матросов, который, вооружившись багром, стал выводить шлюпку из лабиринта окружавших ее судов.

Другой матрос сидел, держа весла наготове. Когда выбрались на открытое место, заработали все четыре весла, и шлюпка пошла быстрее.

— Наконец-то мы уезжаем,— облегченно вымолвил Портос.

— Увы! К сожалению, мы уезжаем одни! — заметил на это граф де Ла Фер.

— Да, но зато мы уезжаем все вчетвером, не получив ни одной царапины. Пусть это послужит нам утешением.

— Ну, мы еще не дома,— продолжал свое д'Артаньян.— Мало ли что может случиться?

— Дорогой мой,— прервал его Портос,— вы словно зловещий ворон: вечно каркаете про несчастье. Ну кто может найти нас в эту темную ночь, когда в двадцати шагах ничего не видно?

— А завтра утром? — не унимался д'Артаньян.

— А завтра утром мы будем в Булони.

— О! Я этого желаю от всей души,— продолжал гасконец,— но признаюсь в своем малодушии. Приготовьтесь, Атос, вы сейчас со смеху покатитесь: все время, пока мы плыли на расстоянии ружейного выстрела от мола или судов, я ждал, что оттуда раздастся залп из мушкетов, который уничтожит нас.

— Но,— заметил на это Портос с присущим ему здравым смыслом,— это невозможно, так как тогда им пришлось бы убить и шкипера и матросов.

— Вот еще! Как будто это могло остановить господина Мордаунта! Вы думаете, он так разборчив?

— Ну,— сказал Портос,— я очень рад, что д'Артаньян признается в своем страхе.

— И не только признаюсь, но готов даже хвастаться этим. Да, я боюсь. Я не такой толстокожий носорог, как вы. Ого! Это что такое?

— «Молния»,— отвечал по-английски Грослоу и тут же прикусил язык, вспомнив, что ему не полагается, по его роли, знать французский язык и отвечать на вопросы, заданные по-французски.

К счастью для него, друзья наши, не ожидая с этой стороны опасности, не заметили его оплошности. Атос обратился к нему по-английски:

— Как, мы уже приехали?

— Подъезжаем,— отвечал Грослоу.

Действительно, несколько взмахов весел — и шлюпка ловко причалила к корме фелуки.

Вахтенный уже ожидал их и, узнав своего шкипера, спустил лестницу.

Атос взобрался первый, с ловкостью настоящего моряка. За ним последовал Арамис, вспомнив некогда привычное для него занятие проникать при помощи веревочных лестниц или иных более или менее хитрых приспособлений в различные запретные места. Д'Артаньян легко поднялся, как ловкий охотник за сернами. Портос взобрался благодаря своей геркулесовой силе, во многих случаях заменявшей ему другие качества.

Дошла очередь до слуг. Тонкий и гибкий, как кошка, Гримо никому затруднений не причинил и вскарабкался очень быстро; зато с Блезуа и Мушкетеном возни было немало: каждого из них матросы подсаживали снизу, а Портос брал сначала за шиворот, а затем перехватывал за талию и опускал на палубу возле себя.

Мнимый шкипер провел затем своих пассажиров в предназначенную для них каюту. Это была небольшая каморка, в которой четыре человека могли поместиться не без труда; затем он собрался удалиться под предлогом отдачи каких-то распоряжений.

— Одну минуту, шкипер,— остановил его д'Артаньян.— Сколько людей у вас на фелуке?

— Я не понимаю,— отвечал Грослоу по-английски.

Атос перевел шкиперу вопрос д'Артаньяна.

Д'Артаньян понял, так как Грослоу сопровождал свой ответ знаком: он оттопырил три пальца на руке.

— Так. Ну, теперь я начинаю успокаиваться. А все же, пока вы будете устраиваться, я пойду осмотрю фелуку.

— Что касается меня, то я пойду и позабочусь об ужине,— сказал Портос.

— О, это благородное и чудеснейшее намерение! Приведите его поскорее в исполнение, Портос. Атос, одолжите мне Гримо, он научился у Парри немного по-английски и будет мне служить переводчиком.

— Гримо, ступай,— приказал Атос.

На площадке стоял фонарь. Д'Артаньян взял его в одну руку, пистолет в другую и кивнул шкиперу.

— Come¹.

Это «come» вместе с «goddam»² составляли все его познания в английском языке.

Д'Артаньян спустился через люк на нижнюю палубу.

Нижняя палуба была разделена на три отделения; то отделение, в которое попал д'Артаньян, простиралось от третьего шпангоута до кормы. Над ним находилась каюта, в которой готовились провести ночь наши друзья. Второе отделение занимало среднюю часть судна; оно было предназначено для слуг. Над третьем отделением, носовым, была расположена каюта, в которой спрятался Мордаунт.

— Ого,— проговорил д'Артаньян, спускаясь по лестнице и держа фонарь в протянутой вперед руке,— сколько тут бочек!словно в погребе Али-Бабы.

Сказки «Тысячи и одной ночи» были в то время впервые переведены на французский язык и являлись самой модной книгой.

— Что вы говорите? — спросил его шкипер по-английски.

Д'Артаньян понял вопрос по интонации голоса.

— Я хотел бы знать, что здесь? — спросил д'Артаньян, ставя фонарь на одну из бочек с порохом.

Грослоу, сделав невольное движение, ухватился за верхние ступени лестницы, но удержался.

— Porto,— отвечал он по-английски.

— А, портвейн! — обрадовался д'Артаньян как тому, что дело так просто объяснилось, так и тому, что это был именно портвейн.— Это великолепно! Значит, мы не умрем от жажды!

Затем, обернувшись к Грослоу, который тем временем отирал крупные капли пота на лбу, спросил:

— Все полны?

Гримо перевел вопрос.

— Одни полные, другие пустые,— отвечал Грослоу, в голосе которого, несмотря на его усилия, слышалось беспокойство.

¹ Пойдем (англ.).

² Черт возьми (англ.).

Д'Артаньян стал ударять рукою по бочкам. Пять бочек оказались полными, остальные пустыми. Затем, к великому ужасу англичанина, он просунул между бочками фонарь, чтобы удостовериться, нет ли там кого; но все сошло благополучно.

— Ну, теперь перейдем в следующее отделение.

И с этими словами д'Артаньян подошел к двери в носовое отделение.

— Подождите, — проговорил шедший сзади англичанин, еще не успокоившийся после описанной сцены, — ключ у меня.

В этом отделении ничего интересного не оказалось, а так как оно было пусто, то решено было, что Мушкетон и Блезуа займутся там приготовлением ужина под руководством Портоса.

Отсюда перешли в третье отделение. Там висели гамаки матросов. К потолку на четырех веревках была подвешена широкая доска, служившая столом; около стола стояли две источенные червями и хромые скамьи. В этом и заключалась вся убогая обстановка каюты. Д'Артаньян приподнял два-три старых паруса, висевших на стенах, и, не увидав ничего подозрительного, поднялся по трапу на верхнюю палубу.

— А эта каюта? — спросил д'Артаньян, останавливаясь перед каютой шкипера.

Гримо перевел англичанину вопрос мушкетера.

— Это моя каюта, — отвечал Грослоу. — Вы и ее хотите посмотреть?

— Откройте двери! — потребовал д'Артаньян.

Англичанин повиновался. Д'Артаньян протянул руку с фонарем, просунул в полуоткрытую дверь голову и, увидав, что вся каюта была величиной с половину яичной скорлупы, решил:

— Ну, если и есть на фелуке вооруженная засада, то уж это никак не здесь. Пойдем теперь посмотрим, что Портос предпринял по части ужина.

И, поблагодарив шкипера кивком головы, он вернулся в каюту, где сидели его друзья.

По-видимому, Портос не нашел ничего или, должно быть, усталость взяла верх над голодом, потому что, растянувшись на своем плаще, он спал глубоким сном, когда вошел д'Артаньян.

У Атоса и Арамиса, убаюканных легкой качкой, тоже начали понемногу слипаться глаза, и они уже готовились отойти ко сну. Шум, произведенный д'Артаньяном при входе, заставил их очнуться.

— Ну что? — спросил Арамис.

— Все, слава богу, благополучно, — успокоил он их. — Мы можем спать спокойно.

Услыхав эти успокоительные слова, Арамис снова склонил свою усталую голову. Атос попытался было изобразить на своей физиономии бесконечную благодарность, которую он чувствовал по отношению к д'Артаньяну за его предусмотрительность и заботливость, но из этого ничего не вышло. Да и сам д'Артаньян, подобно Портосу, больше чувствуя потребность в сне, чем в еде, отпустил

Гримо, разложил плащ и улегся вдоль порога таким образом, что загородил собою дверь, и в каюту нельзя было попасть, не наткнувшись на него.

Глава 29

ПОРТВЕЙН

Минут через десять господа уже спали. Нельзя было того же сказать об их слугах, положительно страдавших от голода и особенно от жажды.

Мушкетон и Блезуа приготовили себе постели, положив дорожные сумки прямо на доски. На висячем, как и в другой каюте, столе стояли и покачивались, когда судно накренялось, кувшин с пивом и стаканы.

— Проклятая качка! — проговорил Блезуа. — Я чувствую, что буду все время лежать пластом.

— И что всего хуже, для борьбы с морской болезнью у нас есть только ячменный хлеб и это варево из хмеля. Скверно! — заметил Мушкетон.

— А где же ваша фляжка, Мушкетон? — спросил Блезуа, кончив приготовления для ночлега и подходя нетвердыми шагами к столу, у которого уже сидел Мушкетон. — Где ваша фляжка? Разве вы потеряли ее?

— Нет, я не потерял ее, она была у Парри, а эти черти шотландцы всегда готовы пить. А ты, Гримо, — обратился Мушкетон к своему товарищу, когда тот вернулся после обхода судна с д'Артаньяном, — тебе тоже хочется пить?

— Как шотландцу, — лаконически отвечал Гримо.

Он сел рядом с Блезуа и Мушкетонем, вынул записную книжку и стал подсчитывать общие расходы, так как он нес, между прочим, обязанности казначея.

— О! — застонал Блезуа. — Меня уже мутит.

— Если тебя мутит, — наставительно заметил Мушкетон, — съешь что-нибудь.

— По-вашему, это еда? — сказал Блезуа, презрительно указывая на ячменный хлеб и пиво.

— Блезуа, — объявил Мушкетон, — помни, что хлеб — пища каждого истинного француза. Да и всегда ли есть он у француза? Спроси-ка Гримо.

— Ну, пусть хлеб. Но пиво? — продолжал Блезуа с живостью, свидетельствующей о блестящей способности находить нужные возражения. — И пиво, по-вашему, настоящий напиток?

— Ну, — проговорил Мушкетон, поставленный в тупик, — тут, я должен признаться, это не так: пиво французу противно, как вино англичанину.

Блезуа всегда испытывал безграничное удивление перед жизненным опытом и глубокими познаниями Мушкетона; однако его вдруг обуял дух сомнения и недоверия.

— Как же это так, Мустон? Неужели англичане не любят вина?

— Они ненавидят его.

— Однако я сам видел, что они пьют его.

— Это в виде наказания. Вот тебе доказательство,— продолжал, надуваясь от важности, Мушкетон.— Один английский принц умер от того, что его посадили в бочку с мальвазией; я сам слышал, как об этом рассказывал аббат д'Эрбле.

— Вот дурень! Хотел бы я очутиться на его месте.

— Ты можешь,— заметил Гримо, продолжая свои подсчеты.

— Как так? — удивился Блезуа.

— Можешь,— повторил Гримо, считая в уме и перенося цифру четыре в следующий столбец.

— Могу? Но как же? Объясните, Гримо.

Мушкетон хранил полное молчание и даже, казалось, не обращал никакого внимания на вопросы Блезуа. Тем не менее и он насторожил уши.

Гримо продолжал считать и наконец подвел итог.

— Портвейн,— проговорил он только одно слово, указывая на среднее отделение нижней палубы, которое он и д'Артаньян осматривали в сопровождении капитана.

— Что такое? Эти бочки, что видны в щель двери?

— Портвейн,— повторил Гримо и вновь погрузился в арифметические вычисления.

— А я слышал, что портвейн — превкусное испанское вино,— снова обратился Блезуа к Мушкетону.

— Отличное,— сказал Мушкетон, обливаясь,— превосходное. Оно имеется и в погребе господина барона де Брасье.

— А что если мы попросим этих англичан продать нам бутылку портвейна? — предложил Блезуа.

— Продать? — изумился Мушкетон, в котором пробудились его старые мародерские инстинкты.— Видно сейчас, что ты еще мальчишка и не знаешь как следует жизни. Зачем покупать, когда можно взять и так?

— Взять так,— отвечал Блезуа,— то есть присвоить себе добро ближнего своего? Ведь это запрещено, кажется.

— Где это запрещено?

— В заповедях божиих или церковных, уж не знаю наверное, а только помню, что сказано: «Не пожелай дома ближнего твоего, не пожелай жены искреннего твоего».

— Ты совсем еще ребенок, Блезуа,— покровительственным тоном заметил Мушкетон.— Совсем ребенок, повторяю еще раз. Скажи-ка, где в писании сказано, что англичанин твой ближний?

— Этого действительно не сказано; по крайней мере, я что-то не помню,— отвечал Блезуа.

— Если бы ты, вроде меня или Гримо, десяток лет провел на войне, мой дорогой Блезуа, то ты научился бы различать между

домом ближнего и домом врага. Я полагаю, что англичанин есть враг, а портвейн принадлежит англичанину, и, следовательно, он принадлежит нам, так как мы французы. Разве ты не знаешь правила: все, что ты взял у неприятеля,— твое?

Речь эта, произнесенная со всей той авторитетностью, на которую Мушкетон, как ему казалось, приобрел право в силу своего долгого опыта, поразила Блезуа; он опустил голову, словно размышляя, но внезапно поднялся с видом человека, неожиданно напавшего на новый аргумент, который припрет противника к стене.

— Ну, а наши господа, они тоже так думают?

Мушкетон пренебрежительно усмехнулся.

— Недоставало только, чтобы я нарушил сон наших храбрых и добрых господ, чтобы доложить им: «Ваш слуга Мушкетон хочет пить. Пожалуйста, дайте ему ваше разрешение». Ну, спрошу я тебя, на что господину де Брасье знать, хочу я пить или нет?

— Да ведь это дорогое вино,— проговорил, качая головой, Блезуа.

— Да хоть бы оно было жидкое золото! Наши господа все равно не стали бы стесняться. Знай, что один барон де Брасье настолько богат, что мог бы выпить целую бочку портвейна, даже если бы ему пришлось платить по пистолю за каплю. И я, право, не вижу,— продолжал Мушкетон, все более и более надуваясь от чванства,— почему бы слугам отказывать себе в том, в чем не стали бы себе отказывать господа?

Встав с места, он взял кувшин с пивом, вылил его через иллюминатор в море и величественно двинулся к двери соседнего отделения на палубе.

— Ага, дверь заперта! Эти черти англичане страшно подозрительны.

— Заперта! — воскликнул Блезуа не менее жалобно.— Ах, проклятье! Вот горе-то! А у меня прямо кишки переворачиваются.

Мушкетон обернулся к Блезуа с обескураженным выражением на лице, которое ясно показывало, что он в полной мере разделяет отчаяние славного парня.

— Заперта! — повторил он.

— Но,— попытался что-нибудь придумать Блезуа,— я слышал, господин Мустон, как вы рассказывали, что однажды в молодости, кажется в Шантильи, вы прокормили себя и своего господина, ловя куропаток в силки, карпов на удочку и бутылки на шнурок.

— Это правда,— заявил Мушкетон,— это правда, суцая правда: вот и Гримо может подтвердить. Но в погребке была лазейка, и вино было розлито в бутылки; а здесь не могу же я просунуть шнурок сквозь эту дверь и протащить посудину весом пудов в тридцать.

— Этого нельзя, но можно вынуть из перегородки две-три доски, а в бочке просверлить буровом дырку,— заметил Блезуа.

Мушкетон вытаращил свои круглые глаза и посмотрел на Блезуа, как человек, встретивший в другом качества, о которых он и не подозревал.

— Правда, это можно! Но где достать клещи, чтобы отодрать доски, и бурав, чтобы просверлить бочку?

— Футляр,— вдруг вмешался Гримо, закончивший в это время свои счета.

— Ах да, футляр,— проговорил Мушкетон,— я было и забыл.

Гримо заведовал не только казной, но и оружием, кроме счетов, у него был еще футляр с инструментами. Гримо был человек величайшей предусмотрительности, и в этом футляре, тщательно уложенном в дорожный мешок, находилось все необходимое. Между прочим, имелся там и бурав почтенных размеров; им-то и вооружился Мушкетон.

Что касается до клещей, то ему недолго пришлось искать, чем заменить их, так как кинжал, заткнутый за пояс, мог отлично послужить вместо клещей. Мушкетон отыскал место, где между досками виднелись щели, и немедленно принялся за дело.

Блезуа взирал на него с изумлением и нетерпеливо следил за его работой, вмешиваясь иногда, чтобы помочь вытащить гвоздь или подать совет, всякий раз уместный и полезный.

В один миг Мушкетон оторвал три доски.

— Ловко! — заметил Блезуа.

Мушкетон, однако, являлся полной противоположностью той лягушки, которая пыталась сравниться с волом и считала, что она больше, чем была на самом деле. Он укоротил свое имя на целую треть, но не мог проделать того же со своим животом. Попытавшись пролезть в отверстие, Мушкетон с огорчением убедился, что нужно вынуть еще, по крайней мере, две или три доски.

Он вздохнул и снова принялся за работу.

Гримо, покончив со своим счетоводством, с величайшим интересом следил за ходом дела. Подойдя к товарищам, он заметил тщетные усилия Мушкетона проникнуть в обетованную землю и счел долгом вмешаться.

— Я! — проговорил он.

Это слово для Блезуа и Мушкетона стоило целого сонета, а сонет, как известно, стоит поэмы.

Мушкетон обернулся.

— Что ты? — спросил он Гримо.

— Я пролезу.

— Это правда,— согласился Мушкетон, окидывая взглядом длинную худую фигуру товарища,— это правда: ты пройдешь, ты легко пройдешь.

— Конечно,— подтвердил Блезуа.— К тому же он знает, какие бочки с вином, ведь он был в том отделении с господином д'Артаньяном. Пусть идет Гримо, Мушкетон.

— Да я и сам пролез бы не хуже Гримо,— отвечал задетый Мушкетон.

— Наверно, но это будет слишком долго, а я умираю от жажды. Мои внутренности вконец взбунтовались.

— Ну, иди, Гримо,— согласился Мушкетон, передавая ему кувшин из-под пива и бурав.

— Сполосните стаканы,— сказал Гримо.

Затем он дружески кивнул Мушкетону, словно извиняясь за то, что оканчивает операцию, так блестяще начатую другим, и, змеей проскользнув в щель, исчез в темноте.

Блезуа от восторга заплясал. Из всех безумных подвигов, совершенных необыкновенными людьми, которым он имел счастье помогать, этот подвиг казался ему самым удивительным, почти чудесным.

— Ну, теперь ты увидишь,— заговорил вновь Мушкетон все тем же тоном решительного превосходства, которому Блезуа, видимо, охотно подчинялся,— теперь ты увидишь, как пьем мы, старые солдаты, когда нас томит жажда.

— Плащ,— раздался из глубины погребца голос Гримо.

— Ах, да,— спохватился Мушкетон.

— Чего он хочет? — спросил Блезуа.

— Завесить плащом то место, где вынуты доски, чтобы закрыть лазейку.

— Это зачем? — в недоумении спросил Блезуа.

— Эх, простота! — сказал Мушкетон.— А если кто войдет?

— И то правда! — воскликнул Блезуа с явным восхищением.— Но ведь он там ничего не увидит впотьмах.

— Гримо всегда отлично видит,— заметил Мушкетон,— ночью — как днем.

— Счастливец,— ответил Блезуа.— А я вот без свечи не могу сделать и двух шагов: непременно наткнушь на что-нибудь.

— Это все оттого, что ты не был на военной службе,— отвечал Мушкетон,— а то бы ты научился отыскивать иголку в печи для хлеба. Но тише! Кто-то идет кажется.

Мушкетон издал легкий свист, служивший обоим лакеям в дни молодости тревожным сигналом. Затем поспешно присел к столу и знаком приказал Блезуа сделать то же. Блезуа повиновался. Дверь открылась, и на пороге появилось двое закутанных в плащ людей.

— Ого! — проговорил один из них.— Никто не спит, хотя уже четверть двенадцатого! Это против правил. Чтобы через четверть часа все было убрано, огонь потушен и все спали!

Оба незнакомца прошли к двери того отделения, куда проскользнул Гримо, отперли ее, вошли и замкнули за собой.

— Ах,— прошептал Блезуа.— Он погиб!

— Ну нет, Гримо — хитрая лисица! — пробормотал Мушкетон.

Оба товарища стали ждать, напрягая слух и затаив дыхание.

Прошло десять минут, в течение которых не слышно было никакого шума, который указал бы, что Гримо пойман на месте преступления.

Затем дверь снова отворилась, закутанные фигуры вышли, так же старательно затворили за собой дверь и удалились, еще раз повторив приказание погасить огонь и лечь спать.

— Как быть,— сказал Блезуа,— гасить, что ли? Мне все это кажется подозрительным.

— Они сказали «через четверть часа»; у нас еще пять минут,— отвечал Мушкетон.

— А не предупредить ли нам господ?

— Подождем Гримо.

— А если его убили?

— Гримо закричал бы.

— Разве вы не знаете, что он нем как рыба?

— Ну, тогда мы услышали бы возню, падение тела.

— А ну как он не вернется?

— Да вот он.

Действительно, в эту самую минуту Гримо отодвинул плащ, закрывавший место, где были разобраны доски, и из-под плаща показалась его голова. Лицо его было смертельно бледно, глаза расширились от ужаса, белки сверкали, а зрачки казались мертвыми точками. Он держал в руке кувшин из-под пива, чем-то наполненный; поднес его к свету маленькой копящей лампы и издал только один краткий звук: «О!», но с выражением такого глубокого ужаса, что Мушкетон в испуге отступил, а Блезуа чуть не лишился чувств.

Оба они все же заглянули в кувшин: он был полон пороху.

Убедившись, что фелука вместо вина нагружена порохом, Гримо бросился к трапу и одним прыжком очутился у двери, за которой спали четверо друзей. Подбежав к ней, он слегка толкнул ее. Дверь приотворилась и задела д'Артаньяна, который спал около нее и сразу проснулся.

Увидев взволнованное лицо Гримо, он сейчас же понял, что случилось что-то из ряда вон выходящее, и хотел крикнуть, но Гримо приложил палец к губам и в мгновение ока задул ночник, горевший в другом конце каюты.

Д'Артаньян приподнялся на локте; Гримо стал на колени и, вытянув шею, трепеща от волнения, поведал ему на ухо нечто настолько драматичное само по себе, что можно было обойтись без жестикуляции и мимики.

Пока он рассказывал, Атос, Портос и Арамис мирно спали, как люди, которые уже добрую неделю не знали настоящего сна. Между тем на нижней палубе Мушкетон сначала стоял как в столбняке, а потом спохватился и стал собираться. Блезуа, охваченный ужасом, с взъерошенными волосами, попытался делать то же самое.

Вот что случилось с Гримо.

Пройдя в среднее отделение нижней палубы, он начал свои поиски. И тотчас же натолкнулся на бочку. Он тихонько ударил по ней. Она оказалась пустой; Гримо перешел ощупью к другой, которая была тоже пустая. Третья бочка издала глухой звук; она, без сомнения, содержала драгоценный напиток. Гримо присел на корточки возле бочки и стал шарить рукой, стараясь найти, где бы поудобнее приладить бурав. Вдруг ему попался кран.

«Отлично,— подумал он,— это сильно упрощает дело».

Он подставил свой кувшин, открыл кран и почувствовал, что содержимое потихоньку переходит из одного вместилища в другое.

Гримо из предосторожности запер кран и поднес кувшин к губам, чтобы попробовать, так как по своей добросовестности не хотел угощать своих товарищей чем-нибудь таким, за что бы не мог отвечать.

В это время Мушкетон подал свой сигнал. Гримо, опасаясь ночного обхода, юркнул между бочками и притаился.

В самом деле, дверь отворилась, и вошли два закутанных в плащи человека, те самые, которые дали Блезуа и Мушкетону приказ погасить огонь.

Один из вошедших нес фонарь со стеклами, высокий, так что пламя не выбивалось наверх. Кроме того, стекла фонаря были прикрыты бумагой, которая умеряла или, вернее, поглощала свет и теплоту.

Человек этот был Грослоу.

Другой держал в руке что-то длинное, гибкое, белое, свернутое вроде каната. Лицо человека скрывалось под шляпой с широкими полями. Гримо подумал, что этих людей привело сюда то же желание, что и его, желание раздобыть портвейн. Он плотнее прижался к бочке и решил, что, если даже его изловят, преступление в конце концов не так уж велико.

Подойдя к бочке, за которой спрятался Гримо, вошедшие остановились.

— Фитиль с вами? — спросил по-английски державший фонарь.

— Вот он, — последовал ответ.

При звуке этого голоса Гримо задрожал, чувствуя, что ледяной холод проник до мозга его костей. Он тихонько приподнялся, взгляделся поверх обода бочки и под опущенными полями шляпы различил бледное лицо Мордаунта.

— Сколько времени может гореть фитиль? — обратился Мордаунт к своему спутнику.

— Думаю, что минут пять, — отвечал шкипер.

И этот голос показался Гримо немного знакомым. Он посмотрел на его спутника и после Мордаунта узнал и Грослоу.

— В таком случае, — заговорил опять Мордаунт, — вы предупредите ваших людей быть наготове, но не говорите им для чего. Шлюпка идет за фелукой?

— Как собака за хозяином, на крепкой пеньковой бечеве.

— Так вот, когда часы пробьют четверть первого, вы соберете своих людей и, соблюдая полнейшую тишину, спуститесь в шлюпку...

— Но сначала надо поджечь фитиль.

— Это уж мое дело. Я хочу быть уверенным в том, что моя месть совершится. Весла в шлюпке?

— Все готово.

— Прекрасно.

— Итак, все условлено.

Мордаунт встал на колени и всунул конец фитиля довольно глубоко в кран, так, чтобы оставалось только поджечь другой конец.

Покончив с этим, он поднялся и вынул часы.

— Вы помните? В четверть первого, иначе говоря...

Он посмотрел на часы.

— Через двадцать минут.

— Отлично,— заметил Грослоу,— только я считаю долгом еще раз предупредить вас, что вы оставили для себя самую опасную часть дела и гораздо лучше было бы поручить зажечь фитиль кому-нибудь из наших людей.

— Мой дорогой Грослоу,— отвечал на это Мордаунт,— есть французская поговорка: «Каждый сам себе лучший слуга». Я хочу применить ее на деле.

Гримо если не все понял, то все слышал: выражения лиц собеседников дополнили ему несовершенное знание языка. Он видел и узнал двух смертельных врагов мушкетеров. Он заметил, как Мордаунт вставил фитиль. Он слышал поговорку, произнесенную по-французски. Наконец, он несколько раз опускал руку в кувшин, который он держал в руке, и пальцы его, вместо вина, страстно ожидаемого Мушкетеном и Блезуа, зарывались в мелкие зерна пороха.

Мордаунт и шкипер собрались уходить. В дверях они остановились и прислушались.

— Слышите вы, как они спят? — спросил один из них.

Действительно, сверху через потолок доносился храп Портоса.

— Сам бог предает их в наши руки,— проговорил Грослоу.

— И на этот раз, думаю, сам дьявол не спасет их,— добавил Мордаунт.

С этими словами оба вышли.

Глава 30

ПОРТВЕЙН

(Продолжение)

Гримо слышал, как заскрипел замок. Затем, убедившись, что остался один, он немедленно поднялся и ощупью стал пробираться вдоль стенки.

— Ах,— мог только проговорить он, стирая рукавом выступившие у него на лбу капли пота,— какое счастье, что Мушкетону захотелось пить!

Он спешил добраться до лазейки в перегородке. Все это ему казалось сном, но порох в кувшине был настоящий и доказывал, что это была действительность, хуже всякого предсмертного бреда.

Д'Артаньян, как легко можно себе представить, выслушал все это с возрастающим интересом и, не дослушав до конца, легко вскочил и тотчас же наклонился к уху спавшего Арамиса, прижав его плечо, чтобы предупредить какое-нибудь резкое движение.

— Шевалье,— шепнул он ему,— встаньте, но постарайтесь не делать ни малейшего шума.

Арамис проснулся. Д'Артаньян повторил свое приглашение, сжав ему руку. Арамис повиновался.

— Слева от вас лежит Атос,— сказал он ему.— Предупредите его, как я предупредил вас.

Арамис без труда предупредил Атоса, который спал очень чутко, как все нервные люди; но с Портосом вышло немало возни. Он принялся было спрашивать, зачем да почему так неожиданно прервали его сон, что было ему очень неприятно; но д'Артаньян вместо всяких объяснений зажал ему рот рукой. Затем наш гасконец протянул руки, обнял своих друзей за шею, тесно прижал их к себе и зашептал:

— Друзья, нам необходимо немедленно же покинуть эту фелуку, иначе мы все погибли.

— Как? — проговорил Атос.— Опять?

— Знаете ли вы, кто у нас шкипером?

— Нет.

— Капитан Грослоу!

Д'Артаньян почувствовал, как вздрогнули его друзья, и понял, что его слова произвели надлежащее действие.

— Грослоу! — прошептал Арамис.— О, проклятие!

— Кто такой этот Грослоу? — спросил Портос.— Я не помню его.

— Это тот герой, который раскроил голову младшему Парри, а теперь готовится раскроить наши.

— Ого!

— А знаете вы, кто его помощник?

— Его помощник? — спросил Атос.— Какой такой помощник? Разве бывают помощники у шкипера на фелуке с четырьмя матросами? Что это, трехмачтовая шхуна, что ли?

— Да, но господин Грослоу не заурядный шкипер и потому имеет помощника. Помощником у него состоит Мордаунт.

При этом известии мушкетеры не только вздрогнули, но едва удержались от крика. При всех их отваге, роковое имя это имело на них какое-то таинственное влияние: им становилось страшно, даже когда его произносили.

— Что же делать? — спросил Атос.

— Овладеть фелукой,— предложил Арамис.

— А негодяя убить,— дополнил Портос.

— Фелука минирована. Бочки, которые я считал наполненными портвейном, оказались на самом деле с порохом. Когда Мордаунт увидит, что план его раскрыт, он всех взорвет, и друзей и врагов. Но, право же, этот господин такого сорта, что я не имею ни малейшего желания отправляться в его обществе ни в рай, ни в ад.

— У вас, значит, есть какой-нибудь план? — спросил Атос.

— Есть.

— В чем он заключается?

— Доверяетесь ли вы мне?

— Приказывайте! — в один голос проговорили все трое.

— Отлично; тогда идемте.

Д'Артаньян подошел к иллюминатору, размерами не больше форточки, но все же достаточно широкому, чтобы в него мог пролезть человек; он тихонько повернул на петлях ставень.

— Вот путь к спасению,— сказал он.

— Черт возьми,— заметил Арамис.— Холодно, мой друг.

— Если не хотите — оставайтесь, но предупреждаю, что сейчас здесь будет очень жарко.

— Но не можем же мы вплавь достигнуть берега!

— К фелуке привязана шлюпка. Мы сядем в нее и перережем канат, вот и все. Вперед, товарищи.

— Одну минуту,— возразил Атос.— А наши люди?

— Мы здесь,— произнесли в один голос Мушкетон и Блезуа, которых Гримо привел, чтобы собрать в каюте все силы; они незаметно проскользнули сюда через люк, находившийся у самой двери в каюту.

И все же трое друзей замерли перед жутким видом, который открылся им в узком отверстии, когда д'Артаньян поднял ставень.

Действительно, кто только видел, согласится, что нет зрелища более угнетающего, чем вид возмолванного моря, глухо катящего свои черные валы при бледном свете зимней луны.

— Великий боже! — воскликнул д'Артаньян.— Мы колеблемся, кажется? Если мы колеблемся, чего же требовать от наших людей?

— Я не колеблюсь,— заявил Гримо.

— Сударь,— пролепетал Блезуа,— я умею плавать только в реке, предупреждаю вас.

— А я совсем не умею плавать,— проговорил Мушкетон.

Тем временем д'Артаньян уже лез в иллюминатор.

— Друг мой, вы решились? — спросил Атос.

— Да,— отвечал гасконец,— следуйте и вы за мной. Вы человек совершенный, пусть ваш дух восторжествует над плотью. Вы, Арамис, командуйте людям, а вы, Портос, сокрушайте всех и все, что встанет нам на пути.

Д'Артаньян пожал руку Атосу, улучил момент, когда фелука накрепко накренилась и вода залила его до пояса, отпустил руку, которою он держался за иллюминатор, и прыгнул наружу. Не успела фелука накрениться на другую сторону, за ним последовал Атос. Затем корма стала подниматься, и они увидели, как из воды показался натянутый канат, которым была привязана шлюпка.

Д'Артаньян поплыл к канату и скоро достиг его.

Он ухватил рукой канат и держался за него, едва высунув из воды голову. Минуту спустя к нему подплыл Атос.

Затем за кормой показались еще две головы: то были Арамис и Гримо.

— Меня беспокоит Блезуа,— заметил Атос.— Вы слышали, д'Артаньян, он сказал, что умеет плавать только в реке.

— Если умешь плавать, то можешь плавать везде,— отвечал д'Артаньян.— К лодке, к лодке!

— Но Портос? Я не вижу Портоса!

— Успокойтесь. Портос сейчас явится. Он плавает, как левиафан¹. Тем не менее Портос все не появлялся. На фелуке в это время разыгрывалась трагикомическая сцена.

Мушкетон и Блезуа, напуганные шумом волн, свистом ветра, ошеломленные при виде кипящей черной пучины, не только не устремились вперед, но даже отступали.

— Ну же, вперед, смелей, в воду! — понукал Портос.

— Но, сударь, я не умею плавать, — молил Мушкетон. — Оставьте меня здесь.

— И меня тоже, — просил Блезуа.

— Уверяю вас, на такой маленькой лодке я буду только стеснять вас, — говорил Мушкетон.

— А я так наверное даже не доплыву до нее, я прямо пойду ко дну.

— Ах, вот как!.. Ну так я задушу вас, если вы не пойдете в воду! — заявил Портос, хватая обоих за горло. — Вперед, Блезуа!

Блезуа под железной рукой Портоса испустил подавленный крик, быстро замерший, так как гигант схватил его за ноги и за руки и бросил в море вниз головой.

— Ну, теперь твоя очередь, Мустон. Надеюсь, ты не покинешь своего господина?

— О сударь, зачем вы опять пошли на военную службу? Так хорошо было в Пьерфонском замке!.. — со слезами на глазах проговорил Мушкетон.

И без единого упрека, печально, покорно, отчасти из преданности хозяину, отчасти побуждаемый примером Блезуа, он очертя голову бросился в море. Это был настоящий подвиг, так как Мушкетон знал, что идет на верную смерть.

Но Портос был не такой человек, чтобы покинуть своего преданного товарища. Он так быстро последовал за ним, что плеск от падения Мушкетона слился с плеском от падения Портоса. И когда оглушенный Мушкетон был выброшен волной на поверхность, то его сразу подхватила мощная рука Портоса, и он добрался до шлюпки, не двинув и рукой, словно морское божество на дельфине.

В ту же минуту Портос увидел, что вблизи кто-то барахтается. Он схватил его за волосы; то был Блезуа, к которому уже плыл Атос.

— Не надо, не надо, граф! — крикнул ему Портос. — Я справлюсь без вас.

И действительно, несколькими сильными взмахами, поднимаясь, как Адамастор, над бушующей стихией, он присоединился к своим.

Д'Артаньян, Арамис и Гримо помогли Мушкетону и Блезуа влезть в лодку. Затем настала очередь Портоса, который, перелезая через борт, едва не перевернул легкую лодку.

— А Атос? — спросил д'Артаньян.

— Я здесь! — отозвался Атос, державшийся за борт лодки. Он, в качестве генерала, прикрывающего отступление армии, считал своим долгом войти в шлюпку последним. — Все в шлюпке?

¹ Гигантская рыба в библейских преданиях

- Все,— отвечал д'Артаньян.— Есть у вас, Атос, с собою кинжал?
- Есть.
- Ну так перережьте канат и влезайте скорей.

Атос вынул из-за пояса кинжал и перерезал канат. Фелука стала удаляться, и шлюпка свободно закачалась на волнах.

- Атос, сюда! — скомандовал д'Артаньян, протягивая ему руку.
- Граф де Ла Фер легко влез в шлюпку и занял свое место.

— Самое время,— вымолвил гасконец,— сейчас мы увидим нечто любопытное.

Глава 31

ПЕРСТ СУДЬБЫ

два д'Артаньян произнес эти слова, как на фелуке, которая уже начала исчезать в ночном тумане, послышался свисток.

— Вы хорошо понимаете,— заметил д'Артаньян,— что это что-нибудь да означает.

В ту же минуту на палубе появился фонарь и на корме показались силуэты людей.

И вдруг ужасный крик, крик отчаяния, пронесся над морем. Он, казалось, рассеял облака, закрывавшие луну, которая своим бледным светом озарила серые паруса и черные снасти фелуки. Темные тени растерянно металась по палубе, испуская жалобные вопли.

Вдруг наши друзья увидели, что на верхней площадке появился Мордаунт с факелом в руке.

Тени, метавшиеся на фелуке, означали следующее. В назначенный момент Грослоу вызвал своих людей на палубу. Мордаунт вышел из своего помещения, прислушался у двери каюты, спят ли французы, и сошел вниз, успокоенный тишиной. Действительно, можно ли было догадаться о том, что произошло?

Мордаунт открыл дверь в отделение, где находились бочки, и бросился к фитилю. Пылая жаждой мести, уверенный в себе, как всякий, ослепленный волей рока, он приложил факел к запалу.

В это время Грослоу и его матросы собрались на корме.

— Хватай канат,— скомандовал Грослоу,— и подтяни шлюпку.

Один из матросов уцепился за борт фелуки, схватил канат и начал тянуть. Канат легко подался.

— Канат перерезан! — воскликнул матрос.— Шлюпки нет.

— Как шлюпки нет? — закричал Грослоу, бросаясь в свою очередь к борту.— Этого не может быть!

— Но это так,— отвечал матрос.— Смотрите сами, канат обрзан, да вот и конец его.

Убедившись, Грослоу испустил тот ужасный вопль, который долетел до наших друзей.

— Что случилось? — вскричал Мордаунт, поднимавшийся в это время по трапу.

С факелом в руке он бросился на корму.

— Наши враги бежали. Они обрезали канат и ускользнули в шлюпке.

Одним прыжком Мордаунт очутился возле каюты и распахнул дверь ударом ноги.

— Пусто! — закричал он. — О, дьяволы!

— Мы их догоним, — сказал Грослоу, — они не могли отплыть далеко, и мы потопим их, опрокинув шлюпку.

— Да, но огонь... — простонал Мордаунт, — я уже поджег...

— Что?

— Фитиль.

— Тысяча чертей! — заревел Грослоу, бросаясь к люку. — Может быть, еще не поздно!

Мордаунт ответил ужасным смехом. Черты его исказились ужасом и ненавистью. Он поднял к небу свои воспаленные глаза, как бы бросая туда последнее проклятие, швырнул факел в море и затем ринулся в воду сам.

В тот же момент, едва Грослоу успел ступить на первую ступеньку трапа, палуба треснула; из трещины, словно из кратера вулкана, с ужасающим грохотом, похожим на залп сотни орудий, вырвался сноп пламени. В багровом воздухе полетели в разные стороны горящие обломки.

Затем этот страшный огонь погас, обломки один за другим погрузились в бездну, треща и затухая, и через несколько мгновений ничто более, кроме колебания воздуха, не указывало на происшедшее. Только фелука исчезла под водой, и вместе с ней погибли Грослоу и трое его матросов.

Четверо друзей видели все это; ни одна мелочь не ускользнула от них. На миг осветил их ярко вспыхнувший свет взрыва, озаривший все море вокруг. Они увидели друг друга замершими в самых разнообразных положениях, и у всех лица выражали неопишуемый ужас, несмотря на то, что в груди их бились твердые, как бронза, сердца. Множество горящих осколков попадало в море около самой лодки. Когда вспыхнувший вулкан погас, тьма вновь покрыла и шлюпку и волнующийся океан.

С минуту царило подавленное молчание. Портос и д'Артаньян сидели, судорожно сжимая весла, и бессознательно продолжали держать их над водой, перегнувшись всем телом вперед.

— Клянусь богом, — первый прервал гробовое молчание Арамис, — на этот раз, мне кажется, все действительно кончено.

— Ко мне, господа! Сюда! Помогите! Помогите! — вдруг долетел до слуха сидевших в шлюпке жалобный голос, словно исходящий от какого-то морского духа.

Все переглянулись. Атос вздрогнул.

— Это он! Это его голос! — проговорил он.

Все хранили молчание, потому что, подобно Атосу, все узнали этот голос. Расширенными от ужаса глазами они невольно обратились

к тому месту, где исчезла фелука, и, насколько хватало зрения, всматривались в темноту.

Через минуту на воде показался человек; он плыл, с силою рас-секая волны. Атос медленно протянул руку, указывая товарищам на плывущего.

— Да, да,— проговорил д'Артаньян,— я его хорошо вижу.

— Опять он! — пыхтя, как кузнечный мех, заметил Портос.— Он, наверное, железный.

— Боже мой,— прошептал Атос.

Арамис и д'Артаньян шептались.

Мордаунт сделал еще несколько взмахов и в знак отчаяния поднял вверх одну руку.

— Господа, помогите, ради всего святого помогите! Я чувствую, силы покидают меня... я погибаю...

Голос, моливший о помощи, так дрожал, что жалость проникла в сердце Атоса.

— Несчастный! — пробормотал он.

— Только этого не хватало! — заметил д'Артаньян.— Вы еще жалуете его! Но он плывет прямо на нас. Неужели он думает, что мы возьмем его? Гребите, Портос, гребите!

И, подавая пример, д'Артаньян заработал своим веслом. Два сильных взмаха сразу продвинули шлюпку футов на двадцать.

— О! Вы не оставите меня, не дадите погибнуть, сжальтесь над несчастным! — зывал Мордаунт.

— Ага! — крикнул ему Портос.— Теперь вы, кажется, попались, старина: теперь вам не уйти, разве что прямо в ад!

— О, Портос,— умоляющим голосом произнес граф де Ла Фер.

— Оставьте меня в покое, Атос. Сказать по правде, вы становитесь смешны с вашим вечным великодушием. Предупреждаю вас, что, если он подплывет к шлюпке на десять шагов, я размозжу ему весло голову.

— О, будьте милосердны, не удаляйтесь от меня! Сжальтесь надо мной! — кричал молодой человек.

Порою волна заливала его с головой, и на поверхности появлялись пузыри от его порывистого, утомленного дыхания.

Тем временем д'Артаньян, внимательно следивший за каждым движением Мордаунта, кончил переговариваться с Арамисом и встал.

— Сударь,— обратился он к плывущему,— прошу вас удалиться. Раскаяние ваше слишком свежо, чтобы мы могли питать к нему хотя малейшее доверие. Заметьте, что обломки фелуки, на которой вы хотели испечь нас, еще дымятся, вероятно, кое-где на поверхности моря; и потому ваше теперешнее положение — прямо великолепное по сравнению с тем, что вы готовили нам. Не ваша вина, что вашими жертвами стали, вместо нас, Грослоу и его люди.

— Господа! — в отчаянии возопил Мордаунт.— Клянусь вам, что мое раскаяние искренне. Господа, я так еще молод, мне едва двадцать три года! Господа, я поддался весьма понятному чувству, я хотел отомстить за свою мать; и вы на моем месте поступили бы так же, как я.

Д'Артаньян, заметив, что Атос все более проникается чувством жалости, на последние слова Мордаунта только презрительно усмехнулся и пробормотал:

— Как сказать!

Мордаунту оставалось сделать только три-четыре взмаха, чтобы достигнуть шлюпки: близость смерти, казалось, придавала ему сверхчеловеческие силы.

— Увы,— вновь начал он,— я должен умереть! Вы хотите убить сына так же, как убили мать. Но я не признаю себя виновным. По всем законам божеским и человеческим сын должен отомстить за мать. Но если даже это преступление,— прибавил он,— то раз я каюсь, раз я прошу прощения, меня надо простить.

В эту минуту силы как будто оставили его. Он погрузился в воду, волна залила его, и голос его прервался.

— О, мое сердце разрывается! — воскликнул Атос.

Мордаунт снова появился.

— А я,— отвечал ему резко д'Артаньян,— считаю, что с этим надо покончить. Слушайте, убийца своего дяди, палач короля Карла, поджигатель, отправляйтесь-ка на дно. Если же вы приблизитесь к шлюпке еще ближе, я разможу вам веслом голову.

Мордаунт, движимый отчаянием, сделал еще один взмах по направлению к шлюпке. Д'Артаньян обеими руками поднял весло. Атос встал.

— Д'Артаньян! Д'Артаньян! — остановил он его.— Д'Артаньян, сын мой, я вас умоляю! Этот несчастный умрет, но недостойно дать погибнуть человеку, не протянув ему руку, ведь сейчас достаточно только руку протянуть, чтобы его спасти. О, мое сердце запрещает мне поступать так! Я не могу перенести этого. Пусть он живет.

— Великолепно! — воскликнул д'Артаньян.— Почему бы вам не связать себя по рукам и ногам и не отдаться этому негодю? Так было бы проще. Ах, граф де Ла Фер, вы хотите погибнуть из-за него, но я, ваш сын,— как вы сами сейчас назвали меня,— я не желаю этого.

В первый раз д'Артаньян устоял перед просьбой Атоса, когда тот называл его сыном.

Арамис хладнокровно вынул свою шпагу, которую захватил с собою и держал в зубах, когда плыл к лодке.

— Если он положит руку свою на борт,— заявил он,— я отрублю ее, так как он низкий убийца.

— А я... — начал Портос,— погодите...

— Что вы хотите сделать? — спросил Арамис.

— Я брошусь в воду и задушу его.

— О, друзья,— вскричал Атос с невыразимым чувством,— будем человечны!

Д'Артаньян застонал. Арамис опустил свою шпагу. Портос сел.

— Смотрите,— продолжал Атос,— смотрите: смерть уже кладет печать свою на его лицо, силы его истощены, еще минута — и он навеки погрузится в пучину. Друзья мои! Не заставляйте меня потом всю жизнь слышать укоры совести. Не дайте мне самому умереть

от стыда и позора. Подарите мне жизнь этого несчастного, и я благословлю вас, я...

— Я гибну! — слабо крикнул Мордаунт. — Ко мне... ко мне...

— Подождите минуту, — проговорил тихо Арамис, наклоняясь налево к д'Артаньяну. — Один взмах весла, — добавил он, наклоняясь направо к Портосу.

Д'Артаньян не ответил ни жестом, ни словом. В нем происходила борьба, вызванная отчасти мольбами Атоса, отчасти зрелищем, которое было перед его глазами. Портос шевельнул веслом, лодка повернулась носом в другую сторону, и вследствие этого Атос приблизился к утопающему.

— Граф де Ла Фер! — воскликнул Мордаунт. — Граф де Ла Фер! К вам я обращаюсь, я вас умоляю: сжальтесь надо мной... Где вы, граф де Ла Фер? Я не вижу вас больше... я умираю... Спасите... Ко мне...

— Я здесь, — проговорил Атос, наклоняясь и протягивая руку с тем достоинством и благородством, которые всегда были ему присущи, — я здесь, возьмите мою руку и влезайте в шлюпку.

— Не могу я смотреть на это, — обратился д'Артаньян к остальным двум друзьям. — Такая слабость меня возмущает.

Оба друга в это время также отвернулись и тесно прижались друг к другу, словно боясь прикоснуться к тому, кому Атос решился протянуть руку.

Мордаунт, собрав остаток сил, вынырнул на поверхность, схватил протянутую ему руку и вцепился в нее с последней надеждой.

— Отлично, — проговорил Атос, — теперь другой рукой держитесь за меня.

И он подставил ему свое плечо, голова его почти коснулась головы Мордаунта, и два смертельных врага обнялись, как два родных брата.

Мордаунт схватил своими скрюченными пальцами воротник Атоса.

— Хорошо, хорошо, — сказал граф, — теперь вы спасены, успокойтесь.

— О... моя мать! — воскликнул Мордаунт с горящим взглядом и с выражением ненависти, которое невозможно описать. — Я могу принести тебе в жертву лишь одного, но зато это будет тот, которого выбрала бы ты.

И не успел д'Артаньян крикнуть, Портос поднять весло, а Арамис нагнуться, чтобы ловчее нанести удар, как шлюпка получила страшный толчок, Атос потерял равновесие, и Мордаунт увлек его за собой в воду, испустив дикий, торжествующий крик. Он душил его в своих объятиях, как змея обвился своими ногами вокруг его ног и не давал ему возможности сделать ни одного движения.

Не успев ни крикнуть, ни позвать на помощь, Атос оказался в воде. Он пытался держаться на поверхности, но тяжесть тела Мордаунта влекла его вниз. И постепенно он стал тонуть. Некоторое время были еще видны его волосы, наконец все исчезло, и только широкая воронка указывала на место, где оба скрылись под водой; но и она вскоре сгладилась.

Трое друзей, оставшиеся в шлюпке, онемели от ужаса: их душили негодование и отчаяние. Они приподнялись и так и остались неподвижны, как статуи, с расширенными глазами и с протянутыми вперед руками. Они замерли, оцепенели, но тем сильнее слышно было биение их сердец. Портос опомнился первый. Он запустил руки в свои пышные волосы и выдрал огромный клоч их.

— О! — испустил он раздирающий вопль, особенно ужасный в устах такого человека.— О Атос, Атос! Благородное сердце! Горе, горе нам, мы тебя не уберегли!

— О горе, горе! — повторил д'Артаньян.

— Горе! — пробормотал Арамис.

В этот момент в центре кружка, освещенного луной, в четырех-пяти взмахмах пловца от лодки, опять появилась на поверхности воронка вроде той, которая сопровождала исчезновение обоих тел. Вслед за тем всплыла голова, далее лицо, бледное, но с открытыми мертвыми глазами, наконец показалась грудь. Волна приподняла труп, затем опрокинула его на спину. И при свете луны сидевшие в лодке увидели торчавший в груди кинжал с блестящей золотой рукояткой.

— Мордаунт! Мордаунт! — вскричали трое друзей.— Это Мордаунт!

— Но где же Атос? — сказал д'Артаньян.

В ту же минуту шлюпка накренилась на левую сторону под какой-то новой, невидимой тяжестью, и Гримо испустил радостный крик. Все обернулись и увидели Атоса, мертвенно бледного, с потухшим взором. Дрожащей рукой взялся он за борт лодки, чтобы передохнуть. Восемь сильных рук потянулись к нему, подхватили его и уложили на дно шлюпки. Через минуту ласки друзей, обезумевших от радости, согрели, привели в чувство и вернули к жизни графа де Ла Фер.

— Вы не ранены? — спросил д'Артаньян.

— Нет,— отвечал Атос.— А он?

— О, он? К счастью, на этот раз мертв окончательно. Смотрите!

И д'Артаньян указал рукой: в нескольких десятках футов от них плыл, качаясь на волнах, труп Мордаунта с кинжалом в груди. Он то исчезал между волнами, то поднимался на гребни и следил за своими врагами взглядом, полным насмешки и бесконечной ненависти.

Наконец он погрузился в воду. Атос проводил его взором, полным сожаления.

— Bravo, Атос! — проговорил д'Артаньян с чувством, которое редко у него вырывалось наружу.

— Великолепный удар! — воскликнул Портос.

— У меня есть сын,— сказал Атос,— я хочу жить.

— Наконец-то! — заметил д'Артаньян.

«Это не я его убил,— сказал про себя Атос,— это судьба».

Глава 32

О ТОМ, КАК МУШКЕТОНА ЕДВА НЕ СЪЕЛИ,
ПОСЛЕ ТОГО КАК РАНЬШЕ
ОН ЕДВА НЕ БЫЛ ИЗЖАРЕН

глубокое молчание надолго воцарилось в шлюпке после ужасной сцены, о которой мы только что рассказали.

Луна выглянула на минуту,— как будто судьбе хотелось, чтобы ни одна деталь не ускользнула от зрителей,— и скрылась. Все снова погрузилось во тьму, столь ужасную в пустынях, особенно в зыбкой и влажной пустыне, называемой Океаном. Слышен был только вой западного ветра, игравшего гребнями валов.

Портос первый прервал молчание.

— Я много видел на своем веку, но ничто не потрясло меня так, как это. И все же, хотя волнение еще не улеглось во мне, заявляю вам, что глубоко счастлив. У меня точно гора с плеч свалилась, и наконец-то я могу вздохнуть свободно.

В подтверждение своих слов Портос вздохнул так громко, что можно было подивиться силе его легких.

— А я,— заговорил Арамис,— не могу сказать про себя того же. Я поражен, я не верю тому, что мне говорят мои глаза, я сомневаюсь в том, что я видел, мне страшно, мне все кажется, что вот-вот вынырнет этот злодей, держа в руке кинжал, который мы видели у него в груди.

— О, на этот счет я спокоен,— отвечал Портос.— Удар пришелся под пятое ребро, и кинжал вонзился по рукоятку. Я вас не упрекаю, Атос, наоборот,— уж если ударить кинжалом, так только и так. Теперь я жив, весел, дышу легко.

— Не спешите праздновать победу, Портос! — прервал его д'Артаньян.— Никогда еще мы не подвергались такой опасности, как теперь, ведь человеку легче справиться с другим человеком, чем со стихией. Мы — в открытом море, ночью, без лоцмана, в утлой шлюпке; один порыв ветра посильнее может опрокинуть ее — и мы погибли.

Мушкетон глубоко вздохнул.

— Вы неблагодарны, д'Артаньян,— заговорил Атос,— да, неблагодарны к доброй судьбе, ведущей нас,— и это тогда, когда мы спаслись таким чудесным образом. Миновать столько опасностей для того, чтобы сразу затем погибнуть? О нет! Мы вышли из Гринвича при западном ветре. Этот ветер дует и сейчас.

Атос отыскал на небе Полярную звезду.

— Вот Большая Медведица, значит, там и Франция. Мы идем по ветру, и если он не переменится, мы попадем в Кале или в Булонь. Если шлюпка опрокинется, то мы настолько сильны и умеем так хорошо плавать,— по крайней мере пятеро из нас,— что сможем перевернуть ее, а если нам это не удастся, то будем держаться за

нее. Наконец, мы находимся на пути между Дувром и Кале и между Портсмутом и Булонью. Если бы вода сохраняла следы проходящих по ней судов, то здесь пролегла бы глубокая колея. Я ни минуты не сомневаюсь, что днем мы обязательно встретим какое-нибудь рыболовное судно, которое нас подберет.

— Ну, а если мы никого не встретим или, например, если ветер повернет к северу?

— Ну, это дело другое: тогда мы увидим землю только по ту сторону океана.

— Иначе говоря, умрем с голоду,— пояснил Арамис.

— Да, это весьма возможно,— отвечал граф де Ла Фер.

Мушкетон опять испустил вздох, на этот раз еще более грустный, чем первый.

— Ну, Мустон,— обратился к нему Портос,— и чего ты все вздыхаешь? Это становится скучным.

— Потому что холодно, сударь,— отвечал Мушкетон.

— Вздор! — заметил Портос.

— Как вздор? — изумленно спросил Мушкетон.

— Конечно. У тебя тело покрыто таким толстым слоем жира, что воздуху до тебя не добраться. Нет, тут что-то другое, говори прямо.

— Ну, если уж говорить прямо, так этот самый жир, которым вы восхищаетесь, и пугает меня.

— Да почему же, Мустон? Говори смелее, мы позволяем тебе.

— Я вспомнил, сударь, что в библиотеке замка Брасье есть много описаний путешествий и между прочим описание путешествия Жана Моке, знаменитого мореплавателя Генриха Четвертого.

— Ну и что же?

— Так вот, сударь,— продолжал Мушкетон,— в этих книгах описано много приключений на море, вроде того, что мы переживаем в настоящее время.

— Продолжай, продолжай, Мустон, это становится интересно.

— Так вот, сударь, в подобных случаях путешественники, измученные голодом, как сообщает Жан Моке, имеют ужасное обыкновение съедать друг друга, начиная с...

— С самых жирных! — воскликнул д'Артаньян, не в силах удержаться от смеха, несмотря на всю серьезность положения.

— Да, да, сударь,— отвечал Мушкетон, немного растерявшись от этого неожиданного смеха,— и позвольте мне заметить вам, что я не вижу в этом ничего смешного.

— О, вот пример истинного самопожертвования! Благородный Мустон! — сказал Портос.— Я готов биться о какой угодно заклад, что ты уже видишь, как тебя освеживали, вроде лося, разрезали на части,— и твой жирный окорок обглядывает твой господин.

— Да, сударь, хотя к этой радости, которую вы угадываете во мне, должен признаться, примешивается и печаль. Все же я не стану сожалеть о себе, если буду уверен, что умираю для вашей пользы.

— Мустон,— проговорил растроганный Портос,— если нам суждено когда-нибудь увидеть наш замок Пьерфон, то ты получишь в потомственное владение виноградник, который находится за фермой.

— И ты, конечно, назовешь его «Виноградником самоотверженности»,— сказал Арамис,— чтобы сохранить в веках память о своем великом самопожертвовании.

— Шевалье,— вмешался, смеясь, д'Артаньян,— но ведь вы, разумеется, отдадете Мустона без особых угрызений совести не раньше, чем после двух-трех дней голодовки.

— Ну нет,— заявил Арамис,— я предпочел бы Блезуа; мы его не так давно знаем.

Пока друзья перебрасывались шутками, стараясь главным образом отвлечь Атоса от мрачных мыслей о только что пережитом, слуги все же чувствовали себя как-то не по себе, за исключением одного Гримо, который был уверен, что, как бы плохо ни пришлось, беда не коснется его головы.

Он не принимал никакого участия в разговоре, молчал по своему обыкновению и изо всех сил работал обоими веслами.

— Ты все гребешь? — обратился к нему Атос.

Гримо утвердительно кивнул головой.

— А зачем?

— Я греюсь.

Действительно, у всех других зуб на зуб не попадал от стужи, а у Гримо на лбу крупными каплями выступил пот.

Вдруг Мушкетон испустил радостный крик и высоко поднял над головой руку, вооруженную бутылкой.

— О! — ликовал он, передавая бутылку Портосу.— О, дорогой господин, мы спасены. В лодке есть съестное.

Он стал проворно рыться под скамейкой, откуда вытащил столь драгоценный предмет. Там оказалась еще дюжина таких бутылок, хлеб и кусок солонины.

Нет надобности говорить, что эта находка развеселила всех, за исключением Атоса.

— Черт побери! — воскликнул Портос (а читатель помнит, что он был голоден уже, когда сажались в фелуку),— удивительно, как от волнения пустеет в желудке!

Он залпом выхлебнул бутылку и один съел добрую треть хлеба и солонины.

— Ну, а теперь спите или постарайтесь уснуть,— сказал Атос.— Я останусь на вахте.

Для всякого иного человека, не такого закала, как наши храбрые искатели приключений, подобное предложение показалось бы смешным. В самом деле, они промокли до костей, дул ледяной ветер, только что пережитое должно было помешать им заснуть. Но у этих избранных людей с железною волей, закаленных всевозможными лишениями, ничто не могло вызвать бессонницы, если наступало время для сна и он был необходим.

И вот каждый из них, вполне доверяя кормчему, устроился удобнее и постарался воспользоваться советом Атоса. Атос же, сидя у руля и устремив взгляд к небу, где он старался прочесть дорогу во Францию, остался один сидеть, как и обещал, задумчиво бодрствуя и направляя шлюпку по назначенному ей пути.

После нескольких часов сна путешественники были разбужены Атосом.

Первые утренние лучи уже озарили голубоватую поверхность моря. Впереди них, на расстоянии десяти мушкетных выстрелов, виднелась какая-то темная масса, над которой поднимался треугольный парус, узкий и длинный, как крыло ласточки.

— Корабль! — в один голос радостно вскричали четверо друзей, которым вторили — каждый по-своему — слуги.

Действительно, это было транспортное судно, шедшее из Дюнкерка в Булонь.

Голоса четырех мушкетеров, Блезуа и Мушкетона слились в единый мощный крик, перекатывавшийся по упругой водной глади, а Гримо молча надел шапку на конец весла и поднял его, стараясь привлечь внимание плывущих.

Через четверть часа шлюпка с корабля взяла их на буксир; они перешли на палубу дюнкерского судна. Гримо, от имени своего хозяина, предложил шкиперу двадцать гиней.

А в девять часов утра, благодаря попутному ветру, наши французы пристали к берегу своей родины.

— Черт возьми! Как уверенно здесь чувствуешь себя, — говорил Портос, зарываясь своими сильными ногами в песок. — Пусть-ка попробует кто-нибудь задеть меня или бросить на меня косою взгляд! Черт возьми! Я готов вызвать сейчас на бой целое государство!

— Только, пожалуйста, бросайте этот вызов не так громко, — заметил д'Артаньян, — так как на нас и без того уже начинают по-матривать.

— Что ж такое? — не унимался Портос. — Нами просто любуются!

— Ну, а я, — отвечал д'Артаньян, — вовсе не собираюсь сейчас чваниться. Я заметил, Портос, людей в черном, а при нынешних обстоятельствах, должен признаться, я побаиваюсь людей, одетых в черное.

— Это таможенные, — объяснил Арамис.

— При прежнем кардинале, — сказал Атос, — на нас обратили бы больше внимания, чем на товары. А при этом, успокойтесь, друзья, будут больше смотреть на товары, чем на нас.

— Я все-таки чувствую себя не совсем уверенно, — проговорил д'Артаньян, — и потому направлюсь в дюны.

— Отчего не в город? — спросил Портос. — Я всегда предпочту хорошую гостиницу этим пескам, которые господь сотворил, кажется, для одних кроликов. Кроме того, я хочу есть.

— Делайте, Портос, как хотите, — отвечал д'Артаньян. — Ну, а я убежден, что для людей в нашем положении самое покойное место — пустыня.

И д'Артаньян, уверенный, что на его стороне большинство, направился, не дожидаясь ответа Портоса, к дюнам. Все его спутники последовали за ним и вскоре скрылись за песчаным пригорком, не обратив на себя ничего внимания.

— Ну, а теперь, — заговорил Арамис, когда прошли около четверти мили, — поговорим.

— Нет, нет,— возразил д'Артаньян,— напротив, бежим дальше. Мы ускользнули от Кромвеля, от Мордаунта, от моря; это были три чудовища, которые готовились нас поглотить, но от господина Мазарини нам не ускользнуть.

— Вы правы, д'Артаньян,— заметил Арамис,— и мое мнение, что для безопасности нам лучше разойтись.

— Да, да, Арамис,— подтвердил д'Артаньян,— давайте разойдемся.

Портос хотел возражать против этого решения, но д'Артаньян, сжав его руку, дал понять, чтобы он помолчал. Портос подчинился своему другу всегда и во всем, со своим обычным добродушием признавая его умственное превосходство. Слова, готовые уже сорваться с его уст, замерли.

— Но к чему нам расходиться? — спросил все же Атос.

— Потому что,— начал д'Артаньян,— мы, я и Портос, были посланы к Кромвелю, а вместо этого служили Карлу Первому, что вовсе не одно и то же. Если Мазарини узнает, что мы приехали с графом де Ла Фер и шевалье д'Эрбле, то вина наша будет доказана. Если мы возвращаемся одни, то наша вина еще сомнительна, а в сомнительном положении дело можно повернуть как угодно. Во всяком случае мне хочется хорошенько подурочить господина Мазарини.

— Да,— воскликнул Портос,— вы правы!

— Вы забываете,— возразил д'Артаньяну Атос,— что мы ваши пленники. Наше слово остается в силе, и если вы доставите нас, как пленников, в Париж...

— Полноте, Атос! — прервал его д'Артаньян,— право, удивляюсь, как человек такого тонкого ума, как вы, говорит жалкие слова, которые постыдился бы сказать школьник. Шевалье д'Эрбле,— продолжал д'Артаньян, обращаясь к Арамису, который стоял, опираясь на шпагу, и, по-видимому, с первых же слов Атоса стал склоняться в пользу его мнения, хотя раньше держался противоположного,— шевалье д'Эрбле, поймите, что в данном случае я, как всегда, проявляю осторожность, быть может — чрезмерную. В конце концов, Портос и я не рискуем ничем. Но если случится, что нас попытаются арестовать на ваших глазах,— вы же понимаете, что семерых захватить не так легко, как троих,— придется пустить в ход шпаги, и дело, и без того скверное, разрастется в такую историю, которая погубит нас всех четверых. Если беда, допустим даже, обрушится на голову двоих из нас, то двое других останутся на свободе и смогут освободить двух остальных всякими правдами и неправдами. Да и как знать, может быть, в отдельности, вы у королевы, а мы у Мазарини, добьемся и получим прощение, которого нам никогда не получить, если мы будем вместе. Итак, вперед! Атос и Арамис, вы идите направо; а вы, Портос, идите со мной налево. Пусть друзья наши направятся в Нормандию, а мы кратчайшим путем — в Париж.

— Ну, а если нас по дороге захватят, как нам тайно предупредить друг друга? — спросил Арамис.

— Очень просто,— отвечал д'Артаньян,— условимся относительно пути и будем твердо держаться его. Отправляйтесь на Сен-

Валери, затем на Дьеп и оттуда прямым путем в Париж; а мы направимся на Аббевиль, Амьен, Перонн, Компьен и Санлис, и в каждой гостинице, в каждом доме, где мы будем останавливаться, мы будем писать ножом на стене или алмазом на стекле какие-нибудь знаки, которыми смогут руководиться в своих поисках те, кто останется на свободе.

— Ах, дорогой мой! Мне бы так хотелось сказать вам, что лучшее, что я видел в своей жизни, это — ваша голова! Но нет, есть еще нечто лучшее — это ваше сердце.

И Атос протянул д'Артаньяну руку.

— Бросьте, Атос, разве лисица умна? — проговорил гасконец, пожимая плечами. — Нет, она умеет только таскать кур, заметать свой след и находить дорогу ночью не хуже, чем днем. Вот и все. Итак, решено?

— Решено.

— В таком случае, разделим деньги, — продолжал д'Артаньян. — У нас должно оставаться около двухсот пистолей. Гримо, сколько там осталось?

— Сто восемьдесят полулуидоров.

— Так. А вот и солнце! Здравствуй, дорогое солнышко! Хотя ты здесь и не такое, как в моей милой Гаскони, но ты похоже, или мне кажется, что ты похоже на него. Здравствуй. Давненько я тебя не видел!

— Полно, д'Артаньян! — воскликнул Атос. — Не разыгрывайте бодрячка. У вас слезы на глазах, так будем же искренни друг перед другом, даже если эта искренность выставляет напоказ наши хорошие качества.

— Что вы, разве можно расставаться хладнокровно, да еще в такую опасную минуту, с двумя такими друзьями, как Арамис и вы?

— Нет, конечно, нельзя! — воскликнул Атос. — И поэтому обнимите меня, сын мой.

— Что это со мной? — проговорил Портос, всхлипывая. — Мне кажется, я плачу. Как это глупо!

Четверо друзей, не выдержав, бросились друг другу в объятия. В братском порыве этим людям казалось, что у них одна душа и одно сердце.

Блезуа и Гримо должны были отправиться с Атосом и Арамисом, Портосу и д'Артаньяну вполне достаточно было Мушкетона.

Как всегда в таких случаях, деньги были разделены по-братски. Затем друзья еще раз пожали друг другу руки и расстались; одни пошли в одну сторону, другие в другую. Несколько раз они оборачивались, и эхо дон не раз повторило прощальные возгласы расставшихся. Наконец они потеряли друг друга из виду.

— Черт побери, — начал Портос, — надо вам сказать сразу — не люблю таить что-либо против вас, — вы знаете д'Артаньян, я вас просто не узнаю!

— Почему же? — спросил д'Артаньян с тонкой улыбкой.

— Потому что, как вы сами говорите, Атос и Арамис подвергаются сейчас величайшей опасности, и, значит, не время покидать их

теперь. Я-то, признаюсь, готов был последовать за ними, да и сейчас рад бы вернуться, несмотря на всех Мазарини на свете.

— Вы были бы правы, Портос, если бы дело обстояло так. Но вы забываете одно пустячное обстоятельство, а этот пустячок опрокидывает все ваши соображения. Поймите, что наибольшей опасности подвергаются не наши друзья, а мы сами, и мы расстались с ними не для того, чтобы бросить их на произвол судьбы, а потому, что не желаем их скомпрометировать.

— Правда? — переспросил Портос, глядя на своего спутника изумленными глазами.

— Ну да, разумеется. Если бы нас всех схватили, им бы грозила только Бастилия, а нам с вами — Гревская площадь.

— Ого! — воскликнул Портос. — Оттуда далеко до баронской короны, которую вы мне обещали, д'Артаньян!

— Может быть, и не так далеко, как вам кажется. Вы знаете поговорку: «Все пути ведут в Рим».

— Но почему же мы подвергаемся большей опасности, чем Атос и Арамис? — осведомился Портос.

— Потому, что они исполняли только поручение королевы Генриэтты, а мы изменили Мазарини, пославшему нас в Англию; потому, что мы выехали с письмом к Кромвелю, а сделались сторонниками короля Карла; потому, что мы не только не содействовали падению головы короля Карла, осужденного всеми этими Мазарини, Кромвелями, Джойсами, Приджами, Ферфаксами, а даже пытались, хоть и неудачно, его спасти.

— Да, это, черт побери, верно, — сказал Портос. — Но каким образом вы хотите, чтобы генерал Кромвель, среди всех своих забот, нашел время помнить...

— Кромвель помнит все, у него на все есть время, и поверьте мне, друг мой, не будем терять понапрасну нашего собственного; оно слишком для нас дорого. Мы сможем считать себя в безопасности только повидавшись с Мазарини; да и то...

— Черт возьми! — буркнул Портос. — А что мы скажем Мазарини?

— Предоставьте мне действовать, у меня есть план. Смеется хорошо тот, кто смеется последний. Кромвель силен, а Мазарини хитер, но все же я предпочитаю иметь дело с ними, чем с покойным мисте-ром Мордаунтом.

— Ах, — не удержался Портос, — как это успокоительно звучит: покойный мистер Мордаунт!

— Ну, конечно, — отвечал д'Артаньян. — А теперь — в путь.

И оба они, не теряя ни минуты, направились прямой дорогой в Париж. За ними шел следом Мушкетон; всю ночь он мерз, но теперь, уже через четверть часа, ему стало очень жарко.

Атос и Арамис отправились путем, указанным д'Артаньяном. Они шли так быстро, как только могли. Им казалось, что если даже их и арестуют, то лучше, если это случится вблизи Парижа.

Каждый вечер, опасаясь быть арестованными ночью, они чертили или на стенках, или на окнах условленные знаки; но каждое утро их заставляло — к великому их изумлению — свободными.

По мере того как они приближались к Парижу, великие события, потрясавшие на их глазах Англию, исчезали из их памяти, как сон; напротив, те, которые в их отсутствие волновали Париж и Францию, вставали перед ними и словно шли им навстречу.

За время их шестинедельного отсутствия во Франции произошло столько небольших событий, что в общей сложности они составляли одно большое. Парижане в одно прекрасное утро проснулись без королевы и короля. Это их так поразило, что они никак не могли успокоиться, даже тогда, когда узнали, что вместе с королевой исчез, к великой их радости, и Мазарини.

Первым чувством, охватившим Париж, когда он узнал о бегстве в Сен-Жермен, — с подробностями которого читатель уже знаком, — был некоторый испуг, вроде того, какой охватывает ребенка, когда он ночью проснется и вдруг увидит, что он один и около него никого нет. Парламент взволновался; постановлено было избрать депутацию, которая должна была отправиться к королеве и умолить ее не лишать долее Париж своего королевского присутствия.

Но королева, с одной стороны, еще находилась под впечатлением победы при Лансе, а с другой — была горда своим столь удачно совершенным бегством. Депутаты не только не добились чести быть принятыми, но должны были простоять на улице, дожидаясь, пока канцлер — тот самый канцлер Сегье, которого мы видели в «Трех мушкетерах», когда он так усердно искал письмо чуть ли не в самом корсаже королевы, — не вынес им ультиматум двора, гласивший, что если парламент не смирится перед величием королевской власти и не выразит единогласно своего раскаяния по всем вопросам, вызвавшим разногласия между ним и двором, то завтра же Париж будет осажден: в предвидении этой осады герцог Орлеанский уже овладел мостом Сен-Клу, а принц Конде, гордый своей лансской победой, уже занял своими войсками Шарантон и Сен-Дени.

На беду двора, который, быть может, приобрел бы немало сторонников, если бы требовал меньше, этот угрожающий ответ произвел действие как раз обратное тому, которого от него ждали. Он оскорбил парламент, а парламент поддерживала буржуазия, почувствовавшая свою силу после помилования Брюсея. И в ответ на ультиматум парламент провозгласил, что кардинал Мазарини винов-

ник всех беспорядков, объявил его врагом короля и государства и приказал ему удалиться от двора в тот же день и покинуть Францию в течение недели. Про прошествии этого срока, если кардинал не подчинится решению парламента, подданные короля приглашались изгнать кардинала силой.

Этот решительный ответ, которого двор никак не ожидал, разом поставил Париж и Мазарини вне закона; осталось только ждать, кто возьмет верх — двор или парламент.

Итак, двор готовился к нападению, а Париж к защите. Горожане занялись обычным при мятеже делом: стали протягивать цепи поперек улиц и разбирать мостовые, как вдруг коадьютор привел им на помощь принца де Конти, брата принца Конде, и герцога де Лонгвиля, его зятя. Присутствие двух принцев крови в их среде придало горожанам бодрости; было у них и еще одно преимущество — численное превосходство. Эта неожиданная подмога пришла десятого января.

После бурных споров принц де Конти был назначен главнокомандующим королевской армией вне Парижа, вместе с герцогом д'Эльбефом, герцогом Бульонским и маршалом де Ла Мот в качестве генерал-лейтенантов. Герцог де Лонгвиль без особого назначения состоял при своем зяте.

А герцог де Бофор, как сообщает хроника того времени, прибыл из Вандома, радуя Париж своим надменным видом, прекрасными длинными волосами и огромной популярностью, делавшей его кумиром рынков.

Парижская армия организовалась с той быстротой, с какой буржуа превращаются в солдат, когда их побуждает к этому какое-либо чувство. Девятнадцатого января эта импровизированная армия попыталась сделать вылазку, скорее для того, чтобы убедить и других и самое себя в собственном существовании, чем с целью достигнуть каких-либо серьезных результатов. Она вышла со знаменами, на которых стоял не совсем обычный девиз: «Мы ищем нашего короля».

В следующие дни происходили мелкие операции: удалось угнать некоторое количество скота и сжечь два-три дома.

Подошел февраль. Как раз первого февраля четверо наших друзей вышли на берег в Булони и разными дорогами направились в Париж.

К концу четвертого дня Атос и Арамис осторожно обошли Нантер, боясь попасть в руки какого-нибудь отряда королевы.

Все эти хитрости очень не нравились Атосу, но Арамис основательно доказал ему, что они не имеют права рисковать своей свободой, так как обязаны исполнить поручение короля Карла; это была их священная и высокая миссия; они получили ее у подножия эшафота и закончить могут не иначе как у ног корслевы.

Атос уступил.

В предместье наших путников встретила стража — весь Париж был под ружьем. Часовой отказался пропустить двух друзей и позвал сержанта.

Тот вышел с тем важным видом, который напускают на себя буржуа, когда судьба случайно облакает их воинским званием.

— Кто вы такие? — спросил он Атоса и Арамиса.
— Мы французские дворяне, — был ответ.
— Откуда вы прибыли?
— Из Лондона.
— Что вы собираетесь делать в Париже?
— У нас есть личное дело к английской королеве.
— Вот как! Кажется, у всех сегодня — дела к английской королеве, — отвечал сержант. — У нас в кордегардии сейчас уже сидят трое дворян, которые направляются тоже к английской королеве. Их пропуска сейчас досматривают. Давайте-ка сюда ваши.

— У нас нет никаких пропусков.
— Как, никаких документов?
— Нет. Мы, как уже сказали, прибыли из Англии и совершенно не осведомлены о том, что происходит в Париже. Мы покинули его до отъезда короля.

— А! — проговорил сержант с лукавой усмешкой. — Вы, наверное, мазаринисты и хотите пробраться к нам, чтобы шпионить?

— Мой друг, — вмешался Атос, до тех пор предоставлявший говорить Арамису, — если бы мы были мазаринисты, то у нас были бы какие угодно бумаги. Поверьте мне, что в вашем положении меньше всего следует доверять документам и людям, у которых они в порядке.

— Пройдите в кордегардию, — предложил сержант. — Вы объяснитесь с начальником поста.

Сделав знак караульному, чтобы он пропустил их, сержант пошел вперед, за ним последовали наши друзья.

Кордегардия была битком набита буржуа и людьми из народа; одни играли, другие пили, третьи громко ораторствовали.

В углу, где их почти не было видно, сидели трое дворян, прибывших раньше; документы их рассматривались начальником караула, которому чин и положение позволяли сидеть в отдельной комнате.

Первым движением как вновь прибывших, так и людей, сидевших в углу, было окинуть друг друга быстрым внимательным взглядом. Ранее прибывшие были тщательно закутаны в длинные плащи. Один из них, пониже своих товарищей, скромно держался позади.

Когда сержант, войдя, объявил, что привел, по всей видимости, двух мазаринистов, эти трое насторожились. Низенький тоже вышел вперед, но потом опять отступил и скрылся в тени.

Узнав, что у вновь прибывших нет паспортов, в кордегардии решили, что их нельзя пропустить.

— А мне кажется, напротив, — заметил Атос, — что мы будем пропущены, так как, по-видимому, мы имеем дело с разумными людьми. Надо сделать очень простую вещь; стоит только доложить о нас ее величеству английской королеве, и, если она поручится за нас, то, я полагаю, едва ли вы станете задерживать нас.

При этих словах незнакомец, сидевший в тени, взволновался и дернулся от удивления так, что воротник плаща, в который он кутался, сдвинул нахлобученную шляпу, и она упала на пол. Незнакомец торопливо поднял ее и надел.

— Черт возьми,— прошептал Арамис, толкнув локтем Атоса,— вы видели?

— Что? — спросил Атос.

— Лицо этого низенького господина?

— Нет.

— Мне показалось... Но нет, это невозможно...

В эту минуту сержант, который ушел в комнату начальника караула за приказом, вышел, передал троим незнакомцам бумаги и крикнул:

— Паспорта в порядке, пропустить этих господ!

Трое незнакомцев кивнули головой и поспешили воспользоваться пропуском. По знаку сержанта дверь открылась перед ними. Арамис проводил их взглядом и, когда низенький человек проходил мимо него, схватил Атоса за руку.

— Что такое, дорогой мой? — спросил Атос.

— Я... Нет, мне, вероятно, привиделось...

Затем он обратился к сержанту:

— Будьте так добры, скажите: знаете ли вы, кто эти господа, которые только что вышли отсюда?

— Я их знаю по пропускам; это — господа де Фламаран, де Шатильон и де Брюи; они сторонники Фронды и направляются к герцогу де Лонгвиллю.

— Как странно! — проговорил Арамис, отвечая скорее самому себе, чем сержанту. — А мне показалось, что это сам Мазарини.

Сержант громко расхохотался.

— Ну,— сказал он на слова Арамиса,— зачем ему соваться к нам — чтобы угодить на виселицу? Он не так глуп.

— Может быть,— пробормотал Арамис,— может быть, у меня не такой верный глаз, как у д'Артаньяна.

— Кто здесь говорит о д'Артаньяне? — вдруг раздался голос начальника, неожиданно появившегося на пороге комнаты.

— О! — воскликнул Гримо, вытаращив глаза.

— Что это значит? — в один голос воскликнули Атос и Арамис.

— Планше! — продолжал Гримо. — Планше в офицерской форме!

— Господа де Ла Фер и д'Эрбле,— воскликнул офицер,— вы в Париже? О, как я рад! Без сомнения, вы хотите присоединиться к их высочествам?

— Как видишь, дорогой Планше,— отвечал Арамис; Атос же не мог удержаться от улыбки, узнав в столь высоком чине гражданского ополчения бывшего товарища Мушкетона, Базена и Гримо.

— А господин д'Артаньян, о котором только что упомянул господин д'Эрбле, смею спросить, где он и как?

— Мы расстались с ним четыре дня тому назад, мой дорогой друг, и, по всей вероятности, он должен был раньше нас уже прибыть в Париж.

— Нет, сударь, я уверен, что он до сих пор не являлся в столицу. Может быть, он остался в Сен-Жермене.

— Не думаю. Мы условились встретиться в «Козочке».

— Я был там сегодня.

— Ну, а красotka Мадлен имеет от него известия? — спросил с улыбкой Арамис.

— Нет, сударь, но не скрою от вас, что она изрядно беспокоится.

— Мы, — заметил Арамис, — времени не теряли и спешили изо всех сил. Однако, мой дорогой Атос, отложим пока разговор о нашем друге и поздравим сначала господина Планше.

— О, господин шевалье! — с поклоном проговорил Планше.

— Лейтенант? — спросил Арамис.

— Пока лейтенант, но мне уже обещан чин капитана.

— Отлично! — сказал Арамис. — Но как вы добились такой чести?

— Прежде всего, вы ведь знаете, господа, что это я спас господина де Рошфора?

— Ну да, конечно. Он нам сам рассказывал об этом.

— Меня тогда господин Мазарини едва не повесил, но от этого моя популярность только увеличилась.

— И эта популярность...

— Нет, кое-что получше. Вы же помните, господа, что я служил в Пьемонтском полку, где я имел честь быть сержантом?

— Да, помним.

— Ну, так вот. В один прекрасный день, когда никто не мог выстроить как следует толпу вооруженных горожан, потому что один выступал с правой ноги, другой с левой, я как раз тут подвернулся, и мне удалось заставить их всех шагать в ногу. После этого меня произвели в лейтенанты, тут же, на месте... если не боя, так учения.

— Вот как! — проговорил Арамис.

— Но позвольте, — спросил Атос, — на вашей стороне ведь очень много знати!

— Да. На нашей стороне, во-первых, как вам известно, конечно, принц де Конти, герцог де Лонгвиль, герцог де Бофор, герцог д'Эльбеф, герцог Бульонский, герцог де Шеврез, господин де Брисак, маршал де Ла Мот, господин де Люинь, маркиз де Витри, принц де Марсильяк, маркиз де Нуармутье, граф де Физск, маркиз де Лег, граф де Монтрезор, маркиз де Севинье и еще многие другие.

— А Рауль де Бражелон? — взволнованно спросил Атос. — Д'Артаньян рассказал мне, что, уезжая, он поручил его вам, дорогой Планше.

— Да, господин граф, как собственного сына, и я могу сказать, что я не спускал с него глаз.

— Так что, — воскликнул Атос дрожащим от радости голосом, — он вполне здоров? С ним ничего не случилось?

— Ничего, сударь.

— Где же он теперь?

— В гостинице «Карл Великий», как обычно.

— И проводит время...

— То у королевы английской, то у госпожи де Шеврез. Он и граф де Гиш никогда не расстаются.

— Благодарю вас, Планше, благодарю! — проговорил Атос, протягивая ему руку.

— О, граф! — растроганным голосом произнес Планше, едва касаясь его руки кончиками пальцев.

— Что вы делаете, граф? Ведь это бывший слуга! — попытался остановить его Арамис.

— Друг мой, — отвечал ему Атос, — он сообщил мне вести о Рауле.

— Ну, а теперь, — обратился к ним Планше, не расслышавший замечания Арамиса, — что собираетесь вы делать?

— Вернуться в Париж, если только, конечно, вы, мой дорогой друг, дадите нам разрешение, — отвечал Атос.

— Как, я вам буду давать разрешение? Вы смеетесь надо мной, господин граф: я весь всегда к вашим услугам.

И он почтительно поклонился.

Затем, обернувшись к своей команде, крикнул:

— Пропустить этих господ, я их знаю: это друзья господина де Бофора.

— Да здравствует Бофор! — в один голос ответила вся команда, расступаясь перед Арамисом и Атосом.

Только сержант приблизился к Планше и тихо спросил:

— Как, без пропуска?

— Без пропуска, — ответил Планше.

— Имейте в виду, капитан, — обратился к нему сержант, называя его по чину, который пока был тому только еще обещан, — имейте в виду, что один из трех людей, которые только что вышли отсюда, предупреждал меня потихоньку не доверять этим господам.

— А я, — с достоинством заметил Планше, — знаю их лично и отвечаю за них.

Сказав это, он пожал руку Гримо, которому такая честь, видимо, весьма польстила.

— Так до свидания, капитан, — простился с Планше Арамис насмешливым тоном. — Если с нами что-нибудь случится, мы обратимся к вам.

— Сударь, — отвечал ему Планше, — в этом случае, как и всегда, я ваш покорный слуга.

— А ведь ловкая шельма, и даже очень, — заметил Арамис, садясь на лошадь.

— Да и как не быть ему таким, — согласился Атос, усаживаясь в седло, — раз он столько лет чистил шляпу своего господина?

Глава 34

ПОСЛЫ

ба друга тотчас же двинулись в путь и стали спускаться по крутому склону предместья. Когда они достигли подошвы холма, они увидели, к своему великому изумлению, что улицы Парижа превратились в реки, а площади в озера. Вследствие ужасных дождей, бывших в январе, Сена выступила из берегов и затопила полстолицы.

Атос и Арамис сначала храбро въехали на лошадях в воду, но она доходила бедным животным до груди. Пришлось сменить лошадей на лодку, что наши друзья и сделали, приказав своим слугам дожидаться их на рынке.

На лодке они добрались до Лувра. Уже спустилась ночь. Вид Парижа, слабо освещенного мигающими среди этих озер фонарями, со всеми этими лодками, в которых, блестя оружием, разъезжали патрули, с ночной перекличкой стражи на постах, поразил Арамиса, необычайно легко поддающегося воинственным настроениям.

Они прибыли к королеве. Им предложили обождать в приемной, так как королева принимала в эту минуту двух господ, принесших ей вести из Англии.

— Но мы тоже, — сказал Атос слуге, передавшему ему об этом, — мы тоже не только принесли вести из Англии, но и сами прибыли оттуда.

— Разрешите в таком случае узнать ваши имена, — сказал слуга.

— Граф де Ла Фер и шевалье д'Эрбле, — ответил Арамис.

— О, тогда, — с волнением сказал слуга, услышав имена, которые так часто произносила с надеждой королева, — в таком случае ее величество ни за что не простит мне, если я заставлю вас ждать хотя бы одну минуту. Пожалуйте за мной.

Он прошел вперед, сопровождаемый Атосом и Арамисом.

Когда они подошли к комнате королевы, слуга остановил их и открыл дверь.

— Ваше величество, я осмелился нарушить ваше приказание и привел сюда двоих господ, которых зовут граф де Ла Фер и шевалье д'Эрбле.

Услышав эти имена, королева испустила крик радости, который наши друзья ясно расслышали из другой комнаты.

— Бедная королева! — пробормотал Атос.

— О, пусть войдут, пусть войдут! — воскликнула в свою очередь юная принцесса, бросаясь к двери.

Бедное дитя не покидало своей матери, разлученной со второй дочерью и обоими сыновьями.

— Входите, входите, господа! — воскликнула она, сама отворяя дверь.

Атос и Арамис вошли. Королева сидела в кресле, и перед нею стояли двое из лиц, которых мы видели в кордегардии.

Это были Фламаран и Гаспар де Колиньи, герцог Шатильонский, брат того, который семь или восемь лет перед тем был убит на дуэли на Королевской площади из-за госпожи де Лонгвиль. При появлении наших друзей они отступили на шаг и с некоторым беспокойством зашептались.

— Итак, — воскликнула английская королева, увидав Атоса и Арамиса, — наконец-то вы прибыли, верные друзья! Но королевские курьеры, как видите, опередили вас. Двор был извещен о происшедшем в Лондоне в тот момент, когда вы только вступали в Париж, и вот господа де Фламаран и де Шатильон сообщили мне по поручению ее величества Анны Австрийской последние известия из Англии.

Арамис и Атос переглянулись. Спокойствие, даже радость, сверкавшие в глазах королевы, поразили их.

— Продолжайте, прошу вас, господа, — проговорила она, обращаясь к Фламарану и Шатильону. — Итак, вы сказали, что его величество Карл Первый, мой августейший супруг, был осужден на смерть против желания большинства его подданных?

— Да, ваше величество, — пролепетал Шатильон.

Арамис и Атос переглядывались. Изумление их все возрастало.

— И когда его вели на эшафот, — продолжала королева, — на эшафот, моего супруга, короля! — возмущенный народ его освободил?

— Да, ваше величество, — отвечал Шатильон так тихо, что Атос и Арамис, несмотря на все свое внимание, едва расслышал этот утвердительный ответ.

Королева сложила руки с растроганным и благодарным выражением лица, между тем как ее дочь обвила руками ее шею и поцеловала ее глаза, залитые слезами радости.

— Теперь нам остается только засвидетельствовать вашему величеству наше глубочайшее почтение, — сказал, торопясь закончить эту тягостную для него сцену, Шатильон, покрасневший под проницательным взглядом Атоса.

— Еще минуту, господа, — сказала королева, удерживая их знаком. — Одну минуту. Граф де Ла Фер и шеваље д'Эрбле прибыли, как вы слышали, из Лондона. Как очевидцы, они сообщат, быть может, подробности, которых вы не знаете и которые вы передадите королеве, моей доброй сестре. Говорите, господа, я вас слушаю. Не скрывайте, не смягчайте ничего. Раз король жив и его честь спасена, все остальное мне безразлично.

Атос побледнел и прижал руку к груди. От королевы не ускользнуло это движение и бледность Атоса; она повторила:

— Говорите же, граф, прошу вас, говорите!

— Простите, ваше величество, — произнес наконец Атос, — но я ничего не прибавлю к рассказу этих господ, прежде чем они не признают, что, быть может, ошиблись.

— Ошиблись! — вскричала прерывающимся от волнения голосом королева. — Ошиблись! Что я слышу? Боже мой!

— Сударь, — сказал Фламаран Атосу, — если мы ошиблись, то введены в заблуждение только королевой Франции. Надеюсь, вы не

собираетесь исправлять это заблуждение, так как это значило бы опровергать слова ее величества?

— Королевы? — спросил Атос спокойным звучным голосом.

— Да, — пробормотал Фламаран, опуская глаза.

Атос печально вздохнул.

— А не того лица, которое вас сопровождало и которое мы видели вместе с вами в кордегардии у парижской заставы? Не от него ли исходит это известие в такой форме? — спросил Арамис тоном оскорбительной вежливости. — Если только мы не ошибаемся, граф де Ла Фер и я, на парижской заставе вас было трое.

Шатильон и Фламаран вздрогнули.

— Объясните, граф, что это значит? — воскликнула королева, волнение которой возрастало с каждой минутой. — Я читаю на вашем лице беду, вы колеблетесь произнести ужасную весть, ваши руки дрожат... О боже, боже! Что случилось?

— Сударь, — произнес Шатильон, — если вы принесли злую весть, слишком жестоко будет сразу сообщить ее королеве.

Арамис почти вплотную подошел к Шатильону.

— Сударь, — сказал он ему, закусив губу, — надеюсь, вы не собираетесь указывать графу де Ла Фер и мне, что мы должны говорить!

Тем временем Атос, продолжая держать руку на сердце, с поникшей головой подошел к королеве и начал взволнованным голосом:

— Ваше величество, короли по своему положению должны обладать сердцем, способным переносить тяжкие удары судьбы, невыносимые для остальных людей. Поэтому, мне кажется, с королевой, как вы, следует обходиться не так, как с обыкновенной женщиной. Несчастливая королева, вот результат миссии, которой вы почтили нас.

Атос преклонил колени перед дрожащей и оледеневшей от ужаса королевой и достал с груди ящичек, в котором находились орден, осыпанный брильянтами, который королева вручила перед отъездом лорду Винтеру, и обручальное кольцо, которое король вручил перед смертью Арамису. Эти две вещи Атос с того момента, как получил их, постоянно хранил у себя на груди.

Он открыл ящичек и подал его королеве с выражением немой и глубокой скорби.

Королева протянула руку, схватила кольцо, судорожно поднесла его к своим губам и, не в силах произнести ни звука или хотя бы вздохнуть или зарыдать, побледнела и без чувств упала на руки дочери и своих дам.

Атос поцеловал край платья несчастной вдовы и встал с торжественным видом, который произвел глубокое впечатление на присутствующих.

— Я, — сказал он, — граф де Ла Фер, дворянин, который никогда не лгал, я кланусь, сначала перед богом, а затем перед этой несчастной королевой, что все, что возможно было сделать в Англии для спасения короля, было нами сделано. А теперь, шевалье, — закончил он, обращаясь к д'Эрбле, — идемте отсюда, мы выполнили наш долг.

— Не вполне,— ответил Арамис,— нам надо еще сказать несколько слов этим господам.

И он обратился к Шатильону:

— Сударь, не угодно ли вам будет выйти вместе с нами на минутку, чтобы выслушать два слова, которые я не считаю удобным говорить в присутствии королевы?

Шатильон молча поклонился в знак согласия. Атос и Арамис прошли вперед. Шатильон и Фламаран последовали за ними. Пройдя переднюю, они вышли на широкую крытую террасу с одним окном. Арамис прошел по пустынной террасе и, став у окна, обратился к герцогу де Шатильону:

— Сударь, вы только что позволили себе обойтись с нами чрезвычайно вольно. Я не могу допустить этого ни в коем случае, и менее всего когда такое обращение исходит от лица, передающего королеве весть, сочиненную лжецом.

— Сударь! — воскликнул Шатильон.

— Но куда вы дели господина де Брюи? — иронически спросил Арамис.— Не отправился ли он менять свою физиономию, которая слишком смахивает на Мазарини? В Пале-Рояле, как известно, есть много итальянских масок и костюмов, от Арлекина до Панталоне.

— Вы, кажется, желаете нас вызвать на дуэль! — перебил его Фламаран.

— Вам это только кажется, сударь?

— Шевалье, шевалье! — пытался остановить его Атос.

— Оставьте меня, граф, в покое,— сердито отвечал Арамис.— Вы знаете, я не люблю ничего делать наполовину.

— Кончайте же,— произнес Шатильон с не меньшей надменностью, чем Арамис.

— Господа, другой на моем месте или на месте графа де Ла Фер просто арестовал бы вас, так как в Париже у нас есть друзья, но мы готовы предоставить вам случай удалиться отсюда без всяких затруднений и беспокойства. Не угодно ли вам со шпагой в руке побеседовать с нами на этой пустынной террасе?

— Охотно,— сказал Шатильон.

— Одну секунду, господа,— вмешался Фламаран.— Ваше предложение, конечно, соблазнительно, но сейчас его принять нам невозможно.

— Почему это? — спросил Арамис обычным для него вызывающим тоном.— Не близость ли Мазарини делает вас таким осторожным?

— О, вы слышите, Фламаран? — произнес Шатильон.— Не принять вызова значит запятнать свою честь и имя!

— Я вполне с вами согласен,— заметил Арамис.

— И все же мы отложим это дело. Эти господа, вероятно, также согласятся со мною.

Арамис покачал головой с дерзкой насмешкой.

Заметив это движение, Шатильон положил руку на эфес шпаги.

— Герцог,— продолжал Фламаран,— вы забываете, что вам поручено командовать в одном весьма важном деле. Вы назначены

принцем и утверждены королевой. До завтрашнего вечера вы не принадлежите себе.

— Итак, до послезавтра? — спросил Арамис.

— До послезавтра? Слишком долго ждать, — сказал Шатильон.

— Не я назначаю этот срок, — сказал Арамис, — и не я требую отсрочки. Впрочем, — прибавил он, — мы можем встретиться в завтрашнем деле.

— Да, вы правы, сударь! — воскликнул Шатильон. — Я ведь к вашим услугам, если вы потрудитесь явиться к Шарантонским воротам...

— Разумеется! Чтобы встретить вас, я готов отправиться на край света; отчего же мне не сделать для этого двух миль!

— Итак, до завтра!

— Надеюсь. Ступайте теперь к вашему кардиналу. Но раньше позволите попросить вас об одном одолжении: дайте слово, что вы ничего не скажете ему о нашем возвращении.

— Вы требуете этого?

— Почему бы нет?

— Только победители могут предъявлять требования, а вы, сударь, еще не победитель.

— В таком случае сразимся немедленно. Мы готовы, у нас нет дел на завтра.

Шатильон и Фламаран переглянулись. В словах и жесте Арамиса было столько иронии, что Шатильону очень трудно было сдержаться. Но Фламаран что-то шепнул ему, и он одумался.

— Хорошо, — обратился он к обоим друзьям, — даю слово, что наш спутник, кто бы он ни был, никогда не узнает о том, что произошло между нами. Но вы мне обещаете встретиться с нами завтра у Шарантонских ворот?

— О, — произнес Арамис, — на этот счет будьте спокойны.

Четыре дворянина обменялись поклонами и разошлись. На этот раз первыми из Лувра вышли Шатильон и Фламаран, а Атос и Арамис последовали за ними.

— За что вы так обрушились на них, Арамис? — спросил Атос.

— Я имел на это свои основания.

— Да что они вам сделали?

— Что они сделали?.. Разве вы не видели?

— Нет.

— Они усмехнулись, когда мы поклялись, что исполнили свой долг в Англии. Одно из двух: или они поверили нам, или не поверили. Если поверили, то эта усмешка — оскорбление, если же не поверили, то это тоже оскорбление. Надо им показать, что мы стоим чего-нибудь. Впрочем, я не особенно досаую, что они отложили это дело до завтра: сегодня вечером у нас найдется дело лучше, чем размахивать шпагой.

— Что же именно?

— Черт возьми! Мы попробуем захватить Мазарини.

Атос презрительно выпятил губу.

— Такие дела не по мне, вы это знаете, Арамис.

— Но почему же?

— Потому, что это похоже на засаду.

— Право, Атос, из вас вышел бы довольно странный полководец: вы сражались бы только днем, предупреждали бы врага о часе, когда намерены напасть на него, и никогда не делали бы ночных вылазок из опасения, как бы вас не упрекнули, будто вы хотите воспользоваться темнотой.

Атос улыбнулся.

— Что поделаешь, человека трудно переделать, — ответил он. — Кроме того, разве вы знаете положение дел? Может быть, арест Мазарини сейчас даже нежелателен и вместо победы приведет лишь к новым затруднениям?

— Значит, Атос, вам не нравится мое предложение?

— Вовсе нет. Я думаю, напротив, что это была бы ловкая штука. Но...

— Какое го?..

— По-моему, вам не следовало бы брать слово с этих господ, что они ничего не скажут о нас Мазарини. Ведь тем самым вы почти приняли на себя обязательство ничего не предпринимать против него.

— Клянусь вам, я не брал на себя никакого обязательства. Я считаю себя совершенно свободным. Идемте же, Атос, идемте.

— Куда?

— К герцогу де Бофору или к герцогу Бульонскому. Мы расскажем им все, что сейчас случилось.

— Да, но с тем лишь условием, что мы начнем с коадьютора. Он духовное лицо и знаток в делах совести. Мы ему откроемся, и он разрешит наши сомнения.

— Ах, — возразил Арамис, — он все испортит, все припишет себе. Мы не начнем с него, а кончим им.

Атос улыбнулся. Видно было, что у него была на уме мысль, которой он не высказывал.

— Ну, так с кого же мы начнем? — спросил он.

— С герцога Бульонского, если вы ничего не имеете против. К нему отсюда ближе всего.

— Но прежде всего вы должны разрешить мне сделать одну вещь.

— Какую?

— Зайти в гостиницу «Карл Великий», чтобы обнять Рауля.

— О, конечно! Я пойду с вами, мы вместе обнимем его.

После этого оба друга вновь сели в лодку, в которой приехали, и приказали везти себя на Рыночную площадь. Там они нашли Гримо и Блезуа, которые стерегли лошадей. Вчетвером они направились на улицу Генего.

Но Рауля не оказалось в гостинице. Утром этого дня он получил приказ от принца и тотчас выехал вместе с Оливеком.

ыйдя из гостиницы «Карл Великий», Атос и Арамис, как было заранее решено, направились сначала к герцогу Бульонскому.

Была темная ночь, и хотя в этот поздний час все, казалось, должно было быть погружено в глубокую тишину, отовсюду доносились те тысячи звуков, которые то и дело пробуждают от сна жителей осажденного города.

На каждом шагу можно было встретить баррикады, на каждом повороте улицы были протянуты цепи, на каждом перекрестке попадались бивуаки. Патрули при встречах между собой обменивались паролями. Скакали гонцы от разных командиров. Оживленные разговоры, свидетельствовавшие о возбужденном состоянии умов, происходили между мирными обывателями, теснившимися у окон, и их более воинственными согражданами, проходившими по улицам с бердышами на плечах или мушкетами в руках.

Не успели Атос и Арамис сделать несколько шагов, как их остановили около баррикады часовые, спросившие пароль.

Они ответили, что идут к герцогу Бульонскому по важному делу.

Удовлетворившись этими словами, часовые дали им провожатого, который, под предлогом их безопасности, должен был следить за ними. Провожатый пошел впереди, напевая:

Храбрый герцог наш Бульон
 Подагрой нынче удручен

Песенка эта, весьма модная в ту пору, состояла из бесчисленного количества куплетов, и в ней доставалось всем героям дня.

Подъезжая к дому герцога Бульонского, наши путники встретили маленький отряд из трех человек; люди эти знали, видимо, все пароли, так как ехали без провожатого, и стоило им сказать несколько слов встречным часовым, как их тотчас же пропускали с почетом, подобавшим, надо полагать, их рангу.

Увидев их, Атос и Арамис остановились.

— Ого! — сказал Арамис. — Вы видите, граф?

— Да, — отвечал Атос.

— Как вы думаете, кто эти всадники?

— А вы как полагаете?

— Мне кажется, это наши приятели.

— Вы не ошиблись. Я узнал Фламарана.

— А я узнал Шатильона.

— А всадник в коричневом плаще...

— Кардинал!..

— Собственной персоной!

— Как это они, черт побери, не боятся показываться у самого дома герцога Бульонского? — спросил Арамис.

Атос на это только улыбнулся, ничего не ответил. Через пять минут они стучали у двери герцога.

У входа стоял часовой, как это полагается в домах лиц с высоким положением, а во дворе находился даже маленький отряд, подчиненный помощнику принца де Конти. Как говорилось в песенке, герцог Бульонский страдал приступом подагры и лежал в постели. Но, несмотря на эту тяжелую болезнь, мешавшую ему ездить верхом уже целый месяц, то есть с того самого момента, как началась осада Парижа, он все же согласился принять графа де Ла Фер и шевалье д'Эрбле.

Друзей ввели к герцогу. Больной лежал на кровати, тем не менее в самой воинственной обстановке. На стенах были развешаны шпаги, аркебузы, пистолеты, латы, и не трудно было предвидеть, что, как только герцог выздоровеет, он тотчас же задаст врагам парламента самую хитрую задачу. А пока, к крайней своей досаде,— по его словам,— он был вынужден лежать в постели.

— Ах, господа,— воскликнул он, увидев своих двух гостей и сделав, чтобы придоняться, усилие, вызвавшее на его лице гримасу страдания,— какие вы счастливы! Вы можете ездить верхом, двигаться, сражаться за народное дело, меж тем как я,— вы сами видите — прикован к своему одру. Черт бы побрал эту подагру,— добавил он, и по лицу его снова пробежала судорога боли.— Чертова подагра!

— Монсеньер,— сказал Атос,— мы прибыли из Англии и, попав в Париж, сочли своим первым долгом узнать о вашем здоровье.

— Благодарю вас, господа, благодарю,— отвечал герцог.— Здоровье мое плохо, как вы видите, очень плохо... Чертова подагра! А, как вы приехали из Англии? Король Карл пребывает в добром здравии, я слышал?

— Он умер, монсеньер,— сказал Арамис.

— Неужели? — воскликнул герцог в изумлении.

— Он умер на эшафоте по приговору парламента.

— Не может быть!

— Казнь произошла в нашем присутствии.

— Что же мне говорил господин Фламаран?

— Господин Фламаран? — переспросил Арамис.

— Да, он только что вышел отсюда.

Атос улыбнулся.

— С двумя спутниками? — сказал он.

— Да, с двумя спутниками,— ответил герцог и тотчас прибавил с некоторой тревогой: — Разве вы их встретили?

— Да, кажется, на улице,— ответил Атос и с улыбкой взглянул на Арамиса, который, со своей стороны, глядел на него с некоторым удивлением.

— Чертова подагра! — воскликнул герцог, явно чувствуя себя неловко.

— Монсеньер,— сказал Атос,— надо быть глубоко преданным народному делу, чтобы оставаться, будучи больным, во главе армии. Такая стойкость вызывает во мне и в господине д'Эрбле величайшее восхищение.

— Что делать, господа! Надо жертвовать собой ради народного блага, и лучшим примером этого являетесь вы, столь смелые и преданные, вы, которым мой дорогой друг, герцог де Бофор, обязан своей свободой, а может быть, и жизнью. И вот, как видите, я приношу себя в жертву; но, признаюсь, силы начинают изменять мне. Голова и сердце у меня в порядке; но эта чертова подагра убивает меня, и признаюсь вам, если бы двор удовлетворил мои требования, вполне справедливые, потому что я прошу только уже обещанное мне прежним кардиналом возмещение, взамен отнятого у меня Седанского герцогства... так вот, признаюсь вам, если бы мне дали владения той же стоимости, возместив все убытки, понесенные мною за то время, что я им не пользовался, именно за восемь лет,— далее, если бы прибавили княжеский титул к родовым титулам моего дома, снова назначили моего брата Тюренна главнокомандующим,— то я тотчас бы удалился в свои поместья, предоставив двору и парламенту улаживать самим свои дела, как им заблагорассудится.

— И вы были бы совершенно правы, монсеньер,— сказал Атос.

— Таково ваше мнение, не правда ли, граф де Ла Фер?

— Вполне.

— И ваше также, шевалье д'Эрбле?

— И мое также.

— В таком случае, уверяю вас, господа,— продолжал герцог,— я, по всей вероятности, остановлюсь на этом решении. Двор делает мне в настоящее время различные предложения, и от меня одного зависит, принять их или нет. До сих пор я от них отказывался, но если такие люди, как вы, говорят мне, что я не прав, да еще чертова подагра лишает меня возможности по-настоящему служить парижанам,— то, честное слово, мне очень хочется последовать вашему совету и принять предложение, только что сделанное господином де Шатильоном.

— Примите его, герцог,— сказал Арамис,— примите его.

— Честное слово, я его приму. Мне даже досадно, что я сейчас чуть не отказался... Но на завтра у нас опять назначена встреча, и тогда мы посмотрим.

Оба друга стали прощаться с герцогом.

— Идите, господа,— сказал он им,— идите: вы, наверное, устали с дороги. Бедный король Карл! Впрочем, он сам отчасти виноват, а мы можем утешать себя уверенностью, что Франции не в чем себя упрекнуть, она сделала все, что могла, для его спасения.

— О, что касается этого,— сказал Арамис,— то мы тому свидетели, кардинал Мазарини в особенности...

— Я рад, что вы к нему справедливы. Кардинал, в сущности, совсем не плохой человек, и если бы он не был иностранцем... о, тогда ему все отдавали бы должное. Ах, эта чертова подагра!..

Атос и Арамис вышли из комнаты, но стоны больного преследовали их до самой передней. Было видно, что герцог страдает, как грешник в аду.

Выйдя на улицу, Арамис спросил Атоса:

— Ну, что вы скажете?

— О чем именно? — спросил тот.

— Да о нашем герцоге, черт возьми!

— Друг мой, я думаю то самое, что поется в песне, которую пел наш провожатый,— ответил Атос.

Храбрый герцог наш Бульон
подагрой нынче удручен.

— А вы заметили,— сказал Арамис,— что по этой причине я ни слова не сказал ему о деле, которое привело нас к нему?

— Вы поступили очень разумно: у него от ваших слов только усилился бы приступ подагры. Едем теперь к Бофору.

И оба друга направились к особняку Вандомов. Пробило десять часов, когда они подъехали к воротам.

Здесь была такая же охрана, как и у дома герцога: вид был такой же воинственный. Во дворе стояли посты и возвышались пирамиды ружей. Часовые расхаживали взад и вперед. Тут же были привязаны оседланные лошади. Атос и Арамис столкнулись в воротах с двумя всадниками, которым пришлось посторониться, чтобы дать им дорогу.

— Ага! Это положительно ночь приятных встреч! — воскликнул Арамис.— Нам очень не повезет, если мы не встретимся завтра; сегодня мы то и дело встречаемся.

— О, что до нашей встречи, сударь,— ответил Шатильон (так как это именно он выезжал вместе с Фламараном из дома герцога де Бофора),— то вы можете быть спокойны: раз мы, не ища друг друга, встретились ночью, то, без сомнения, встретимся и днем, если постараемся.

— Очень надеюсь, сударь,— сказал Арамис.

— А я вполне уверен,— сказал герцог.

Фламаран и Шатильон продолжали свой путь, Атос и Арамис спешили. Но не успели они отдать поводья слугам и сбросить с себя плащи, как к ним подошел какой-то человек; он сначала всматривался в них при неверном свете фонаря, висевшего среди двора, потом вдруг вскрикнул от изумления и бросился их обнимать.

— Граф де Ла Фер! — воскликнул он.— Шевалье д'Эрбле! Как вы сюда попали, в Париж?

— Рошфор! — вскрикнули оба друга в один голос.

— Да, это я, мы приехали, как вы знаете, из Вандома четыре или пять дней тому назад и собираемся хорошенько насолить Мазарини. Вы также по-прежнему из наших, я полагаю?

— Больше чем когда-либо. А герцог?

— Он ненавидит кардинала. Вы знаете об успехах нашего дорогого герцога? Настоящий король Парижа! Стоит ему показаться на улице, как толпа готова задушить его от восторга.

— Великолепно! — сказал Арамис.— Но скажите, это Фламаран и Шатильон выехали сейчас отсюда?

— Да, это были они. Герцог только что принимал их. Они явились, без сомнения, от имени Мазарини, но уехали ни с чем, смею вам поручиться.

— Надо надеяться! — сказал Атос.— Не окажет ли нам его высочество честь принять нас?

— Еще бы! Немедленно же. Можете быть уверены, что вас его высочество всегда примет. Следуйте за мной. Я буду иметь честь вести вас.

Рошфор прошел вперед. Все двери распахнулись настежь перед ним и его друзьями. Они застали Бофора, когда он садился за ужин, благодаря множеству хлопот в этот вечер запоздавший. Не успел Рошфор доложить принцу о посетителях, как тот тотчас же отодвинул в сторону стул, на который собирался сесть, и устремился навстречу обоим друзьям.

— А, это вы? Здравствуйте, господа! Вы пришли разделить со мной ужин, не так ли? Буажоли, предупреди Нуармона, что у меня два гостя. Вы знаете, Нуармона, не правда ли, господа? Это мой дворецкий, преемник дяди Марто. Он готовит прекраснейшие пироги, как вам известно. Буажоли, скажи ему, чтобы он подал нам лучший из своих пирогов, но только не такой, какой он приготовил для Ла Раме. Слава богу, нам теперь нет надобности в веревочных лестницах, кинжалах и грушах.

— Ваше высочество,— сказал Атос,— не беспокойте из-за нас вашего знаменитого дворецкого, разнообразные и многочисленные таланты которого нам хорошо известны. Сегодня вечером, с разрешения вашего высочества, мы хотели бы только осведомиться о вашем здоровье и выслушать ваши приказания.

— О, что касается моего здоровья, то вы сами видите, господа, оно превосходно. Здоровье, выдержавшее пять лет Венсенской крепости под началом господина де Шавиньи, устоит решительно против всего. А что касается моих приказаний, признаюсь, я в большом затруднении на этот счет. Здесь каждый отдает приказания, какие ему вздумается, и если так будет продолжаться, я кончу тем, что вовсе перестану их отдавать.

— В самом деле? — сказал Атос.— Я думал, что парламент считывал на взаимное согласие принцев.

— Да, наше согласие! Хорошее согласие! Что касается герцога Бульонского, то с ним еще можно поладить: у него подагра, и он не покидает постели. Но что касается господина д'Эльбефа и его слоноподобных сыновей... Вам известны, господа, куплеты, написанные на герцога д'Эльбефа?

— Нет, монсеньер.

— Неужели?

И герцог запел:

Д'Эльбеф и сыновья его
Не устроятся ничего:
Они на площадях столицы
Не устают грозить и злиться,
Но лишь до дела мы дойдем,
Сейчас же хвостик подожем.
И спесь и гордость на словах,
Но дальше слов — мы ни на шаг.

— Но коадьютор, надеюсь, не таков? — спросил Атос.

— С коадьютором еще хуже! Избави нас бог от этих бунтующих попов, в особенности когда у них латы под рысой. Вместо того, чтобы

спокойно сидеть в своем епископском доме и служить мессы по случаю побед, которых мы не одерживаем или при которых нас бьют, знаете вы, что он делает?

— Нет.

— Он формирует свой собственный полк, именуемый им «коринфским»¹, назначает, словно он маршал, лейтенантов и капитанов и, словно король, — полковников.

— Пусть так, — сказал Арамис. — Но когда дело доходит до сражения, я надеюсь, он прочно сидит в архиепископском дворце?

— Вовсе нет. Тут-то вы и ошибаетесь, милейший д'Эрбле. Когда приходится сражаться, он сражается. В конце концов оказывается, что, получив после смерти своего дяди кресло в парламенте, он постоянно путается у нас под ногами: в парламенте, в совете, на поле сражения. А принц де Конти — генерал на картинке. И что это за картинка: принц — горбун! Да, все идет очень скверно, господа! Очень скверно!

— Так что вы, выше высочество, недовольны? — сказал Атос, обменявшись взглядом с Арамисом.

— Недоволен? Скажите лучше, что мое высочество взбешено до такой степени, — вам я это скажу, другим говорить не стал бы, — до такой степени, что если королева признает свою вину передо мной, вернет мою мать из ссылки и назначит меня пожизненно адмиралом, как мне было обещано после смерти моего отца, адмирала, то я, кажется, соглашусь дрессировать собак, умеющих говорить, что во Франции есть и похуже грабители, чем господин Мазарини.

На этот раз Атос и Арамис обменялись не только взглядом, но и улыбкой; если бы они даже не встретились с Шатильоном и Фламараном, то могли бы угадать, что те побывали здесь раньше их. Поэтому они ни словом не обмолвились о том, что Мазарини находился в этот момент в Париже.

— Монсеньер, — сказал Атос, — мы теперь вполне удовлетворены. Явившись в этот час к вашему высочеству, мы не имели иной цели, как только доказать нашу преданность и заявить вам, что мы всецело в вашем распоряжении как самые верные слуги.

— Как мои самые верные друзья, господа, самые верные друзья. Вы это доказали, и если я когда-либо примирюсь с двором, я надеюсь в свою очередь доказать вам, что остался вашим другом, как и другом тех господ, — черт возьми, как же их зовут, — д'Артаньян и Портос, кажется?

— Д'Артаньян и Портос.

— Да, вот именно! Итак, помните, граф де Ла Фер, и вы, шевалье д'Эрбле, что я весь и всегда к вашим услугам.

Атос и Арамис поклонились и вышли.

— Дорогой мой Атос, — спросил Арамис, — вы, кажется, согласились сопутствовать мне только для того, чтобы дать мне урок?

---

¹ Кoadьютор носил почетный титул «архиепископа коринфского».

— Подождите, дорогой мой,— ответил Атос,— что вы еще скажете, когда мы будем уходить от коадьютора.

— Так идемте скорей в архиепископство,— сказал Арамис.

И они направились в Старый город.

Приближаясь к этой колыбели Парижа, Атос и Арамис попали на улицы, залитые водою; им снова пришлось взять лодку.

Был уже двенадцатый час, но всем было известно, что к коадьютору можно было являться в любое время. Его невероятно деятельная натура способна была, в случае надобности, превращать день в ночь и наоборот.

Дворец архиепископа стоял в воде, и по бесчисленным лодкам, окружавшим его, можно было вообразить себе, что находишься не в Париже, а в Венеции.

Лодки сновали по всем направлениям, то углубляясь в лабиринт улиц Старого города, то удаляясь по направлению к арсеналу или набережной Сен-Виктор, где они плыли, как по озеру. На некоторых из этих лодок царил мрак и таинственное молчание, на других было шумно, и они были освещены. Оба друга, пробираясь между этих лодок, причалили к дому. Весь нижний этаж епископского дворца был совершенно залит; но к стенам его были приставлены лестницы, и потому единственным изменением, которое внесло наводнение, было то, что посетителям приходилось проникать в здание не через двери, а через окна.

Таким образом и проникли Атос и Арамис в переднюю дворца. Она была переполнена лакеями, так как в приемной находилось с десяток разных сановников.

— Боже мой! — воскликнул Арамис.— Посмотрите, Атос. Неужели возгордившийся коадьютор заставит нас дожидаться в передней? Атос улынулся.

— Милый друг,— ответил он,— надо считаться с положением людей, с которыми имеешь дело. Этот коадьютор в настоящее время один из семи или восьми королей, правящих Парижем, и у него целый двор.

— Поэтому велим доложить о себе, и если прием его нам не понравится,— пусть он без нас занимается делами Франции и своими собственными. Наше дело сейчас сводится к тому, чтобы подозвать лакея и вручить ему полпистоля.

— Посмотрите!.. Я не ошибаюсь... ну, конечно, это Базен! Поди-ка сюда, плут ты этакий!

Базен, проходивший в эту минуту в своем духовном облачении через переднюю, обернулся и, нахмурившись, посмотрел в их сторону, желая знать, кто тот дерзкий, который решил так позвать его. Но едва узнал он Арамиса, как тотчас же обратился из тигра в ягненка и подошел к обоим друзьям.

— Как, это вы, господин шевалье? Это вы, граф? — воскликнул он.— Вы здесь в ту самую минуту, когда мы так беспокоимся о вас! О, как я счастлив снова вас видеть!

— Хорошо, хорошо, друг Базен,— сказал Арамис,— без комплиментов. Мы пришли, чтобы повидать господина коадьютора; но мы спешим, и нам необходимо видеть его сейчас же.

— Конечно,— сказал Базен,— сию же минуту! Таких вельмож, как вы, не заставляют ждать в передней. Только в настоящую минуту у него секретная беседа с неким господином де Брюи.

— Де Брюи! — воскликнул Атос и Арамис в один голос.

— Да, докладывая о нем, я хорошо запомнил его имя. Вы с ним знакомы, сударь? — добавил Базен, обернувшись к Арамису.

— Кажется, я его знаю.

— Что касается меня,— сказал Базен,— то он был до такой степени плотно закутан в свой плащ, что я совершенно не мог рассмотреть его лица. Теперь я пойду доложить о вас; может быть, мне и посчастливится.

— Не нужно. Мы отложим свидание с господином коадьютором до другого раза, не так ли, Атос?

— Как вам будет угодно,— сказал граф.

— Да, ему нужно обсудить слишком много важных дел с этим господином де Брюи.

— Должен ли я сказать ему, что вам было угодно посетить архиепископский дворец?

— Нет, не стоит,— сказал Арамис.— Пойдемте, Атос.

И оба друга, протискавшись сквозь толпу лакеев, вышли из дворца, провожаемые Базеном, который почтительно отвечивал им поклоны.

— Ну что,— спросил Атос, когда оба они уже были в лодке,— согласны вы теперь со мной, мой друг, что мы оказали бы медвежью услугу всем этим господам, задержав Мазарини?

— Вы воплощенная мудрость, Атос,— отвечал Арамис.

Всего более поразило обоих друзей, что французский двор проявил так мало интереса к страшным событиям, совершившимся в Англии, тогда как, по их мнению, эти события должны были приковать внимание всей Европы.

В самом деле, не считая несчастной вдовы и сироты принцессы, плававших в одном из закоулков Лувра, никто, казалось, не думал о том, что был когда-то на свете король Карл I и что король этот только что казнен на эшафоте.

Оба друга, условившись встретиться на следующий день в десять часов, расстались. Несмотря на позднее время, Арамис заявил, что должен сделать несколько неотложных визитов, и предоставил Атосу вернуться в гостиницу одному.

На следующий день, ровно в десять часов, они встретились. Атос, со своей стороны, вышел из гостиницы уже в шесть часов утра.

— Ну, что у вас нового? — спросил Атос.

— Ничего. Д'Артаньяна никто не видел, и Портос тоже не появлялся. А у вас?

— Тоже ничего.

— Черт возьми! — воскликнул Арамис.

— Действительно. Это запоздание непонятно: они отправились кратчайшей дорогой и должны были прибыть раньше нас.

— Прибавьте к этому,— заметил Арамис,— что нам хорошо известна порывистость д'Артаньяна; он не из тех людей, которые стали бы терять время, зная, что мы ждем его.

- Если помните, он рассчитывал быть здесь пятого.
  - А сегодня девятое. Сегодня вечером срок истекает.
  - Что вы намерены делать,— спросил Атос,— если сегодня не будет никаких вестей?
  - Черт возьми! Отправиться разыскивать его.
  - Хорошо,— сказал Атос.
  - А Рауль? — спросил Арамис.
- Легкое облачко омрачило лицо графа.
- Рауль сильно беспокоит меня,— ответил он.— Он вчера получил письмо от принца Конде; он поехал к нему в Сен-Клу и с тех пор не возвращался.
  - Вы не видели госпожу де Шеврез?
  - Я не застал ее. А вы, Арамис, как будто должны были посетить госпожу де Лонгвиль?
  - Я был у нее.
  - Ну, и что же?
  - Тоже не застал. Но она, по крайней мере, оставила свой новый адрес.
  - Где же она?
  - Угадайте.
  - Как могу я угадать, где находится в полночь,— так как я предполагаю, что вы отправились к ней вчера, расставшись со мной,— где находится в полночь самая очаровательная и самая деятельная из всех фрондерок?
  - В ратуше, мой милый.
  - Как, в ратуше? Разве ее избрали мэром?
  - Нет, но она на время стала королевой Парижа, и так как она не решилась сразу поселиться в Пале-Рояле или в Тюильри, то переехала в ратушу, где и собирается подарить милейшему герцогу наследника или наследницу.
  - Вы ничего не говорили мне об этом обстоятельстве, Арамис,— сказал Атос.
  - Ба! В самом деле? Простите, это простая забывчивость с моей стороны.
  - А теперь,— спросил Атос,— чем мы займемся до вечера? Мы, кажется, обречены на бездействие?
  - Вы забыли, мой друг, что у нас есть неотложное дело.
  - Какое и где именно?
  - В Шарантоне, черт побери! Я надеюсь встретить там некоего господина де Шатильона, которого ненавижу с давних пор.
  - Почему?
  - Потому что он брат некоего Колиньи.
  - Ах, правда... Я совсем было забыл... Это тот, который возомнил о себе, что он ваш соперник. Он был жестоко наказан за свою дерзость, мой друг. Поистине, это должно было бы удовлетворить вас.
  - Да, но что поделаешь? Это меня не удовлетворяет. Я злопамятен. Это единственное, что во мне есть от церкви. Впрочем, вы сами понимаете, Атос, что совсем не обязаны сопровождать меня.
  - Полноте,— сказал Атос,— вы шутите.

— В таком случае, мой друг, если вы действительно решились отправиться вместе со мною, нам нельзя терять времени. Я слышал барабанный бой, встретил несколько пушек и видел на площади у ратуши горожан, строившихся в боевой порядок; по всей вероятности, сражение произойдет возле Шарантона, как это вчера предсказывал герцог де Шатильон.

— А мне сдавалось, что ночные переговоры несколько охладили воинственный пыл.

— Да, конечно, но драться все будут, хотя бы для того, чтобы лучше замаскировать эти переговоры.

— Бедные французы! — сказал Атос. — Они идут на смерть для того, чтобы Седан был возвращен герцогу Бульонскому и чтобы господин де Бофор стал пожизненным адмиралом, а коадьютор — кардиналом.

— Полноте, полноте, дорогой мой! — сказал Арамис. — Сознаться, что вы не философствовали бы на эту тему, если бы Рауль ваш не был замешан во всей этой сумятице.

— Может быть, вы и правы, Арамис.

— Итак, направимся туда, где происходит сражение; это будет верным средством найти д'Артаньяна, Портоса, а может быть, и Рауля.

— Увы! — сказал Атос.

— Друг мой, — сказал Арамис, — так как мы теперь в Париже, то, мне кажется, вы должны бросить привычку поминутно вздыхать. Война так война, мой милый Атос. Разве вы уже перестали быть военным и сделались духовным лицом? А! Поглядите-ка, вот маршируют горожане; разве это не увлекательно? А этот капитан, посмотрите, у него совсем военная выправка!

— Они выходят из улицы Мутон.

— Барабанщик впереди. Совсем как настоящие солдаты. Да взгляните же на этого молодца, как он раскачивается да выставляет грудь колесом.

— Ого! — воскликнул Гримо.

— Что такое? — спросил Атос.

— Планше, сударь.

— Вчера он был лейтенантом, — сказал Арамис, — сегодня он капитан, а завтра будет полковником. Через неделю этот молодчик станет маршалом Франции.

— Порасспросим-ка его, — сказал Атос.

Они подошли к Планше, который, гордясь тем, что его видели во время исполнения им служебных обязанностей, с важным видом объяснил, что ему дано приказание занять позицию на Королевской площади вместе с двумястами людей, составляющими арьергард парижской армии, и оттуда двинуться к Шарантону, когда явится надобность.

Так как Атос и Арамис направлялись в ту же сторону, они примкнули к маленькому отряду. Планше довольно ловко проделал несколько маневров со своими людьми на Королевской площади и в конце концов построил их в арьергарде длинной цепи горожан, расположенных вдоль улицы Сент-Антуан в ожидании сигнала к бою.

— Денек будет жаркий, — воинственным тоном заявил Планше.

— Да, конечно,— ответил Арамис.— Но только неприятель отсюда далеко.

— Ничего, сударь,— сказал один из солдат,— скоро расстояние сократится.

Арамис поклонился, потом, обернувшись к Атосу, сказал:

— Меня не соблазняет располагаться лагерем вместе с этими людьми на Королевской площади. Едем вперед: мы увидим все гораздо лучше.

— Кроме того, господин де Шатильон не явится искать вас на Королевской площади! Итак, вперед, мой друг!

— Да ведь и вы собирались сказать два слова господину де Фламарану?

— Друг мой,— сказал Атос,— я решил не вынимать шпагу из ножен, пока меня не заставят это сделать.

— С каких это пор?

— С той минуты, как я вынул из ножен кинжал.

— Вот что! Вы все еще вспоминаете господина Мордаунта. Не хватает, дорогой мой, чтобы вы терзались угрызениями совести за то, что его убили.

— Шш...— произнес Атос, прикладывая палец к губам и улыбаясь столь характерной для него грустной улыбкой,— не будем говорить о Мордаунте; это принесет нам несчастье.

Атос поскакал к Шарантону через предместье и Феканскую долину, черневшие вооруженными горожанами.

Арамис, само собой разумеется, отставал от него не больше чем на голову лошади.

Глава 36

БИТВА ПОД ШАРАНТОНОМ

о мере того как Атос и Арамис подвигались вперед, проезжая мимо войск, расположенных эшелонами, они замечали, что доспехи сменялись блестящими латами, а пестрые бердыши новенькими мушкетерами.

— Мне кажется, здесь и будет настоящее поле сражения,— сказал Арамис.— Посмотрите на этот кавалерийский отряд у моста, с пистолетами наготове. Берегитесь, везут пушку!

— Послушайте, мой друг,— сказал Атос,— куда это вы привели меня? Мне кажется, что все окружающие нас люди принадлежат к королевскому войску. Не сам ли это Шатильон едет нам навстречу со своими двумя бригадирами?

С этими словами Атос обнажил шпагу, меж тем как Арамис, решив, что они в самом деле перешли черту парижского лагеря, схватился за пистолеты.

— Здравствуйте, господа,— сказал герцог, приблизившись к ним,— я вижу, вы не понимаете, что тут происходит, но одно слово вам все объяснит. У нас перемирие. Сейчас происходит совещание: принц, господин де Рец, Бофор и герцог Бульонский обсуждают положение дел. Поэтому одно из двух, шевалье: или дело не наладится, и мы тогда еще встретимся, или все будет улажено, и я, избавившись от командования, опять-таки смогу встретиться с вами, шевалье.

— Сударь,— сказал Арамис,— я больше ничего не желаю. Но позвольте предложить вам один вопрос.

— Пожалуйста.

— Где находятся уполномоченные?

— В самом Шарантоне, во втором доме направо при выезде из Парижа.

— Это совещание было заранее условлено?

— Нет, оно явилось, по-видимому, результатом нового предложения, которое кардинал Мазарини сделал вчера вечером парижанам.

Атос и Арамис, улыбнувшись, переглянулись друг с другом; им было лучше всех известно, каковы были эти предложения, кому они были сделаны и кто их сделал.

— А дом, в котором собрались уполномоченные, кому он принадлежит?

— Господину де Шанле, который командует вашими отрядами в Шарантоне. Я говорю: вашими отрядами, ведь, по-моему, вы фронтеры.

— Да... почти,— сказал Арамис.

— Как — почти?

— Э, вам, сударь, лучше кого-либо другого известно, что по нынешним временам никто с уверенностью не может сказать про себя, кто он такой.

— Мы стоим за короля и принцев,— сказал Атос.

— Однако нам надо объясниться,— сказал Шатильон.— Король с нами и его главнокомандующие — герцог Орлеанский и принц Конде.

— Да,— сказал Атос,— но его место в наших рядах, вместе с господином де Контти, де Бофором, д'Эльбефом и герцогом Бульонским.

— Весьма возможно,— сказал Шатильон.— Известно, как мало я питаю расположения к Мазарини. Все мои интересы связаны с Парижем; я там веду процесс, от которого зависит мое благосостояние, и я только что советовался с моим адвокатом.

— В Париже?

— Нет, в Шарантоне... Его зовут Виоль; вы его знаете понаслышке,— прекрасный человек, правда, немного упрямый, недаром сидит в парламенте. Я рассчитывал повидаться с ним вчера вечером, но наша с вами встреча помешала мне заняться собственными делами. А так как я не могу их откладывать, то воспользовался для этого перемирием; вот почему я и нахожусь здесь.

— Господин Виоль, значит, дает свои советы под открытым небом? — спросил, смеясь, Арамис.

— Да, сударь, и даже сидя верхом на лошади. Он сегодня командует пятьюстами стрелков, и, чтобы оказать ему честь, я нанес ему визит в сопровождении двух маленьких пушек, которые вас так удивили. Признаться, я его сразу не узнал: он нацепил поверх своей мантии длинную шпагу и заткнул за пояс пистолеты. Это придает ему очень грозный вид, который позабавил бы вас, если бы вы имели счастье встретиться с господином Виолем.

— Если он действительно так забавен,— сказал Арамис,— может быть, стоит поискать его.

— В таком случае спешите, потому что совещание должно скоро кончиться.

— А если оно ничем не кончится,— сказал Атос,— вы попытаетесь овладеть Шарантоном?

— Мне дан такой приказ. Я командую атакующим отрядом и сделаю все от меня зависящее, чтобы достигнуть успеха.

— Но, так как вы командуете кавалерией...— сказал Атос.

— Простите, я командую всем войском.

— Тем лучше... Тогда вы должны знать всех ваших офицеров. Я хочу сказать, конечно, выдающихся.

— Да, приблизительно.

— Так будьте добры сказать мне, нет ли среди ваших офицеров господина д'Артаньяна, лейтенанта мушкетеров?

— Нет, его нет у нас; он уже более шести месяцев тому назад покинул Париж, и, говорят, его послали с особой миссией в Англию.

— Я это знаю. Но я думал, что он возвратился.

— Нет, насколько мне известно, никто его не встречал. Я могу ответить вам с полной уверенностью, тем более что мушкетеры принадлежат к нашей партии. Сейчас господин Камбон временно заменяет господина д'Артаньяна.

Оба друга переглянулись между собой.

— Вы видите,— сказал Атос.

— Это странно,— проговорил Арамис.

— Без сомнения, с ними дорогой случилась какая-нибудь беда.

— Сегодня восьмое, вечером истекает последний срок. Если сегодня вечером мы не получим от них вестей, завтра мы двинемся в путь.

Атос утвердительно кивнул головой, потом, обернувшись к Шатильону, спросил его, немного стесняясь высказывать свои отеческие чувства перед насмешливым Арамисом:

— Скажите, господин герцог, имеет ли честь быть вам известным господин де Бражелон, молодой человек лет пятнадцати, состоящий при его высочестве?

— Да, конечно,— ответил Шатильон.— Он сегодня приехал к нам вместе с принцем. Это прекрасный молодой человек. Он из ваших друзей, граф?

— Да,— ответил с волнением Атос.— И настолько, что я очень желал бы видеть его. Возможно ли это?

— Вполне возможно. Будьте добры последовать за мной, и я провожу вас в главную квартиру.

— Что это? — сказал Арамис, оборачиваясь. — Позади нас слышен какой-то шум?

— Действительно, на нас скачет отряд кавалеристов, — сказал Шатильон.

— Я узнаю господина коадьютора по фрондерской шляпе.

— А я узнаю Бофора по белым перьям.

— Они несутся карьером. С ними принц Конде.

— Вот он отделился от них!

— Бьют сбор! — воскликнул Шатильон. — Слышите? Надо узнать, в чем дело.

Действительно, видно было, как солдаты бросились к оружию, а спешившиеся кавалеристы снова вскочили на коней. Горнисты играли, барабанщики били тревогу. Г-н де Бофор обнажил шпагу.

Принц, с своей стороны, дал сигнал к сбору, и все офицеры королевской армии, смешавшиеся на время с парижанами, бросились к нему.

— Господа, — сказал Шатильон, — перемирие кончилось. Очевидно, предстоит сражение. Поворачивайте в Шарантон, потому что я тотчас начну атаку. Принц уже подает мне сигнал.

Действительно, раздался трехкратный звук сигнального рожка принца.

— До свиданья, шевалье! — воскликнул Шатильон и тотчас же поскакал к своему отряду.

Атос и Арамис повернули своих лошадей и поехали приветствовать коадьютора и г-на де Бофора, что же касается герцога Бульонского, то у него перед самым концом совещания сделался такой ужасный припадок подагры, что его пришлось отправить в Париж на носилках. Вместо него герцог д'Эльбеф, окруженный своими четырьмя сыновьями, объезжал ряды парижской армии. Тем временем между Шарантоном и королевской армией образовалось большое свободное пространство, как бы предназначенное стать местом успокоения для мертвых.

— Этот Мазарини действительно позор Франции, — сказал коадьютор, стягивая свой кожаный пояс, на котором, как у воинственных прелатов средневековья, висела его сабля поверх архиепископской рясы. — Он хочет управлять Францией, как своим поместьем. Только избавившись от него, Франция станет счастливой и спокойной.

— Кажется, они не сговорились насчет цвета шляпы, — сказал Арамис.

В эту минуту Бофор высоко поднял шпагу.

— Господа, — сказал он, — наша дипломатия не привела ни к чему. Мы хотели избавиться от этого негодяя Мазарини, но влюбленная королева хочет непременно сохранить его своим министром; поэтому нам только и остается, что основательно поколотить его.

— Отлично! — сказал коадьютор. — Узнаю красноречие Бофора. Господа, — добавил он, тоже обнажая шпагу, — враги приближаются. Сократим им путь наполовину.

И не заботясь о том, следуют ли за ним или нет, он поскакал вперед. Его полк, носивший имя «коринфского», в честь его архиепископства, заволновался и двинулся вслед за ним.

Бофор со своей стороны направил кавалерию, под начальством Нуармутье, на Этамп, где она должна была встретить обоз с продовольствием, нетерпеливо ожидаемый парижанами. Бофор должен был его прикрывать.

Шанле, оставшийся со своим отрядом на месте, приготовился выдержать натиск неприятеля и, если противник будет отброшен, попытаться самому сделать вылазку.

Через полчаса бой разгорелся во всех пунктах. Кoadьютор, завидовавший Бофору, который слыл храбрецом, бросился вперед, творя чудеса храбрости. Военное дело, как известно, было его призванием, и он бывал счастлив всякий раз, когда ему представлялся случай обнажить шпагу, безразлично за кого и за что. Но на этот раз, выказав себя отличным солдатом, он оказался плохим начальником. С семью- или восемьюстами человек он бросился в атаку на трехтысячный отряд, который, сомкнув ряды, заставил отступить солдат коадьютора в полном беспорядке. Но огонь артиллерии Шанле привел в замешательство королевскую армию. Впрочем, ненадолго: она слегка отошла под прикрытие нескольких домов и лесочка и затем снова построилась в боевой порядок.

Считая момент этот благоприятным, Шанле бросился во главе своего отряда преследовать неприятеля. Но, как мы сказали, тот уже перестроился и перешел в наступление, предводительствуемый лично Шатильоном. Атака была такой жестокой и ловкой, что Шанле и его солдаты были почти окружены неприятелем. Шанле дал знак к отступлению, и отряд его стал медленно, шаг за шагом, отходить. К несчастью, вскоре Шанле упал, смертельно раненный.

Увидев это, Шатильон громко объявил о смерти Шанле, что удвоило храбрость королевской армии и совершенно расстроило два полка, с которыми Шанле вел атаку. Каждый думал только о своем спасении и о том, как бы добраться до укреплений, у которых коадьютор старался снова собрать свой расстроенный отряд.

Вдруг навстречу победителям, в беспорядке гнавшимися за беглецами, выступил эскадрон кавалерии. Во главе его ехали Атос и Арамис. Арамис держал шпагу и пистолет в руках, тогда как шпага Атоса была в ножнах, а пистолет в кобуре. Атос был спокоен и холоден, точно находился на параде; только на его красивом благородном лице выражалось сожаление, что люди убивали друг друга, принося себя в жертву упрямству королевы и мстительности принцев. Арамис, напротив, по своему обыкновению, рубил направо и налево, словно опьяненный. Его живые глаза сверкали, тонко очерченный рот улыбался зловещей улыбкой, его раздувающиеся ноздри вдыхали запах крови. Каждый удар его шпаги был смертелен, а рукояткой пистолета он добивал раненого, делавшего попытку подняться.

В передних рядах королевской армии выделились два всадника: один в золоченой кирасе, другой в простом кожаном нагруднике, из-под которого выступали рукава голубого бархатного камзола. Всадник в золоченых латах подскакал к Арамису и нанес ему удар шпагой, который Арамис отразил с своей обычной ловкостью.

— А, это вы, Шатильон! — воскликнул он. — Добро пожаловать, я поджидал вас.

— Надеюсь, я не заставил вас долго ждать, — отвечал тот. — Я к вашим услугам.

— Господин де Шатильон, — сказал Арамис, вынимая из кобуры другой пистолет, который он приберег на этот случай, — если ваш пистолет не заряжен, вы погибли.

— По счастью, — сказал Шатильон, — он заряжен.

С этими словами герцог прицелился и выстрелил. Но в тот момент, когда он спускал курок, Арамис нагнул голову, и пуля пролетела, не причинив ему вреда.

— Вы промахнулись! — вскричал Арамис. — Но уж я, клянусь богом, не промахнусь.

— Если я дам вам на это время! — воскликнул Шатильон, прищипнув лошадь и налетая на Арамиса с высоко поднятой шпагой.

Арамис ждал его со страшной улыбкой, которая была ему свойственна в такие минуты. Видя Шатильона, мчавшегося на Арамиса с быстротой молнии, Атос открыл уже рот, чтобы крикнуть: «Стреляйте! Стреляйте же!», — когда раздался выстрел, и Шатильон, раскинув руки, выпрокинулся на круп своей лошади. Пуля попала ему в грудь через вырез лат.

— Я убит! — прошептал герцог, падая с лошади на землю.

— Я вам это предсказал, сударь, и теперь сожалею, что так хорошо сдержал слово. Могу я помочь вам чем-нибудь?

Шатильон сделал знак рукой, и Арамис намеревался уже сойти с лошади, как вдруг почувствовал жестокий удар в бок. Это был удар шпаги, к счастью, пришедшийся на кирасу.

Он живо обернулся, схватил своего нового врага за руку и вдруг вскрикнул одновременно с Атосом:

— Рауль?

Молодой человек узнал шевалье д'Эрбле и голос своего отца; он выронил шпагу. В то же мгновение несколько всадников из парижской армии бросились на Рауля, но Арамис прикрыл его своей шпагой и закричал:

— Это мой пленник. Проезжайте!

Тем временем Атос взял под уздцы лошадь своего сына и вывел с места схватки.

В этот момент принц, спешивший с подкреплениями к Шатильону, появился на поле битвы; его узнали по орлиному взгляду и по тем страшным ударам, которые он рассыпал во все стороны.

При виде его полк архиепископа коринфского, который коадьютору, несмотря на все его старания, не удалось привести в порядок, бросился наперерез парижским солдатам, расстроил их ряды и, ворвавшись в Шарантон, промчался через него без остановки. Кoadьютор, увлеченный общим потоком, скакал в этот момент мимо группы, где находились Атос с Арамисом и Раулем.

— Ага! — сказал Арамис, который в своей ревности не мог не позлорадствовать по поводу поражения, которое потерпел коадьютор. — Как архиепископ, монсеньер, вы должны знать священное писание.

— При чем тут священное писание? — спросил коадьютор.

— Принц поступил с вами нынче, как апостол Павел в первом послании к коринфянам.

— Полноте,— сказал Атос,— это остроумно, но сейчас не место для острот. Вперед, вперед или, вернее, назад, так как, по-видимому, битва проиграна фрондерами.

— Мне это безразлично,— сказал Арамис.— Я был здесь только для того, чтобы встретиться с Шатильоном. Я его встретил, и теперь удовлетворен. Дуэль с Шатильоном,— тут есть чем гордиться!

— И вдобавок к этому еще пленник,— сказал Атос, указывая на Рауля.

Три всадника продолжали свой путь галопом.

Молодой человек трепетал от радости, увидя снова своего отца. Они скакали рядом, держа друг друга за руки. Отъехав далеко от поля сражения, Атос спросил молодого человека.

— Зачем вы были, мой друг, в первых рядах сражающихся? Мне кажется, это не ваше место: вы были плохо вооружены для боя.

— Я не собирался сегодня сражаться. Мне было дано поручение к кардиналу, и я ехал в Рюэйль, но, увидав господина де Шатильона, готового к бою, я почувствовал желание быть вместе с ним. Тут-то он и сообщил мне, что два офицера из парижской армии ищут меня, и назвал мне графа де Ла Фер.

— Как!.. Вы знали, что мы здесь, и вы хотели убить вашего друга шевалье д'Эрбле?

— Я не узнал шевалье в его доспехах,— сказал Рауль, краснея.— Но я должен был бы узнать его по ловкости и хладнокровию.

— Благодарю за комплимент, мой юный друг,— сказал Арамис.— Видно, что вы хорошо воспитаны.

— Но вы ехали в Рюэйль, говорите вы?

— Да.

— К кардиналу?

— Конечно. Я везу его преосвященству письмо от принца.

— Надо передать его,— сказал Атос.

— Ах пожалуйста, без ложного великодушия, граф. Черт возьми! Наша участь и, что еще важнее, участь ваших друзей, быть может, заключается в этом письме.

— Но должен же молодой человек выполнить свой долг,— сказал Атос.

— Граф, вы забываете, что этот молодой человек — пленник. Ведь мы воюем по всем правилам военного искусства. К тому же побежденным не следует быть разборчивыми в выборе средств. Дайте письмо, Рауль.

Рауль колебался. Он взглянул на Атоса, стараясь прочесть в его взгляде совет, как поступить.

— Дайте письмо, Рауль,— сказал Атос.— Вы пленник шевалье д'Эрбле.

Рауль нехотя уступил; Арамис, менее шепетильный, чем граф де Ла Фер, быстро схватил письмо, прочел его и, передавая его Атосу, сказал:

— Прочтите и подумайте о том, что здесь написано. Вы убедитесь, что само провидение отдало нам в руки это письмо, чтобы мы знали его содержание.

Атос взял в руки письмо, хмуря свои красивые брови, но мысль о том, что в письме этом речь может идти о д'Артаньяне, заставило его пересилить отвращение, которое он питал к чтению чужих писем.

Вот что было в письме:

«Монсеньер, я пришло сегодня вашему преосвященству для подкрепления отряда господина Коменжа требуемых вами десять человек. Это, ваше преосвященство, люди очень подходящие для охраны двух серьезных противников, ловкости и решительности которых вы так опасаетесь».

— Ого! — воскликнул Атос.

— Ну что же, — спросил Арамис, — кто, по вашему мнению, те два противника, для охраны которых, кроме отряда Коменжа, нужно еще десять отборных солдат? Не похожи ли они как две капли воды на д'Артаньяна и Портоса?

— Посвятим весь день розыскам в Париже, — сказал Атос, — и, если до вечера ничего не узнаем, то выедем на пикардийскую дорогу, и я ручаюсь, что благодаря изобретательности д'Артаньяна мы не замедлим найти какое-нибудь указание на то, где они находятся.

— Едем в Париж и спросим Планше, не слыхал ли он о своем бывшем господине.

— Бедный Планше! Вы так просто говорите о нем, Арамис, а между тем он, наверное, убит. Все воинственные горожане вышли из города, и, вероятно, произошло страшное лобоище...

Так как это было вполне возможно, то оба друга возвратились в Париж весьма встревоженные и направились к Королевской площади, где рассчитывали навести справки об этих бедных горожанах. Каково же было их удивление, когда они застали горожан за выпивкой и болтовней вместе с их капитаном все на той же Королевской площади. В то время как семьи оплакивали их, прислушиваясь к пушечным выстрелам, раздававшимся со стороны Шарантона, и воображая себе их на поле сражения, они мирно благодушевствовали.

Атос и Арамис снова осведомились у Планше о д'Артаньяне, но он ничего не мог им сообщить. Они хотели увести его с собой, но он заявил им, что не может покинуть своего поста без разрешения начальства.

Только в пять часов добрые горожане разошлись по домам, считая, что они возвращаются с поля сражения; на самом деле они не отходили от бронзовой статуи Людовика XIII.

— Тысяча чертей! — сказал Планше, вернувшись в свою лавку на улице Менял. — Мы разбиты наголову. Я никогда не утешусь!

Атос и Арамис, чувствуя себя в Париже в безопасности, не скрывали от себя того, что стоит им выйти из города, они тотчас подвергнутся величайшим опасностям. Но что значит опасность для людей такого склада? Впрочем, они чувствовали, что развязка их второй Одиссеи приближается: предстояла последняя схватка.

Да и в Париже было беспокойно: припасы истощались, и всякий раз, как у одного из генералов принца де Конти являлось желание выдвинуться, возникали бунты, которые он блестяще усмирлял, что на время возвышало его над коллегами. Во время одного из таких бунтов Бофор разрешил разграбить дом и библиотеку Мазарини и дать, как он выразился, что-нибудь поглотить несчастному народу.

Атос и Арамис покинули Париж после этого разгрома, случившегося вечером того дня, когда парижане были разбиты под Шарантоном.

Они оставили Париж в самом жалком состоянии: раздираемый смутами, вечно волнуемый слухами, город был накануне голода. Как парижане и фрондеры, они полагали, что в неприятельском стане царят те же нужда, страх и интриги между начальствующими лицами; поэтому велико было их удивление, когда, проезжая через Сен-Дени, они узнали, что в Сен-Жермене люди веселятся, смеются, словом, живут в свое удовольствие.

Оба друга выбирали окольные пути из боязни попасться в руки мазаринистов, чьи отряды бродили по Иль-де-Франсу, а также для того, чтобы избежать фрондеров, которые захватили Нормандию и, без сомнения, отвели бы их к Лонгвиллю, чтобы тот выяснил, друзья ли они или враги. Избегнув этих двух опасностей, они выехали на дорогу из Булони в Аббевиль и обследовали ее шаг за шагом.

Некоторое время они никак не могли напасть на след. Расспросы содержателей гостиниц ни к чему не вели, не давая никаких указаний. Они не знали, что предпринять, когда вдруг в Монтрейле Атос нащупал на столе своими тонкими пальцами какую-то неровность. Подняв скатерть, он прочел иероглифы, глубоко вырезанные ножом в дереве.

«Порт... д'Арт... — 2 февраля».

— Прекрасно, — сказал Атос, показывая надпись Арамису. — Мы хотели ночевать здесь, но теперь изменим план. Едем дальше.

Они снова сели на лошадей и поехали в Аббевиль. Там они остановились в недоумении: гостиниц было очень много, — в которой из них им остановиться?

Не было никакой возможности обследовать их все. Как же угадать, в которой из них останавливались те, кого они искали?

— Поверьте мне, Атос, — сказал Арамис, — нечего и думать найти что-нибудь в Аббевиле. Если бы Портос был один, он бы остановился

в самой лучшей гостинице и, побывав там, мы, конечно, напали бы на его следы. Но д'Артаньян выше таких слабостей. Сколько бы Портос ни заявлял ему дорогой, что умирает с голоду, д'Артаньян будет продолжать свой путь, неумолимый, как рок. Поэтому надо их искать в другом месте.

Оба друга поехали дальше, но никаких следов в дороге им не попалось. Тяжелое и скучное было дело, предпринятое ими, и, если бы не чувства чести, дружбы и благодарности, наполнявшие их души, наши путешественники уже сто раз бросили бы искать следы на песке, расспрашивать прохожих и всматриваться в каждое встречное лицо.

Таким образом доехали они до Перонны. Атос начал уже отчаиваться. Человек необычный по своему складу, полный благородства, он укорял себя за беспомощность, полагая, что, должно быть, они плохо искали и неумело расспрашивали прохожих. Оба путника наконец решили повернуть обратно, как вдруг, когда они проезжали предместье, у городских ворот Атосу бросился в глаза черный рисунок на белой стене, изображавший двух всадников, скачущих во весь опор. Рисунок был так плох, что казался детской попыткой изобразить что-нибудь карандашом. У одного из всадников была в руках таблица с надписью по-испански:

«Нас преследуют».

— Ого! — сказал Атос. — Вот это ясно, как день. Как за ними ни гнались, д'Артаньян остановился здесь минут на пять. Значит, от преследователей их все же отделяло некоторое расстояние. Быть может, им удалось спастись.

Арамис покачал головой.

— Если бы они спаслись, то мы увидались бы с ними или по меньшей мере услышали бы о них.

— Вы правы, Арамис, поедемте дальше.

Беспокойство и нетерпение, которое испытывали оба друга, не поддаются описанию. Нежное и преданное сердце Атоса терзалось тревогой, тогда как легкомысленный и нервный Арамис испытывал лишь мучительное нетерпение. Они проскакали часа три подряд во весь опор, не хуже тех всадников, что были изображены на стене. Вдруг на узкой тропинке между двумя крутыми скатами им преградил путь огромный камень. На месте, где камень этот лежал раньше, на одном из скатов виднелась свежая яма, из которой он был явно извлечен, так как не мог выкатиться оттуда сам собою; а судя по величине камня, поднять его могли только гигантские руки Энкелада или Бриарея¹.

Арамис остановился.

— О! — сказал он, взглянув на камень. — Это дело рук Аякса, Теламона² или Портоса. Спешимся, граф, и рассмотрим этот камень.

---

¹ Титаны античной мифологии.

² Герои-силачи гомеровского эпоса.

Они сошли с коней. Камень был положен с очевидной целью загородить путь всадникам; сначала он, по-видимому, лежал поперек дороги, а затем какие-то всадники отодвинули его в сторону.

Оба друга стали разглядывать камень со всех сторон, но не могли ничего в нем открыть необыкновенного. Подозвав к себе Блезуа и Гримо, они вчетвером перевернули камень; на стороне его, обращенной к земле, была надпись:

«За нами гонятся восемь всадников. Если нам удастся доехать до Компьена, мы остановимся в гостинице «Коронованный Павлин». Хозяин — наш друг».

— Вот это уже нечто определенное, — сказал Атос. — Так или иначе мы сможем сообразить, что нам делать. Едем скорее в гостиницу «Коронованный Павлин».

— Хорошо, — сказал Арамис, — но если мы хотим добраться до нее, нам надо дать передохнуть лошадям, а то они совсем замучились. Арамис говорил правду.

Друзья сделали привал у первого встречного кабачка, засыпали лошадям двойную порцию овса, смоченного вином, дали им отдохнуть три часа и снова двинулись в путь. Всадники и сами изнемогали от усталости, но надежда окрыляла их.

Шесть часов спустя Атос и Арамис въехали в Компьен и осведомились о том, где находится гостиница «Коронованный Павлин». Им указали вывеску с изображением бога Пана с венком на голове¹.

Оба друга сошли с лошадей, не задерживаясь перед дурацкой вывеской, которую в другое время Арамис непременно бы высмеял. Навстречу им вышел хозяин гостиницы, лысый и пузатый, как китайский божок.

Они спросили у него, не останавливались ли здесь двое дворян, за которыми гнались кавалеристы.

Не говоря ни слова в ответ, хозяин гостиницы вошел в дом и достал из сундука половину лезвия сломанной рапиры.

— Вам знакома эта вещь? — сказал он.

Взглянув на лезвие, Атос воскликнул:

— Эта шпага д'Артаньяна!

— Высокого или того, что пониже? — спросил хозяин гостиницы.

— Того, что пониже, — ответил Атос.

— Теперь я вижу, что вы друзья этих господ.

— Что же случилось с ними?

— Они въехали ко мне во двор на совершенно заморенных конях, и прежде чем успели запереть ворота, вслед за ними въехало восемь всадников, которые их преследовали.

— Восемь! — сказал Атос. — Меня удивляет, что такие храбрецы, как д'Артаньян и Портос, не могли справиться с восемью противниками.

— Это правда, сударь, только эти восемь человек никогда не схватили бы их, если бы не призвали к себе на помощь два десятка сол-

¹ По-французски слова раоп (павлин) и Рап (Пан) произносятся одинаково.

дат из королевского итальянского полка, стоявшего в городе гарнизоном; так что друзья ваши были буквально подавлены числом врагов.

— Значит, они арестованы? — спросил Атос. — Вы не знаете, за что?

— Нет, сударь, их тотчас же увезли, и они ничего не успели сказать мне. Только когда они уже ушли, я, перетаскивая два трупа и пять или шесть человек раненых, нашел на месте битвы этот обломок шпаги.

— А с ними самими ничего худого не случилось?

— Нет, сударь, кажется, ничего.

— Ну что же, — сказал Арамис, — можно хоть этим утешиться.

— Не знаете ли вы, куда их повезли? — спросил Атос.

— По направлению к Лувру.

— Оставим здесь Блезуа и Гримо, — они возвратятся завтра в Париж с нашими лошадьми, — а сами возьмем почтовых, — сказал Атос.

— Да, конечно, возьмем почтовых, — согласился Арамис.

Пока ходили за лошадьми, всадники наскоро пообедали, после чего тотчас отправились в Лувр, надеясь найти там какие-нибудь указания.

В Лувре был только один трактир, где приготавливали уже тогда ликер, славящийся и поныне.

— Заедем сюда, — сказал Атос. — Я уверен, что д'Артаньян сумел оставить там какой-нибудь знак.

Они вошли в гостиницу и спросили у буфета два стаканчика ликера, как это, без сомнения, сделали и Портос и д'Артаньян. Прилавок буфета был покрыт оловянной доской, на которой было нацарапано толстой булавкой:

«Рюэйль, Д.»

— Они в Рюэйле! — сказал Арамис, увидевший эту надпись.

— Так едем в Рюэйль, — сказал Атос.

— Это все равно что лезть прямо в пасть волку, — возразил Арамис.

— Если бы Иона был мне таким другом, как д'Артаньян, — сказал Атос, — то я последовал бы за ним даже во чрево кита, и вы сделали бы то же, Арамис.

— Положительно, дорогой граф, мне кажется, что вы думаете обо мне лучше, чем я того стою. Если бы я был один, не знаю, отправился ли бы я в Рюэйль, не приняв особых мер предосторожности. Но куда вы, туда и я.

Они взяли лошадей и двинулись в Рюэйль. Атос, сам того не сознавая, дал Арамису лучший совет, которому только можно было следовать. Депутаты парламента только что прибыли в Рюэйль для знаменитого совещания, которое, как известно, продолжалось три недели и привело к тому жалкому миру, результатом которого был арест принца Конде.

Рюэйль был наводнен парижскими адвокатами, президентами суда, всевозможными стряпчими, а со стороны двора туда прибыли дворяне

■ гвардейские офицеры. Поэтому в такой толпе нетрудно было затеяться любому, кто не хотел быть узанным.

Кроме того, благодаря совещанию наступило перемирие, и никто не решился бы арестовать двух дворян, будь они даже главарями Фронды.

Обоим друзьям тем не менее казалось, что все заняты вопросом, который волновал их самих. Вмешавшись в толпу, они рассчитывали услыхать что-нибудь о д'Артаньяне и Портосе, но оказалось, что все было занято только изменением статей закона. Атос был того мнения, что надо идти прямо к министру.

— Друг мой, — возразил на это Арамис, — то, что вы говорите, — прекрасно, но берегитесь; мы в безопасности только потому, что нас здесь не знают. Если мы чем-нибудь обнаружим, кто мы такие, то сразу попадем вслед за нашими друзьями в каменный мешок, откуда нас сам дьявол не вызволит. Постараемся соединиться с ними иным путем. По прибытии в Рюэйль они, вероятно, были допрошены кардиналом, а затем отосланы в Сен-Жермен. Они не в Бастилии, так как Бастилия теперь в руках фрондеров и комендант ее — сын Брюселя. Они не умерли, потому что смерть д'Артаньяна наделала бы слишком много шума. Что касается Портоса, то, по-моему, он бессмертен, как бог, хотя и менее терпелив. Поэтому не будем приходить в отчаяние. Остаемся в Рюэйле: я убежден, что они здесь. Но что с вами? Вы побледнели?

— Помнится, — ответил Атос дрогнувшим голосом, — что в рюэйльском замке Ришелье приказал устроить ужаснейшую подземную темницу.

— О, будьте спокойны, — сказал Арамис, — Ришелье был дворянин, равный нам по рождению и выше нас по положению. Он мог, как король, снести с плеч голову любому из первых сановников. Но Мазарини — выскочка и способен, самое большое, хватать нас за шиворот, как полицейский. Успокойтесь, мой друг, я уверен, что д'Артаньян и Портос в Рюэйле и целы и невредимы.

— В таком случае нам надо получить от коадьютора разрешение участвовать в совещании, и тогда мы сможем остаться в Рюэйле.

— Со всеми этими ужасными стряпчими? Что вы говорите, мой друг? Неужели вы полагаете, что они обсуждают вопрос об аресте или освобождении д'Артаньяна и Портоса? Нет, нет, по-моему, надо придумать средство получше.

— Тогда, — продолжал Атос, — вернемся к моей первой мысли: я не знаю другого средства, как прямо и открыто пойти не к Мазарини, а к королеве и сказать ей: «Государыня, возвратите нам двух ваших слуг и наших друзей».

Арамис покачал головой.

— Это — последнее средство, к нему мы всегда можем прибегнуть, Атос; но поверьте мне, к нему стоит прибегнуть лишь в самом крайнем случае. А пока будем продолжать наши поиски.

И оба друга стали продолжать свои расспросы и розыски. Продолжая допытываться, под разными предложениями, один хитрее другого, у всех встречных, они наконец напали на кавалериста, уверившего их

что он был в отряде, который доставил д'Артаньяна и Портоса в Рюэиль. Без этого указания они не знали бы, попали ли их друзья действительно в Рюэиль. Атос упорно настаивал на своей мысли повидаться с королевой.

— Чтобы увидаться с королевой,— сказал ему Арамис,— надо сначала увидаться с кардиналом. А как только мы увидимся с ним, мы тотчас увидимся с нашими друзьями, но только не так, как нам бы этого хотелось. Признаюсь, такая перспектива мне мало улыбается. Будем действовать на свободе, чтобы скорее достигнуть цели.

— Я повидаюсь с королевой,— сказал Атос.

— Ну что ж, мой друг, если уж вы решились совершить это безумие, предупредите меня, пожалуйста, об этом за день.

— Для чего?

— Потому что я воспользуюсь этим обстоятельством, чтобы съездить с визитом в Париж.

— К кому?

— Гм! Почему я знаю... Может быть, к госпоже де Лонгвиль. Она там всеильна; она поможет мне. Только дайте мне знать через кого-нибудь, если вас арестуют; тогда я сделаю все возможное.

— Почему вы не хотите рискнуть вместе со мною, Арамис? — спросил Атос.

— Благодарю покорно.

— Арестованные вчетвером и все вместе, мы, я думаю, ничем не рискуем: не пройдет и суток, как мы будем на свободе.

— Милый друг, с того дня, как я убил Шатильона, этого кумира сен-жерменских дам, я окружил свою особу слишком ярким блеском, чтобы не бояться тюрьмы еще больше. Королева способна последовать в этом случае совету Мазарини, а он посоветует отдать меня под суд.

— Значит, вы думаете, Арамис, что она любит этого итальянца так сильно, как об этом говорят?

— Любила же она англичанина.

— Э, друг мой, она женщина!

— Нет, Атос, вы ошибаетесь: она королева.

— Мой друг, я приношу себя в жертву и иду просить аудиенции у Анны Австрийской.

— Прощайте, Атос, я иду собирать армию.

— Зачем это?

— Чтобы осадить Рюэиль.

— Где же мы встретимся...

— Под виселицей кардинала.

И оба друга расстались: Арамис — чтобы вернуться в Париж, а Атос, — чтобы подготовить себе аудиенцию у королевы.

БЛАГОДАРНОСТЬ АННЫ АВСТРИЙСКОЙ

роникнуть к Анне Австрийской Атосу стоило гораздо меньше труда, чем он предполагал. При первой же его попытке все устроилось, и на следующий день ему была назначена желанная аудиенция, сейчас же после выхода королевы, на котором его знатность давала ему право присутствовать.

Огромная толпа наполнила сен-жерменские покои. Ни в Лувре, ни в Пале-Рояле не было у Анны Австрийской такого количества придворных; но только здесь находилась второразрядная аристократия, тогда как все первые вельможи Франции примкнули к принцу де Конти, к герцогу де Бофору и к коадьютору.

Впрочем, и при этом дворе царило веселье. Особенность этой войны была та, что в ней меньше стреляли из пушек, чем сочиняли куплеты. Двор высмеивал в куплетах парижан, парижане — двор; и раны, наносимые ядовитой насмешкой, были если и не смертельны, то все же весьма болезненны.

Однако среди этого веселья и притворного легкомыслия в душе каждого таилась глубокая тревога. Всех занимал вопрос: останется ли министром и фаворитом Мазарини — этот человек, как туча явившийся с юга, или же он будет унесен тем же ветром, который принес его сюда. Все этого ждали, все этого желали, и министр ясно чувствовал, что все любезности, весь почет, которые его окружали, прикрывали собой ненависть, замаскированную из страха или расчета. Он чувствовал себя плохо, не зная, на кого рассчитывать, на кого положиться.

Даже сам принц Конде, сражавшийся за него, не пропускал случая унижить его или посмеяться над ним. И даже разок-другой, когда Мазарини хотел показать свою власть перед героем Рокруа, принц дал ему понять, что если он и поддерживает его, то не из убеждений и не из пристрастия к нему.

Тогда кардинал бросался искать поддержки у королевы, но и там он уже несколько раз чувствовал, что почва начинает колебаться у него под ногами.

В час, назначенный для аудиенции, графу де Ла Фер было сообщено, что он должен немного подождать, так как королева занята беседой с Мазарини. Это была правда. Париж прислал новую депутацию, которая должна была наконец постараться сдвинуть переговоры с мертвой точки, и королева совещалась с Мазарини насчет приема этих депутатов.

Все высшие сановники были крайне озабочены. Атос не мог взять худшей минуты, чтобы ходатайствовать о своих друзьях — ничтожных пылинках, затерявшихся в этом вихре.

Но Атос обладал непреклонным характером. Приняв какое-нибудь решение, он никогда его не менял, если решение это, по его мнению, согласовалось с совестью и чувством долга; он настоял на том, чтобы

его приняли, сказав при этом, что, хотя он и не является депутатом Конти, или Бофора, или герцога Бульонского, или д'Эльбефа, или коадьютора, или госпожи де Лонгвиль, или Брюселя, или парламента, а пришел по личному делу, ему тем не менее надо сообщить ее величеству о вещах первостепенной важности.

Кончив беседу с Мазарини, королева пригласила Атоса в свой кабинет. Его ввели туда. Он назвал свое имя. Оно слишком часто доходило до слуха королевы и слишком много раз звучало в ее сердце, чтобы Анна Австрийская могла забыть его. Однако она осталась невозмутимой и только посмотрела на графа де Ла Фер таким пристальным взглядом, какой позволителен только женщинам — королевам по крови или по красоте.

— Вы желаете оказать нам какую-нибудь услугу, граф? — спросила Анна Австрийская после минутного молчания.

— Да, сударыня, еще одну услугу, — сказал Атос, задетый тем, что королева, казалось, не узнала его.

Атос был человеком с благородным сердцем, а значит, плохой придворный. Анна нахмурилась. Мазарини, сидевший у стола и перелистывавший какие-то бумаги, словно какой-нибудь простой секретарь, поднял голову.

— Говорите, — сказала королева.

Мазарини опять стал перелистывать бумаги.

— Ваше величество, — начал Атос, — двое наших друзей, двое самых смелых слуг вашего величества, господин д'Артаньян и господин дю Валлон, посланные в Англию господином кардиналом, вдруг исчезли в ту минуту, когда они ступили на французскую землю, и неизвестно, что с ними случилось.

— И что же? — спросила королева.

— Я обращаюсь к вашему величеству с покорной просьбой сказать мне, что случилось с этими шевалье, и, если понадобится, просить у вас правосудия.

— Сударь, — ответила Анна Австрийская с той надменностью, которая, по отношению к некоторым лицам, обращалась у нее в грубость, — так вот ради чего вы нас беспокоите среди великих забот, которые волнуют нас? Это полицейское дело! Но, сударь, вы прекрасно знаете, или должны, по крайней мере, знать, что у нас нет больше полиции с тех пор, как мы не в Париже.

— Я полагаю, — сказал Атос, холодно кланяясь, — что вашему величеству незачем обращаться к полиции, чтобы узнать, где находятся д'Артаньян и дю Валлон, и если вашему величеству угодно будет спросить об этом господина кардинала, то господину кардиналу достаточно будет порыться в своей памяти, чтобы ответить.

— Но позвольте, сударь, — сказала Анна Австрийская с той презрительной миной, которая была ей так свойственна, — мне кажется, вы спрашиваете его сами.

— Да, ваше величество, и я почти имею на это право, потому что дело идет о господине д'Артаньяне, о господине д'Артаньяне! — повторял он, стараясь всколыхнуть в королеве воспоминания женщины.

Мазарини почувствовал, что пора прийти на помощь королеве.

— Граф,— сказал он,— я сообщу вам то, что неизвестно ее величеству, а именно, что случилось с этими двумя шевалье. Они выказали неповиновение и за это сейчас арестованы.

— Я умоляю ваше величество,— сказал Атос все так же невозмутимо, не отвечая Мазарини,— освободить из-под ареста господина д'Артаньяна и господина дю Валлона.

— То, о чем вы меня просите, вопрос дисциплины, и он меня не касается,— ответила королева.

— Господин д'Артаньян никогда так не отвечал, когда дело шло о том, чтобы оказать услугу вашему величеству,— сказал Атос, кланяясь с достоинством и отступая на два шага в направлении двери.

Мазарини остановил его.

— Вы тоже из Англии, граф? — спросил он, делая знак королеве, которая заметно побледнела, готовая уже произнести суровое слово.

— Да, и я присутствовал при последних минутах короля Карла Первого,— ответил Атос.— Бедный король! Он был только слабохарактерен и за это был слишком строго наказан своими подданными. Троны в наши дни расшатались, и преданным сердцам стало опасно служить государям. Д'Артаньян ездил в Англию уже во второй раз. В первый раз ради чести одной великой королевы; во второй раз — ради жизни великого короля.

— Сударь,— сказала Анна Австрийская, обращаясь к Мазарини тоном, истинный смысл которого был ясен, несмотря на то, что вообще королева хорошо умела притворяться,— нельзя ли сделать что-нибудь для этих шевалье?

— Я сделаю все, что будет угодно приказать вашему величеству,— ответил Мазарини.

— Сделайте то, чего желает граф де Ла Фер, ведь так вас зовут, сударь?

— У меня есть еще одно имя, сударыня. Меня зовут Атос.

— Ваше величество,— сказал Мазарини с улыбкой, ясно говорившей, что он все понял с полуслова,— вы можете быть спокойны. Ваше желание будет исполнено.

— Вы слышали? — спросила королева.

— Да, я не ожидал меньшего от правосудия вашего величества. Итак, я увижусь с моими друзьями, не так ли, ваше величество? Я верно понял ваши слова?

— Вы их увидите, сударь. Кстати, вы тоже фрондер?

— Я служу королю.

— Да, по-своему.

— Мой способ службы тот, который принят всеми истинными дворянами. Другого я не знаю,— ответил Атос высокомерно.

— Идите, сударь,— сказала королева, отпуская Атоса движением руки,— вы получите то, что желали получить, и мы узнали то, что желали узнать.

Когда портьера опустилась за Атосом, она обратилась к кардиналу:

— Кардинал, прикажите арестовать этого дерзкого шевалье, прежде чем он выйдет из дома.

— Я думал об этом, — сказал Мазарини, — и я счастлив, что вы, ваше величество, даете мне приказание, о котором я намеревался просить. Эти головорезы, воскрешающие традиции прежнего царствования, чрезвычайно для нас вредны. Двое из них уже арестованы, — присоединим к ним третьего.

Королеве не удалось вполне обмануть Атоса. В тоне ее слов было что-то, поразившее его, словно какая-то угроза.

Но он не был человеком, способным отступить из-за простого подозрения, в особенности когда ему было ясно, что он увидится со своими друзьями. Он стал ждать в одной из смежных с приемной комнат, рассчитывая, что к нему приведут сейчас д'Артаньяна и Портоса или что за ним придут, чтобы отвести его к ним.

В ожидании он подошел к окну и стал смотреть на двор. Он видел, как в него вошли парижские депутаты, которые явились, чтобы засвидетельствовать свое почтение королеве и прийти договориться о месте, где будет происходить совещание. Тут были советники парламента, президенты, адвокаты, среди которых затерялось несколько военных. За воротами их ожидала внушительная свита.

Атос стал глядываться в эту толпу, потому что ему показалось, будто он кого-то узнает, как вдруг он почувствовал чье-то легкое прикосновение к своему плечу.

Он обернулся.

— А, Коменж! — воскликнул он.

— Да, граф, это я, и с поручением, за которое заранее прошу вас извинить меня.

— Какое же это поручение? — спросил Атос.

— Будьте добры отдать мне вашу шпагу, граф.

Атос улыбнулся и отворил окно.

— Арамис! — крикнул он.

Какой-то человек обернулся — тот самый, которого Атос узнал в толпе. Это был Арамис. Он дружески кивнул графу.

— Арамис, — сказал Атос, — я арестован.

— Хорошо, — хладнокровно ответил Арамис.

— Сударь, — сказал Атос, оборачиваясь к Коменжу и вежливо протягивая ему свою шпагу эфесом вперед, — вот моя шпага. Будьте добры сберечь мне ее, чтобы снова возвратить, когда я выйду из тюрьмы. Я ею дорожу. Она была вручена моему деду королем Франциском Первым. В былое время рыцарей вооружали, а не разоружали... А теперь куда вы поведете меня?

— Гм... сначала в мою комнату, — сказал Коменж. — Позже королева назначит вам местопребывание.

Не сказав более ни слова, Атос последовал за Коменжем.

МАЗАРИНИ В РОЛИ КОРОЛЯ

рест Атоса не наделал никакого шума, не произвел скандала; он почти даже не был замечен. Он ничем не нарушал течения событий, и депутации, посланной городом Парижем, было торжественно объявлено, что ее сейчас введут к королеве. Королева приняла ее, молчаливая и надменная, как всегда; она выслушала просьбы и мольбы депутатов, но когда они кончили свои речи, лицо Анны Австрийской было до такой степени равнодушно, что никто бы не мог сказать, слышала ли она их или нет.

В противоположность ей Мазарини, присутствовавший на аудиенции, прекрасно слышал все, о чем просили депутаты: они просто-напросто требовали его отставки.

Когда речи кончились, а королева все продолжала оставаться безмолвной, он заговорил:

— Господа, я присоединяюсь к вам, чтобы умолять ее величество прекратить бедствия ее подданных. Я сделал все, что мог, чтобы смягчить их; тем не менее народ, как вы говорите, приписывает их мне — бедному чужеземцу, которому не удалось расположить к себе французов. Увы, меня не поняли, это потому, что я явился преемником величайшего человека, который когда-либо поддерживал скипетр французских королей. Воспоминания о Ришелье делают меня ничтожным. Если бы я был честолюбив, я попытался бы (наверное тщетно!) бороться против этих воспоминаний; но я не честолюбив и хочу сейчас это доказать. Я признаю себя побежденным и сделаю то, чего желает народ. Если парижане и виновны, — за кем нет вины, господа! — то Париж уже наказан: довольно было пролито крови, достаточно бедствий постигло город, лишенный короля и правосудия. Не мне, частному лицу, становиться между королевой и ее страной. Так как вы требуете, чтобы я удалился, — ну что ж... я удалюсь...

— В таком случае, — шепнул Арамис на ухо своему соседу, — мир заключен и совещание излишне. Остается только препроводить Мазарини под крепкой стражей на какую-нибудь дальнюю границу и следить за тем, чтобы он где-нибудь не перешел ее обратно.

— Погодите, погодите, — сказал судейский, к которому обратился Арамис. — Как вы, люди военные, всегда торопитесь! Надо еще договориться о проторях и убытках.

— Господин канцлер, — сказала королева, обращаясь к нашему старому знакомому, Сегье, — вы откроете совещание, которое состоится в Рюэйле. Слова господина кардинала глубоко взволновали меня, — вот почему я не отвечаю вам более пространно. Что касается того, оставаться ему или уходить, то я слишком многим обязана господину кардиналу, чтобы не предоставить ему полной свободы действий. Господин кардинал поступит так, как ему будет угодно.

На секунду бледность покрыла умное лицо первого министра. Он тревожно взглянул на королеву. Но лицо ее было так бесстрастно, что он, как и другие, не мог по нему догадаться, что происходило в ее сердце.

— А пока, — добавила королева, — в ожидании решения господина Мазарини, каково бы оно ни было, мы займемся только вопросом, касающимся одного короля.

Депутаты откланялись и удалились.

— Как! — воскликнула королева, когда последний из них вышел из комнаты. — Вы уступаете этим крючкам-адвокатам?

— Для блага вашего величества, — сказал Мазарини, устремив на королеву пронизывающий взгляд, — нет жертвы, которой бы я не принес.

Анна опустила голову и впала, как с ней бывало часто, в глубокую задумчивость. Ей припомнился Атос, его смелая осанка, его твердая и гордая речь. И те призраки, которые он воскресил в ней одним словом, напомнили ей опьяняющее поэтическое прошлое, — молодость, красоту, блеск любви в двадцать лет, жестокую борьбу ее приверженцев и коварный конец Бекингэма, единственного человека, которого она действительно любила, а также героизм ее защитников, которые спасли ее от ненависти Ришелье и короля.

Мазарини смотрел на нее.

В эту минуту, когда она полагала, что она одна и что ей нет надобности опасаться толпы врагов, шпионящих за ней, он читал на ее лице так же ясно, как видишь на гладкой поверхности озера отражение бегущих в небе облаков.

— Так, значит, надо смириться перед грозой, заключить мир и терпеливо, с надеждой дожидаться лучших дней? — проговорила Анна.

Мазарини горько улыбнулся на этот вопрос, доказывавший, что она приняла за чистую монету предложение министра.

Анна сидела опустив голову и потому не видела этой улыбки, но, заметив, что на вопрос не последовало ответа, она подняла голову.

— Что же вы не отвечаете мне, кардинал? О чем вы думаете?

— Я думаю о том, что этот дерзкий шевалье, которого мы велели Коменжу арестовать, намекнул вам на Бекингэма, которого вы позволили убить, на госпожу де Шеврез, которую вы позволили сослать, и на господина де Бофора, которого вы велели заключить в тюрьму. Но если он намекнул вам на меня, то только потому, что не знает, кто я для вас.

Анна Австрийская вздрогнула, как бывало всегда, когда она чувствовала, что гордость ее уязвлена; она покраснела и, чтобы сдержаться, вонзила ногти в ладони своих прекрасных рук.

— Он хороший советчик, человек умный и честный, не говоря уже о том, что у него решительный характер. Вам это хорошо известно, ваше величество. Я ему объясню, — и этим окажу ему особую честь, — в чем он ошибся относительно меня. От меня требуют почти отречения, а над отречением стоит поразмыслить.

— Отречения? — проговорила Анна. — Я полагала, что только одни короли отрываются от престола.

— Так что ж? — продолжал Мазарини. — Разве я не почти что король? Чем я не король Франции? Уверю вас, сударыня, что ночью моя сутана министра, брошенная у королевского ложа, мало чем отличается от королевской мантии.

Таким унижениям Мазарини часто подвергал ее, и каждый раз она склоняла перед ним голову.

Только Елизавета Английская и Екатерина II умели быть и любовницами и государынями для своих фаворитов.

Анна Австрийская почти со страхом посмотрела на угрожающую физиономию кардинала, который в таких случаях бывал даже величествен.

— Кардинал, — проговорила она, — разве вы не слышали, как я сказала этим людям, что предоставляю вам поступить, как вам будет угодно.

— В таком случае, — сказал Мазарини, — я думаю, что мне угодно будет остаться. В этом не только моя выгода, но, смею, сказать, и ваше спасение.

— Оставайтесь же, я ничего другого не желаю. Но только не позволяйте оскорблять меня.

— Вы говорите о претензиях бунтовщиков и о тоне, которым они их высказывали? Терпение! Они избрали почву, на которой я более ловкий боец, чем они: переговоры. Мы их изведем одной медлительностью. Они уже голодают, а через неделю им будет еще хуже.

— Ах, боже мой! Да, я знаю, что все кончится этим. Но речь идет не только о них, не одни лишь они наносят мне ужасные оскорбления.

— А, понимаю вас! Вы говорите о воспоминаниях, которые пробуждают в вас эти три или четыре дворянина? Но мы заключили их в тюрьму, и они провинились вполне достаточно, чтобы мы могли продержать их в заключении столько, сколько нам заблагорассудится. Правда, один из них еще не в наших руках и насмехается над нами. Но, черт возьми, мы сумеем и его отправить к друзьям. Нам, кажется, удавались дела и потруднее этого. Я прежде всего позаботился засадить в Рюэйле, около себя, под моим надзором самых несговорчивых. А сегодня к ним присоединился и третий.

— Пока они в заключении, мы можем быть спокойны, — сказала Анна Австрийская, — но в один прекрасный день они выйдут из тюрьмы.

— Да, если ваше величество дарует им свободу.

— Ах! — воскликнула Анна Австрийская, отвечая на собственные мысли. — Как здесь не пожалеть о Париже!

— А почему именно?

— Потому что там есть Бастилия, которая так безмолвна и надежна.

— Ваше величество, переговоры дадут нам мир; вместе с миром мы получим Париж, а с Парижем и Бастилию. Наши четверо храбрецов сгниют в ней.

Анна Австрийская слегка нахмурилась в то время, как Мазарини целовал у нее на прощание руку, полупочтительно, полугалантно. После этого он направился к выходу. Она провожала его взглядом и по мере того как он удалялся, губы ее складывались в презрительную усмешку.

— Я пренебрегла, — прошептала она, — любовью кардинала, который никогда не говорил «я сделаю», а всегда «я сделал». Тот знал убежища более надежные, чем Рюэйль, более мрачные и немые, чем Бастилия. О, как люди мельчают!

Глава 40

МЕРЫ ПРЕДОСТОРОЖНОСТИ

Оставшись с Анной Австрийской, Мазарини отправился к себе домой в Рюэйль. Мазарини всегда сопровождала сильная охрана, а иногда, в тревожное время, он даже переодевался; и мы уже говорили, что кардинал, одетый в военное платье, казался очень красивым человеком.

Во дворе старого замка он сел в экипаж и доехал до берега Сены у Шату. Принц Конде дал ему конвой в пятьдесят человек, не столько для охраны, сколько для того, чтобы показать депутатам, как генералы королевы могут легко располагать войсками и распоряжаться ими по своей прихоти.

Атос, под надзором Коменжа, верхом и без шпаги, молча следовал за кардиналом. Гримо, оставленный своим барином у решетки замка, слышал, как Атос крикнул о своем аресте из окна; по знаку графа он, не говоря ни слова, направился к Арамису и стал рядом с ним, точно ничего особенного не случилось.

Надо сказать, за те двадцать два года, что Гримо прослужил у своего господина, он столько раз видел, как тот благополучно выходил целым и невредимым из всяких приключений, что теперь уже подобные вещи его не смущали.

Тотчас же по окончании аудиенции депутаты выехали в Париж, другими словами, они опередили кардинала шагов на пятьсот. Поэтому Атос, следуя за кардиналом, мог видеть спину Арамиса, который своей золотой перевязью и горделивой осанкой резко выделялся из толпы; он привлекал взор Атоса еще и потому, что тот, по обыкновению, рассчитывал на успешную помощь Арамиса, а кроме того, просто из чувства дружбы, которую Атос питал к нему.

Арамис, напротив, нисколько, казалось не думал о том, едет ли за ним Атос или нет. Он обернулся только один раз, когда достиг дворца. Он предполагал, что Мазарини, может быть, оставит своего пленника в этом маленьком дворике-крепости, который охранял мост и которым управлял один капитан, приверженец королевы. Но этого не случилось. Атос проехал Шату следом за кардиналом.

На перекрестке дорог, ведущих в Париж и в Рюэйль, Арамис снова обернулся. На этот раз предчувствие не обмануло его. Мазарини повернул направо, и Арамис мог видеть, как пленник исчезал за деревьями. В эту минуту в голове Атоса мелькнула, по-видимому, та же мысль, которая пришла в голову Арамису; он оглянулся назад. Оба друга обменялись простым кивком головы, и Арамис поднес палец к шляпе, как бы в виде приветствия. Атос один только понял этот знак: его друг что-то придумал.

Через десять минут Мазарини въезжал во двор замка, который другой кардинал, его предшественник, выстроил в Рюэйле для себя.

В ту минуту, когда он сходил с лошади возле подъезда, к нему подошел Коменж.

— Монсеньер,— спросил он его,— куда прикажете поместить господина де Ла Фер?

— В оранжерейном павильоне, против военного поста. Я желаю, чтобы господину де Ла Фер оказывали почтение, несмотря на то, что он пленник ее величества.

— Монсеньер,— осмелился доложить Коменж,— он просит, если это возможно, поместить его вместе с господином д'Артаньяном, который находится, согласно приказанию вашего преосвященства, в охотничьем павильоне, напротив оранжереи.

Мазарини задумался.

Коменж думал, что он колеблется насчет решения.

— Это место надежное, оно находится под охраной сорока испытанных солдат,— прибавил он.— Они почти все немцы и поэтому не имеют никакого отношения к Фронде.

— Если мы поместим всех троих вместе, Коменж,— сказал Мазарини,— нам придется удвоить охрану, а мы не настолько богаты защитниками, чтобы позволить себе такую роскошь.

Коменж улыбнулся. Мазарини увидел эту улыбку и понял ее.

— Вы их не знаете, Коменж, но я их знаю, во-первых, по личному знакомству, а кроме того, и понаслышке. Я поручил им оказать помощь королю Карлу. Чтобы спасти его, они совершили чудеса, и только злая судьба помешала дорогому королю очутиться здесь среди нас, в полной безопасности.

— Но если они такие верные слуги, то почему вы держите их в тюрьме?

— В тюрьме? — повторил Мазарини.— С каких пор Рюэйль стал тюрьмой?

— С тех пор, как в нем находятся заключенные,— ответил Коменж.

— Эти господа не узники, Коменж,— сказал Мазарини, улыбаясь своей лукавой улыбкой,— они мои гости, такие дорогие гости, что я велел сделать решетки на окнах и запоры на дверях из опасения, как бы они не лишили меня своего общества. И хотя они кажутся узниками, я их глубоко уважаю и в доказательство этого желаю сделать визит господину де Ла Фер и побеседовать с ним с глазу на глаз, а для того, чтобы нашей беседе не помешали, вы отведете его, как я уже вам сказал, в оранжерейный павильон. Вы знаете, я там обычно гу-

ляю. Так вот, совершая эту прогулку, я найду к нему, и мы побеседуем. Несмотря на то что все считают его моим врагом, я чувствую к нему расположение, а если он будет благоразумен, мы, может быть, с ним поладим.

Коменж поклонился и вернулся к Атосу, который с виду спокойно, но на самом деле с тревогой ожидал результата переговоров.

— Ну что? — спросил он лейтенанта.

— Кажется, — ответил Коменж, — это дело невозможное.

— Господин Коменж, — сказал Атос, — я всю свою жизнь был солдатом и знаю, что значит приказание, но вы можете оказать мне услугу, не нарушая этого приказания.

— Готов от всего сердца, — ответил Коменж. — Мне известно, кто вы такой и какую услугу вы некогда оказали ее величеству. Я знаю, как близок молодой человек, который так храбро вступился за меня в день ареста старого негодяя Бруселя, и поэтому я всецело предан вам во всем, — не могу только нарушить полученного приказания.

— Благодарю вас, большего я и не желаю. Я прошу вас об одной услуге, которая не поставит вас в ложное положение.

— Если даже она до некоторой степени и поставит меня в неприятное положение, — возразил, улыбаясь, Коменж, — я все-таки окажу вам ее. Я не больше вашего люблю Мазарини. Я служу королеве, а потому вынужден служить и кардиналу; но ей я служу с радостью, а ему против воли. Говорите же, прошу вас; я жду и слушаю.

— Раз мне можно знать, что господин д'Артаньян находится здесь, то, я полагаю, не будет большой беды в том, если он узнает, что я тоже здесь.

— Мне не дано никаких приказаний на этот счет.

— Тогда сделайте мне удовольствие, засвидетельствуйте д'Артаньяну мое почтение и скажите ему, что я его сосед. Передайте ему также и то, что сейчас сообщили мне, а именно, что Мазарини поместил меня в оранжерейном павильоне и намеревается навестить меня там, а я собираюсь воспользоваться этой честью и выхлопотать смягчения нашей участи в заключении.

— Но заключение это не может быть продолжительным, — сказал Коменж. — Кардинал сам сказал мне, что здесь не тюрьма.

— Но зато тут есть подземные камеры, — сказал Атос с улыбкой.

— А, это другое дело, — сказал Коменж. — Да, я слышал кое-что об этом. Но человек низкого происхождения, как этот итальянец-кардинал, явившийся во Францию искать счастья, не осмелится доходить до подобной крайности с такими людьми, как мы с вами: это было бы чудовищно. Во времена его предшественника, прежнего кардинала, который был аристократ и вельможа, многое было возможно, — но Мазарини! Полноте! Подземные камеры — королевская месть, и на нее не решится такой проходимец, как он. О вашем аресте уже стало известно, об аресте ваших друзей тоже скоро узнают, и все французское дворянство потребует у Мазарини отчета в вашем исчезновении. Нет, нет, будьте покойны, подземные темницы Рюэйля уже лет десять как обратились в детскую сказку. Не тревожьтесь на этот счет. С своей стороны, я предупрежу господина д'Артаньяна о вашем прибытии сюда.

Кто знает, не заплатите ли вы мне подобной же услугой через две недели?

— Я?

— Ну конечно. Разве не могу я, в свою очередь, оказаться пленником коадьютора?

— Поверьте мне, — сказал Атос с поклоном, — я употреблю тогда все старания, чтобы быть вам полезным.

— Не окажете ли вы мне честь отужинать со мною? — спросил Коменж.

— Благодарю вас, но я в мрачном настроении и могу испортить вам вечер. Благодарю.

Коменж отвел графа в комнату, помещавшуюся в нижнем этаже павильона, непосредственно примыкавшего к оранжерее; в эту оранжерею можно было проникнуть только пройдя через двор, наполненный солдатами и придворными. Двор имел вид подковы. В центре его помещались апартаменты Мазарини; по одну сторону их находился охотничий павильон, где был заключен д'Артаньян, по другую сторону находилась оранжерея, в которую отвели Атоса. Позади этих зданий раскинулся парк.

Войдя в отведенную ему комнату, Атос увидел в окно, тщательно заделанное решеткой, какие-то стены и крышу.

— Что это за здание? — спросил он.

— Это задняя стена павильона, в котором заключены ваши друзья, — ответил Коменж. — К несчастью, все окна в этой стене были заделаны еще во время покойного кардинала, так как здание это уже много раз служило тюрьмой, и Мазарини, заключив вас сюда, только вернул ему прежнее назначение. Если бы окна эти не были заделаны, вы могли бы утешаться, переговариваясь знаками с вашими друзьями.

— А вы наверное знаете, Коменж, что кардинал почтит меня своим посещением? — спросил Атос.

— По крайней мере, он так сказал мне.

Атос со вздохом взглянул на свое решетчатое окно.

— Да, правда, — сказал Коменж, — это почти тюрьма: нет недостатка ни в чем, даже в решетках. Но я не понимаю одного: что за странная мысль пришла вам в голову, — вам, с вашим умом, отдать свою храбрость и преданность на службу такому делу, как Фронда! Уверю вас, граф, если бы мне пришлось когда-нибудь искать друга среди королевских офицеров, я прежде всего подумал бы о вас. Вы фрондер! Вы, граф де Ла Фер, в партии Бруселя, Бланмениля и Виоля! Поразительно!

— Что же мне было делать? — сказал Атос. — Приходилось сделать выбор: стать мазаринистом или фрондером. Я долго сопоставлял эти два слова и в конце концов выбрал второе: по крайней мере оно французское. И, кроме того, ведь я не только с Бруселем, Бланменилем и Виолем, но и с Бофором, с д'Эльбефом, с принцами. Да и что служить кардиналу? Взгляните на эту стену без окон, Коменж: она красноречиво свидетельствует о благодарности Мазарини.

— Да, вы правы, — рассмеялся Коменж. — Особенно если бы она смогла повторить все те проклятия, которыми вот уже неделю осыпает ее д'Артаньян.

— Бедный д'Артаньян! — сказал Атос с оттенком мягкой грусти. — Такой храбрый, такой добрый и такой грозный для врагов своих друзей. У вас два очень опасных узника, Коменж, и я жалею вас, если эти два неукротимых человека вверены вам, под вашу личную ответственность...

— Неукротимых! — сказал, улыбаясь, Коменж. — Полноте пугать меня. В первый же день заключения д'Артаньян оскорблял всех солдат и всех офицеров, без сомнения, в надежде получить в руки шпагу. Это продолжалось два дня, а затем он успокоился и стал тих, как ягненок. Теперь он распевает гасконские песни, от которых мы умираем со смеху.

— А дю Валлон? — спросил Атос.

— О, этот — дело другое. Признаюсь, это страшный человек. В первый день он выломал плечом все двери, и, право же, я ждал, что он выйдет из Рюэйля, как Самсон из Газы. Но затем настроение его так же изменилось, как у д'Артаньяна. Теперь он не только привык к своему заточению, но даже подшучивает над ним.

— Тем лучше, — сказал Атос, — тем лучше.

— А вы ожидали чего-нибудь другого? — спросил Коменж, который, сопоставляя слова графа де Ла Фер с тем, что ему говорил Мазарини об этих двух узниках, начинал испытывать некоторое беспокойство.

Со своей стороны, Атос подумал, что такая перемена в настроении его друзей была, может быть, вызвана каким-нибудь планом, зародившимся у д'Артаньяна. Поэтому, боясь им повредить, он ответил спокойно.

— Это две горячие головы: один гасконец, другой пикардиец. Они оба быстро воспламеняются и так же быстро остывают. То, что вы мне рассказали о них, только подтверждает мое мнение.

Таково же было мнение и Коменжа, и он, успокоенный, удалился. Атос остался один в просторной комнате, где, согласно приказанию кардинала, с ним обращались вполне почтительно. Но чтобы составить себе точное понятие о своем положении, он стал терпеливо ждать обещанного посещения Мазарини.

Глава 41

УМ И СИЛА

теперь перейдем из оранжереи в охотничий павильон. В глубине двора, там, где за портиком с ионическими колоннами виднелись псарни, возвышалось продолговатое здание, словно протягивавшее руку к другому строению — оранжерейному павильону, образуя вместе с ним полукруг, окаймляющий парадный двор. Это и был охотничий павильон, в нижнем этаже которого заключены были Портос и д'Артаньян. Сидя вместе, они коротали, как умели, долгие часы в ненавистой им обоим неволе.

Д'Артаньян прохаживался взад и вперед, как тигр в клетке, уставившись глазами в одну точку, и по временам глухо рычал, проходя мимо решеток широкого окна, выходявшего на просторный задний двор замка.

Портос безмолвствовал, находясь еще под впечатлением прекрасного обеда, остатки которого были только что убраны.

Один казался безумным, но на самом деле размышлял; другой, казалось, размышлял, тогда как на самом деле спал. Но во сне его мучали кошмары, о чем легко было догадаться по его прерывистому тяжелому храпу.

— Вот уже начинает темнеть,— сказал д'Артаньян.— Должно быть, часа четыре. Скоро будет сто восемьдесят три часа, как мы сидим здесь.

— Гм,— пробормотал Портос вместо ответа.

— Да слышите ли вы, соня? — сказал д'Артаньян, раздраженный тем, что кто-то может спать днем, когда ему стоит неимоверного труда заснуть ночью.

— Что? — спросил Портос.

— То, что я сказал.

— Что вы сказали?

— Я говорю, что скоро сто восемьдесят три часа, как мы сидим здесь,— повторил д'Артаньян.

— Вы сами в этом виноваты,— сказал Портос.

— Как? Я виноват?

— Да, ведь я предлагал вам выйти отсюда.

— Выломав решетки и двери?

— Конечно.

— Портос, люди вроде нас с вами не могут уйти так просто, как вы думаете.

— Ну, а я,— возразил Портос,— ушел бы отсюда совсем просто, без затей, и, по-моему, вы напрасно от этого отказываетесь.

Д'Артаньян пожал плечами.

— Все равно, если мы и выйдем из этой комнаты, то ведь этим дело не кончится.

— Милый друг,— сказал Портос,— мне кажется, вы сегодня немного лучше настроены, чем вчера. Объясните мне, почему дело не кончится, когда мы выйдем из этой комнаты?

— Очень просто: не имея оружия и не зная пароля, мы и пятидесяти шагов не сделаем по двору, как наткнемся на часового.

— Ну и что же? — сказал Портос.— Мы убьем часового и заберем его оружие.

— Так, но прежде чем умереть (ведь эти швейцарцы так живучи!), он закричит или застонет, и это привлечет караул. Нас окружают и схватят, словно лисиц,— это нас-то, львов,— и бросят в какой-нибудь каменный мешок, где мы даже не будем иметь утешения видеть это ужасное серое небо Рюэйля, похожее на голубое небо Тарба не больше, чем луна на солнце. Черт возьми! Если бы у нас за стенами этого здания был хоть один человек, который мог бы дать нам все сведения об этом замке — о расположении комнат, о распорядке жизни, одним

Словом, обо всем, что Цезарь, как мне говорили, называл «нравами и местоположением»¹!.. Ах, и подумать только, целых двадцать лет я скучал, не зная, чем заняться, и мне ни разу не пришло в голову приехать в Рюэйль и изучить его!

— Что же из этого? — сказал Портос. — Давайте все-таки выйдем отсюда.

— Милый друг, — сказал д'Артаньян, — знаете, почему кондитер никогда сам не делает пирожных?

— Нет, — ответил Портос, — любопытно было бы узнать.

— Потому, что он боится их перепечь или положить в них кислого крема.

— Что дальше?

— Дальше то, что его поднимут на смех. А кондитер не должен никогда позволять над собой смеяться.

— Но какое отношение к нам имеют кондитеры?

— Такое, что мы в наших приключениях не должны терпеть неудач и вызывать насмешки. Мы только что потерпели неудачу в Англии, мы понесли поражение, — это пятно на нашей репутации.

— Кто же нам нанес поражение?

— Мордаунт.

— Но мы утопили Мордаунта.

— Да, конечно, утопили, и это нас несколько оправдывает в глазах потомства, если только потомство станет заниматься нами. Но слушайте, Портос: если Мордаунт был противником, которым нельзя было пренебрегать, то Мазарини мне представляется противником гораздо более опасным, и его нам не удастся так легко утопить. Постараемся же быть поосторожней и бить только наверняка. Дело в том, — прибавил д'Артаньян с глубоким вздохом, — что если мы с вами вдвоем и стоим добрых восемь человек, то все же быть вдвоем не то, что вчетвером.

— Вы правы, — сказал Портос со вздохом.

— Итак, Портос, берите пример с меня и ходите взад и вперед по комнате, пока мы не получим известия от наших друзей или пока нам не придет в голову какая-нибудь хорошая мысль. Но не спите непрерывно, по вашему обыкновению: ничто так не туманит голову и не притупляет ум, как сон. Что касается того, что нам грозит, то, может быть, положение наше не так уж плохо, как мы полагали сначала. Я не думаю, чтобы Мазарини собирался отрубить нам головы, — этого нельзя сделать без суда, а суд наделает шума, который не преминет привлечь внимание наших друзей, и тогда Мазарини несдобровать.

— Как вы хорошо рассуждаете! — сказал Портос с восхищением.

— Да, недурно, — сказал д'Артаньян. — Итак, если нас не собираются отдавать под суд и рубить нам головы, то нас или будут держать здесь, или переведут куда-нибудь.

— Это несомненно, — сказал Портос.

---

¹ Имеются в виду «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря.

— Поэтому невозможно, чтобы такая тонкая ищейка, как Арамис, и такой умница, как Атос, не открыли бы нашего убежища, а тогда придет время действовать.

— Тем более что нам здесь не так уж плохо, за исключением, впрочем, одного.

— Чего именно?

— Заметили вы, д'Артаньян, что нам давали жареную баранину три дня подряд?

— Нет, но если это случится в четвертый раз, то не беспокойтесь, я заявлю жалобу.

— Кроме того, я скучаю по дому. Как давно уже я не был в моих замках!

— Ба, забудьте их на время! Мы их увидим еще, если только Мазарини не велит их снести.

— Вы считаете его способным на такое насилие? — с тревогой спросил Портос.

— Нет, такие вещи мог делать только прежний кардинал. Нынешний слишком ничтожен, чтобы решиться на что-либо подобное.

— Вы меня успокоили, д'Артаньян.

— Итак, будем веселы, давайте шутить со стражей. Расположим к себе солдат, раз мы не можем их подкупить. Будьте с ними полюбознее, Портос, когда они будут подходить к нашим решеткам. До сих пор вы им показывали только свой кулак, и чем увесистее он, тем менее для них привлекателен. Ах, я много бы дал, чтобы иметь только пятьсот луидоров.

— Я тоже дал бы сотню пистолей, — сказал Портос, не желая уступить д'Артаньяну в щедрости.

На этом прервалась беседа двух друзей, потому что к ним вошел Коменж, а впереди него сержант с двумя сторожами, которые несли ужин в корзине, наполненный мисками и блюдами.

Глава 42

УМ И СИЛА

(Продолжение)

у вот, — сказал Портос, — опять баранина!

— Дорогой господин Коменж, — сказал д'Артаньян, — да будет вам известно, что мой друг, господин дю Валлон, решил взбунтоваться, если Мазарини будет упорно кормить его бараниной.

— Я заявляю, что ничего не буду есть, если не унесут этой баранины, — сказал Портос.

— Унесите баранину, — сказал Коменж. — Я желаю, чтобы господин дю Валлон приятно поужинал, тем более что я намерен сообщить ему новость, которая, я уверен, придаст ему аппетита.

— Не отправился ли Мазарини на тот свет?

— Нет, к моему крайнему сожалению, я должен вам сказать, что он чувствует себя преотлично.

— Тем хуже, — сказал Портос.

— Какая же у вас новость? — спросил д'Артаньян. — В стенах тюрьмы новости редки, и вы, надеюсь, простите мне мое нетерпение. Не так ли, господин Коменж? Тем более что, как вы намекнули, новость хорошая.

— Приятно ли было бы вам услышать, что граф де Ла Фер находится в добром здравии? — спросил Коменж.

Маленькие глазки д'Артаньяна широко раскрылись.

— Приятно ли!... — воскликнул он. — Да это было бы для меня счастьем!

— В таком случае могу вам сообщить: он поручил мне приветствовать вас и сказать, что он жив и здоров.

Д'Артаньян едва не подпрыгнул от радости. Быстро брошенный им на Портоса взгляд выдал его мысль. «Если Атос знает, где мы находимся, — говорил это взгляд, — если он шлет нам привет, это значит, что Атос скоро начнет действовать».

Портос не был особенным мастером угадывать мысли, но на этот раз при имени Атоса у него зародилась та же мысль, что у д'Артаньяна. Поэтому он понял.

— Но, — спросил гасконец нерешительно, — вы говорите, что сам граф де Ла Фер поручил вам передать нам привет? Вы, значит, видели его?

— Конечно.

— Где же... если это не нескромный вопрос?

— Очень близко отсюда, — ответил Коменж с улыбкой.

— Очень близко отсюда? — переспросил д'Артаньян, и глаза его блеснули.

— Так близко, что не будь окна оранжереи заделаны, вы могли бы увидеть его с того места, где находитесь.

«Он, вероятно, бродит в окрестностях замка», — подумал про себя д'Артаньян и громко прибавил:

— Вы его встретили на охоте? Может быть, в парке?

— Нет, гораздо ближе. Вот здесь, по ту сторону стены, — сказал Коменж, стукнув рукой по стене.

— По ту сторону стены! Что же такое находится за этой стеной? Меня привели сюда ночью, поэтому черт меня побери, если я знаю, где я нахожусь.

— Вообразите одну вещь, — сказал Коменж.

— Я готов вообразить себе все, что вам будет угодно.

— Так вообразите, что в этой стене есть окно.

— И что же тогда?

— Тогда из вашего окна вы увидели бы графа де Ла Фер у его окна.

— Значит, граф де Ла Фер живет во дворце?

— Да.

— В качестве кого?

— В том же качестве, что и вы.

— Атос арестован?

— Как вы знаете,— сказал со смехом Коменж,— в Рюэйле нет узников, потому что нет тюрьмы.

— Бросьте шутить! Значит, Атоса арестовали?

— Вчера, в Сен-Жермене, после приема у королевы.

У д'Артаньяна руки опустились. Он был как громом поражен. Мгновенная бледность как тень пробежала по его загорелому лицу и тотчас исчезла.

— Арестован!.. — повторил он.

— Арестован!.. — повторил за ним Портос, совершенно подавленный.

Вдруг д'Артаньян поднял голову. Глаза его сверкнули незаметно даже для Портоса; этот белый блеск тут же сменился прежним унынием.

— Ну полно, `полно,— сказал Коменж, чувствовавший к д'Артаньяну искреннее расположение с того дня, как тот оказал ему такую услугу, вырвав его из рук парижан во время ареста Брюсея.— Не отчаивайтесь, я не хотел опечалить вас этой новостью. Все мы из-за нынешней войны подвержены всяким случайностям. Пусть вас лучше позабавит случайность, которая привела вашего друга де Ла Фер к вам.

Но эти слова не произвели желаемого действия на д'Артаньяна, который оставался мрачным.

— А как он себя чувствует? — спросил Портос, видя, что д'Артаньян больше не поддерживает разговора.

— Превосходно,— сказал Коменж.— Сначала он, как и вы, был, видимо, очень угнетен, но после того, как узнал, что кардинал намерен сегодня вечером посетить его...

— А! — воскликнул д'Артаньян.— Кардинал собирается посетить графа де Ла Фер?

— Да, он велел предупредить об этом графа, и тот сразу поручил мне передать вам, что воспользуется этой милостью кардинала и будет просить о смягчении вашей и своей участи.

— Ах, милый граф! — воскликнул д'Артаньян.

— Хорошее дело! — проворчал Портос.— Велика милость! Граф де Ла Фер, родня Монморанси и Роганов, уж наверно получше какого-то Мазарини.

— Ну, полноте! — заговорил д'Артаньян лукаво.— Подумайте только, дорогой дю Валлон, какая все же честь для графа де Ла Фер и какие надежды она возбуждает. Я даже думаю, что господин де Коменж ошибается, это слишком большая честь для арестованного.

— Как? Я ошибаюсь?

— Не Мазарини посетит графа де Ла Фер, но граф де Ла Фер будет, вероятно, вызван к Мазарини.

— Нет, нет,— сказал Коменж, желавший дать самые точные сведения.— Я отлично слышал, как это сказал кардинал. Он сам посетит графа де Ла Фер.

Д'Артаньян взглянул на Портоса, желая узнать, понял ли тот всю важность этого посещения; но Портос в это время даже не смотрел в его сторону.

— Кардинал имеет, стало быть, привычку гулять по своей оранжерее? — спросил д'Артаньян.

— Он запирается в ней каждый вечер, — ответил Коменж. — Говорят, он размышляет там о государственных делах.

— В таком случае я начинаю верить, что кардинал действительно посетит графа де Ла Фер. Он, конечно, пойдет туда с конвоем?

— Да, с двумя солдатами.

— И будет при них вести разговор?

— Его солдаты — швейцарцы и понимают только по-немецки. Впрочем, они, должно быть, останутся у дверей.

Д'Артаньян вонзил ногти в ладони своих рук от усилия сохранить на лице только то выражение, которое он в данный момент считал подходящим.

— Все же Мазарини не мешало бы поостеречься входить одному к графу де ла Фер, — сказал д'Артаньян, — ведь граф, должно быть, взбешен. Коменж только рассмеялся.

— Полноте! — сказал он. — Можно подумать, что вы какие-то людоеды. Господин де Ла Фер прежде всего благовоспитан. Кроме того, у него нет оружия, да и по первому крику его преосвященства оба солдата прибегут сразу.

— Два солдата, — повторил д'Артаньян, будто припоминая, — два солдата. Так это их вызывают каждый вечер, и они иногда по полчаса прогуливаются под нашим окном?

— Да, это они. Они поджидают кардинала, или, вернее, Бернуина, который вызывает их к кардиналу, когда тот выходит из замка.

— Молодцеватые парни! — сказал д'Артаньян.

— Они из полка, который был при Лансе и который принц передал кардиналу, чтобы оказать ему почет.

— Ах, сударь, — сказал д'Артаньян, словно желая закончить этот длинный разговор, — хоть бы его преосвященство смягчился и возвратил нам свободу по просьбе графа де Ла Фер.

— Я желаю этого от всего сердца.

— Так что, если он позабудет про визит, вы не откажетесь напомнить ему?

— Нисколько, напротив.

— Это меня чуть-чуть успокаивает.

Всякий, кто сумел бы читать в душе гасконца, признал бы ловкую перемену разговора великолепным маневром.

— А теперь, — продолжал он, — у меня к вам еще одна просьба, дорогой господин Коменж.

— Я весь к вашим услугам.

— Вы увидите с графом де Ла Фер?

— Завтра утром.

— Будьте так добры передать ему наш привет и сказать ему, что мы просим его исходатайствовать у господина кардинала и для нас такой же милости.

— Вы желаете, чтобы кардинал пришел сюда?

— Нет. Я знаю, кто я, и не могу быть настолько требовательным. Я желаю только, чтобы господин кардинал оказал мне честь выслушать меня. Больше ничего.

«О,— пробормотал про себя Портос.— Этого я никогда от него не ожидал! Как несчастье ломает человека!»

— Это будет исполнено,— сказал Коменж.

— Передайте также графу, что я совершенно здоров и что вы нашли меня печальным, но покорным судьбе.

— Я от души рад это слышать,— сказал Коменж.

— Скажите то же самое и про господина дю Валлона.

— Про меня? Нет! — воскликнул Портос.— Я совсем не покорился своей судьбе.

— Но вы покоритесь, друг мой.

— Никогда!

— Он покорится. Я знаю его лучше, чем он сам, я знаю за ним тысячу прекрасных качеств, которых он в себе и не подозревает. Молчите, дорогой дю Валлон, и покоритесь судьбе.

— Прощайте, господа,— сказал Коменж,— спите спокойно.

— Мы постараемся.

Коменж поклонился и вышел. Д'Артаньян проводил его глазами с тем же смирением во всей своей фигуре и с тем же выражением покорности на лице. Но не успела дверь затвориться за командиром стражи, как он бросился к Портосу и стиснул его в своих объятиях с такой радостью, что в ней нельзя было сомневаться.

— О! О! — сказал Портос.— Что с вами? Что случилось? Вы, вероятно, сошли с ума, мой бедный друг!

— Случилось то, что мы спасены!

— Я этого никак не вижу,— сказал Портос.— Напротив, я вижу, что нас всех схватили, за исключением Арамиса, и что надежда на освобождение ослабела с тех пор, как еще один из нас попал в мышеловку Мазарини.

— Вовсе нет, мой друг, эта мышеловка была достаточно прочна для двоих, но для троих она уже слабовата.

— Ничего не понимаю,— сказал Портос.

— Да и не нужно. Сядем за стол и подкрепим наши силы: они понадобятся нам сегодня ночью,— сказал д'Артаньян.

— Что же мы будем делать? — спросил Портос, любопытство которого начало пробуждаться.

— Мы, по всей вероятности, отправимся путешествовать.

— Но...

— Садитесь за стол, дорогой друг, мысли ко мне приходят во время еды. После ужина, когда я приведу свои мысли в порядок, вы их узнаете.

Как ни хотелось Портосу узнать планы д'Артаньяна, он, зная хорошо своего друга, без дальнейших возражений сел за стол и стал есть с аппетитом, делавшим честь доверию, которое он питал к изобретательности д'Артаньяна.

жин прошел в молчании, но не печально, потому что время от времени по лицу д'Артаньяна пробегала лукавая улыбка, которая всегда свидетельствовала о его хорошем настроении. От Портоса не ускользнула ни одна из этих улыбок, и каждый раз, заметив ее, он различными восклицаниями давал понять своему другу, что хотя он и не знает, какая мысль пришла в голову д'Артаньяну, тем не менее он очень интересуется ею.

За десертом д'Артаньян уселся в кресло и, закинув ногу за ногу, развалился с видом человека, очень довольного самим собой.

Портос оперся локтем на стол, положил подбородок в ладони рук и устремил на д'Артаньяна доверчивый взгляд, который придавал этому колоссу такой приклекательно-добродушный вид.

— Ну? — спросил д'Артаньян через минуту.

— Ну? — повторил за ним Портос.

— Вы говорили, дорогой друг...

— Я?.. Я ничего не говорил!

— Неправда, вы сказали мне, что желаете уйти отсюда.

— А! Ну, в этом желании у меня нет недостатка.

— И прибавили, что для этого достаточно высадить дверь или проломить стену.

— Правда. Это я говорил и продолжаю утверждать.

— А я вам ответил, Портос, что этот способ не годится, так как не успеем мы сделать ста шагов, как нас снова схватят и убьют, если мы не будем иметь платья, чтобы переодеться для бегства, и оружия, чтобы защищаться.

— Вы правы. Платье и оружие нам необходимы.

— Так вот. Портос, у нас есть теперь и то и другое, и даже кое-что получше.

— Где же? — спросил Портос, озираясь во все стороны.

— Не ищите напрасно. Все явится в нужную минуту. В котором часу приблизительно солдаты расхаживали перед нашими окнами?

— Если не ошибаюсь, через час после наступления сумерек.

— Если они выйдут сегодня, как вчера, мы будем иметь удовольствие увидеть их меньше чем через четверть часа.

— Да, безусловно, не позднее.

— Ваши руки по-прежнему сильны, не правда ли, Портос?

Портос расстегнул рукава своей рубашки и с удовольствием посмотрел на свои мускулистые руки, — каждая с ляжку обыкновенного среднего человека.

— Ну, конечно, — сказал он.

— Так что вы без труда сделаете кольцо из этих щипцов и штопор из этой лопаточки?

— Конечно, — сказал Портос.

— Посмотрим, — сказал д'Артаньян, передавая Портосу названные предметы.

Гигант без труда совершил над ними требуемую операцию.

— Вот! — сказал он.

— Великолепно! — сказал д'Артаньян. — Действительно, вы богато одарены природой.

— Я слышал, — сказал Портос, — что некий Милон Кротонский¹ проделывал удивительные вещи: он стягивал себе голову веревкой и движением головных мускулов разрывал ее, ударом кулака сваливал с ног быка и уносил его на своих плечах, останавливал лошадь на бегу за задние ноги и тому подобное. Узнав об этом, я проделал в Пьерфоне все то же, что и Милон, за исключением одного: не мог разорвать головой веревки.

— Это потому, что сила у вас не в голове, — сказал д'Артаньян.

— Да, она у меня в руках и в плечах, — наивно ответил Портос.

— Итак, мой друг, подойдите к окну и пустите вашу силу в ход: сломайте решетку. Подождите, дайте мне погасить лампу.

Глава 44

СИЛА И УМ

(Продолжение)

Портос подошел к окну, взял один из железных прутьев обеими руками, потянул его к себе и согнул, как лук, так что оба конца вышли из своих гнезд, где они, скрепленные цементом, плотно сидели тридцать лет.

— Вот, мой друг, — сказал д'Артаньян, — чего не мог бы сделать кардинал, несмотря на все свои дарования.

— Выдернуть еще один? — спросил Портос.

— Нет, одного достаточно: теперь человек тут пройдет.

Портос попробовал просунуть в отверстие свой торс, и это ему удалось.

— Да, — сказал он.

— Действительно, хорошее отверстие. Теперь просуньте туда руку, — сказал ему д'Артаньян.

— Куда?

— В это самое отверстие.

— Зачем?

— Вы это сейчас узнаете. Просуньте же.

Портос повиновался, послушный, как солдат, и просунул руку сквозь решетку.

— Отлично, — сказал д'Артаньян.

¹ Знаменитый в Древней Греции силач.

— Значит, дело налаживается?

— Чудесно, мой друг.

— А теперь что делать?

— Ничего.

— Значит, все кончено?

— Нет еще.

— Мне все же хотелось бы понять, в чем дело,— заметил Портос.

— Слушайте, друг мой, и вы поймете с двух слов. Как видите, дверь караулки отворяется.

— Вижу.

— Два солдата, которые будут сопровождать кардинала, пройдут через этот двор.

— Они уже выходят.

— Только бы они затворили дверь караулки. Отлично. Они ее затворили.

— А дальше что?

— Тише. Они могут нас услышать.

— Так я опять ничего не узнаю?

— Нет, узнаете. По мере того как вы будете действовать, вы все поймете.

— Все же я предпочел бы...

— Зато это будет приятная неожиданность.

— В самом деле... Вы правы,— сказал Портос.

— Тс...

Портос замолчал и замер на месте. Действительно, два солдата направились к окну, потирая себе руки, так как на дворе стоял февраль и было холодно.

В эту минуту дверь караулки отворилась, и кто-то позвал одного из солдат. Тот оставил своего товарища и возвратился в караулку.

— Это не портит дела? — спросил Портос.

— Нет, все идет отлично,— ответил д'Артаньян.— Теперь слушайте. Я подзову солдата и заведу с ним разговор, как сделал это вчера с одним из его товарищей, помните?

— Да, только я не понял ни одного слова из того, что он говорил.

— Он говорил с сильным акцентом. Но выслушайте внимательно все, что я вам скажу. Все дело в точности выполнения.

— Отлично. Точное выполнение — это по моей части.

— Я это знаю, черт возьми, и потому рассчитываю на вас.

— В чем же дело?

— Я подзову этого солдата и заговорю с ним.

— Я уже это слышал.

— Я повернусь влево, так что он окажется по правую руку от вас, когда встанет на скамью.

— А если он не встанет?

— Встанет, будьте покойны. В тот момент, когда он встанет на скамью, протяните вашу страшную руку и схватите его за горло. По-

дом приподнимите его, как Товия¹ поднял рыбу за жабры, и втащите в вашу комнату, стараясь прижимать его посильнее, чтобы он не крикнул.

— Хорошо,— сказал Портос.— А если я задушу его?

— Одним швейцарцем будет меньше. Но этого, надеюсь, не случится. Вы осторожно положите его здесь, мы свяжем его и, засунув в рот кляп, прищемим где-нибудь для него местечко. Таким образом мы достанем для начала мундир и шпагу.

— Чудесно! — сказал Портос, глядя на д'Артаньяна с глубочайшим восхищением.— Но одного мундира и одной шпаги мало на двоих.

— Так что же? Для этого есть его товарищ.

— Вы правы,— сказал Портос.

— Итак, когда я кашляну, протяните руку, это будет сигналом.

— Хорошо.

Оба друга заняли назначенные места, так что Портос оказался совершенно скрыт от глаз солдата, проходившего в это время мимо окна.

— Здравствуйте, приятель,— сказал д'Артаньян самым любезным и мягким голосом.

— Допрый вечер, сутарь,— ответил солдат с ужасным акцентом.

— Вам, кажется, не очень тепло? — спросил д'Артаньян.

— Брр,— был ответ солдата.

— Я думаю, стаканчик вина доставил бы вам удовольствие?

— Стаканщик вина? Я пы от нефо не откасался.

— Рыба клюет! Рыба клюет! — прошептал д'Артаньян Портосу.

— Понимаю,— сказал Портос.

— У меня здесь есть бутылочка вина,— продолжал д'Артаньян.

— Путьлочка?

— Да.

— Полная путьлочка?

— Полная, и она — ваша, если вы согласны выпить ее за мое здоровье.

— Э-э,— сказал солдат, приближаясь к окну,— я ошень пы хотел.

— Так берите бутылку, мой друг,— сказал д'Артаньян.

— С утофольстфием. Здесь, кашется, есть скамейка.

— Да, словно нарочно для этого поставлена. Влезайте на нее... Так, отлично, друг мой.

И д'Артаньян кашлянул.

В ту же минуту Портос, быстрее молнии, протянул руку, словно железными тисками схватил солдата за горло, поднял его, втащил в отверстие, чуть не содрав с него кожу по дороге, и опустил его на пол у ног д'Артаньяна, который, дав солдату только вздохнуть, тотчас же заткнул ему рот своим шарфом и принялся раздевать его с ловкостью и быстротой человека, научившегося этому делу на поле битвы.

---

¹ Герой одного из библейских сказаний.

Связав солдата по рукам и ногам, друзья засунули его в камин, где огонь был заранее потушен.

— Вот мундир и шпага,— сказал Портос.

— Я возьму их,— сказал д'Артаньян.— Если и вам нужны мундир и шпага, вы должны еще раз проделать то же. Да вот, кстати, и другой солдат уже вышел из караулки, направляясь к нам.

— Мне кажется опасным дважды повторять один прием,— сказал Портос.— Что раз удалось, второй раз, говорят, может сорваться. Если случится неудача, тогда все пропало. Лучше я сойду вниз, нападая на него незаметно, скручу и тогда уж притацую сюда.

— Хорошо,— согласился д'Артаньян.

— Будьте же наготове,— сказал Портос, проскальзывая в оконное отверстие.

Все произошло так, как ожидал Портос. Гигант притаился на пути солдата, схватил его за горло, заткнул ему рот, связал и, словно спеленутую мумию, просунул в отверстие окна, после чего сам последовал за ним.

Второго узника раздели так же, как первого. Его уложили на кровать и привязали к ней ремнями. Так как кровать была из массивного дуба, а ремни двойные, то друзья наши могли быть за второго узника так же спокойны, как и за первого.

— Отлично,— сказал д'Артаньян.— Лучшего желать нельзя. А теперь примерьте-ка мундир этого молодца. Сомневаюсь, чтобы он был вам впору. Но если он окажется слишком узок, не горюйте: вам довольно будет перевязи и шпаги, а главное, шляпы с красными перьями.

К счастью, второй швейцарец был великаном, так что, хоть местами швы и затрещали, мундир отлично налез на Портоса.

Несколько минут слышалось только шуршание сукна, пока Портос и д'Артаньян торопливо передевались.

— Готово,— сказали они в одно и то же время.

— Ну, друзья,— обратились они к обоим солдатам,— с вами ничего дурного не случится, если вы хорошо будете себя вести, но попробуйте только шевельнуться, и вам конец.

Солдаты лежали. совсем присмирив. Познакомившись с увесистым кулаком Портоса, они поняли, что шутить здесь не приходится.

— А теперь,— сказал д'Артаньян,— вы, вероятно, желаете, Портос, понять все до конца?

— Конечно.

— Ну так вот, мы спустимся во двор.

— Так.

— Займем места этих двух молодцов.

— Хорошо.

— Станем прохаживаться взад и вперед.

— Это будет неплохо, так как на дворе прохладно.

— Через минуту камер-лакей вызовет солдат, как вчера и третьего дня.

— Мы откликнемся.

— Наоборот, мы не станем откликаться.

— Как хотите. Я не настаиваю.

— Итак, мы не станем откликаться, а только надвинем шляпы на глаза и отправимся эскортировать его преосвященство.

— Куда же мы пойдём? — спросил Портос.

— Куда пойдёт кардинал — к Атосу. Вы думаете, он нам не обрадуется?

— О! — воскликнул Портос. — Я понял!

— Подождите ликовать, Портос. Честное слово, вы еще не все поняли, — сказал д'Артаньян насмешливо-самодовольным тоном.

— Что же будет дальше?

— Идите за мной, — ответил д'Артаньян. — Поживем — увидим.

С этими словами д'Артаньян бесшумно прыгнул через окно во двор. Портос последовал за ним, хотя с большим трудом и с меньшей ловкостью.

У связанных солдат зуб на зуб не попадал от страха.

Не успели д'Артаньян и Портос соскочить во двор, как одна из дверей отворилась, и камердинер крикнул:

— Караульные!

Дверь караулки тоже отворилась, и чей-то голос крикнул:

— Ла Брюйер и дю Бертуа, идите!

— Кажется, меня зовут ла Брюйером, — заметил д'Артаньян.

— А меня дю Бертуа, — сказал Портос.

— Где вы? — спросил камердинер, который со свету не мог разглядеть в темноте наших героев.

— Мы здесь, — сказал д'Артаньян; затем, обернувшись к Портосу, спросил:

— Что вы на это скажете, дю Валлон?

— Скажу, что, если так будет и дальше, это премило!

Оба новоявленных солдата важно последовали за камердинером, который отворил дверь прихожей, затем другую, которая, видимо, вела в приемную, и, указав на две табуретки, сказал:

— Приказ будет совсем простой: вы должны пропустить только одну особу, слышите вы, никого больше. Повинуйтесь этой особе беспрекословно. А когда вернетесь, ждите, пока я отпущу вас.

Камердинер был хорошо знаком д'Артаньяну: это был не кто иной, как Бернуин, который за последние полгода раз десять провожал его к кардиналу. Поэтому д'Артаньян вместо ответа пробормотал «*ја*» с превосходным немецким акцентом и без признака гасконского.

Что касается Портоса, то д'Артаньян велел ему, если уж молчать станет невтерпеж, проговорить только пресловутое «*tarteifle*»¹.

Бернуин удалился, заперев за собою дверь.

— Ого! — сказал Портос, услышав, как ключ повернулся в замке. — Здесь, кажется, в обычае держать людей на запоре. Мы, видимо, променяли одну тюрьму на другую, теперь мы сидим в оранжерее. Не знаю, что выиграли мы от этого.

---

¹ Der Teufel — черт (нем.)

— Портос, друг мой, оставьте ваши сомнения и не мешайте мне думать.

— Думайте себе на здоровье,— ответил Портос, придя в дурное расположение духа оттого, что дело приняло совсем неожиданный оборот.

— Мы прошли восемьдесят шагов,— шептал про себя д'Артаньян,— поднялись на шесть ступенек, и здесь, как сейчас сказал мой знаменитый друг дю Валлон, должен находиться этот другой, параллельный нашему павильону, который называется оранжерейным: граф де Ла Фер, по-видимому, где-то рядом. Только двери закрыты.

— Вот так затруднение! — сказал Портос.— Стоит только двинуть плечом...

— Ради бога, Портос, мой друг, поберегите ваши руки для другого случая, если хотите, чтобы от них был толк. Разве вы не слышали, что сейчас сюда должен кто-то прийти?

— Слышал.

— Ну, так он сам и отопрет вам двери.

— Но, мой дорогой,— возразил Портос,— если он узнает нас и поднимет крик, мы пропали: не хотите же вы, в самом деле, чтобы я прикончил эту духовную особу? Такие приемы годятся только с немцами или англичанами...

— Упаси нас боже от этого! — сказал д'Артаньян.— Молодой король, пожалуй, и сказал бы нам спасибо, но королева не простила бы нам, а с ее чувствами мы должны считаться. Нет, у меня совсем другой план. Предоставьте мне действовать, и мы повеселимся.

— Тем лучше,— сказал Портос,— мне уже хочется веселиться.

— Тише,— сказал д'Артаньян.— Вот он идет.

Действительно, в смежной комнате послышались легкие шаги. Через минуту дверь закрипела на петлях, и на пороге показался человек, закутанный в коричневый плащ, с низко надвинутой на лоб фетровой шляпой и с фонарем в руках.

Портос прижался к стене, но, как он ни старался, он не мог остаться незаметным. Человек в плаще протянул ему фонарь со словами:

— Зажгите лампу на потолке.

Потом, обращаясь к д'Артаньяну, он сказал:

— Вы знаете приказ?

— Да,— ответил гасконец, твердо решив ограничиться одним этим немецким словом.

— Tedesco? — проговорил шевалье.— *Va bene!*¹

И, подойдя к двери против той, через которую он вошел, он отпер ее и исчез, затворив ее за собой.

— А теперь,— сказал Портос,— что мы будем делать?

— Теперь мы воспользуемся вашим плечом, если дверь эта окажется закрытой. Всею свое время, друг Портос, и все на своем месте для тех, кто умеет ждать. Но сначала завалите чем-нибудь дверь,

---

¹ Немец? — Отлично (*итал.*).

через которую мы вошли сюда; а после этого мы последуем за ше-
валье.

Оба друга тотчас принялись за дело и забаррикадировали дверь мебелью, какая была в комнате. Войти в дверь теперь стало невозможно, тем более что она отворялась внутрь.

— Так, — сказал д'Артаньян, — сейчас мы можем быть спокойны что на нас не нападут с тыла. Вперед!

Глава 45

ПОДЗЕМЕЛЬЯ МАЗАРИНИ

ройдя к двери, за которой скрылся Мазарини, друзья обнаружили, что она заперта; д'Артаньян напрасно пробовал отворить ее.

— Вот теперь вам настало время нажать плечом, — сказал он Портосу. — Двиньте им, мой друг, только осторожно, без шума; не срывайте двери с петель, а только раздвиньте створки.

Портос навалился на дверь своим могучим плечом; одна створка подалась, и д'Артаньян, просунув кончик своей шпаги между замочным языком и скобой, вскоре отпер дверь.

— Я говорил вам, Портос, что с женщинами и дверью лучше всего действовать мягкостью.

— Вы великий мыслитель, — сказал Портос, — это бесспорно.

— Войдемте, — сказал д'Артаньян.

Они вошли. При свете фонаря, оставленного кардиналом на полу, посреди оранжереи, они увидели длинные ряды апельсиновых и гранатовых деревьев, которые образовали одну большую аллею и две боковые, поменьше.

— Кардинала нет, — сказал д'Артаньян, — здесь только его фонарь. Куда, черт возьми, он делся?

Д'Артаньян принялся рассматривать одну из боковых аллей, поручив Портосу обследовать другую, и вдруг слева увидел кадку с деревом, выдвинутую из ряда, а на ее месте в полу зияющее отверстие. Десять человек с трудом могли бы сдвинуть эту кадку, но, видимо, скрытый механизм управлял плитой, на которой она стояла.

В открывшемся отверстии виднелись ступени винтовой лестницы.

Он позвал Портоса и показал ему отверстие и лестницу.

Оба друга растерянно переглянулись.

— Если бы нам нужно было только золото, — сказал д'Артаньян шепотом, — наша цель была бы достигнута и мы бы разбогатели.

— Каким образом?

— Разве вы не понимаете, Портос, что эта лестница наверное ведет в сокровищницу кардинала, о которой так много говорят. Нам стоит спуститься вниз, обобрать один сундук, запереть в него карди-

нала и уйти, захватив с собой столько золота, сколько мы в состоянии снести, и поставив на место апельсиновое дерево; никто на свете не спросит нас, каким образом мы так разбогатели, даже сам кардинал.

— Это было бы ловкой проделкой для каких-нибудь проходимцев, — сказал Портос, — но недостойно благородных людей.

— Таково же и мое мнение, — ответил д'Артаньян. — Я ведь сказал: «Если бы нам нужно было золото». Но нам нужно совсем другое.

В эту минуту до слуха д'Артаньяна, склонившегося над отверстием, донесся резкий металлический звук, как будто кто-то передвинул мешок с золотом. Он вздрогнул. Вслед за тем послышался стук запираемой двери, и на лестнице показался слабый свет.

Мазарини оставил фонарь в оранжерее, чтобы все думали, что он прогуливается там. Но у него была восковая свеча, с которой он спустился в свою кладовую.

— Да, — бормотал он по-итальянски, поднимаясь по лестнице и рассматривая тугой мешочек с золотыми, который он держал в руке. — Да, на это я куплю пятерых парламентских советников и двух парижских генералов. Я тоже хороший полководец, только на свой лад...

д'Артаньян и Портос слушали, притаившись в одной из боковых аллей за огромными кадками. В трех шагах от д'Артаньяна Мазарини привел в действие скрытый в стене механизм, и сдвинутая кадка с апельсиновым деревом стала снова на прежнее место, скрыв под собой ход в подземелье.

Тогда кардинал задул свечу, положил ее в карман и взял фонарь.

— Проведаем теперь господина де Ла Фер, — пробормотал он. «Отлично. Нам тоже надо к нему, — подумал д'Артаньян. — Пойдем вместе!»

Все трое двинулись в путь. Мазарини шел по главной аллее, между тем как Портос и д'Артаньян шли параллельно ему по боковой, старательно избегая длинных полос света, падавших от фонаря кардинала между кадками. Тот подошел ко второй стеклянной двери, не заметив, что за ним следуют по пятам; песок, которым был усыпан пол оранжереи, заглушал шаги двоих его спутников.

Отперев дверь, он свернул налево по коридору, не замеченному до этих пор нашими друзьями, и, остановившись у одной из дверей, на минуту задумался.

— А, diavolo! — сказал он вслух. — Я забыл совет Коменжа: надо было взять с собой солдат и поставить их у двери, чтобы не подвергать себя опасности наедине с этим головорезом.

И он с досадой повернулся, намереваясь возвратиться вспять.

— Не беспокойтесь, монсеньер, — сказал д'Артаньян, выступая вперед и снимая шляпу с самым любезным видом. — Мы следовали за вашим преосвященством шаг за шагом, и вот мы здесь.

— Да, мы здесь, — повторил Портос.

Мазарини перевел испуганный взгляд с одного на другого, узнал обоих и, выронив фонарь, застонал от ужаса. д'Артаньян поднял фонарь, который, к счастью, не погас.

— О, как вы неосторожны, монсеньер! — сказал д'Артаньян. — Здесь ужасно неудобно бродить впотьмах: вы, ваше преосвященство, можете

споткнуться о какую-нибудь кадку или упасть в какую-нибудь дыру.

— Д'Артаньян! — прошептал Мазарини, который не мог прийти в себя от изумления.

— Да, монсеньер, я, собственной персоной, и имею честь представить вам господина дю Валлона, моего истинного друга, которым когда-то ваше преосвящение изволили так интересоваться.

С этими словами д'Артаньян направил свет фонаря на веселое лицо Портоса, который, к своему великому удовольствию, начал наконец понимать.

— Вы идете к господину де Ла Фер? — продолжал д'Артаньян. — Надеюсь, мы вас не стесним, монсеньер. Идите, пожалуйста, вперед, мы последуем за вами.

Мазарини начал понемногу приходить в себя.

— Давно вы в оранжерее, господа? — спросил он дрожащим голосом, вспомнив о том, что спускался в сокровищницу.

Портос уже открыл рот, чтобы ответить, но д'Артаньян сделал знак, и рот тотчас же закрылся.

— Мы только что пришли, монсеньер, — сказал д'Артаньян.

Мазарини облегченно вздохнул; ему не надо было, значит, опасаться за свои сокровища, а надо было бояться только за себя. Что-то вроде улыбки мелькнуло у него на лице.

— Вы поймали меня, и я признаю себя побежденным. Вы хотите потребовать у меня свободы, не так ли? Я возвращаю вам ее.

— О, монсеньер, — сказал д'Артаньян, — вы очень добры, но мы уже возвратили себе свободу и теперь хотим получить от вас кое-что другое.

— Как? Вы возвратили себе свободу? — испуганно спросил Мазарини.

— Разумеется, а вот вы, монсеньер, напротив, стали нашим пленником и теперь, — таков уж закон войны, — должны заплатить выкуп.

Дрожь пробежала по всему телу Мазарини. Напрасно пронизывающий взгляд его устремился попеременно то на насмешливую физиономию гасконца, то на совершенно непроницаемое лицо Портоса. Оба они стояли в тени, и сама Кумская Сивилла¹ не отгадала бы их мыслей.

— Заплатить выкуп? — повторил Мазарини.

— Да, монсеньер.

— А во сколько он мне обойдется, господин д'Артаньян?

— Не знаю еще, во сколько, монсеньер, — сказал д'Артаньян. — Сейчас мы спросим у графа де Ла Фер, с разрешения вашего преосвящения. Соизвольте только открыть дверь, которая ведет к нему, и все сразу выяснится.

Мазарини вздрогнул.

— Монсеньер, — сказал д'Артаньян, — вы, без сомнения, заметили, что мы преисполнены к вам почтительности. Тем не менее разрешите

---

¹ Одна из легендарных предсказательниц древнего мира.

предупредить вас, что время не ждет. Потрудитесь поэтому отпереть дверь и запомните хорошенько, что при малейшей вашей попытке к бегству, при малейшем вашем крике мы будем вынуждены прибегнуть к крайним мерам. Не будьте за это на нас в претензии.

— Будьте спокойны, господа,— сказал Мазарини,— я не сделаю такой попытки; даю вам честное слово.

Д'Артаньян сделал знак Портосу глядеть в оба; затем, обращаясь к Мазарини, сказал:

— Теперь, монсеньер, отоприте, пожалуйста, дверь.

Глава 46

ПЕРЕГОВОРЫ

Мазарини повернул ключ в замке двойной двери и отворил ее. На пороге стоял Атос, предупрежденный Коменжем и готовый принять своего важного гостя.

Увидя Мазарини, он поклонился.

— Ваше преосвященство могли бы прийти ко мне без провожатых,— сказал он.— Честь, которую вы мне оказываете, слишком велика, чтобы я мог забыть.

— Но, дорогой граф,— сказал д'Артаньян,— кардинал вовсе и не собирался нас брать с собой. Дю Валлон и я настояли на том — пожалуй, даже несколько невежливым образом, но уж очень хотелось нам повидать вас.

— Д'Артаньян ! Портос! — воскликнул Атос.

— Мы сами, собственной персоной,— сказал д'Артаньян.

— Да, мы,— сказал Портос.

— Что это значит? — спросил граф.

— Это значит,— ответил Мазарини, снова пытаясь улыбнуться и кусая себе губы,— что роли переменились, и теперь эти господа не пленники, а, наоборот, я стал пленником этих господ, и не я сейчас диктую условия, а мне их диктуют. Но предупреждаю вас, господа, если вы мне не перережете горло, победа ваша будет непродолжительна; настанет мой черед, явятся...

— Ах, монсеньер,— сказал д'Артаньян,— оставьте угрозы: вы подаете дурной пример. Мы так кротки и так милы с вашим преосвященством! Полноте, откинем всякую злобу, забудем обиды и побеседуем дружески.

— Я ничего против этого не имею, господа,— сказал Мазарини,— но, приступая к обсуждению моего выкупа, я не хочу, чтобы вы считали ваше положение лучшим, чем оно есть: поймав меня в западню, вы и сами попались. Как вы выйдете отсюда? Взгляните на эти решетки, на эти двери; взгляните или, вернее, вспомните о часовых, которые охраняют эти двери, о солдатах, которые наполняют двор, и взвесьте положение. Видите, я говорю с вами откровенно.

«Хорошо, — подумал д'Артаньян, — надо быть настороже. Он что-то замышляет».

— Я предлагал вам свободу, — продолжал министр, — и предлагаю опять. Желаете вы ее? Не пройдет и часа, как ваше отсутствие будет замечено, вас схватят, вам придется убить меня, а это будет ужасающее преступление, вовсе недостойное таких благородных дворян, как вы.

«Он прав», — подумал Атос. И мысль эта, как все, что переживал этот благородный человек, тотчас же отразилась в его взоре.

— Поэтому мы и прибегнем к этой мере лишь в последней крайности, — поспешно заявил д'Артаньян, чтобы разрушить надежду, которую могло вселить в кардинала молчаливое согласие Атоса.

— Если же, напротив, вы меня отпустите, приняв от меня свободу... — продолжал Мазарини.

— Как же мы можем согласиться принять от вас нашу свободу, когда от вас зависит снова нас ее лишить, как вы сами сейчас заявили, через пять минут после того, как вы ее нам дадите? И, зная вас, монсеньер, — добавил д'Артаньян, — я уверен, что вы это сделаете.

— Нет, честное слово кардинала!.. Вы мне не верите?

— Монсеньер, я не доверяю кардиналам, которые не священники.

— В таком случае я даю вам слово министра.

— Вы уже больше не министр, монсеньер, вы наш пленник.

— Даю вам слово Мазарини! Надеюсь, я еще Мазарини и останусь им всегда.

— Гм! — пробормотал д'Артаньян. — Я слышал про одного Мазарини, который плохо соблюдал свои клятвы, и боюсь, не был ли он одним из предков вашего преосвященства.

— Вы очень умны, господин д'Артаньян, — сказал Мазарини, — и мне крайне досадно, что я поссорился с вами.

— Давайте мириться, монсеньер, я только этого и хочу.

— Ну, а если я устрою так, что вы самым ощутимым, самым осязательным образом очутитесь на свободе? — спросил Мазарини.

— А, это другое дело, — сказал Портос.

— Посмотрим, — сказал Атос.

— Посмотрим, — повторил за ним д'Артаньян.

— Так вы согласны? — спросил кардинал.

— Объясните нам сначала ваш план, монсеньер, и мы тогда посмотрим.

— Обратите внимание, господа, на то, что вы крепко заперты.

— Вам хорошо известно, монсеньер, — сказал д'Артаньян, — что у нас все же остается последний выход из положения.

— Какой?

— Умереть вместе с вами.

Мазарини задрожал.

— Слушайте, — сказал он, — в конце коридора есть дверь, ключ от которой у меня. Дверь эта ведет в парк. Берите ключ и уходите. Вы смелы, вы сильны, вы вооружены. Повернув налево, в ста шагах от этой двери вы увидите стену парка. Перелезьте через нее; в три прыжка вы очутитесь на большой дороге и будете свободны. Я знаю вас

слишком хорошо и уверен, что, если на вас нападут, это послужит препятствием к вашему бегству.

— Ну вот, наконец-то вы заговорили, монсеньер,— сказал д'Артаньян.— Где же ключ, который вы хотите нам предложить?

— Вот он.

— Не будете ли вы так добры, монсеньер, сами провести нас до этой двери.

— С большим удовольствием,— сказал министр,— если это может успокоить вас.

И Мазарини, не рассчитывавший отделаться так дешево, радостно направился по коридору и отпер дверь.

Она действительно выходила в парк. Трое беглецов в этом тотчас же убедились по ночному ветру, ворвавшемуся в коридор и засыпавшему их снегом.

— Ах, черт возьми! — воскликнул д'Артаньян.— Какая ужасная ночь, монсеньер. Мы не знаем местности и одни ни за что не найдем дороги. Раз уж ваше преосвященство привели нас сюда, то сделайте еще несколько шагов... проведите нас до стены...

— Хорошо,— сказал кардинал.

И, свернув налево, он быстрыми шагами направился к ограде; вскоре все четверо были возле нее.

— Вы удовлетворены, господа? — спросил Мазарини.

— Разумеется. Мы не так уж требовательны. Черт возьми, какая честь! Трех бедных дворян провожает князь церкви! Кстати, монсеньер, вы только что говорили, что мы смелы, сильны и вооружены?

— Да.

— Вы ошиблись; вооруженных только двое — господин дю Валлон и я. У графа де Ла Фер нет оружия, а если мы наткнемся на патруль, нам придется защищаться.

— Совершенно верно.

— Но где же нам взять шпагу? — спросил Портос.

— Его преосвященство,— сказал д'Артаньян,— уступит графу свою: она ему совершенно не нужна.

— С удовольствием,— сказал кардинал.— Я даже прошу господина графа сохранить ее на память обо мне.

— Не правда ли, как это любезно, граф? — сказал д'Артаньян.

— Я обещаю монсеньеру,— ответил Атос,— никогда не расставаться с нею.

— Обмен любезностей, как это трогательно! Вы тронуты до слез, не правда ли, Портос?

— Да,— сказал Портос,— только я не знаю, от умиления или от ветра. Пожалуй, все-таки от ветра.

— Теперь влезайте на стену, Атос,— сказал д'Артаньян,— и живее.

Атос с помощью Портоса, подсадившего его, как перышко взлетел на ограду.

— Теперь прыгайте, Атос.

Атос соскочил со стены и скрылся из глаз своих друзей, очутившись по ту сторону.

— Спрыгнули? — спросил д'Артаньян.

— Да.

— Благополучно?

— Цел и невредим.

— Портос, присмотрите за кардиналом, пока я не влезу на стену. Нет, мне не надо вашей помощи, я справлюсь и сам. Следите только за кардиналом.

— Я слежу, — сказал Портос. — Ну, что же вы?

— Вы правы, это труднее, чем я думал. Подставьте мне спину, но не отпускайте кардинала.

— Я его держу.

Портос подставил спину, и д'Артаньян мигом оказался на стене. Мазарини принужденно рассмеялся.

— Вы влезли? — спросил Портос.

— Да, мой друг, а теперь...

— А теперь что?

— Теперь давайте мне сюда кардинала, а если он только пикнет, придушите его.

Мазарини чуть не вскрикнул, но Портос двумя руками стиснул его, приподнял с земли и передал д'Артаньяну, который подхватил его за шиворот и посадил рядом с собою.

— Сию же минуту прыгайте вниз, — сказал он ему угрожающим тоном, — туда, к господину де Ла Фер, или я убью вас, честное слово дворянина.

— Господин д'Артаньян! — воскликнул Мазарини. — Вы нарушаете ваше обещание!

— Я? А что я обещал вам, монсеньер?

Мазарини застонал.

— Благодаря мне вы получили свободу, — сказал он. — Ваша свобода — мой выкуп.

— Согласен. Ну, а выкуп за те несметные сокровища, которые хранятся в оранжерее, под землей, и к которым можно проникнуть, нажав пружину на стене и таким образом отодвинув кадку, под которой находится винтовая лестница? Ведь эти богатства какого-нибудь выкупа да стоят, не правда ли?

— Боже! — воскликнул, задыхаясь, Мазарини, с мольбой складывая руки. — Творец милосердный! Я пропал!

Не обращая внимания на его стоны, д'Артаньян взял его под мышки и тихонько спустил на руки Атосу, который невозмутимо стоял внизу у стены. Потом, обернувшись к Портосу, сказал ему:

— Ухватитесь за мою руку: я держусь за стену.

Портос сделал усилие, от которого стена задрожала, и в свою очередь вскарабкался наверх.

— Я все не понимал, — сказал он, — а теперь понял. Очень забавно!

— Вы находите? — спросил д'Артаньян. — Тем лучше. Но чтобы это было забавно до конца, не будем терять времени.

И с этими словами он соскочил со стены на землю. Портос последовал его примеру.

— Эскортируйте господина кардинала, господа,— сказал д'Артаньян,— а я пойду на разведку.

И, обнажив шпагу, гасконец пошел вперед.

— Монсеньер,— спросил он, оборачиваясь к кардиналу,— в какую сторону надо идти, чтобы выйти на большую дорогу? Подумайте хорошенько, прежде чем ответить, потому что, если вы ошибетесь, это может иметь самые неприятные последствия не только для нас, но и для вашего преосвященства.

— Идите вдоль стены, и вы не ошибетесь дорогой.

Трое друзей пошли еще быстрее, но вскоре должны были замедлить шаг: несмотря на все свои усилия, кардинал не поспевал за ними.

Вдруг д'Артаньян наткнулся на что-то теплое и живое.

— Стойте, здесь лошадь,— сказал он.— Господа, я нашел лошады!

— И я тоже,— сказал Атос.

— И я,— отозвался Портос.

Верный данному приказу, Портос, не выпуская, держал кардинала под руку.

— Вот что значит счастье, монсеньер,— сказал д'Артаньян. — Как раз в тот момент, когда ваше преосвященство стали жаловаться, что должны идти пешком...

Но не успел он договорить, как почувствовал у себя на груди дуло пистолета и услышал грозные слова...

— Не трогать!

— Гримо! — воскликнул он.— Гримо! Что ты здесь делаешь? С небы ты, что ли, свалился?

— Нет, сударь,— сказал верный слуга,— господин Арамис приказал мне стеречь этих лошадей.

— Так Арамис здесь?

— Да, сударь, со вчерашнего дня.

— А что вы здесь делаете?

— Стережем.

— У калитки замка. Это его пост.

— Как? Арамис здесь? — повторил Атос.

— Вас много?

— Шестьдесят человек.

— Позови же его.

— Сейчас, сударь,— и слуга со всех ног бросился исполнять приказание.

Трое друзей остались ждать его. Из всей компании один только кардинал был в дурном расположении духа.

МЫ НАЧИНАЕМ ВЕРИТЬ, ЧТО ПОРТΟΣ
СТАНЕТ НАКОНЕЦ БАРОНОМ,
А Д'АРТАНЬЯН — КАПИТАНОМ

е прошло и десяти минут, как показался Арамис в сопровождении Гримо и еще десяти шевалье. Он сиял от радости и бросился на шею друзьям.

— Так вы свободны, братья! Освободились без моей помощи! И я ничего не мог сделать для вас, несмотря на все мои усилия!

— Не огорчайтесь, дорогой друг. Что отложено, не потеряно. Если не удалось теперь, удастся в другой раз.

— Я все-таки принял все меры, — сказал Арамис, — достал шестьдесят человек от коадьютора; двадцать из них охраняют стену парка, двадцать дорогу из Рюэйля в Сен-Жермен, двадцать рассыпаны по лесу. С помощью этого стратегического маневра я перехватил двух курьеров Мазарини, посланных к королеве.

Мазарини насторожил уши.

— Но вы, надеюсь, их честно и благородно отпустили назад к кардиналу? — сказал д'Артаньян.

— Ну как же, стану я с ним деликатничать! — сказал Арамис. — В одной из депеш кардинал объявляет королеве, что сундуки опустошены и что у ее величества нет больше денег; в другой доносит, что намерен препроводить своих узников в Мелен, так как Рюэйль кажется ему недостаточно надежным убежищем для них. Вы понимаете, мой друг, что это последнее письмо подало мне надежду. Я со своими людьми устроил засаду, окружил замок, приготовил лошадей и стал ждать, когда вас вывезут из дворца. Я рассчитывал, что это будет не раньше как завтра утром, и не надеялся освободить вас без боя. Но вы уже на свободе, и дело обошлось без кровопролития, — тем лучше. Каким образом вам удалось вырваться из рук этого подлеца Мазарини? У вас, наверное, много поводов на него жаловаться?

— Нет, не очень.

— Правда?

— Скажу больше, нам даже следует похвалить его.

— Не может быть!

— Нет, правда. Мы свободны только благодаря ему.

— Благодаря ему?

— Да. Он приказал своему камердинеру Бернуину проводить нас в оранжерею, и оттуда мы прошли вместе с ним к графу де Ла Фер. Затем он предложил нам выйти на свободу, мы согласились, и он простер свою любезность до того, что проводил нас к самой стене парка. Мы благополучно перелезли через нее и встретились с Гримо.

— А, вот как! — сказал Арамис. — Это примиряет меня с ним. Жаль, что его здесь нет; я бы сказал ему, что не считал его способным на такой хороший поступок.

— Монсеньер,— сказал д'Артаньян, не выдержав наконец,— позвольте мне представить вам шевалье д'Эрбле, который, как вы сами слышали, желает почтительнейше приветствовать ваше преосвященство.

И он отодвинулся, чтобы Мазарини мог предстать изумленному взору Арамиса.

— О! О! — еле вымолвил Арамис.— Кардинал! Славная добыча! Эй, сюда, друзья! Лошадей! Лошадей!

Прискакало несколько всадников.

— Черт возьми! — сказал Арамис.— Стало быть, и я пригодился на что-нибудь. Монсеньер, позвольте засвидетельствовать вам мое почтение! Пари держу, что это дело рук Портоса. Кстати, я чуть было не забыл... — и с этими словами он отдал шепотом какое-то приказание одному из всадников.

— Мне кажется, благоразумнее будет тронуться в путь,— сказал д'Артаньян.

— Но я жду одного человека... одного друга Атоса.

— Друга? — спросил Атос.

— Да вот и сам он мчится галопом через кусты.

— Господин граф! Господин граф! — закричал юный голос, от которого Атос радостно вздрогнул.

— Рауль! Рауль! — воскликнул граф де Ла Фер.

И молодой граф, забыв свою обычную почтительность, бросился отцу на шею.

— Видите, господин кардинал, ведь правда, жаль разлучать людей, которые любят друг друга так, как мы! Господа,— продолжал Арамис, обращаясь к остальным всадникам, число которых с каждой минутой увеличивалось,— господа, составьте почетный конвой его преосвященству, ему угодно оказать нам милость, разделив наше общество. Надеюсь, вы ему будете за это признательны. Портос, не теряйте монсеньера из виду.

И Арамис, подъехав к д'Артаньяну и Атосу, которые что-то обсуждали, стал беседовать с ними.

— В путь! — сказал д'Артаньян после краткого совещания.

— Куда мы поедем? — спросил Портос.

— К вам, дорогой друг, в Пьерфон: ваш прекрасный замок достоин того, чтобы оказать гостеприимство его преосвященству. К тому же он расположен отлично: ни слишком близко, ни слишком далеко от Парижа: отсюда не трудно будет поддерживать сношения со столицей. Пожалуйста, монсеньер. Вы будете там жить, как и подобает королю.

— Свергнутому королю,— прибавил Мазарини жалобно.

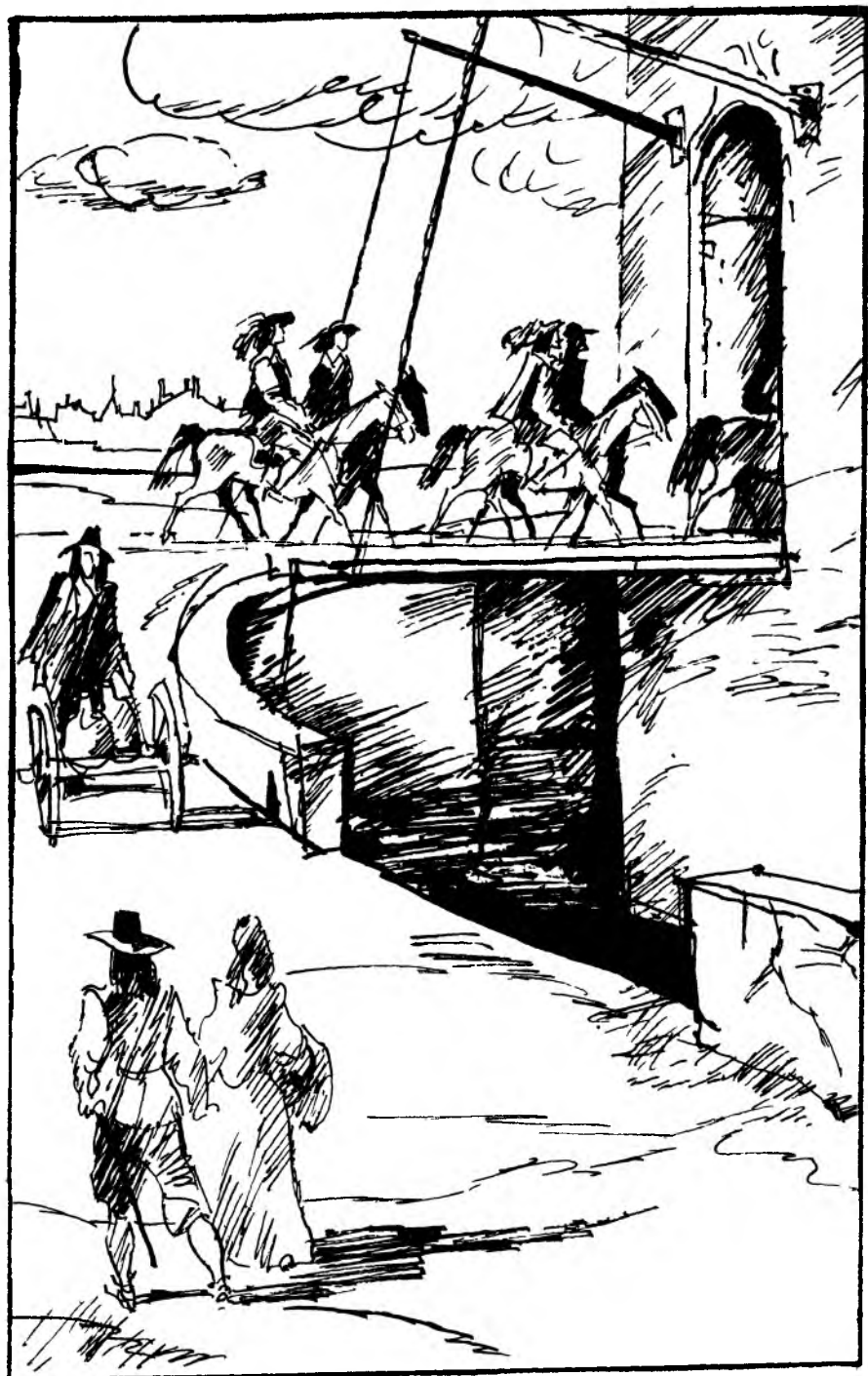
— Военная фортуна капризна,— сказал Атос.— Но будьте уверены, мы не станем злоупотреблять положением.

— Да, но мы им воспользуемся,— сказал д'Артаньян.

Всю ночь похитители ехали с быстротой и неутомимостью былых лет. Мазарини, мрачный и задумчивый, покорился своей участи.

К рассвету проскакали без остановки двенадцать миль. Многие всадники выбились из сил, несколько лошадей пало.

— Нынешние лошади не стоят прежних. Все вырождается,— сказал Портос.

— Я послал Гримо в Даммартен,— сказал Арамис,— он должен привести пять свежих лошадей; одну для его преосвященства и четыре для нас. Главное — не надо оставлять монсеньера; остальная часть отряда присоединится к нам после. Только бы проехать Сен-Дени, дальше уже нет опасности.

Действительно, вскоре Гримо привел пять лошадей. Владелец поместья, к которому он обратился, оказался другом Портоса и, не желая даже взять денег за лошадей, предоставил их даром; через десять минут отряд сделал остановку в Эрменонвиле; но четыре друга помчались дальше, конвоируя Мазарини.

В полдень они въехали в ворота замка Портоса.

— Ах! — сказал Мушкетон, ехавший все время молча рядом с д'Артаньяном. — Поверите ли, сударь, в первый раз с тех пор, как мы покинули Пьерфон, дышу я свободно.

И он пустил лошадь в галоп, чтобы предупредить слуг о приезде г-на дю Валлона и его друзей.

— Нас четверо,— сказал д'Артаньян своим друзьям,— мы установим очередь; каждый из нас по три часа будет караулить монсеньера. Атос осмотрит замок; его нужно хорошенько укрепить на случай осады; Портос будет заботиться о продовольствии, а Арамис — наблюдать за гарнизоном. Иначе говоря, Атос будет старший инженер, Портос — главный интендант, а Арамис — комендант крепости.

Тем временем Мазарини устроили в самых лучших покоях замка.

— Господа,— сказал он, водворившись в них,— вы, я надеюсь, не намерены долгое время держать меня втайне?

— Нет, монсеньер,— ответил д'Артаньян,— напротив, мы очень скоро объявим, что вы у нас в плену.

— Тогда ваш замок подвергнется осаде.

— Мы имеем это в виду.

— Что же вы сделаете?

— Будем защищаться. Если бы покойный кардинал Ришелье был жив, он бы рассказал вам одну неплохую историю про бастион Сен-Жерве, где мы продержались вчетвером с четырьмя слугами и дюжиной покойников против целой армии.

— Такие вещи удаются только раз и больше не повторяются.

— Да нам теперь и нет надобности быть такими героями. Завтра дано будет знать парижской армии, а послезавтра она будет здесь. Сражение разыграется не под Сен-Дени или Шарантоном, а у Компьена или Вилье-Котре.

— Принц побьет вас, как всегда бил.

— Возможно, монсеньер; но перед сражением мы перевезем ваше преосвященство в другой замок нашего друга дю Валлона,— у него три таких, как этот. Мы не желаем подвергать опасностям войны ваше преосвященство.

— Я вижу,— сказал Мазарини,— мне придется сдать на капитуляцию.

— До осады?

— Да, условия, может быть, будут легче.

— О, монсеньер! Вы увидите, наши условия будут умеренны.

— Ну, говорите, что у вас за условия?
— Отдохните сперва, монсеньер, а мы подумаем.
— Мне отдых не нужен. Мне надо знать, нахожусь я в руках друзей или врагов.

— Друзей, монсеньер, друзей!

— Тогда скажите сейчас, чего вы от меня хотите, чтобы я знал, возможно ли между нами соглашение. Говорите, граф де Ла Фер.

— Монсеньер, для себя мне требовать нечего, но я многого бы потребовал для Франции. Поэтому я уступаю слово шевалье д'Эрбле.

Атос поклонился, отошел в сторону и, облокотившись на камин, остался простым зрителем этого совещания.

— Говорите же вы, господин д'Эрбле,— сказал кардинал.— Чего вы желаете? Говорите прямо, без обиняков: ясно, кратко и определенно.

— Я открою свои карты,— сказал Арамис.

— Я вас слушаю,— сказал Мазарини.

— У меня в кармане программа условий, предложенных вам вчера в Сен-Жермене депутацией нашей партии, в которой участвовал и я.

— Мы уже почти договорились по всем пунктам,— сказал Мазарини.— Перейдемте к вашим личным условиям.

— Вы полагаете, они у нас есть? — сказал Арамис с улыбкой.

— Я думаю, не все вы так бескорыстны, как граф де Ла Фер,— сказал Мазарини, делая поклон в сторону Атоса.

— Ах, монсеньер, в этом вы правы,— сказал Арамис,— и я счастлив, что вы воздаете наконец должное графу. Граф де Ла Фер натура возвышенная, стоящая выше общего уровня, выше низменных желаний и человеческих страстей: это гордая душа старого закала. Он совершенно исключительный человек. Вы правы, монсеньер, мы его не стоим, и мы рады присоединиться к вашему мнению.

— Бросьте, Арамис, смеяться надо мной,— сказал Атос.

— Нет, дорогой граф, я говорю то, что я думаю, и то, что думают все, кто вас знает. Но вы правы, не о вас теперь речь, а о монсеньере и его недостойном слуге, шевалье д'Эрбле.

— Итак, чего же вы желаете, кроме тех общих условий, к которым мы еще вернемся?

— Я желаю, монсеньер, чтобы госпоже де Лонгвиль была дана в полное и неотъемлемое владение Нормандия, и, кроме того, пятьсот тысяч ливров. Я желаю, чтобы его величество король удостоил ее чести быть крестным отцом сына, которого она только что произвела на свет; затем, чтобы вы, монсеньер, после крещения, на котором будете присутствовать, отправились поклониться его святейшему папе.

— Иными словами, вам угодно, чтобы я сложил с себя звание министра и удалился из Франции? Чтобы я сам себя изгнал?

— Я желаю, чтобы монсеньер стал папой, как только откроется вакансия, и намерен просить у него тогда полной индульгенции для себя и своих друзей.

Мазарини сделал не поддающуюся описанию гримасу.

— А вы, сударь? — спросил он д'Артаньяна.

— Я, монсеньер,— отвечал тот,— во всем согласен с шевалье д'Эрбле, кроме последнего пункта. Я далек от желания, чтобы монсеньер покинул Францию, напротив, я хочу, чтобы он жил в Париже. Я желаю, чтобы он отнюдь не сделался папой, а остался первым министром, потому что монсеньер великий политик. Я даже буду стараться, насколько это от меня зависит, чтобы он победил Фронду, но с тем условием, чтобы он вспоминал изредка о верных слугах короля и сделал капитаном первого же свободного полка мушкетеров того, кого я назову ему. А вы, дю Валлон?

— Да, теперь ваша очередь, дю Валлон,— сказал Мазарини.— Говорите.

— Я,— сказал Портос,— желаю, чтобы господин кардинал почтил дом, оказавший ему гостеприимство, возведя его хозяина в баронское достоинство, а также чтобы он наградил орденом одного из моих друзей.

— Вам известно, что для получения ордена надо чем-нибудь отличиться?

— Мой друг сделает это. Впрочем, если будет необходимо, монсеньер укажет способ, как это можно обойти.

Мазарини закусил губу: удар был не в бровь, а в глаз. Он отвечал сухо:

— Все это между собой плохо согласуется, не правда ли, господа? Удовлетворив одного, я навлеку на себя неудовольствие остальных. Если я останусь в Париже, я не могу быть в Риме; если я сделаюсь папой, я не могу остаться министром; а если я не буду министром, я не могу сделать господина д'Артаньяна капитаном, а господина дю Валлона бароном.

— Это правда,— сказал Арамис.— Поэтому, так как я в меньшинстве, я беру назад свое предложение относительно путешествия в Рим и отставки монсеньера.

— Так я остаюсь министром? — спросил Мазарини.

— Вы остаетесь министром, это решено, монсеньер,— сказал д'Артаньян.— Вы нужны Франции.

— Я отказываюсь от своих условий,— сказал Арамис.— Его преосвященство остается министром и даже фаворитом ее величества, если он согласится сделать то, что мы просили для самих себя и для Франции.

— Заботьтесь только о себе,— сказал Мазарини,— и предоставьте Франции самой договориться со мной.

— Нет, нет,— возразил Арамис,— фрондерам нужен письменный договор; пусть монсеньер соблаговолит его составить, подписать при нас и обязаться в самом тексте договора выхлопотать его утверждение у королевы.

— Я могу отвечать только за себя,— сказал Мазарини,— и не могу ручаться за королеву. А если ее величество откажется?

— О,— сказал д'Артаньян,— вам хорошо известно, что королева ни в чем не может вам отказать.

— Вот, монсеньер,— сказал Арамис,— проект, составленный депутацией фрондеров; потрудитесь его внимательно прочесть.

— Я его знаю,— сказал Мазарини.
— Тогда подпишите.
— Подумайте о том, господа, что подпись, данная при таких обстоятельствах, может быть признана вынужденной насилем.
— Вы заявите, что она была дана вами добровольно.
— А если я откажусь подписаться?
— Тогда вашему преосвященству придется пенять на себя за последствия отказа.

— Вы осмелитесь поднять руку на кардинала?
— Подняли же вы руку, монсеньер, на мушкетеров ее величества!
— Королева отомстит за меня!
— Не думаю, хотя в желании у нее, пожалуй, не будет недостатка. Но мы поедем в Париж вместе с вами, ваше преосвященство, а парижане за нас вступятся.

— Какая, вероятно, сейчас тревога в Рюэйле и в Сен-Жермене! — сказал Арамис.— Все спрашивают друг у друга: где кардинал? что случилось с министром! куда исчез любимец королевы? Как ищут монсеньера по всем углам и закоулкам! Какие идут толки! Как должна ликовать Фронда, если она узнала уже об исчезновении Мазарини!

— Это ужасно! — прошептал Мазарини.
— Так подпишите договор, монсеньер,— сказал Арамис.
— Но если я подпишу, а королева его не утвердит?
— Я беру на себя отправиться к ее величеству,— сказал д'Артаньян,— и получить ее подпись.

— Берегитесь,— сказал Мазарини,— вы можете не встретить в Сен-Жермене того приема, которого считаете себя вправе ожидать.

— Пустяки! — сказал д'Артаньян.— Я устрою так, что мне будут рады; я знаю средство.

— Какое?
— Я отвезу ее величеству письмо, в котором вы извещаете, что финансы окончательно истощены.

— А затем? — спросил Мазарини, бледнея.
— А когда увижу, что ее величество совершенно растеряется, я провожу ее в Рюэйль, сведу в оранжерею и покажу некий механизм, которым свигается одна кадка.

— Довольно,— пробормотал кардинал,— довольно. Где договор?
— Вот он,— сказал Арамис.

— Видите, как мы великодушны,— сказал д'Артаньян,— мы могли бы много сделать, владея этой тайной.

— Итак, подписывайте,— сказал Арамис, подавая кардиналу перо. Мазарини встал, прошел несколько раз по комнате с видом скорее задумчивым, чем подавленным.

Потом остановился и сказал:

— А когда я подпишу, какую гарантию вы дадите мне?

— Мое честное слово,— сказал Атос.

Мазарини вздрогнул, обернулся, посмотрел на благородное, честное лицо графа де Ла Фер, потом взял перо и сказал:

— Мне этого достаточно, граф.

И подписал.

— А теперь, господин д'Артаньян,— добавил он,— приготовьтесь ехать в Сен-Жермен и отвезти от меня письмо королеве.

Глава 48

ПЕРО И УГРОЗА ИНОГДА ЗНАЧАТ БОЛЬШЕ, ЧЕМ ШПАГА И ПРЕДАННОСТЬ

д'Артаньяна была своя мифология; он верил, что на голове случая растет только одна прядь волос, за которую можно ухватиться, и не такой он был человек, чтобы пропустить случай, не поймав его за вихор. Он обеспечил себе быстрое и безопасное путешествие, выслав вперед, в Шантильи, сменных лошадей, чтобы добраться до Парижа в пять или шесть часов. Но перед самым отъездом он рассудил, что нелепо умному и опытному человеку гнаться за неверным, а верное оставлять позади себя.

«В самом деле,— подумал он, уже готовясь сесть на лошадь, чтобы отправиться в свое опасное путешествие,— Атос со своим великодушием — настоящий герой из романа. Портос — превосходный человек, но легко поддается чужому влиянию. На загадочном лице Арамиса ничего не прочтешь. Как проявит себя каждый из этих трех характеров, когда меня не будет, чтобы их соединить между собой, что получится — освобождение кардинала, быть может?.. Но освобождение кардинала — крушение всех наших надежд, единственной пока награды за двадцатилетний труд, перед которым подвиги Геркулеса — работа пигмея».

И он отправился к Арамису.

— Дорогой мой шеваље д'Эрбле,— сказал он ему,— вы воплощение Фронды. Не доверяйте Атосу, который не хочет устраивать ничьих личных дел, даже своих собственных. Еще больше не доверяйте Портосу, так как, стараясь угодить графу, на которого он смотрит как на земное божество, он может помочь ему устроить бегство Мазарини, если тот догадается расплакаться или разыграть из себя рыцаря.

Арамис улыбнулся своей тонкой и вместе с тем решительной улыбкой.

— Не бойтесь,— сказал он,— в числе условий есть лично мной поставленные. Я работаю не для себя, а для других, и для меня вопрос самолюбия, чтобы эти другие выиграли.

«Отлично,— подумал д'Артаньян,— тут я могу быть спокоен».

Он пожал руку Арамису и отправился к Портосу.

— Друг мой,— сказал он ему,— вы столько поработали вместе со мной для устройства нашего благосостояния, что с вашей стороны было бы большой глупостью отказаться от плодов нашего труда, поддавшись влиянию Арамиса, хитрость которого (между нами будь сказано, не всегда лишенная эгоизма) хорошо вам известна, или влиянию Ато-

са, человека благородного и бескорыстного, но при этом ко всему равнодушного: он уже ничего больше не хочет для себя и потому не понимает, что другие могут чего-нибудь хотеть. Что скажете вы, если тот или другой предложат вам отпустить Мазарини?

— Я скажу им, что нам стоило слишком большого труда овладеть им, чтобы отпустить его так легко.

— Bravo, Портос! Вы правы, мой друг, потому что, отпустив его, вы лишитесь баронства, которое у вас в руках, не говоря уже о том, что Мазарини, чуть только выйдет на свободу, сейчас же велит вас повесить.

— Вы так думаете?

— Я в этом уверен.

— В таком случае я скорее все сокрошу, чем дам ему улизнуть.

— Правильно! Вы понимаете, что, устраивая наши дела, мы меньше всего заботились о делах фрондеров, которые, кстати сказать, смотрят на политику не так, как мы с вами, старые солдаты.

— Не беспокойтесь, дорогой друг,— сказал Портос,— я посмотрю, как вы сядете на лошадь, и буду смотреть вам вслед, пока вы не скроетесь из виду, а затем займу мой пост у дверей кардинала, возле той стеклянной двери, через которую видно все, что у него делается в комнате. Оттуда я буду следить за ним и при малейшем его подозрительном движении убью его.

«Bravo! — подумал про себя д'Артаньян.— Кажется, и с этой стороны за кардиналом будет хороший присмотр».

Пожав руку владельцу Пьерфона, он пошел к Атосу.

— Дорогой мой Атос,— сказал он ему,— я уезжаю. На прощанье скажу вам одно: вы хорошо знаете Анну Австрийскую; один только плен Мазарини обеспечит мою жизнь. Если вы его выпустите, я погиб.

— Только такое соображение,— сказал Атос,— может превратить меня в зоркого тюремщика. Я даю вам слово, д'Артаньян, что вы найдете Мазарини там, где вы его оставляете.

«Вот это надежнее всех королевских подписей,— подумал д'Артаньян.— Теперь, имея слово Атоса, я могу уехать».

И он уехал один, без другой охраны, кроме своей шпаги и записки Мазарини, в виде пропуска к королеве. Через шесть часов он был уже в Сен-Жермене. Об исчезновении Мазарини еще никому не было известно; о нем знала только Анна Австрийская, но она старательно скрывала от приближенных свое беспокойство. В комнате, где были заключены д'Артаньян и Портос, нашли двух солдат, связанных и с заткнутыми ртами. Их тотчас же освободили от веревок, но они ничего не могли сказать кроме того, что их схватили, связали и раздели. А что сделали д'Артаньян и Портос, выйдя из своей тюрьмы тем самым путем, каким попали туда солдаты,— об этом последние знали так же мало, как и остальные обитатели замка.

Только один человек, Бернуин, знал немного больше, чем другие. Продав своего господина до полуночи и видя, что он не возвращается, он решился проникнуть в оранжерею. Первая дверь, забаррикадированная изнутри, уже возбудила в нем некоторые подозрения, которыми он, однако, ни с кем не поделился. Он осторожно пробрался между

нагроможденной мебелью, затем вошел в коридор, в котором все двери оказались отперты. Отперта была также дверь комнаты Атоса и та, что вела в парк. Отсюда он уже просто пошел по следам, оставленным на снегу. Он заметил, что следы эти кончались у стены, но обнаружил их и по другую сторону ее. Дальше он заметил отпечатки лошадиных копыт, а еще немного дальше — следы целого конного отряда, удалявшиеся в направлении к Энгйену. Теперь у него не оставалось уже ни малейшего сомнения, что кардинал был похищен тремя пленниками, которые исчезли одновременно с ним. Он тотчас побежал в Сен-Жермен уведомить обо всем королеву.

Анна Австрийская приказала ему молчать, и Бернуин исполнил это приказание; она только рассказала обо всем принцу Конде, и тот отрядил пятьсот или шестьсот всадников, дав им приказание обыскать все окрестности и доставить в Сен-Жермен все подозрительные отряды, удаляющиеся от Рюэйля, в каком бы направлении они ни ехали.

Когда он въехал во двор старого замка, то первое лицо, которое наш посол увидел, был Бернуин собственной своей персоной. Стоя у дверей, он ждал вестей о своем исчезнувшем господине.

При виде д'Артаньяна, въезжающего верхом во двор, Бернуин протер глаза, сам себе не веря. Но д'Артаньян дружески кивнул ему головой, сошел с лошади и, бросив поводья проходившему мимо лакею, с улыбкой подошел к камердинеру.

— Господин д'Артаньян! — воскликнул тот, словно человек, говорящий во сне под влиянием кошмара. — Господин д'Артаньян!

— Он самый, Бернуин!

— Зачем вы пожаловали сюда?

— Я привез вести о Мазарини, и самые свежие.

— Что с ним?

— Здоров, как вы и я.

— Так с ним ничего не случилось плохого?

— Ровно ничего. Он только почувствовал потребность прокатиться по Иль-де-Франсу и попросил нас, графа де Ла Фер, господина дю Валлона и меня, проводить его. Мы слишком ретивые слуги и не могли отказать ему в такой просьбе. Мы выехали вчера, и вот я прибыл сюда.

— Вы здесь!

— Его преосвященству понадобилось передать нечто секретное и строго личное ее величеству. Такое поручение можно доверить только человеку надежному, почему он и послал меня в Сен-Жермен. Итак, Бернуин, если вы желаете сделать приятное вашему господину, предупредите ее величество, что я прибыл, и поясните, по какому делу.

Говорил ли д'Артаньян серьезно или шутя, но он, очевидно, был сейчас единственным человеком, который мог успокоить Анну Австрийскую, поэтому Бернуин тотчас же отправился доложить ей об этом странном посольстве. Как он и предвидел, королева приказала немедленно ввести к ней д'Артаньяна. Д'Артаньян подошел к королеве со всеми знаками глубочайшего почтения. Не дойдя до нее трех шагов, он опустился на одно колено и передал ей послание.

Это была, как мы уже сказали, маленькая записка, нечто вроде рекомендательного письма или охранной грамоты. Королева пробежа-

ла ее, узнала почерк кардинала, на этот раз немного дрожащий, и так как в письме ничего не говорилось о том, что собственно произошло, то она стала спрашивать о подробностях. Д'Артаньян рассказал ей все с тем простодушным и наивным видом, который умел при известных обстоятельствах на себя напускать. Пока он говорил, королева смотрела на него со все возрастающим удивлением. Она не понимала, как мог один человек задумать такое предприятие, а особенно — как у него хватало смелости рассказывать о нем ей, которая, конечно, и желала и даже обязана была покарать его за это.

— Как, судары! — воскликнула королева, покраснев от негодования когда д'Артаньян кончил свой рассказ. — Вы осмеливаетесь признаваться мне в вашем преступлении и рассказывать мне о своей измене?

— Простите, но, мне кажется, или я дурно объяснился, или же ваше величество не так поняли меня; здесь нет ни преступления, ни измены. Господин Мазарини заключил нас в тюрьму, господина дю Валлона и меня, так как мы не могли поверить, что он послал нас в Англию только для того, чтобы спокойно глядеть, как будут рубить голову королю Карлу, зятю вашего покойного супруга, мужу королевы Генриэтты — вашей сестры и гостыи; мы, конечно, сделали все от нас зависящее для спасения жизни этого несчастного короля. Мы поэтому были убеждены, мой друг и я, что произошло какое-то недоразумение, жертвой которого мы стали, и нам необходимо было объясниться с его преосвященством. А объяснение это привело бы к желательным результатам, только если бы оно совершилось спокойно, без вмешательства посторонних. Вот почему мы отвезли господина кардинала в замок моего друга, и там мы объяснились. И вот, ваше величество, как мы думали, так оно и было: произошла ошибка. Господин Мазарини предположил, что мы служили генералу Кромвелю, вместо того чтобы служить королю Карлу, что было бы крайне постыдным делом: это бросило бы тень на него и на ваше величество и было бы низостью, которая запятнала бы начинающееся царствование вашего сына. Мы представили кардиналу доказательства противного, и эти доказательства я готов представить и вашему величеству, сославшись на свидетельство августейшей вдовы, которая плачет в Лувре, куда ваше величество изволили поместить ее. Доказательства эти удовлетворили его вполне; вот он и послал меня к вашему величеству поговорить с вами о награде, какой заслуживают люди, которых до сих пор плохо ценили и несправедливо преследовали.

— Я слушаю вас и прямо люблюсь, — сказал Анна Австрийская. — Правда, мне редко случалось встречать подобную наглость.

— Как видно, вы, ваше величество, так же заблуждаетесь относительно наших намерений, как было и с господином Мазарини.

— Вы ошибаетесь, — сказала королева, — чтобы доказать, как мало я заблуждаюсь относительно вас, я сейчас велю вас арестовать, а через час двинусь во главе армии освобождать моего министра.

— Я уверен, что вы, ваше величество, не поступите так неосторожно, — сказал д'Артаньян, — прежде всего потому, что это было бы бесполезно и привело бы к очень тяжелым последствиям. Еще до того как его успеют освободить, господин кардинал успеет умереть, и он в этом

настолько уверен, что просил меня, в случае, если я замечу такие намерения вашего величества, сделать все возможное, чтобы отклонить вас от этого плана.

— Хорошо! Я ограничусь тем, что велю вас арестовать.

— И этого нельзя делать, ваше величество, потому что мой арест так же предусмотрен, как и попытка к освобождению господина кардинала. Если завтра в назначенный час я не вернусь, послезавтра утром кардинал будет препровожден в Париж.

— Видно, что по своему положению вы живете вдали от людей и дел. В противном случае вы знали бы, что кардинал раз пять-шесть был в Париже, после того как мы из него выехали, и что он виделся с господином де Бофором, герцогом Бульонским, коадьютором и д'Эльбефом, и никому из них в голову не пришло арестовать его.

— Простите, ваше величество, мне все это известно. Потому-то друзья мои и не повезут господина кардинала к этим господам: каждый из них преследует в этой войне свои собственные интересы, и кардинал, попав к ним, сможет дешево отделаться. Нет, они доставят его в парламент. Правда, членов этого парламента можно подкупить в розницу, но даже господин Мазарини недостаточно богат, чтобы купить их гуртом.

— Мне кажется,— сказала Анна Австрийская, бросая на д'Артаньяна взгляд, который у обычной женщины мы назвали бы презрительным, у королевы — грозным,— мне кажется, вы мне угрожаете, мне, матери вашего короля!

— Ваше величество,— сказал д'Артаньян,— я угрожаю, потому что вынужден к этому. Я позволяю себе больше, чем следует, потому что я должен стоять на высоте событий и лиц. Но поверьте, ваше величество, так же верно, как то, что в груди у меня — сердце, которое бьется за вас,— вы были нашим кумиром, и — бог мой, разве вы этого не знаете? — мы двадцать раз рисковали жизнью за ваше величество. Неужели вы не сжалитесь над вашими верными слугами, которые в течение двадцати лет оставались в тени, ни словом, ни вздохом не выдав той великой, священной тайны, которую они имели счастье хранить вместе с вами? Посмотрите на меня,— на меня, который говорит с вами, на меня, которого вы обвиняете в том, что я возвысил голос и говорю с вами угрожающе. Кто я?.. Бедный офицер без средств, без крова, без будущего, если взгляд королевы, которого я так долго ждал, не остановится на мне хоть на одну минуту. Посмотрите на графа де Ла Фер, благороднейшее сердце, цвет рыцарства: он восстал против королевы, вернее против ее министра, и он, насколько мне известно, ничего не требует. Посмотрите, наконец, на господина дю Валлона — вспомните его верную душу и железную руку: он целых двадцать лет ждал одного слова из ваших уст,— слова, которое дало бы ему герб, давно им заслуженный. Взгляните, наконец, на ваш народ, который должен же что-нибудь значить для королевы, на ваш народ, который любит вас и вместе с тем страдает, который вы любите и который тем не менее голодает, который ничего иного не желает, как благославлять вас, и который иногда... Нет, я неправ: никогда народ ваш не будет проклинать вас, ваше величество. Итак, скажите одно слово и всему настанет конец, мир сменит войну, слезы уступят место радости.

Анна Австрийская с удивлением увидела на суровом лице д'Артаньяна странное выражение нежности.

— Зачем не сказали вы мне все это прежде, чем начали действовать? — сказала она.

— Потому, что надо было сначала доказать вашему величеству то, в чем вы, кажется, сомневались: что мы все же кое-что стоим и заслуживаем некоторого внимания.

— И, как я вижу, вы готовы доказать это всякими средствами, не отступая ни перед чем? — сказала Анна Австрийская.

— Мы и в прошлом никогда ни перед чем не отступали, зачем же нам меняться?

— И вы, пожалуй, способны, в случае моего отказа и, значит, решимости продолжать борьбу, похитить меня самое из дворца и выдать меня Фронде, как вы хотите теперь выдать ей моего министра?

— Мы никогда об этом не думали, ваше величество, — сказал д'Артаньян, со своим ребяческим гасконским задором. — Но если бы мы вчетвером решили это, то непременно бы исполнили.

— Мне следовало это знать, — прошептала Анна Австрийская. — Это железные люди.

— Увы, — вздохнул д'Артаньян, — ваше величество только теперь начинаете судить о нас верно.

— А если бы я вас теперь наконец действительно оценила?

— Тогда ваше величество по справедливости стали бы обращаться с нами не как с людьми заурядными. Вы увидели бы во мне настоящего посла, достойного защитника высоких интересов, обсудить которые с вами мне было поручено.

— Где договор?

— Вот он.

Глава 49

ПЕРО И УГРОЗА ИНОГДА ЗНАЧАТ БОЛЬШЕ,
ЧЕМ ШПАГА И ПРЕДАННОСТЬ

(Продолжение)

Анна Австрийская пробежала глазами договор, поданный ей д'Артаньяном.

— Здесь я вижу одни только общие условия: требования Конти, Бофора, герцога Бульонского, д'Эльбефа и коадьютора. Где же ваши?

— Ваше величество, мы знаем себе цену, но не преувеличиваем своего значения. Мы решили, что наши имена не могут стоять рядом со столь высокими именами.

— Но вы, я полагаю, не отказались от мысли высказать мне на словах ваши желания?

— Я считаю вас, ваше величество, за великую и могущественную королеву, которая сочтет недостойным себя не вознаградить по заслугам тех, кто возвратит в Сен-Жермен его преосвященство.

— Конечно,— сказала королева.— Говорите же.

— Тот, кто устроил это дело (простите, ваше величество, что я начинаю с себя, но мне приходится выступить вперед, если не по собственному почину, то по общей воле всех других), чтобы награда была на уровне королевских щедрот, должен быть, думается мне, назначен командиром какой-либо гвардейской части, например капитаном мушкетеров.

— Вы просите у меня место Тревиля!

— Это должность вакантна; вот уже год, как Тревиль освободил ее, и она до сих пор никем не замещена.

— Но это одна из первых военных должностей при королевском дворе!

— Тревиль был простым гасконским кадетом¹, как и я, ваше величество, и все же занимал эту должность в течение двадцати лет.

— У вас на все есть ответ,— сказала Анна Австрийская.

И, взяв со стола бланк патента, она заполнила его и подписала.

— Это, конечно, прекрасная и щедрая награда, ваше величество,— сказал д'Артаньян, взяв его с поклоном.— Но все непрочно в этом мире, и человек, впавший в немилость у вашего величества, может завтра же потерять эту должность.

— Чего же вы хотите еще? — спросила королева, краснея от того, что ее так хорошо разгадал этот человек, такой же проницательный, как и она сама.

— Сто тысяч ливров, которые должны быть выплачены этому бедному капитану в тот день, когда его служба станет неугодна вашему величеству.

Анна колебалась.

— А ведь парижане обещали, по постановлению парламента, шестьсот тысяч ливров тому, кто выдаст им кардинала, живого или мертвого,— заметил д'Артаньян,— живого — чтобы повесить его, мертвого — чтобы протащить его труп по улицам.

— Вы скромны,— сказала на это Анна Австрийская,— вы просите у королевы только шестую часть того, что вам предлагает парламент.

И она подписала обязательство на сто тысяч ливров.

— Дальше? — сказала она.

— Ваше величество, мой друг дю Валлон богат, и поэтому деньги ему не нужны. Но мне помнится, что между ним и господином Мазарини была речь о пожаловании ему баронского титула. Припоминаю даже, что это было ему обещано.

— Человек без рода, без племени! — сказала Анна Австрийская.— Над ним будут смеяться.

— Пусть смеются,— сказал д'Артаньян.— Но я уверен, что тот, кто над ним раз посмеется, второй раз уже не улыбнется.

---

¹ Так назывались младшие сыновья дворянских семей

— Дадим ему баронство,— сказала Анна Австрийская.

И она подписала.

— Теперь остается еще шевалье или аббат д'Эрбле, как вашему величеству больше нравится.

— Он хочет быть епископом?

— Нет, ваше величество, его удовлетворить легче.

— Чего же он хочет?

— Чтобы король соизволил быть крестным отцом сына госпожи де Лонгвиль.

Королева улыбнулась.

— Герцог де Лонгвиль — королевской крови, ваше величество,— сказал д'Артаньян.

— Да,— сказала королева.— Но его сын?

— Его сын... наверное, тоже, раз в жилах мужа его матери течет королевская кровь.

— И ваш друг не просит ничего больше для госпожи де Лонгвиль?

— Нет, ваше величество, так как он надеется, что его величество, будучи крестным отцом этого ребенка, подарит матери не менее пяти-сот тысяч ливров, предоставив, конечно, при этом его отцу управление Нормандией.

— Что касается управления Нормандией, то на это я могу согласиться; но вот относительно пятисот тысяч ливров не знаю,— ведь кардинал беспрестанно повторяет мне, что наша казна совсем истощилась.

— С разрешения вашего величества мы вместе поищем денег и найдем их.

— Дальше?

— Дальше, ваше величество?

— Да.

— Это все.

— Разве у вас нет четвертого товарища?

— Есть, ваше величество: граф де Ла Фер.

— Чего же он требует?

— Он ничего не требует.

— Ничего?

— Ничего.

— Неужели есть на свете человек, который, имея возможность требовать, ничего не требует?

— Я говорю о графе де Ла Фер, ваше величество. Граф де Ла Фер — не человек.

— Кто же он?

— Граф де Ла Фер — полубог.

— Нет ли у него сына, молодого родственника, племянника? Мне помнится, Коменж говорил мне о храбром юноше, который вместе с Шатильоном привез знамена, взятые при Лансе.

— Вы правы, ваше величество, у него есть воспитанник, которого зовут виконт де Бражелон.

— Если дать этому молодому человеку полк, что скажет на это его опекун?

— Он, может быть, согласится.
— Только может быть?
— Да, если ваше величество попросит его.
— Это действительно странный человек! Ну что же, мы подумаем об этом и, может быть, попросим его. Довольны вы теперь?
— Да, ваше величество. Но вы еще не подписали...
— Что?
— Самое главное: договор.
— К чему? Я подпишу его завтра.
— Я позволю себе доложить вашему величеству, что если ваше величество не подпишет этого договора сегодня, то после у вас, пожалуй, уже не найдется для этого времени. Умоляю ваше величество написать под этой бумагой, написанной целиком, как вы видите, рукой Мазарини: «Я согласна утвердить договор, предложенный парижанами».

Анна была захвачена врасплох. Отступления не было: она подписала договор. Но здесь оскорбленная гордость королевы бурно проявилась наружу: она залилась слезами.

Д'Артаньян вздрогнул, увидав эти слезы. С того времени королевы стали плакать, как обыкновенные женщины.

Гасконец покачал головой. Слезы королевы, казалось, жгли ему сердце.

— Ваше величество, — сказал он, становясь на колени, — взгляните на несчастного, который у ваших ног; он умоляет вас верить, что одного знака вашей руки достаточно, чтобы сделать для него возможным все. Он верит в себя, верит в своих друзей; он хочет также верить и в свою королеву, и в доказательство того, что он ничего не боится и не хочет пользоваться случаем, он готов возвратить Мазарини вашему величеству без всяких условий. Возьмите назад, ваше величество, бумаги с вашей подписью; если вы сочтете своим долгом отдать их мне, вы это сделаете. Но с этой минуты они ни к чему вас не обязывают.

И д'Артаньян, не вставая с колен, со взглядом, сверкающим гордой смелостью, протянул Анне Австрийской все бумаги, которые добыл у нее с таким трудом.

Бывают минуты (так как на свете не все плохое, а бывает и хорошее), когда в самых черствых и холодных сердцах пробуждается, орошенное слезами только что пережитого глубокого волнения, благородное великодушие, которого уже не могут заглушить расчет и оскорбленная гордость, если его с самого начала не одолеет другое, враждебное чувство. Анна переживала подобную минуту. Д'Артаньян, уступив собственному волнению, совпадавшему с тем, что происходило в душе королевы, совершил, сам того не сознавая, искуснейший дипломатический ход.

И он тотчас же был вознагражден за свою ловкость и за свое бескорыстие — смотря по тому, что читателю угодно больше в нем оценить: ум или доброту сердца.

— Вы правы, — сказала Анна, — я вас не знала. Вот бумаги, подписанные мною, я даю их вам добровольно. Ступайте и привезите ко мне скорее кардинала.

— Ваше величество, — сказал д'Артаньян, — двадцать лет тому назад (у меня хорошая память) за такой же портьерой в ратуше я имел честь поцеловать одну из этих прекрасных рук.

— Вот другая, — сказала королева, — и чтобы левая была не менее щедрa, чем правая (с этими словами она сняла с пальца кольцо с бриллиантом), возьмите это кольцо и носите его на память обо мне.

— Ваше величество, — проговорил д'Артаньян, поднимаясь с колен, — у меня теперь только одно желание: чтобы первое ваше требование ко мне было требование пожертвовать жизнью.

И той легкой походкой, которая лишь ему была свойственна, д'Артаньян вышел из кабинета королевы.

— Я не понимала этих людей, — сказала про себя Анна Австрийская, провожая взором д'Артаньяна, — а теперь уже слишком поздно воспользоваться их услугами: через год король будет совершеннолетним.

Пятнадцать часов спустя д'Артаньян и Портос привезли Мазарини к королеве и получили: один — свой патент на чин капитана мушкетеров, другой — свой диплом барона.

— Довольны ли вы? — спросила Анна Австрийская.

Д'Артаньян поклонился, но Портос нерешительно вертел в руках свой диплом, поглядывая на Мазарини.

— Что еще? — спросил министр.

— Монсеньер, недостает еще ордена...

— Но, — сказал Мазарини, — вы же знаете, что для получения ордена нужны особые заслуги.

— О, — сказал Портос, — я не для себя, монсеньер, просил голубую ленту.

— А для кого же? — спросил Мазарини.

— Для моего друга, графа де Ла Фер.

— О, это другое дело, — сказала королева. — Он достаточно отличился.

— Так он получит его?

— Он его уже получил.

В тот же день был подписан договор с парижанами: рассказывали, что кардинал безвыходно просидел у себя три дня, чтобы хорошенько его обсудить.

Вот что получил каждый:

Конти получил Даниville, и, доказав на деле свои военные способности, добился возможности остаться военным и не становиться кардиналом.

Кроме того, пущен был слух о его женитьбе на одной из племянниц Мазарини; слух этот был благосклонно принят принцем, которому было все равно, на ком жениться, лишь бы жениться.

Герцог де Бофор вернулся ко двору, получив при этом все возмещения за нанесенные ему обиды и все почести, подобающие его рангу. Конечно, дали полное прощение всем, кто помогал его бегству. Кроме того, он получил чин адмирала, по наследству от своего отца, герцога Вандомского, и денежное вознаграждение за свои дома и замки, разрушенные по приказу Бретонского парламента.

Герцог Бульонский получил имения, равные по ценности его Седанскому княжеству, возмещение доходов за восемь лет и титул принца для себя и своего рода.

Герцогу де Лонгвилью было предложено губернаторство Пон-де-л'Арша, пятьсот тысяч ливров — его жене, а также было обещано, что его сына крестить будут юный король и молодая Генриэтта Английская.

Арамис выговорил при этом, что на церемонии будет служить Базен, а конфеты поставит Планше.

Герцог д'Эльбеф добился выплаты сумм, которые должны были его жене, ста тысяч ливров для старшего сына и по двадцати пяти тысяч каждому из остальных.

Один только коадьютор не получил ничего; ему, правда, было обещано похлопотать перед папой о предоставлении ему кардинальской шляпы, но он знал цену обещаниям королевы и Мазарини. В противоположность г-ну де Конти, он, не имея возможности стать кардиналом, принужден был оставаться военным.

Поэтому, в то время как весь Париж ликовал по поводу возвращения короля, которое было назначено на послезавтра, один Гонди среди общего веселья был в таком дурном расположении духа, что послал за двумя людьми, которых он призывал обыкновенно, когда на него нападала мрачность. Это были: граф де Рошфор и ищий с паперти св. Евстафия.

Они явились к нему со своей обычной точностью, и коадьютор провёл с ними часть ночи.

Глава 50

ИНОГДА КОРОЛЯМ БЫВАЕТ ТРУДНЕЕ ВЪЕХАТЬ
В СТОЛИЦУ, ЧЕМ ВЫЕХАТЬ ИЗ НЕЕ

ока д'Артаньян и Портос отвозили кардинала в Сен-Жермен, Атос и Арамис, расставшись с ними в Сен-Дени, вернулись в Париж.

Каждый из них должен был сделать по визиту.

Едва скинув дорожные сапоги, Арамис полетел в ратушу к госпоже де Лонгвиль. Услышав о том, что мир заключен, прекрасная герцогиня раскричалась: война делала ее королевой, мир лишал ее этого сана. Она заявила, что никогда не подпишет договора и что она желает вечной войны. Но когда Арамис представил ей этот мир в его настоящем свете, со всеми его выгодами, когда он предложил ей, взамен спорного и непрочного королевства в Париже, подлинное вице-королевство в Пон-де-л'Арше, то есть власть над всей Нормандией, когда герцогиня услышала о пятистах тысячах, обещанных ей кардиналом, и о чести, которая ей будет оказана молодым королем, обещавшим быть крестным отцом ее сына, — г-жа де Лонгвиль

уже только для виду, по привычке всех хорошеньких женщин, продолжала возражать, чтобы затем весьма охотно сдаться.

Арамис делал вид, что верит в искренность ее гнева, и продолжал убеждать, чтобы не отказать себе в приятном сознании, будто убедил ее.

— Герцогиня,— сказал он ей,— вы желали одержать победу над принцем, вашим братом,— величайшим полководцем наших дней, а когда выдающаяся женщина захочет чего-либо, то всегда достигнет цели. Вы победили принца Конде: он вынужден прекратить войну. Теперь привлечите его в нашу партию. Восстановите его понемногу против королевы, которую он не любит, и Мазарини, которого он презирает. Фронда — комедия, в которой мы сыграли только первый акт. Посмотрим, какой будет Мазарини при развязке, то есть тогда, когда приц, благодаря вам, обратится против двора.

Г-жа де Лонгвиль была побеждена. Фрондирующая герцогиня была настолько уверена в могуществе своих прекрасных глаз, что несколько не сомневалась в их влиянии даже на принца Конде; и скандальная хроника того времени гласит, что эта задача оказалась ей вполне по силам.

Атос, расставшись с Арамисом на Королевской площади, отправился к г-же де Шеврез. Эту фрондирующую особу тоже надо было убедить; но уговорить ее было труднее, чем ее молодую соперницу. В договоре ее имя внесено не было, г-н де Шеврез не назначался губернатором никакой провинции, и если бы даже королева согласилась быть крестной матерью, то разве что внука или внучки герцогини.

Поэтому при первых же словах о мире г-жа де Шеврез нахмурила брови и, несмотря на логичные доводы Атоса, доказывавшего, что дальнейшая война невозможна, она настаивала на ее продолжении.

— Прелестный друг мой,— сказал Атос,— позвольте мне сказать вам, что все устали от войны и, кроме вас и коадьютора, все, я полагаю, жаждут мира. Вы только опять добьетесь ссылки, как то было при Людовике Тринадцатом. Поверьте мне, эпоха успешных интриг для нас кончилась, и вашим прекрасным глазам не суждено потухнуть, оплакивая Париж, в котором, пока вы будете в нем, всегда будут две королевы.

— О! — воскликнула герцогиня.— Я не могу вести войну одна, но я могу отомстить этой неблагодарной королеве и ее властолюбивому фавориту, и... клянусь честью, я отомщу.

— Герцогиня,— сказал Атос,— умоляю вас, не портите будущее Бражелону. Сейчас карьера его устраивается; принц Конде благоволит к нему, он молод,— дадим утвердиться молодому королю! Увы, простите мою слабость, для каждого человека настает пора, когда он начинает жить в своих детях.

Герцогиня улыбнулась полунасмешливо, полунежно.

— Граф,— сказала она,— я опасаюсь, что вы стали приверженцем двора. Нет ли у вас уже голубой ленты в кармане?

— Да, герцогиня, у меня есть лента ордена Подвязки, пожалованная мне королем Карлом Первым за несколько дней до его смерти.

Граф говорил правду: он не знал о просьбе Портоза, и ему не было еще известно, что у него есть еще одна.

— Итак, надо становиться старухой,— сказала герцогиня задумчиво.

Атос взял ее руку и поцеловал. Она вздохнула, глядя на него.

— Граф,— сказала она,— Бражелон, должно быть, прекрасное поместье. Вы человек со вкусом; там, должно быть, лес, вода, цветы.

Она снова вздохнула и подперла свою прелестную голову кокетливо изогнутой рукой, все еще восхитительной формы и белизны.

— Герцогиня, что вы говорите? Вы еще никогда не выглядели моложе и прекраснее.

Она покачала головой.

— Виконт де Бражелон остается в Париже? — спросила она.

— Вы о нем думаете?

— Оставьте его мне.

— Ни за что. Если вы забыли историю Эдипа¹, то я хорошо ее помню.

— В самом деле, вы очень милы, граф,— сказала она после минутного раздумья,— и я с удовольствием погостила бы месяц в Бражелоне.

— А вы не боитесь, что у меня будет много завистников? — спросил любезно Атос.

— Нет, я поеду туда инкогнито, под именем Аглаи Мишон.

— Вы очаровательны.

— Но не удерживайте Рауля при себе.

— Почему?

— Потому что он влюблен.

— Он еще ребенок!

— Он и любит ребенка.

Атос задумался.

— Вы правы, герцогиня, эта странная любовь к семилетней девочке может со временем сделать его несчастным. Предстоит война во Фландрии; он поедет туда.

— А когда он вернется, вы его пришлете ко мне; я дам ему броню против любви.

— Увы, сударыня,— сказал Атос,— в любви, как и на войне, броня стала бесполезным предметом.

В эту минуту в комнату вошел Рауль. Он пришел сообщить графу и герцогине, со слов своего друга, графа де Гиша, что торжественный въезд короля, королевы и министра назначен на завтра.

На следующий день действительно двор с утра стал готовиться к поезду в Париж.

Королева еще накануне вечером призвала к себе д'Артаньяна.

— Меня уверяют,— сказала она ему,— что в Париже не совсем спокойно. Я боюсь за короля; поезжайте вы у правой дверцы моего экипажа.

— Ваше величество можете быть спокойны,— сказал д'Артаньян.— Я отвечаю за короля.

---

¹ Эдип, один из героев древнегреческого эпоса, влюбился в свою мать и женился на ней.

И, поклонившись королеве, он вышел. Дорогой он встретил Бернуина, который сообщил ему, что кардинал хочет его видеть по важному делу.

Он тотчас отправился к кардиналу.

— Говорят, — сказал ему тот, — что в Париже возмущение. Я буду по левую руку от короля, и так как опасность всех больше угрожает мне, то вы держитесь возле левой дверцы.

— Ваше преосвященство можете быть спокойны, — сказал д'Артаньян. — Не тронут ни одного волоса на вашей голове.

«Черт возьми, — подумал он, уходя, — как теперь выйти из положения? Не могу же я, в самом деле, быть в одно время по правую и по левую сторону кареты. Вот что: я стану охранять короля, а Портосу предоставляю охрану кардинала».

Такое решение удовлетворило всех, что не часто случается. Королева вполне доверяла мужеству д'Артаньяна, которое она хорошо знала, а кардинал — силе Портоса, которую он испытал на самом себе.

Процессия тронулась в Париж в заранее установленном порядке. Гито и Коменж ехали впереди во главе гвардии; далее следовал королевский экипаж, по правую сторону которого ехал верхом д'Артаньян, по левую Портос, а сзади мушкетеры — старые друзья д'Артаньяна, который был двадцать два года их товарищем, двадцать — лейтенантом и стал их капитаном со вчерашнего дня.

Когда кортеж приблизился к заставе, он был встречен восторженными возгласами: «Да здравствует король!», «Да здравствует королева!» Кое-кто крикнул: «Да здравствует Мазарини!», но крик этот тотчас же заглох.

Процессия направилась к собору Богоматери, где должна была быть отслужена месса.

Все население Парижа высыпало на улицу. Швейцарцы были расставлены по всему пути от Сен-Жермена до Парижа. Но путь был длинный, швейцарцы стояли шагах в шести-восьми друг от друга, так что представляли весьма недостаточную защиту, и цепь нередко разрывалась от напора толпы, после чего сомкнуться ей было не так-то легко.

Каждый раз, как толпа прорывалась сквозь цепь, с самыми добрыми чувствами, из желания взглянуть поближе на короля и королеву, которых парижане не видали целый год, Анна Австрийская с тревогой поглядывала на д'Артаньяна, но тот успокаивал ее улыбкой.

Мазарини, израсходовавший тысячу луидоров на то, чтобы народ кричал: «Да здравствует Мазарини!», и слышавший этих возгласов не больше чем на двадцать пистолей, тоже с тревогой поглядывал на Портоса, но его гигантский телохранитель отвечал ему великолепным басом: «Будьте спокойны, монсеньер» и Мазарини в конце концов успокоился.

У Пале-Рояля толпа стала еще гуще. Она хлынула на площадь из всех прилегающих улиц, и весь этот народ, стремившийся к королевской карете, походил на широкую бурную реку, шумно текущую по улице Сент-Оноре. Когда кортеж показался на площади, она огласилась криками: «Да здравствуют их величества!» Мазарини высунулся из

экипажа; два или три голоса крикнули: «Да здравствует кардинал!», но их тотчас же заглушили свистки и гиканье, раздававшиеся со всех сторон. Мазарини побледнел и поспешил откинуться в глубину кареты.

— Канальи! — проворчал Портос.

Д'Артаньян ничего не сказал, а только покрутил свой ус особенным жестом, означавшим, что хорошее гасконское настроение начинает покидать его.

Анна Австрийская нагнулась к молодому королю и шепнула ему на ухо:

— Скажите несколько милостивых слов господину д'Артаньяну, сын мой.

Молодой король высунулся из экипажа.

— Я сегодня еще не поздоровался с вами, господин д'Артаньян, — сказал он, — но я узнал вас. Вы стояли за пологом моей кровати, когда парижане хотели посмотреть, как я сплю.

— И если ваше величество мне разрешит, я всегда буду возле вас, когда вам будет угрожать какая-нибудь опасность.

— Барон, — сказал Мазарини Портосу, — что сделаете вы, если эта толпа ринется на вас?

— Я перебью столько людей, сколько смогу, монсеньер.

— Гм! — пробормотал Мазарини. — При всей вашей храбрости и силе вы не сможете перебить всех.

— Это правда, — сказал Портос, привставая на стременах, чтобы лучше видеть толпу, — их слишком много.

— Тот, другой, был бы, пожалуй, лучше, — сказал про себя Мазарини. И он откинулся в глубь кареты.

Королева и ее министр, во всяком случае последний, имели основание испытывать тревогу. Толпа, хотя и обнаруживала почтение к королю и регентше, все же начинала волноваться; в ней поднимался глухой ропот, который, пробегая по волнам, предвещает бурю, а зарождаясь в толпе, — возмущение.

Д'Артаньян обернулся к мушкетерам и сделал им глазами знак, неприметный для толпы, но хорошо понятный этим отборным храбрецам. Ряды лошадей сомкнулись, и легкий трепет пробежал среди людей.

У заставы Сержантов процессии пришлось остановиться. Коменж, выступавший во главе процессии, повернул назад и подъехал к королевской карете. Королева вопросительно взглянула на д'Артаньяна. Д'Артаньян ответил ей также взглядом.

— Поезжайте дальше, — сказала королева.

Коменж опять занял свое место. Войска решительно двинулись вперед, и живая преграда была прорвана.

В толпе послышался недовольный ропот, относившийся на этот раз не только к кардиналу, но и к королю.

— Вперед! — крикнул д'Артаньян во весь голос.

— Вперед! — повторил за ним Портос.

Толпа словно ждала это вызова и забушевала; враждебные чувства сразу прорвались наружу, и со всех сторон раздались крики: «Долой Мазарини!», «Смерть кардиналу!»

Одновременно с двух смежных улиц, Гренель-Сент-Оноре и Петушиной, хлынул двойной поток народа, прорвавший слабый ряд швейцарцев и докатившийся до лошадей д'Артаньяна и Портоса.

Эта новая волна была опаснее прежних, так как состояла из людей вооруженных, и гораздо лучше, чем в таких случаях бывает вооружен народ. Видно было, что это нападение никак не являлось делом случая, скопившего в одном месте группу недовольных, но предпринято было по хорошо обдуманному враждебному плану и кем-то организовано.

У каждой из этих двух мощных групп было по жожаку. Один, видимо, принадлежал не к народу, а к почтенной корпорации нищих; в другом, несмотря на его старания выглядеть простолюдином, легко было признать дворянина. Но оба действовали, казалось, по одинаковому побуждению.

Натиск был так силен, что отозвался даже в королевской карете; затем раздались тысячи криков, слившихся в сплошной рев, среди которого зазвучали выстрелы.

— Ко мне, мушкетеры! — крикнул д'Артаньян.

Конвой построился в две линии: одна по правую, другая по левую сторону кареты; одна в помощь д'Артаньяну, другая Портосу.

Произошла свалка, тем более ужасная, что она была бесцельна, так как никто не знал, ни за кого, ни за что он дерется.

Глава 51

ИНОГДА КОРОЛЯМ БЫВАЕТ ТРУДНЕЕ ВЪЕХАТЬ
В СТОЛИЦУ, ЧЕМ ВЫЕХАТЬ ИЗ НЕЕ

(Продолжение)

Как всякое движение народных толп, натиск этот был страшен. Малочисленные и кое-как выстроившиеся мушкетеры не могли управлять как следует лошадьми, и многие из них были смяты.

Д'Артаньян хотел опустить занавески кареты, но молодой король вытянул руку со словами:

— Нет, господин д'Артаньян, я хочу видеть.

— Если вашему величеству угодно видеть, смотрите, — проговорил д'Артаньян.

И, обернувшись к толпе с яростью, делавшей его таким опасным, он обрушился на жожака бунтовщиков, который с пистолетом в одной руке и со шпагой в другой старался проложить себе путь к карете, борясь с двумя мушкетерами.

— Дорогу, чертoberи, дорогу! — крикнул д'Артаньян.

При звуке этого голоса человек с пистолетом и шпагой поднял голову, но было уже поздно: шпага д'Артаньяна пронзила ему грудь.

— Ах, черт побери! — вскричал д'Артаньян, тщетно стараясь сдержать свой удар. — Зачем вы здесь, граф?

— Должна же свершиться моя судьба, — ответил Рошфор, падая на одно колено. — Я три раза оправлялся от ударов вашей шпаги, но от четвертого уже не оправлюсь.

— Граф, — сказал д'Артаньян с волнением, — я не видел, что это вы. Мне будет тяжело, если вы умрете с чувством ненависти ко мне. Рошфор протянул д'Артаньяну руку.

Д'Артаньян взял ее. Граф хотел что-то сказать, но кровь хлынула у него горлом, по телу прошла последняя судорога, и он испустил дух.

— Назад, каналы! — крикнул д'Артаньян. — Ваш вожак умер. Вам нечего больше здесь делать.

Действительно, граф де Рошфор был душой этого возмущения; толпа, увидев его смерть, дрогнула и обратилась в беспорядочное бегство. Правая сторона королевского экипажа почти очистилась от нее. Д'Артаньян с двадцатью мушкетерами бросился в Петушиную улицу, и весь отряд смутьянов рассеялся как дым, рассыпавшись по площади Сен-Жермен-л'Оксеруа в направлении набережной.

Д'Артаньян направился к Портосу, чтобы в случае надобности помочь ему.

Но Портос столь же хорошо справился со своей задачей, очистив от толпы бунтовщиков левую сторону королевского экипажа, где уже отдернулась занавеска, которую Мазарини, менее воинственно настроенный, чем король, велел опустить.

Портос был задумчив и даже печален.

— У вас странный вид для человека, одержавшего победу, — сказал ему д'Артаньян.

— Да и вы, мне кажется, чем-то взволнованы, — ответил ему Портос.

— Мне есть от чего: я только что убил старого друга.

— Неужели! — сказал Портос. — Кого же?

— Бедного графа де Рошфора.

— Мне тоже пришлось убить человека, который мне показался знакомым. К несчастью, удар пришелся в голову, и кровь тотчас же залила ему лицо.

— И он ничего не сказал, падая?

— Нет, он сказал: «Ох».

— Понимаю, — сказал д'Артаньян, не в силах удержаться от смеха. — Если он больше ничего не сказал, то вы узнали не очень много.

— Ну что? — спросила королева.

— Ваше величество, — сказал д'Артаньян, — дорога свободна. Если вам угодно, мы можем продолжать наш путь.

Действительно, кортеж беспрепятственно проехал дальше до самого собора Богоматери, где он был встречен духовенством, с коадьютором во главе, приветствовавшим короля, королеву и министра, за благополучное возвращение которых он служил сегодня благодарственную мессу.

Во время мессы, почти перед самым концом ее, в собор вбежал запыхавшийся мальчик; быстро войдя в ризницу, он надел платье певче-

го и, протискавшись затем сквозь наполнявшую собор толпу, приблизился к Базену, который, в голубой рясе и с палочкой для зажигания свеч в руке, величественно стоял против швейцарца у входа, ведшего на хоры.

Почувствовав, что кто-то дергает его за рукав, Базен опустил глаза, благоговейно поднятые к нему, и узнал Фрике.

— Что такое? Как ты смеешь мешать мне при исполнении моих обязанностей? — спросил мальчугана Базен.

— Мальяр, податель святой воды на паперти святого Евстафия...

— Ну, что с ним?

— ...во время свалки на улице получил сабельный удар в голову, — ответил Фрике. — Его ударил вот этот гигант, который вон там стоит, видите, в золотом шитье.

— Да? Ну, в таком случае ему не поздоровилось, — сказал Базен.

— Он умирает и хотел бы перед смертью исповедаться у господина коадьютора, который, как говорят, может отпускать самые тяжкие грехи.

— И он воображает, что господин коадьютор беспокоит себя для него?

— Да, потому что господин коадьютор будто бы обещал ему это.

— А кто тебе это сказал?

— Сам Мальяр.

— Ты его видел?

— Конечно, я был там, когда он упал.

— А что ты там делал?

— Я кричал: «Долой Мазарини! Смерть кардиналу! На виселицу итальянца!» Ведь вы сами учили меня это кричать.

— Замолчи, обезьяна! — сказал Базен, с тревогой оглядываясь по сторонам.

— Бедняга Мальяр сказал мне: «Беги за коадьютором, Фрике, и, если ты приведешь его ко мне, я сделаю тебя своим наследником». Подумайте только, дядя Базен, наследником Мальяра, подателя святой воды с паперти святого Евстафия! Теперь моя будущность обеспечена! Но я готов и даром оказать ему услугу. Что вы скажете?

— Пойду передам это господину коадьютору, — сказал Базен.

И подойдя медленно и почтительно к прелату, он шепнул ему на ухо несколько слов, на которые тот ответил утвердительным кивком головы.

— Беги к раненому, — сказал Базен мальчику, — и скажи ему, что-бы он немного потерпел: монсеньер будет у него через час.

— Хорошо, — сказал Фрике, — теперь судьба моя обеспечена.

— Кстати, — сказал Базен, — куда отнесли его?

— В башню святого Иакова.

В восторге от успеха своего посольства Фрике, не снимая певческого костюма, в котором ему еще легче было пробираться сквозь толпу, поспешил к башне св. Иакова.

Как только месса кончилась, коадьютор, выполняя свое обещание и даже не сняв церковного облачения, отправился в старую башню, которую так хорошо знал. Он поспел вовремя. Хотя раненый с каж-

дой минутой становился все слабее и слабее, он был еще жив. Кoadьютору открыли дверь комнаты, где лежал умирающий.

Через несколько минут Фрике вышел оттуда, держа в руках тугой кожаный мешок; он тотчас же открыл его и, к своему великому удивлению, увидел, что он был набит золотом.

Нищий сдержал слово: он сделал его своим наследником.

— Ах, мать Наннета! — воскликнул Фрике, задыхаясь. — Ах, мать Наннета!

Больше он ничего не мог сказать. Но если у него не было сил говорить, то ноги сохранили всю свою силу. Он опрометью помчался по улицам и, как марафонский гонец, павший на афинской площади с лаврами в руках, вбежал в дом советника Бруселя и в изнеможении грохнулся на пол, рассыпая из мешка свои луидоры.

Мать Наннета сначала подобрала золотые монеты, потом подняла Фрике.

В это время королевский кортеж въезжал в Пале-Рояль.

— Господин д'Артаньян очень храбрый человек, матушка, — сказал молодой король.

— Да, мой сын. Он оказал большие услуги вашему отцу. Будьте с ним поласковой — он вам пригодится.

— Господин капитан, — сказал д'Артаньяну юный король, выходя из кареты, — королева поручила мне пригласить вас отобедать сегодня с нами, вместе с вашим другом, бароном дю Валлоном.

Это была великая честь для д'Артаньяна и Портоса. Последний был в восторге. Однако в продолжение всего обеда достойный дворянин казался сильно озабоченным.

— Что с вами, барон? — спросил д'Артаньян, спускаясь с ним по лестнице Пале-Рояля. — У вас был такой озабоченный вид за обедом.

— Я все вспоминал, где я видел того нищего, которого убил.

— И не можете вспомнить?

— Нет.

— Так подумайте об этом хорошенько, мой друг. Когда припомните, скажите мне. Хорошо?

— Еще бы! — отвечал Портос.

ЭПИЛОГ

Вернувшись домой, оба друга нашли письмо от Атоса, который назначил им на следующее утро свидание в гостинице «Карл Великий».

Они легли очень рано, но оба долго не могли заснуть.

Когда человек достигает своей заветной цели, успех всегда лишает его сна, по крайней мере, на первую ночь.

На другой день в назначенный час оба они отправились к Атосу. Они увидели графа и Арамиса одетыми по-дорожному.

— Вот как! — сказал Портос. — Значит, мы все уезжаем? Я тоже уже начал свои сборы.

— Ну, конечно! — сказал Арамис. — Раз Фронды больше нет, в Париже нечего делать. Госпожа де Лонгвиль пригласила меня погостить несколько дней в Нормандии и поручила мне на время крестин ее ребенка приготовить ей квартиру в Руане. Я еду исполнять это поручение; затем, если не будет ничего нового, вернусь в свой монастырь Нуази-ле-Сек.

— А я, — сказал Атос, — возвращаюсь в Бражелон. Вам известно, мой дорогой д'Артаньян, что я теперь лишь добрый и честный сельский житель. У бедняжки Рауля нет другого состояния, кроме моего. Как приемный отец, я должен позаботиться о его имуществе.

— А что вы сделаете с Раулем?

— Я оставлю его вам, мой друг. Во Франции скоро будет война, и вы возьмете его с собой. Я боюсь, как бы пребывание в Блуа не сбilo его с толку. Возьмите его с собой и научите быть таким же храбрым и честным, как вы сами.

— А я, — сказал д'Артаньян, — раз уж лишаюсь вас, то, по крайней мере, постоянно буду видеть его милое лицо, и хотя он еще дитя, но, так как вся душа ваша вложена в него, дорогой Атос, мне будет казаться, что вы со мной, что вы помогаете мне и ободряете меня.

И четыре друга обнялись со слезами на глазах.

Затем они расстались, не зная, свидятся ли когда-нибудь еще. Д'Артаньян вернулся вместе с Портосом на Тиктонскую улицу. Портоса по-прежнему все мучил вопрос, кто был человек, которого он убил. Подойдя к гостинице «Козочка», они увидели, что карета барона уже готова и Мушкетон сидит на лошади.

— Послушайте, д'Артаньян, — сказал Портос, — бросьте службу и поедemте со мной в Пьерфон, Брасье или Валлон. Мы состаримся вместе, вспоминая наших друзей.

— Нет,— сказал д'Артаньян.— Скоро начнется война, и я должен участвовать в ней. Я надеюсь еще чего-нибудь добиться.

— Чем же вы хотите быть?

— Маршалом Франции, черт возьми!

— Ах! — воскликнул Портос, так до конца и не свыкнувшийся с гасконской хвастливостью своего друга.

— Поедемте со мной, Портос. Я сделаю вас герцогом.

— Нет,— сказал Портос.— Мустон больше не хочет воевать. Кроме того, мне приготовлена дома торжественная встреча, чтобы соседи лопнули с досады.

— На это я не могу ничего возразить,— сказал д'Артаньян, знавший тщеславие новоиспеченного барона.— Итак, до свиданья, мой друг.

— До свиданья, милый капитан,— сказал Портос.— Вы знаете, что вы всегда будете желанным гостем в моем замке.

— Да,— сказал д'Артаньян.— После похода я приеду к вам.

— Карета господина барона подана,— сказал Мушкетон.

Оба друга расстались, крепко пожав друг другу руку. Д'Артаньян, стоя на пороге гостиницы, с грустью смотрел вслед удалявшемуся Портосу.

Но тот, не отойдя и на двадцать шагов, вдруг остановился, ударил себя по лбу и вернулся назад.

— Вспомнил,— заявил он.

— Что такое? — спросил д'Артаньян.

— Кто был нищий, которого я убил.

— В самом деле? Кто же это был?

— Каналья Бонасье!

И Портос, в восторге от того, что наконец отделался от заботы, быстро догнал Мушкетона и скрылся с ним за поворотом улицы.

Д'Артаньян с минуту стоял неподвижно, глубоко задумавшись, потом, оглянувшись, увидел прекрасную Мадлен, которая, стоя на пороге гостиницы, смотрела на него, не зная как держать себя с ним после его блистательного повышения в чине.

— Мадлен,— сказал ей гасконец,— отведите мне комнату в бельэтаже: как-никак я теперь капитан мушкетеров. Но сохраните за мной все же комнатку в шестом этаже: никогда не знаешь, что может случиться.